ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК
ДМИТРИЙ СТАРИЦКИЙ
ГОРЕЦ.
ОРУЖЕЙНЫЙ БАРОН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Если по воле рока ты оказался в чужом мире, будь осторожен, ибо разницу менталитетов никто не отменял. Другой мир — это даже хуже, чем эмиграция. Но что не убивает тебя, то делает сильнее. Послезнание развития техники становится не только благом, но и проклятием, привлекая внимание сильных мира того. И еще на ногах веригами повисла любимая жена с грудным ребенком. А вокруг война, которую историки потом назовут мировой. Поняв, что прогресс возможен только на основе реально существующих технологий и имеющейся квалификации туземных специалистов, Савва Кобчик не только патентует вещи «из будущего», но и окружает себя энтузиастами, которых достаточно «опылять» проверенными временем идеями и уводить от тупиковых решений — остальное они сделают сами. За создание первого в этом мире пулемета на автоматическом принципе Савва становится бароном, но никак не своим среди местной аристократии, для которой он выскочка, парвеню и нувориш. А влетев с самое кубло политических интриг, находит свое спасение только на фронте, на самой передовой. В сконструированном самим же бронепоезде.

- Дмитрий Старицкий
  -
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19

- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22

Дмитрий Старицкий
Горец. Оружейный барон

1

Царский дирижабль особо ждать себя не заставил, и мы прекрасно наблюдали в бинокль пузырь цвета медицинской клеенки, когда он пересекал линию фронта над рекой. Больше похожий на аэростат заграждения времен второй мировой войны, чем на цеппелин. Только весь замотанный вантовой сеткой сплетенной из канатов, к которой прицеплена на канатах же небольшая остекленная только в передней части гондола, висящая точно по центру корпуса. В хвосте гондолы вертелся пропеллер большого диаметра. Объем баллона был раза в три меньше нашего корпуса. На баллоне красовалась большая черная надпись архаическим шрифтом 'Куявия'

Скорость врага была намного ниже нашей и через полчаса мы его практически настигли. Между нами было не больше километра.

Я взялся за руки крупнокалиберного пулемета.

— Ну, заяц, погоди! — осклабился.

— Погоди сам, Савва, — остановил меня Плотто. — Путь он углубится в нашу территорию, а то даже продырявленный он на остатках подъемной силы утекающего газа обратно за реку уйти может. Желательно его уронить у нас. Чтобы даже сомнений ни у кого не было, что это мы его сбили.

Командор отдал ряд приказов и 'Черный дракон' пошел на сближение с царским дирижаблем, оттесняя его от реки в сторону железной дороги.

— Вит, как это тебе удалось его так точно вычислить? — удивился я.

— Никак. Время его полетов добыла зафронтовая разведка Моласа. Они тут по расписанию летают, которое утверждается в их Ставке. У царцев оказывается бюрократия еще похлеще, чем у нас.

А я подумал, что как-то не особо сталкивался я с проявлениями бюрократии в Ольмюцком королевстве. Или это только мне так везло?

Часа полтора мы преследовали розовый дирижабль царцев, сблизившись где-то на семьсот метров, если считать по — прямой не доходя пяток километров до наших траншей у Щетинпорта, которые надо думать и были целью разведрейда 'Куявии'.

— Давай, — разрешил мне командор.

— Далеко, — ответил я. — Метров на пятьсот подойдем.

— не попадете в такую большую цель?

— Попасть-то попадем, а вот пробьем ли? Вопрос.

Молодой матросик, который помогал мне стрелять в прошлый раз по пароходу, в этом эпизоде изначально играл роль стрелка из ручного пулемета- застрельщика.

Он и начал когда мы сблизились на полкилометра. От гондолы вражеского дирижабля только стекла полетели.

— Дурында, по баллону стреляй, — одернул я его, когда он менял на пулемете диск. — Нам надо не царских летчиков убить, а чтобы дирижабль упал.

— Не проще ли сразу зажигательными влепить, — подал голос из-за моей спины Плотто.

— Не проще, — ответил я. — Газ в баллонете не загорится. Гореть может только смесь воздуха с газом. Вот он, — кивнул я на матроса, — сейчас навертит мелких дырок, подождем немного, когда внутри оболочки газ из баллонетов смешается с воздухом. И только в путь.

Царский дирижабль разворачивался и нацелился уйти в сторону устья реки.

— Давай, мальчик, три диска подряд. Стакатто.

После каждого отстрелянного диска я щупал рукой кожух охладителя ручного пулемета, но особого нагрева не ощутил. Холодный ветер прекрасно работал теплообменником.

В мощный бинокль заметно как пули колют наросший лед на сетке царского дирижабля. И я забеспокоился, что как бы наша легкая шестимиллиметровая пулька ручного пулемета не оказалась слишком маломощной для такой природной брони.

Вражеский летательный аппарат уходил ниже, прикрывая баллоном гондолу от пуль.

Я в этот раз стрелял из 'Гочказа — А' со снятым радиатором. Позиция была идеальной. Вниз и вбок. Как на компьютерной пошаговой стрелялке.

— Температура за бортом минус четырнадцать, — пробасил боцман.

'Да плевать мне какая температура за бортом. У нас в гондоле не выше', — подумал я, нажимая на гашетку.

Всего отстрелял я четыре кассеты, когда баллон царского дирижабля ярко вспыхнул.

— Они что, на водороде летают? — спросил я ошарашено.

— А ты не знал? — ответил мне вопросом на вопрос командор.

— Нет. А на чем тогда у них машина работает?

— Как и у нас на светильном газу. Просто отдельный баллонет для него.

Гондола вражеских летунов оборвалась на тлеющих канатах, а дирижабль растеряв половину сгоревшей оболочки и все

баллонеты с газом падал на землю. Не так быстро как, казалось бы, должен был падать. Самолеты грохаются сильнее.

Из гондолы вывалились четыре черные фигурки и полетели отвесно к земле намного быстрее падающего по глиссаде горящего дирижабля.

— Из двух смертей выбирают ту, которая легче, — философски заметил матрос — пулеметчик и спросил меня. — Срезать их?

— Незачем. Сами разобьются, — ответил я.

Но тут одна за другой фигурки расцветали белыми бутонами и через несколько секунд четыре круглых парашюта замедлили полет наших врагов.

— Ай, молодца, — восхитился я изобретательности царских инженеров. — Ну, это ж надо же…

* * *

Что и требовалось доказать вражеский дирижабль упал на нашей территории. Точнее упало то, что от него осталось. Немногое. Главное уцелела гондола — основные трофеи в ней.

Нам сверху прекрасно видно, как настегивая лошадей, с трех сторон к месту крушения воздушного судна несутся на полном скаку наши кавалеристы.

И наши и вражеские траншеи ожили, солдаты вылезли на брустверы и приветствовали нас бросанием в воздух головных уборов. Благодарили за незабываемое зрелище.

Но нашим радоваться победе по уставу положено, а вот глядя на ликующих островитян, мне подумалось, что Щетинпорт они по итогам войны — если удержат город за собой — царцам не отдадут. Такой торговый форпост на континенте им и самим нужен. Золотая миля торгового тракта как-никак. Может даже и не будут включать его непосредственно в свое Соединенное королевство, а создадут послушный 'гордый и независимый' лимитроф, типа наших прибалтик. А что? Этакое порто — франко. И торговый транзит под контролем, и оффшор для желающих укрыть наворованное, и простор контрабанды, а также свора шавок на прикорме с одинаковой силой гавкающих как на нас, так и на царцев — на кого хозяева натравят… И конечно же отстойник для всякой масти диссидентов и террористов с континента, которых у себя дома держать не комильфо. Я уже не говорю о том, что редко кто удержался бы от того, чтобы не поставить здесь мощный разведцентр. Очень удобное место.

Погода внезапно испортилась. Набежали густые облака.

Пошел мокрый снег, который моментально смерзался на оболочке 'Черного орла'. Плотто был оптимистичен, заявляя, что от бомбового груза мы избавились, так что перетяжеление конструкции нам не грозит. Однако по его озабоченному взгляду я понял, что что-то идет не так.

Дирижабль все норовил клюнуть носом и на вертикальном штурвале стояли уже стразу два матроса — одному было не вытянуть рули. Сил не хватало.

Снегопад быстро кончился, но его смерзшаяся корка так и осталась на оболочке корпуса.

— Снижаемся, — недовольно приказал командор.

Я так понял, что это было у него вынужденно решение, дирижабль и так тянуло вниз и он терял высоту сам. Без приказов.

— Вынужденная посадка? — спросил я.

— Да. Вот думаю куда приткнуться.

— Впереди разъезд, — показал я на карте. — Там большие поля и телеграф. И там штаб генерала Аршфорта. Так что горячий ужин и теплый прием гарантирую. Как и то, что нас выпнут оттуда в Будвиц с первой же оказией. По крайней мере, меня.

— Лучше бы наоборот, прислали бы с города моих матросов из аэродромной команды, которые давно научились счищать лед с корпуса, — проворчал Плотто..

— Главное, Вит, что там есть телеграф, по которому обо всем можно договориться.

— Решено. Идем на вынужденную посадку у разъезда, — принял решение командор и пошел по гондоле раздавать указания.

При подходе к разъезду, на который мы плыли в небесах, ориентируясь по 'компасу Кагановича' то есть в пределах видимости железной дороги, услышали сильный грохот с кормы воздушного судна.

Вернувшийся из задней гондолы боцман пробасил.

— Господин командор, с лопастей пропеллеров срываются просто глыбы льда и бьют по обшивке корпуса. Шпангоуты погнуты.

— Как ведет себя оболочка, боцман?

— Пока держится, господин командор. Но что будет дальше, я не поручусь.

— Спускаемся, — приказал Плотто. — Как можно положе держать глиссаду. А то нос тяжелый стал. Боцман. Пошли людей заделывать пробоины в оболочке баллона.

— Есть, господин командор, — валенки боцмана мелькнули в верхнем люке гондолы.

За боцманом скрылись в чреве 'Черного дракона' матросы подвахтерной смены.

Но через десять минут одного матроса принесли обратно с тяжелой раной головы. Крупные куски льда на пропеллере кончились и он отстреливался по оболочке мелкими ледяными 'пулями' которые пробивали не только внешнюю обшивку дирижабля но и оболочку кормовых баллонетов, один из которых питал паровую машину. Матросу такая ледяная 'пуля' пробила толстую меховую шапку на вате и сильно разбила голову.

Матросу оказали первую помощь и уложили около фотоаппарата на пол гондолы. Сознание оставило бедолагу.

Машину застопорили.

Дирижабль вяло несло ветром в сторону реки с тенденцией к потере высоты.

— Вит, этак нас к царцам занесет, — напророчил я.

— Не успеет, — огрызнулся командор и приказал — Стравить газ с верхних клапанов.

— Не получается, господин командор, — ответил отвечающий за них унтер. — Смерзлись. Я поглядел в окно. До земли оставалось не больше ста метров. Впрочем, вполне достаточно, чтобы убиться насмерть.

— Боцман, кто у нас полегче сложением будет? — спросил командор.

— Гардемарин Кунце, — ответил человек — гора.

— Дай ему нож пусть поднимется по шпангоутам и вырежет клапана изнутри. Напрочь вырежет. Не жалея.

— Есть. Кунце на выход.

Действительно мелкий воздухоплаватель отозвался. Получив от боцмана большую складную наваху (плодятся — смотрю — мои образцы) быстро скрылся в потолочном люке, почти не касаясь вертикальной лестницы. Он был легок и ловок как ящерица этот Кунце.

— Избыток подъемной силы? — спросил я Плотто.

— Он самый. Надо лишний газ стравить и сесть нормально. У нас нос перетяжелен, а корма из-за пробоин газ травит и задирается, облегчаясь. Видишь, уже два матроса еле тросы рулей сдерживают.

— Боцмана на штурвал поставь.

— Дойдет и до него.

По курсу показался разъезд, что одновременно дымил трубами домов и паровозов. Заснеженные поля перед ним и лесополоса вдоль рельсового пути в шапках снегов на кронах деревьев.

Мы по — прежнему теряли высоту.

Минут через пять после того как матрос поднялся внутрь баллона, дирижабль вдруг неожиданно просел, а затем настолько резко клюнул носом вниз что все полетели с ног на пол гондолы. Я только по своему крестьянскому счастью в сантиметрах разминулся виском с рукоятками управления огнем крупнокалиберного 'гочкиза', но это не спасло меня от сильного удара бедром о тумбу бомбового прицела, когда я катился по стреляным гильзам как по роликам по палубе гондолы.

Я упал. Да еще кто-то сверху на меня упал, загородив весь обзор.

Раздался громкий треск раздираемой плотной ткани. Визг скручиваемых дюралевых ферм. Звонкие звуки похожие на лопающиеся струны. Потом глухой удар, который к моему удивлению не отразился на гондоле. И характерный звон бьющегося стекла.

Потом все остановилось, и вокруг повисла тишина, нарушаемая только разного рода скрипами.

— Все живы? — раздался голос ненаблюдаемого мною гардемарина, которого посылали вырезать клапана.

— А сам-то хоть живой? — пробасил боцман, добавляя флотские матерные загогулины.

— А чем мне? Меня баллонетами сдавило, и тем спасся, — отозвался Кунце.

— Чего там у нас плохого? — раздался сдавленный голос Плотто.

— Да все, господин командор, — ответил ему боцман. — Налицо кораблекрушение.

С меня сняли мертвое тело летчика — наблюдателя, лейтенанта с которым меня познакомили только в этот полет. Тот насмерть приложился головой о прицел.

Открылся простор для зрения, в котором показалась голова боцмана, который успел стащить со своего лица кротовую маску.

— Да живой я, живой, — прокашлялся я, когда боцман начал меня тормошить. — Только нога болит.

— Остаться всем на своих местах пока мы не приготовим спасательные средства. Палуба косая, учтите, — распоряжался боцман.

Раздался дробный стук в переборку и внутрь ворвался ветер стой стороны, откуда его не ждали.

— Доклад по постам, — приказал командор, которому наскоро перевязали ссадину на лбу и снова напялили кротовую маску.

— Переговорные трубы сломаны, — кто-то ему ответил. Кто я не видел.

Когда меня самого подняли на ноги в гондоле почти никого не оставалось. На удивление, несмотря на сильную боль в бедре на ногу я наступать мог. Не перелом… и то хлеб.

— Собрать всю документацию, — рычал Плотто. Экипажу покинуть судно. Быстро, быстро, а то и сгореть можем заживо.

Я встал, опираясь на прицел. Окутанный кожаным демпфером его торчащий сверху окуляр был разбит. Хорошая такая трещина через всю лупу.

Два матроса что-то кидали в дверь гондолы за борт.

Плотто в мешок навалом собирал бумаги и карты.

Раненого льдом бессознательного матроса подтащили к двери, опутали веревкой и стали потихоньку опускать как мумию. Потом немного выждав, матросы по одному попрыгали сами за борт. 'Солдатиком', как в воду с вышки.

Остались в гондоле только я и Плотто.

— Савва, давай за борт, — приказал командор.

— А ты?

— Командир покидает военное судно последним, — назидательно ответил он мне, завязывая горловину мешка. — Быстро!

С трудом доковыляв по скошенной палубе до выдранной двери гондолы. Я выглянул наружу. Внизу в метрах четырех матросы растянули брезент как пожарные. Выдранная дюралевая дверь от гондолы валялась в стороне.

— Прыгайте, господин лейтенант, — крикнул мне боцман, увидев мою рожу в дверном проеме. — Не бойтесь. Поймаем в лучшем аккурате.

— Сейчас, — ответил я и, немного подвинувшись по борту, стал отвинчивать 'барашки' хомута на 'Гочкизе — Р'.

— Да брось ты свои пулеметы, — прикрикнул на меня командор. — Прыгай!

— Они секретные, — огрызнулся я. — Опытные образцы.

— Тут все секретное, Савва. Прицел, киноаппарат, штурвалы, система перепропуска клапанов, система управления рулями, наконец… Матросы встанут в охранение. Чужих не пустят.

— Вот я им для охраны пулемет и кину, — убежденно ответил я, сдирая с борта брезентовую сумку с заряженными дисками.

— Быстрее шевели задницей, если жить хочешь, — подталкивал меня Плотто, волоча свой мешок к двери

Я по очереди кинул на брезент пулемет и диски по одному, чтоб не помялись в тесноте сумки. Потом и саму сумку. И вдогонку еще несколько пистолетов Гоча которые висели закрепленные по бортам у двери в деревянных кобурах.

Крупнокалиберные машинки трогать не стал — там и возни много, да и тяжелые они слишком.

Матросы все быстро смели с ткани и призывно махали руками, чтобы я прыгал.

Я и прыгнул, но не 'солдатиком' как матросы, а оберегая ушибленную ногу, махнул за борт 'бомбочкой'.

Приняли меня мягко на хорошо натянутый брезент. Как на батут. И тут же скатили в сторону, так как на меня уже сверху летел секретный мешок командора.

А затем и сам командор.

Первым делом Плотто оказавшись на земле, спросил.

— Аварийный запас кто-нибудь взял?

Ответом ему было молчание.

— Я так и знал, — витиевато выругался командор и добавил. — А теперь все в лес и подальше от дирижабля, тараканы беременные.

Идти по сугробам было трудно. Снежный покров иной раз доставал по пояс.

Но Плотто был непреклонен и остановил экипаж только в метрах за сто от сокрушенного воздушного судна. От возможных обломков дирижабля, если тот надумает взорваться, нас закрывали большие деревья, чем-то смахивающие на земную акацию только толще стволом и намного выше. И ветки росли у них оригинально — нижние горизонтально земле, а чем ближе к вершине, тем сильнее они задирались в небо.

На одну такую акацию и нанизался нос дирижабля. Выходит нас спасло простое дерево.

Побросав поклажу, все попадали на снег там, где застала их команда на остановку. Тяжело дыша, матерясь. Истосковавшиеся в долгом полете по табаку курящие тут же достали трубки с кисетами и жадно закурили, прокашливаясь.

— Осмотреться в отсеках, — рыкнул боцман.

— Нет команды кормовой гондолы, — был ему ответ боцманмата. — Остальные все тут, включая раненых. Убитого лейтенанта оставили на месте крушения.

Дирижабль носом врезался в кроны деревьев лесополосы, как жук на булавку. Ближе к хвосту его корпус переломился в хребте, и кормовая гондола со сломанными пропеллерами лежала на земле, зарывшись в глубокий снег. Ветер трепал сломанные рули. Соединял обе половинки воздушного корабля пустой бомбовый отсек, с которого содрало обшивку. Она свисала, вяло трепыхаясь на ветру как спущенный флаг пораженной армии.

— Надо на будущее в аварийный запас лыжи брать, — хозяйственно пробасил боцман, который весь наш короткий

анабазис шел впереди, утаптывая снег и раздвигая сугробы.

— Молчи уже, — хмыкнул Плотто. — Кто тот, что был запасец, профукал?

— Виноват, господин капитан — командор, — поднялся боцман на ноги.

— Виноватых бьют, — в ответ рявкнул на него командующий воздушными силами восточного фронта, сдирая с лица надоевшую кротовую маску.

2

Хорошая баня и прекрасный коньяк после нее, о чем можно еще мечтать? Тем более что коньяка было много. Выдержанного. Трофейного (но скорее контрабандного). Республиканского. На всех хватило.

Воздухоплаватели отдаривались офицерам из службы второго квартирмейстера армии 'летной халвой' и швицким шоколадом из 'подъемного' пайка.

Штабные офицеры парились вместе с нами на правах хозяев, ненавязчиво задавая довольно скользкие вопросы.

Хорошую баню построил на разъезде для своих штабных генерал Аршфорт. Настоящую. С правильной печкой, дающей ровный сухой пар. И среди штабных не оказалась мудака, который всегда находится в общественных банях и 'делает пар', плеская шайками воду на печь, отчего только влажность в парной повышается и больше ничего хорошего.

Просторный предбанник какие-то умельцы из рядовых искусной резьбой изукрасили. Как обмолвились, они тут кочегарами при бане служат.

Даже подавальщицами служили здесь не денщики, а местные красавицы в национальных огемских платьях на рубашку с вышивкой, с пестрыми домотканными поясами. С лентами в косах. Впрочем, никаких особых признаков, что это штабные шлюхи я не заметил. В ресторанах Будвица офицеры с женщинами — официантками обращались намного развязней.

Замотанная большими простынями наша компания напоминала мне сходняк римских патрициев, сговаривающихся укокошить Цезаря. Но только внешне. На самом деле мы весело праздновали уничтожение вражеского дирижабля, что все в округе видели и наш второй день рождения. О потопленном пароходе как-то забылось. О чем не говорили, так это о будущих наградах — чтоб не сглазить. Можно было по — настоящему расслабиться.

Место крушения 'Черного дракона' армейцы взяли под охрану и оборону.

Раненых отправили в армейский госпиталь, погибших в ледник (кроме лейтенанта — наблюдателя еще в кормовой гондоле погибли все механики во главе с мичманом).

С царского дирижабля трофейная команда под личным надзором второго квартирмейстера армии сняла все, что можно было снять, и весь хабар лежал у него в сарае, ждал разбора.

Парашютистов отловили на замерзших болотах драгуны и

зачем-то сильно их избили. Да так что они теперь тоже лежат в армейском госпитале не способные к допросу. Парашютов нашли только три. Ну, да… так я и поверил. Тем более что царские парашюты делались из качественного колониального шелка.

Погибших царских воздухоплавателей не было. Это очень удивило Плотто, что в дирижабле такой маленький экипаж.

Командарм Аршфорт хоть и страдал от любопытства, но для начала приказал нас, как следует попарить в баньке, накормить, спать уложить. Да и врачам показать. Там же в бане, не таская нас в госпиталь.

На бедре у меня оказался всего лишь сильный ушиб и большая гематома. Фельдшер после бани примотал к ней тряпку, смоченную в сильно пахнущей жидкости, и сказал, что 'до свадьбы заживет'. За что он в рыло у меня схлопотал, еле оттащили. Я уже был под достаточным градусом и обвинил лепилу, что тот желает моей жене смерти.

Одели меня, отвели под белы рученьки в чей-то дом и уложили спать на пуховую перину. Я сразу заснул и мне ничего не приснилось.

* * *

Проснулся я около полудня со свежей головой и хорошим настроением. Как будто и не пил вчера. Мысленно поблагодарил окружающих за такую заботу. Как и за стакан капустного рассола на прикроватной тумбочке.

Меховой комбинезон исчез, и вместо него на соседней кровати лежала простая солдатская шинель. Новенькая. Никаких надписей о чьей-то принадлежности на подкладке не было. Под шинелью лежала такая же новая теплая шапка с кожаным козырьком. Мундир кем-то вычищен. Валенки мне оставили летные. Ну как валенки… Не русские конечно целиком катаные, а сапоги, шитые из войлока. Была бы резиновая подошва на них, то можно было бы назвать их модным словом угги.

Чей-то денщик принес мне горячей воды, мыло помазок и бритву. Маленькое зеркальце было вмазано в стенку печки. Он же и пояснил мне, пока я брился, что шинель и шапку мне прислал первый квартирмейстер армии, а комбинезон мой забрал очень большой воздухоплаватель.

'Боцман' — подумал я. Кто еще там очень большой?

— Какие новости? — намочив полотенце в горячей воде и использовав его в качестве компресса, спросил я его.

— Генерал Молас прибыл из Будвица и сразу на санках

поехал туда, где упал царский дирижабль. А так все как было.

Как было, я не знал, но переспрашивать не стал.

Проверил карманы — ничего не пропало. Все на месте. И деньги и ордена. Форма на мне была рецкая, грязно — горчичная, а не полевой камень, как в ольмюцкой армии. Из всех наград — на шее Рыцарский крест, лента Креста военных заслуг в петлице, Солдатский крест и золотой знак за ранение пришпиленные на булавках к левому карману один над другим, а знаки броневого и воздухоплавательного отрядов рядочком на правом кармане, прикрученные к нему винтами. Полевые капитанские погончики. Красавец весь из себя. Скромный герой.

Еще над левым карманом у меня горизонтальные дубовые листья веточками в бронзе и в центре вместо медальона череп с кинжалом в зубах в серебре — рецкий знак за пять штурмовых атак, их всей нашей роте Ремидий выдал. Кому в бронзе, кому в серебре, а пятерым так и в золоте — за пятнадцать штурмовок.

Вообще я считаю, что такие знаки даже почетнее орденов, потому как сразу видно кто есть кто. Ранее в Реции я видел только знак за рукопашный бой и знак 'Снежный барс' за бой в вечных ледниках на вершинах гор. Их даже на гражданских костюмах носят отставники. А 'Снежному барсу' по традиции во всех сидериях первая кружка бесплатно. Очень уважаемые в обществе горцев эти знаки. Круче орденов.

Денщик помог мне одеться и сопроводил в офицерскую столовую, где вчерашние банные девчонки работали официантками. Накормили меня там драниками со сметаной, булкой с маслом и сыром и кофе с молоком налили бочкового. Впрочем, вкусного.

Но насладиться легким флиртом с подавальщицами мне не дали. Приехал Молас и вызвал меня к себе. У дома, где прописался Молас стоял парный вооруженный пост ольмюцких кирасир, перекрывая путь к крыльцу.

Меня остановили окриком на расстоянии и приказали опознаться.

— Лейтенант воздушного флота Кобчик по приказанию его превосходительства генерала Моласа, — ответил я по уставу.

Один часовой вошел в избу, второй остался на месте, держа в руках укороченную винтовку Шпрока. Причем зримо видно, что дернись я, он тут же пустит свое оружие в ход. Не раздумывая.

Первый часовой вернулся и провел меня через большую комнату, в которой на многочисленных столах офицеры разведки сортировали и раскладывали вещи с горелого дирижабля царцев, в маленькую каморку за печкой, где Моласу достался его импровизированный кабинет. Там уже у колченогого

генеральского стола сидел Плотто. И в уголочке примостился ефрейтор — стенографист, старательно прикидывающийся ветошью.

— Раздевайся, Савва, и присаживайся к нам, — предложил мне генерал. — Разговор у нас долгий. Тебя покормили?

— Благодарю, ваше превосходительство. Покормили и сытно, — я не стал отказываться от предложенного стула.

Плотто поздоровался со мной не вербально, просто кивнул.

— Позвольте поблагодарить вас, экселенц, за предоставленную точную информацию о расписании полетов царских дирижаблей. Я в восхищении от ваших агентов, — и коротко кивнул в подтверждение.

— Пустое, Кобчик, — поскромничал генерал. — Как любил повторять мой отец 'Иной мерзавец потому и ценен, что он мерзавец'. Тем и пользуемся. Но я не для этого вас собрал…

Молас сделал паузу, пососал вхолостую трубку, но набивать ее табаком, а тем более прикуривать ее не стал. Каморка маленькая, если в ней еще курить — все задохнемся.

— Мы тут до тебя с командором обсудили ситуацию и вот к чему пришли, — генерал делал в своей речи небольшие паузы, чтобы стенографист успевал все зафиксировать. — Соленые острова перешли к тактике проводки конвоев с вооруженной охраной. Это конечно нашему флоту Северного моря плюс, но для перехвата таких целей требуется выделять большие силы, это минус. Конвои в последнее время позволили нарастить вражескую группировку в Щеттинпорте так, что царские войска там оказались в меньшинстве. Соответственно общее командование перешло в руки вице — маршала Трамперила. Присланный от царя бригадный генерал Зрадски стал его заместителем по 'туземным войскам', вместо того чтобы возглавить всю оборону. Соответственно отношения между ними желают оставлять лучшего.

Молас саркастический ухмыльнулся.

— Но стоит отметить, что вашими вчерашними стараниями Трамперил лишился разом двух батальонов фузилёров из крайнего подкрепления и всех снарядов для тяжелой артиллерии, что они навозили за последние два месяца. Их шестидюймовые гаубицы и мортиры будут молчать до следующего конвоя. Так что, господин командор, с вас наградные листы на отличившихся, — генерал кивнул в сторону Плотто. — Они уйдут на утверждение в имперскую ставку по моей линии. Без обычных проволочек.

— Посмертные награждения будут? — только и спросил командующий ВВС восточного фронта.

— Кому-то нужна орденская пенсия для родственников? — переспросил Молас.

Плотто кивнул подтверждение.

— Вы лучше меня знаете, экселенц, что кресты дают не там где совершаются подвиги, а там где их раздают.

— Будут, — заверил генерал. — То, что герой погиб при крушении воздушного судна после совершения им подвига не умаляет самого подвига. Много у тебя таких?

— Двое, — ответил Плотто. — У лейтенанта мать — старушка. У мичмана двое маленьких детей осталось.

— Подавай. Я подпишу. Имперская казна от двух дополнительных пенсий не обеднеет, — Молас снова взялся сосать мундштук своей трубки. Видно ему давно хочется курить. — Но вернемся к разведке. При проводке конвоев старая тактика патрульного барража открытого моря силами одного — двух скоростных миноносцев устарела. Требуется выводить в море более сильные группы. А это затраты. И чтобы не гонять их впустую на воздушную разведку ложиться особая миссия. Находить конвои в море и наводить на них ударные группы наших кораблей. Адмирал северного моря особо настаивает на этом. Все дело в том, что его мелкие аэростаты не могут висеть в воздухе подолгу в отличие от больших дирижаблей. А привязные воздушные шары на крейсерах имеют очень ограниченный горизонт наблюдения равный длине троса. Корректировать стрельбу они могут, а вот вести дальнюю разведку нет.

— Все упирается в передачу сведений, экселенц, — возразил Плотто. — Над сушей я могу хотя бы вымпел сбросить, а на море? Даже если сброшу, то как они его найдут в волнах?

— Можете поставить у себя ратьер. — предложил генерал.

— Не могу, — возразил командор. — Они работают на карбиде, а на воздушном судне противопоказан не только открытый огонь, пусть даже и за стеклом, но даже малейшая искра. Пока не появится дистанционный беспроволочный телеграф все это пустые мечтания. Второе, крайне необходима служба погоды. Точнее предсказания погоды. Иначе будем биться как вчера, а дирижабль стоит половину миллиона. Новые аппараты и того дороже. Да и людские жизни нам не лишние. Терять их… вот так.

Капитан — командор откинулся на спинку стула и несколько раз с шумом выдохнул носом. Чувствовалось, что Плотто очень переживает за смерть своих людей.

— Но и без воздушной разведки мы не можем обойтись, — мрачно выдохнул Молас.

— У северного флота есть своя воздушная эскадра, — заявил

командор. — Пусть экспериментируют с ней. У меня нарезана своя делянка. Щеттинпорт в нее входит, а открытое море нет. Тем более что островитяне обнаглели настолько, что стали вооружать торговые корабли. Не меняя флага на военно — морской.

— Ну, вы тоже вчера по безоружным царцам отдуплились от души. Они, между прочим, находятся в полном возмущении от такого пиратского налета, — усмехнулся генерал.

— Кстати, ваше превосходительство, а за что драгуны вчера избили царских воздухоплавателей? Причем сильно избили до полусмерти, — вставил я свои пять копеек.

В ответ Молас выдвинул ящик стола и выложил на стол оперенную железку длиной сантиметров сорок. В самом начале она имела острие, затем плавное утолщение и снова источалась до стабилизаторов.

— Вот за это. Царцы повадили скидывать рой таких стрел на скопление нашей кавалерии. Пробивает всадника с конем насквозь. Теперь понятно? Пусть будут счастливы, что их драгуны вообще в живых оставили.

— Ваше превосходительство, — вдруг завелся Плотто. — Задача таких больших воздушных кораблей как покойный 'Черный дракон' дальние рейды, а не фронтовая разведка. Разведкой окопов можно заниматься и на более дешевых аппаратах.

— Вы сами лучше меня знаете, капитан — командор, о запрете императора бомбить вражеские столицы, — возразил генерал.

— Но можно и другую цель найти, — встрял я в разговор больших начальников. — К примеру, главная база флота на Соленых островах. Это же не столица.

— Горючего не хватит вернуться, — тут же ответил Плотто, удивленно переглянувшись с Моласом.

— А если по дороге заранее поставить танкер — газовоз во закрытом фьорде где-нибудь в северной Скании? Под нейтральным флагом. Дозаправиться да налететь сразу десятком аппаратов, пока эффект внезапности в наших руках. И расколошматить все сухие доки, в которых они ремонтируют броненосцы. И броненосцам этим настанет окончательная хана и другие ремонтировать еще очень долго будет негде. Как? Только вот пора прекратить дурацкую экономию и делать специальные бомбы для дирижаблей. Переделка старых снарядов дурное дело — проще их переплавить.

— Кобчик как всегда полон идей, — ехидно заявил генерал. — А деньги где брать на их реализацию?

— Так переделка старых снарядов дороже обходится,

экселенц, — возмутился я. — Просто считать затраты у наших интендантов не принято.

— Да… согласен, — поддержал меня Плотто. — И летят они криво. Целься — не целься. Потому как при нынешней технологии переделки стабилизаторы получаются хоть немного да разными.

— К тому же воздушная бомба это не снаряд пушечный, в нее вместо экразита можно совать любую взрывчатку. Хоть горнопроходческую. Ей предельные нагрузки в стволе не испытывать. Соответственно из одного снаряда я сделаю две бомбы. Чисто по металлу. И взрывчатки больше положу, — наступал я на главного разведчика нашего фронта. — И тот же экразит, если на то пошло, изолировать будет легче и безопасней, чем в старом снаряде.

— Ну, вы даете? — развел руками Молас. — Вы же сами такой передельный воздушный снаряд придумали. Или нет? Я не ошибаюсь?

— Вы еще меня поясом для женских чулок попрекните, — съязвил я.

— А что, уже попрекали? — поднял бровь Плотто.

— Даже в печати.

Мы и не заметили, как перешли на крик. Все трое.

В кабинет с ошарашенными глазами заглянула голова адъютанта Моласа.

— Брысь, — рявкнул на него генерал, но голос после этого понизил. — Так… Все, господа офицеры… Пошумели и будет. Плотто, вы свободны. А ты, Савва, задержись на немного, дело есть.

Командор встал, пожал протянутую генеральскую ладонь, кивнул мне, забрал с вешалки шинель и вышел.

Вместе с ним исчез и стенографист.

Я остался один на один со вторым квартирмейстером фронта.

— Садись, — махнул рукой Молас и продолжил речь, когда я присел обратно на рассохшийся стул. — Ты изобретатель, Кобчик. Изобрести нужную позарез вещь по заказу можешь?

— Смотря что, ваше превосходительство. Я же не волшебник и не фокусник, достающий зайцев из шляпы. Законы природы еще никто не отменял.

— Нужен пистолет, который стреляет бесшумно. Гоч твой только руками разводит и галдит что нет такого конструктивного решения.

— Очень нужно?

— Крайне… — генерал подался вперед, вперив в меня глаза. — Причем желательно в калибре врага.

— Как срочно?

— Вчера.

— Я подумаю, но не обещаю. И насколько понимаю, такое изобретение пройдет мимо имперского комитета.

— Если ты о деньгах за приоритет беспокоишься, то денег будет даже больше. Намного больше, — заверил меня генерал. — Все равно в нашем деле все патенты побоку. И у нас и у врагов.

— Сколько? — спросил я.

— Тысяча золотых, — посулил Молас.

— Каждому? — задал я новый вопрос. Трясти, так трясти.

— Какому 'каждому'? — не понял генерал.

— Делать руками все равно будет Гоч. Я его для сохранения секретности в Рецию увезу, как бы на инспекцию филиала. Привезет он уже готовые машинки. По дороге разработаем в теории. На месте сделаем. Он же и приведет образцы. Но…

— Я понимаю, что гарантий быть не может…

— Я не про то, экселенц. Ношение предполагается скрытое?

— Обязательно. И желательно на месте гильзы не оставлять.

— Тогда револьвер, — констатировал я.

— Так ты берешься сделать? — удивился генерал.

— Ничего невозможного физически я тут не вижу. Главное обеспечить пуле скорость ниже скорости звука. Но вот инженерная задача неординарна.

— У моего отца была такая машинка. Но куда делась… — генерал развел руками.

— Учтите, экселенц, что возможно полностью мы звук выстрела не уберем, но вот уменьшить его до хлопка. Думаю, возможно.

Конечно возможно для того у кого в армии табельным оружием был АПС##1. А вот у отца Моласа, как у 'волкодава СМЕРШа' вполне возможно был БРАМИТ##2. Но озвучивать свои догадки я генералу не буду.

* * *

* * *

##1 АПС — 9 мм автоматический пистолет Стечкина. Имел в некоторых модификациях глушитель.

##2 БРАМИТ — глушитель на револьвер Наган и даже винтовку Мосина системы братьев Митиных.

* * *

— Что тебе для этого нужно?

— Оружие, которое вы хотите использовать. Патроны к нему. Ящик где-то. Отстреливать придется много. Да и шаманить их придется. Кстати замечу, что на большую дистанцию не рассчитывайте особо. Десять — пятнадцать метров максимум.

— Куда доставить?

— К поезду. А деньги лучше всего передать мне через Крона.

— Не понял? Зачем тебе это?

— Чтобы не борзел ночной регент Будвица.

Молас усмехнулся злорадно.

— Решаемо.

— И это, экселенц… паровоз, который меня отвезет во Втуц. А то у меня три эшелона и всего два паровоза.

— Паровоз тебе будет. Только с возвратом. Не подарок, — усмехнулся генерал. — А то знаю я тебя — зажилишь. И еще вопрос: ты тропы в Швиц знаешь?

— Вам как, экселенц, вдоль границы или поперек нужно?

— Юморист. Тебя серьезно спрашивают.

— Так мы же с ними не воюем, экселенц. Если вас пошлины не пугают, то путь чист.

— Ты так и не понял всей специфики разведывательной работы. Чем меньше наши люди светятся, тем лучше.

— А контрабандисты, значит, слепые, глухие и языка не имеют. И на кого они работают никому не известно. Может на три — четыре разведки сразу, — предположил я.

— Вот тут ты в корне не прав, потому как в той же республике все с ума сходят от твоих поясов для чулок. Они там делают, конечно, контрафакт, но бабы есть бабы — им имперскую фирму подавай. Гарантия качества и гламурные понты. Ни у кого нет, а у нее есть…

— Поищем вам, экселенц, тропки… Но вы мне скажите честно, кто устроил на меня этой осенью охоту. А то вокруг все только темнят.

— Понимаешь, Савва, борьба за власть в императорском Дворце остается тайной даже для тех, кто принимает в ней участие. Скажу тебе только одно. Император тебе не враг, но он не в вакууме живет, а в окружении, которое не поменять. Оно ему в наследство досталось вместе с империей. И не всегда он делает то, что хочет, а только то, что нужно здесь и теперь. В политике нет завтра и нет вчера, только вечное сегодня. Так что если тебе не нравится погода, то подожди немного и она измениться. Одно предельно ясно — климат Реции тебе ничем не вредит.

* * *

Генерал пехоты Аршфорт давал обед в честь героев — воздухоплавателей.

Парадным залом служил бревенчатый барак без переборок, но с теплой печкой. В бараке сколотили козлы и лавки. Но вот все остальное было выше всяческих похвал. И многопредметный вычурный сервиз на чистых льняных скатертях, и то чем он нас командарм с этого сервиза кормил, столовое серебро и нарядные девочки которые нас с улыбкой обносили блюдами.

За длинным столом 'по чинам' сидел весь наличный экипаж дирижабля до последнего матроса и верхушка штаба осадной армии.

На мое удивление меня посадили не в конец стола с матросами и лейтенантами, а между двумя генерал — майорами в одном их которых я узнал кавалериста — комбрига. Кажется графа, если моя память мне с кем-то не изменяет. Даже Плотто сидел по столу дальше с полковниками.

— Ваше сиятельство, — негромко я обратился к комбригу, фамилию которого я к своему стыду запамятовал. — Мне как-то неловко, что меня посадили выше моего командира.

Генерал посмотрел на меня, и будто взглядом покровительственно по плечу похлопал.

— Ваша милость, ваша щепетильность делает вам честь, но не стоит так смущаться. Во — первых, вы барон и имперский рыцарь. А во — вторых, король своим указом недавно приравнял по рангу своих комиссаров к генерал — майорам. Временно, пока они исправляют эту должность. Вы разве этого не знали?

— До неба последние новости не долетают, — попытался я пошутить. — Да и в отпуске я был длительном по лечению. Как ваша бригада?

— А что там говорить… — ответил граф с огорчением в голосе. — Опять этот проклятый позиционный тупик. Гоняю своих конников по собственным ближним тылам, чтобы не застоялись совсем. Вы же сами прекрасно знаете, ваша милость, что все беды в армии происходят от безделья личного состава. То ли дело было осенью, — мечтательно генерал закатил глаза. — Ах, какие атаки были, есть что вспомнить. Даже разок схлестнулись во встречном бою — лава на лаву, сабля на саблю, после которого нам сдалась целая дивизия царских драгун. Теперь вот вливают ко мне еще одну запасную бригаду, и буду переформировывать свое соединение в дивизию.

— Примите мои поздравления, ваша светлость. Вы этого добились исключительно собственными трудами и храбростью. А

также заботой о людях. Я помню, как вы для них выбивали вагоны пулеметами, — улыбнулся я.

— Да… Забавное было время. Но и вы, как я помню, железной рукой навели порядок среди тыловых крыс. Низкий поклон от всех фронтовиков вам за это.

— Я лишь выполнял поручение короля.

— Не скромничайте, ваша милость. Я, конечно, понимаю, что скромность украшает молодость по нашим традициям, но вы столь ярко заявили о себе и в тылу и на фронте, что заслужили право на зримое проявление заслуженного достоинства. Знайте, вы очень популярны среди фронтовиков, которые сами нюхнули окопной войны. Особенно после этой вашей 'кровавой тризны'. Она заставила заткнуться ваших недоброжелателей даже в имперской столице.

— Каких недоброжелателей? — навострил я уши, но обломался.

— Разных, ваша милость, — съехал генерал с конкретики. — Но не огорчайтесь… нельзя пройти ярким днем по дороге не откидывая тени, так и по жизни нельзя пройти, не заслужив личных врагов. Именно наличие врагов делает нас личностями. У тряпок нет врагов, о них просто вытирают ноги. Враги есть только у тех, что что-то сам значит. А если есть враги то, значит, есть и друзья. Я один из них, несмотря на нашу разницу в возрасте. И думаю за это нам обязательно надо выпить хорошей домашней сливянки, типа той, что вы угощали меня в своем салон — вагоне.

Тут поднялся Аршфорт и зазвенел серебряным ножиком по хрустальному графину, привлекая к себе всеобщее внимание.

— Господа, мы собрались в этом скромном месте, чтобы почтить наших небесных героев…

3

Новый год в этом мире также праздник, но отмечают его очень и очень скромно. Никаких украшений города, никаких маскарадов и гулянок, а тем паче пьянок. Просто все в полночь все открывают двери своих домов, чтобы впустить к себе Новый год, для которого заранее приготовлено угощение. И поставлен лишний прибор за семейным столом. Удивительно, но к концу трапезы рюмка поставленная новому году остается пуста. И оттого насколько она пуста тут гадают, каким будет грядущий год. Не дай ушедшие боги, чтобы она так и простояла всю ночь полной. Жди тогда горя. Верная народная примета у огемцев.

На нашем с Маарой новогоднем столе рюмка Нового года оказалась пустой досуха.

— Котик, ты приносишь мне счастье, — мурлыкала красавица.

Вот как бы еще вспомнить, как я с ней оказался в одной кровати, в чем мать родила. Да и мадам щеголяла в платье Евы. Отнюдь не мятом — никакого целюлита. Даже грудь ее, хоть и подвисла от безжалостного времени, была еще великолепна. Что сказать мне в свое оправдание… только то, что так качественно меня еще в жизни не трахали.

А все началось с невинной жалобы Маары, что ей не с кем встретить новый год. Не с девочками же?

К тому же она жаждала похвастаться передо мной дорогой обновкой — граммофоном с набором шеллаковых пластинок, среди которых оказалось несколько вполне приятных танцевальных мелодий.

Помню, пили, ели, танцевали… и вот как на духу… внезапно мы уже в койке, срывая себя тряпки с рычанием.

И наслаждение.

Нет, жену этому учить не буду. Маара торт, а жена борщ. Каждый день торт жрать не будешь. Диабет разовьется.

Опять жене изменил, а ведь зарекался кувшин по воду ходить. Пока я в 'Круазанском приюте' жил ни одной девчонки не затащил в постель, хотя было оплачено… ну, кроме того случая с ремонтерами, но там надо было соответствовать — восемь царских кобыл стояли на кону. Ничего личного, только бизнес. А от этой старушки пора сбегать иначе затянет меня этот чувственный омут. Прав Молас — климат Реции мне полезней.

— Сколько времени? — спросил я, ответив на поцелуй.

— без четверти десять.

— Подземные демоны, мне же во Дворец через полчаса, —

закричал я, вскакивая с койки и прямиком в маарин санузел. Гуляли мы в ее апартаментах.

Потом наскоро оделся, заскочил к себе, переоделся в парадную форму… и сбег. Потому что не знал как себя дальше вести.

Брился в городе у цирюльника. Тут это еще безопасно. Что такое СПИД никто даже не слыхал.

Завтракал тоже в городе.

Потом не торопясь прогулялся по бульварам во Дворец, благо погода была рождественской, такая какую любят киношники — мягкий редкий пушистый снежок и не больше минус пяти.

* * *

— Ваше величество, пользуясь последними днями своих полномочий на посту королевского комиссара, прошу оказать мне милость и принять от меня представление всего экипажа воздушного судна 'Черный дракон' к медали 'За отвагу', — проговорил я, стоя на одном колене и протягивая королю хартию.

Бисер медлил забирать наградные листы у церемониймейстера.

Онкен, стоя за троном, незаметно для других показывал мне кулак.

Кронпринц закатил глаза под брови.

Что опять я сделал не так? — Удивлен, что ты сразу к кресту не написал это представление? — король осторожно покачал головой. Все же корона тяжелая. — Летуны ваши и так очень неплохо живут. Лучше моих гвардейцев, которые воюют каждый день, а не по расписанию.

Ревнует его величество, что отобрали у него дирижабли. Ох, ревнует.

— Ваше величество, — отвечаю, — бомбили наши воздухоплаватели вражеский пароход впервые в мире под шквальным зенитным огнем противника из двух пулеметов, но никто не покинул своего поста, продолжая успешно выполнять боевую задачу. Пароход с пехотным подкреплением они потопили бомбами. Про холод и другие испытания, выпавшие на их долю, я даже не заикаюсь — им за это дополнительно платят.

— Ну, а ты что там делал? — король вперил в меня свой колючий взгляд. — Ты же в отпуске по ранению.

— Пулеметы испытывал, ваше величество, как представитель завода, — выдал я оправдательную версию нарушения режима.

— Значит тебе медали не положено? — ехидно улыбнулся

король такой констатации.

— Так точно, ваше величество, — охотно подтвердил я. — Не положено.

— Удачно хоть испытания прошли?

— Весьма удачно, ваше величество. Даже царский дирижабль сожгли.

— Слыхал про это… а где сбили? За речкой?

— Воздушное судно 'Куявия' принадлежащее армии царя сгорел и упал на нашей территории в расположении армии генерала Аршфорта.

— Так… — напрягся король, — а что у нас еще плохого?

— Осмелюсь спросить, ваше величество, почему обязательно плохого?

— Потому что там, где ты, Кобчик, там обязательно что-нибудь да случиться нехорошего. Не знаешь ты меры. Так что у нас плохого?

— У вас ничего, ваше величество.

— А у кого?

— У императора. 'Черный дракон' потерпел крушение из-за обледенения. Четверо воздухоплавателей погибли, один ранен. Сам дирижабль вряд ли полежит восстановлению.

И тут король вышел из себя.

— Савва, чтобы после медицинской комиссии и духу твоего в Будвице не было. Забейся в своей Реции в самое глубокое ущелье и не отсвечивай. Таких потерь в воздухе не было с начала этой войны. Такие деньги на ветер ушли…

— Рад бы, ваше величество, мгновенно выполнить ваше повеление, но у меня паровоза не хватает для отбытия.

— Будут тебе паровозы, вымогатель, — король сжал губы в ниточку. — Завтра у кронпринца получишь. И как только получишь паровозы, сделай так, чтобы мы тебя здесь… минимум полгода не видели. Ушедшие боги, за что мне такие несчастья. Только — только все полюбовно уладили с империей, и ты опять ссоришь меня с императором. Савва — ты настоящий варвар с диких гор.

— Зато верный и преданный, ваше величество, — склонил я голову, чтобы король не увидел моей невольной улыбки.

Бисер вдруг посмотрел на меня с удивлением и некоторым сомнением.

— Мой тебе приказ, Кобчик, не лезь ты в политику — плохо кончишь. Твое дело держать связь между мной и Ремидием. Развивать заводы. Делать изобретения. Тебя даже на фронт пускать нельзя… По вас стреляли с парохода, говоришь? Потом вы упали. На Соленых островах задохнуться от радости, и

припишут себе, что они вас сбили. Я себе представляю заголовки их газет.

— Ваше величество, надо просто их опередить с выпуском новостей в нашей интерпретации. Пусть интервью дает командор Плотто — он герой. Я же в составе экипажа по боевому расписанию не значился. Осмелюсь порекомендовать поручить эту газетную компанию вашему лейб — фотографу Шибзу — он мастер в ремесле газетчика и хороший организатор.

Король встал с трона, содрал с себя в раздражении мантию, и прошелся по залу, приговаривая вполне годные по креативу пиар — тезисы.

— Плотто — герой, Плотто разбомбил пароход и склады в Щеттинпорте, Плотто уничтожил полк пополнение островитян, Плотто уничтожил царский дирижабль. Плотто предотвратил катастрофу своего дирижабля и спас почти весь экипаж при аварии. Наконец Плотто — огемец. А что? Хорошая тема, — и вдруг спросил с подозрением в голосе — А тебя там точно не было?

И ждет его величество моей реакции на провокацию. Сочтемся славой. У меня ее и так хоть отбавляй. Пусть и другие получат свои пятнадцать минут бессмертия.

— Никак нет, ваше величество. Не было. Даже сбил царский дирижабль не я, — чувствую себя просто ужом под вилами, вынужденный откровенно врать.

— А кто? — король перестал ходить по залу, повернулся ко мне.

— Матрос из экипажа, ваше величество, — отдал я все заслуги своему второму номеру.

— Матросу крест военных заслуг, однозначно, — кивнул король Онкену, а тот моментально стал записывать. — А Плотто пусть император сам награждает после того как мои газеты сделают его национальным героем королевства. Да будет так!

Король остановился напротив меня и сказал уже без раздражения. Просто констатировал.

— Можете встать, ваша милость. Мы вас больше не задерживаем, барон. Ни во дворце, ни в городе, ни вообще в королевстве. Ваша отставка с поста королевского комиссара принята по состоянию здоровья, и мы благодарим вас за труды на этом посту. Но вы по — прежнему остаетесь моим флигель — адъютантом и офицером связи с Рецией. Вам предоставляется отпуск по лечению от новой контузии, полученной при крушении дирижабля сроком на шесть месяцев. Врачи неумолимы.

— Ваше величество, — я встал и поклонился.

— Ваша милость, — кивнул слегка король.

Вот так вот. На медкомиссии я еще не был, а ее решение уже вынесено. Из меня последовательно лепят психа, который за свои поступки не отвечает. Знать бы еще, зачем им все это?

На выходе из тронного зала меня уже ожидал молоденький флигелек с папкой, полной бумаг. Безусый, лет так семнадцати — восемнадцати, в одинаковых со мной чинах.

— Вам просил передать это его превосходительство, — сказал он, намекая на Онкена. — В финчасть заходить не надо. Все уже здесь. Честь имею.

И удалился, звеня серебряными шпорами, не удосужившись даже дождаться моего ответа.

В папке было все.

Медицинское заключение о постконтузиозном синдроме, полученном мною днями при аварии дирижабля и еще куча всякой медицинской терминологии, связанной с моими прошлыми ранениями и контузией. Рекомендация — покой и успокаивающие препараты растительного происхождения. (Ага… дым — глина, иоптыть). Срок лечения — полгода. И когда только успели состряпать? Самое смешное, что я здоров как бык.

Отпускное свидетельство.

Именной чек в банк с начислением жалования сразу за полгода вперед, правда, только по линии Онкена. В воздухоплавательной эскадре я за штатом с сегодняшнего дня без содержания. Из ЧК я сам подал в отставку.

Чек с компенсацией недополученного вещевого снабжения, порционов и рационов.

Чек с компенсацией затрат на лекарства, без отчета трат.

Предписание от службы Онкена о прикреплении ко мне охраны за счет Дворца. (Не обманул). И банковская платежка о перечислении их жалования и порционов во втуцкий банк. Сразу за полгода. Персональный состав охраны определялся мной самим.

Бесплатный железнодорожный воинский литер до Втуца на одного меня. Это уже просто издевка, учитывая, что у меня собственный эшелон стоит на запасном пути. С салон — вагоном.

Открытое литерное предписание на личный эшелон для ВОСО. Только на один эшелон. Уязвили. Хорошо еще, что два состава с бревнами я уже отправил тихим ходом вперед своими паровозами.

Так… Онкен меня видеть не желает, иначе бы он мальчонку прислал с приглашением посетить его кабинет, а не бумажки мне в зубы сунуть.

Вроде все. Никаких дел в Будвице у меня больше нет. Хотя, на повестке дня еще заранее оговоренная встреча с генералом

Моласом в штабе. Хорошо им говорить 'не лезь в политику', когда эта политика сама ко мне лезет, не отогнать.

Похоже, борясь с дурацкой аристократической контрразведкой, Бисеры профукали разведку, которая как мне кажется давно и плотно сидит под императором. И без аристократов эта структура, что характерно. Начинаю подозревать, что создание имперской контрразведки императором было заранее инициировано для выявления чересчур амбициозных графьёв. Потому как параллельно тихо и без афиши, но вполне эффективно работала дофронтовая армейская разведка, реально выполняя функции этой опереточной контрразведки. Черт ногу сломит в этих имперских интригах.

Поймал извозчика и приказал отвезти меня в ближайший галантерейный магазин. Портфель купить. Не ходить же мне с канцелярской папкой под мышкой.

* * *

В назначенное время в кабинете у Моласа неожиданно оказался еще и Аршфорт. К нему я и повернулся как к старшему по чину. Устав надо чтить, особенно в моем опальном положении, когда нет уже у меня чрезвычайных полномочий комиссара ЧК.

— Ваше превосходительство, лейтенант воздушного флота Кобчик. Разрешите обратиться к генералу Моласу, — оттарабанил я по уставу, а представился так потому как был в парадной флотской форме, которую надел для аудиенции..

Аршфорт повернулся ко второму квартирмейстеру фронта и удивленно спросил.

— Что это с ним?

— Его сегодня император за штат вывел в воздушном флоте, — удовлетворил любопытство командарма Молас.

— А — а–а… — протянул многозначительно генерал пехоты. — Так не надо было дирижабли ломать. Ты бы видел, Саем, какие танцы вокруг этих обломков господин Гурвинек выделывал, а уж какие песни пел… боцман стоял с открытым ртом и чуть ли не записывал, — И повернувшись ко мне, принял вид фрунтового служаки. — Извольте обратиться, как положено, молодой человек.

Я крякнул, но, тем не менее, подчинился.

— Лейтенант воздушного флота в резерве Савва Кобчик. Ваше превосходительство, разрешите обратиться к господину генерал — майору.

— Обращайтесь, — разрешил командарм.

— Господин генерал — майор, лейтенант воздушного флота в резерве Савва Кобчик прибыл по вашему приглашению.

— Снимай шинель, вешай там, у двери, — ласковым голосом пророкотал Молас. — Надолго тебя в резерв законопатили?

— Пока на полгода, экселенц, а там как медкомиссия решит допускать меня к полетам или нет, — ответил я вешая шинель с шапкой на трехрогую вешалку.

Когда я повернулся, у Аршфорта слегка отвисла челюсть.

— Ты когда успел столько орденов заработать? Тут понимаешь, армией командуешь… — оборвал генерал пехоты фразу на полуслове.

Да… иконостас у меня солидный, что и говорить. К тому же редко когда я ношу его полностью, обычно только те ордена, которые по уставу снимать с мундира не положено.

— С начала этой войны, ваше превосходительство, — ответил я честно.

— Силен. Хотя… два ордена ты только при мне от императора получил этой осенью. Присаживайся к столу, имперский рыцарь, думу будем думать. Саем мне тут рассказал со смехом как ты в присутствии короля драконил полковника из генштаба. Да так, что от него только перья летели. Было такое?

— Было, ваше превосходительство, — не стал я запираться, присаживаясь на табурет у стола. — Я тогда еще в фельдфебелях гвардейской артиллерии состоял.

— Допустим, ты и сейчас лейтенант гвардейской артиллерии, — усмехнулся Молас. — А по какому случаю парад?

— Аудиенция у Бисера прошла с полдень, на которой я подал в отставку с поста королевского комиссара. И она была принята. С нее прямо к вам. Вот потому я в полной парадной форме. Протокол требовал.

— Надеюсь, его величество не обиделся на то, что ты предпочел форму воздушного флота униформе его гвардии? — задумчиво спросил Молас.

В ответ я только пожал плечами. Мне казалось, что подавать представления о награждении матросов и офицеров дирижабля уместнее всего в форме воздушного флота.

— На вид взрослый, а не умеет еще нюансы учитывать… — высказался Аршфорт. — А еще барон.

— Ваше превосходительство, я барон без году неделя, а по жизни я — простой деревенский кузнец, которого с детства разным политесам не учили, — ответил я, стараясь не злиться.

— Учиться никогда не поздно, — назидательно сказал Молас. — Было бы желание.

— Я с первого дня в армии только и делаю, что учусь, — огрызнулся я, стараясь, чтобы это не выглядело агрессивно. — Несмотря на что я доброволец направили меня в стройбат кайлом махать, потому что я тогда даже рецкой письменной грамоты не знал. Горец я, ваши превосходительства.

— Вот так вот, ваше превосходительство, — усмехнулся Молас. — Это нам почетный доктор Политеха говорит. Изобретатель автоматического пулемета. А вы все про какого-то индюка — полковника из генштаба, которого здесь на место поставили фельдфебелем.

— Меня сейчас больше именно этот эпизод с полковником беспокоит. Это точно что именно после выступления Кобчика поменяли весь план наступления восточного фронта?

— Я тому свидетель, ваше превосходительство, — констатировал Молас.

— Тогда возьми с него подписку о неразглашении, — попросил квартирмейстера Аршфорт.

Что и было сделано. Я охотно подписал документ сулящий страшными карами за… Одним больше, одним меньше.

Когда Молас убрал подписанную мной бумагу в стол, Аршфорт расселил на столе карту.

— Император требует от меня как можно быстрее покончить с осадой Щетинпорта, — пояснил командарм свои действия.

— Тем более что царцы готовят зимнее наступление по льду Ныси, который в эту зиму намерз так что по нему даже тяжелую артиллерию перетащить можно, — добавил Молас.

— А от меня что требуется? — не понял я. — От контуженного субалтерна, находящегося на излечении от нервической горячки и постконтузиозного синдрома.

— Ты понял, ваше превосходительство, какой изощренный ум у этого офицера? Он тебе сейчас насоветует, а ответственности нести не будет, так как советовал почти в нервическом бреду, — засмеялся второй квартирмейстер фронта. — Я сам разберусь, что бред, а что нет, — возразил ему Аршфорт. — Армией командую я а не советники, так что и ответственность вся полностью только моя. Введи нас, разведка, в курс дела по расположению врага от моря до Узловой станции. Дальше уже зона ответственности южной армии.

Молас вызвал в кабинет кирасирского ротмистра, который быстро и четко поднял на пустой карте места дислокаций царских войск на правом берегу Ныси и войск островитян в Щеттинпорте. Отдельно нарисовал, где какая артиллерия у них стоит и даже сектора обстрелов кругами начертил тонким карандашом. Отдельно выдал промеры толщины льда на реке в разных местах.

И все это наизусть. Силён. Я просто в восхищении.

— А лед-то как мерили? — удивился я.

— Ночами проверяли лунки, которые ранее долбили царские пластуны, — удовлетворил мое любопытство ротмистр.

— Где они их долбили, показать на карте можете? — одолело меня любопытство.

— Легко, — ответил ротмистр и нарисовал несколько точек на русле реки. — А вот здесь, здесь и здесь мы сами лунки долбили.

— А где лед выдержит тяжелую артиллерию? — продолжал я задавать вопросы.

— Вот тут и тут, — показал ротмистр. — Инженеры клянутся, что если армировать лед хотя бы ветками, то переправа выдержит рутьер с двухсотпудовым орудием на прицепе. Если не останавливаться на льду.

— Значит ли это, что предварительно требуется захватить достаточно обширный плацдарм, чтобы обеспечить безопасность такой переправе?

— Так точно. Если только вы в этих места лед с воздуха не разбомбите, — бросил он беглый взгляд на мою форму, — то при захвате плацдарма такую переправу навести дело двух дней. Настелить фашины и залить их водой и подождать пока промерзнут. Но полевую артиллерию можно переправить по льду везде на всем протяжении русла реки. Толщина льда позволяет. К тому же в этих двух местах железная дорога отстоит на наибольшем расстоянии от реки. Мы поднимали на ближайшей станции аэростат — реки не видно. Корректировка орудий особого могущества невозможна. Мы в отделе считаем…

— Стоп, — приказал Аршфорт. — Мы потом обязательно выслушаем коллективное мнение вашего отдела. Но сейчас достаточно. Примите мое удовольствие прекрасно сделанной работой.

— Служу императору и отечеству, — ротмистр щелкнул каблуками.

— Один вопрос позволите, ваше превосходительство, — обратился я к командарму.

— Только если это конкретика какая, а не тактика, — разрешил Аршфорт.

— Господин ротмистр, каков максимальный калибр полевой артиллерии можно переправить без инженерного оборудования ледяной переправы?

— Четыре дюйма, — тут же ответил ротмистр. — Но если гаубицы, то пять дюймов. Они у царцев легче пушек.

— Где пластуны долбили лунки светлым днем? Если такое

было в действительности.

— Такого не было, господин лейтенант, но вот в сумерках они за этим занятием были замечены именно в тех местах, где возможна переправа тяжелых орудий.

— Благодарю вас, ротмистр, — рассыпался я в любезностях. — Как воздушный разведчик я в восхищении от проделанной работы вашим отделом.

Когда ротмистр покину кабинет, Молас ехидно спросил.

— Так ты еще и разведчик?

— Так точно, экселенц. Последняя моя должность по штатному расписанию в воздухоплавательном отряде старший летчик — наблюдатель. А квалификацию я сдал еще летом, когда прорабатывали хронометраж и варианты прорыва бронепоездов с дирижабля.

— Так каково твое мнение, Кобчик, о направлении главного удара царцев?

— Там где можно протащить тяжелую артиллерию, они наступать не будут.

— Отчего ты так думаешь? — удивился Аршфорт. — Мой начальник штаба просто уверен, что главный удар будет именно там.

— Какова максимальная дальность выстрела двухсотпудовой длинноствольной шестидюймовой царской пушки?

— Двенадцать километров, — подсказал Молас.

— Благодарю, экселенц. Тяжелой артиллерии у них не так много — только корпусные полки. Я бы на их месте сосредоточил бы всю ее на участке прорыва и не сдвигал со своего берега. Расстояния достаточно чтобы поддержать пехоту и полевую артиллерию в наступлении и захвате достаточно глубокого плацдарма. Все равно в любом месте нашего берега завеса ваших войск, — кивнул я командарму, — будет слабее. А основная ваша артиллерия привязана к осаде порта.

— То есть ты считаешь, что они в любом месте легко перережут железную дорогу? — спросил командарм.

— Есть такое опасение, если у них командовать будет кто-то умный, типа полковника Куявски, — убежденно ответил я.

— Куявски уже бригадный генерал и направлен командовать дивизией на отогузкий фронт. Юго — восточный, если по нашей терминологии, — выдал справку Молас. — Далеко от нас.

— Хранят нас ушедшие боги, — высказался по этому поводу Аршфорт.

— Есть характеристики возможных командующих такой операцией у царцев? — обратился я к Моласу.

— Скажу одно, — ответил он. — Таких, как Куявски, у царя

единицы. Ему еще просто повезло оказаться в командующих стараниями комендоров твоего бронепоезда. Остальные действуют по уставу. А царский устав предписывает равномерно распределять артиллерию по войскам.

— Хорошо бы если так все было, — засомневался я. — Война часто выдвигает на руководящие посты умных и инициативных генералов, в отличие от мирного времени.

— В царской армии свято блюдут принцип старшинства производства, — сказал Молас. — У них сословные предрассудки намного сильнее наших.

Я кинул быстрый взгляд на Аршфорта. Ничего… не возмущается. Лицо спокойное. Хотя сам, судя по фамилии из старой еще средневековой аристократии.

— В настоящее время наиболее возможный претендент на командование ударной группой уровня пехотного корпуса будет у царцев генерал от инфантерии Пшеклентски. Граф. Шестидесяти двух лет. Образование полковое — в службу вступил юнкером, и Школа колонновожатых тридцать лет назад. Обожает фрунт и парады. Суровый уставник. Если не пришлют кого-нибудь другого из царской ставки, то с вероятностью в девяносто процентов командовать наступлением будет он.

— Ожидается ли совместное наступление островитян от Щеттинпорта вместе с царцами?

— Маловато у них для этого сил, — отозвался Аршфорт. — Пока они только глубже закапываются в землю. Да и прокормить ударную группировку только морским подвозом будет трудно.

— Но царцам они обещают поддержку наступления, — добавил Молас. — Выполнят ли они свои обещания это уже другой вопрос. Пока от Соленых островов только техническая поддержка идет. За золото. В основном пулеметы. Еще снаряды для тяжелой артиллерии. Винтовки островной конструкции под царский патрон. Амуниция разная. Паровозы. Обратно везут лен, пеньку, воск и пшеницу. Скорее всего, чтобы пустой фрахт не гонять. Острова и с колоний получают практически все, что им нужно.

— Бронепоезд 'Княгиня Милолюда' сейчас у вас в армии?

— Да. Несмотря на морозы, болота сильно не замерзли на южном фасе фронта, — ответил командарм. — Так что там царцы если попрут, то опять упрутся в 'бутылочное горлышко' полевого укрепрайона, который достало ума не бросать на произвол судьбы, а законсервировать на всякий случай.

— По доброму вам бы, ваше превосходительство, на каждый перегон между разъездами меть по одному бронепоезду нужно. Хотя бы шпального блиндирования. Но с четырехдюймовыми

гаубицами. На складах таких есть с десяток — в свое время армия от них отказалась из-за веса — шестерка стирхов их не тянула. Но железной дороге такое превышение массы не принципиально. В депо Будвица такие БеПо быстро сваяют. Опыт уже есть. И паровозов трофейных в достатке. Тогда у вас на каждый перегон будет по два мобильных броневых отряда равные двум полевым батареям на случай отражения первого штурма царцев нашего берега. Они выиграют вам время для подтягивания оперативного резерва к месту прорыва. Затем я бы разбомбил лед на реке с дирижаблей и оставил бы плацдарм без подвоза продовольствия и боеприпасов. К тому же в скором времени они останутся на нем и без дров. В Реции мест для пленных еще много. В этом случае, чем больше переправится царской пехоты на плацдарм, тем лучше для нас. Быстрее кончится у них продовольствие.

— Пока толковый бред несешь, лейтенант, — одобрил мой полет фантазии командарм.

— А как бы ты брал Щеттинпорт?

И тут я вспомнил нашего учителя по истории в школе, который нам втолковывал на уроке, превратившемся в диспут, почему Франции, которая имела сильнейшую армию в Европе, не стало в 1940 году за считанные дни. И почему в 1941–м Гитлер смог нанести сильнейший нокдаун Сталину.

Ларчик открывался просто. Вермахт изматывал противников, которые были сильнее него еще до нападения. Французские историки насчитали, что за весну сорокового всю армию приводили в боевую готовность к отражению немцев сорок раз. А нападения все не было. На сорок первый раз французы расслабились, посчитали предупреждения разведки очередной пустышкой и получили по полной.

Также было и с СССР. Ждали нападения с мая 1941 года. Оттого и призывали всех 'Не поддаваться на провокации', чтобы не вызвать 'казус белли'. А 22 июня, когда разбудили генерала армии Павлова и сообщили, что немцы напали, он просто послал адъютантов по матушке и, заявив 'Они у вас каждую неделю нападают', продолжил спать.

Психология… Главное застать врага со спущенными штанами и бить его пока он их не одел.

И вторая слагаемая победы, которую я предложил — аналог советских инженерно — саперных штурмовых бригад. Бронегрызов. Самого крутого спецназа Великой Отечественной войны.

— Это ты круто замахнул… бригады… — пожевал усами Аршфорт. — Где столько саперов набрать? И пулеметов? Тут простых штурмовиков всего несколько рот на армию.

— Вот эти-то штурмовые роты с боевым опытом и есть у вас уже готовое ядро будущего саперно — штурмового батальона, ваше превосходительство. Слейте ее с саперной ротой. Перемешайте. Обеспечьте ручными гранатами от пуза. Взрывчаткой. Добавьте ручных пулеметов минимум по одному на отделение. Хоть у кавалерии их отнимите, все равно ей в уличных боях не участвовать. Вот вам и готов особый батальон специального назначения. Отдельный батальон сформировать в ваших собственных силах не спрашивая ни у кого разрешения. Должность ваша позволяет. Если вспомните, как создавались штурмовые роты летом, которых до того ни у кого не было, то обучили простых бойцов бою в окопах всего за месяц на полигоне у Многана. Прорывать требуется не всю линию обороны, а только ключевые точки, но которые сразу дают выход в тыл обороняющимся. Обязательно сразу в нескольких местах. А там растеклись штурмовики по городу малыми группами, занимая ключевые точки. Пехота линейная вслед за саперами — штурмовиками завершит окружение укреплений. Я, ваше превосходительство, из своего личного боевого опыта вынес одну основополагающую мысль 'удивил — победил'.

— Город так с землей сравняем, а там наши жители. Родной крови, — заявил Молас.

— Есть и на этот счет мысль, экселенц, — ответил я. — Перед каждым таким ложным штурмом забрасывать город листовками с дирижабля, разъясняя жителями, что даем им свободный коридор для выхода из города из гуманных соображений. Потому как островитяне и царцы выбрали их живым щитом в своей обороне. И каждый раз в печати обвинять вражеское командование, что оно специально не выпускает мирных обывателей из города только по собственной нечеловеческой жестокости. И так несколько раз. Придется правда взять на себя кормежку и временное обустройство беженцев, пока город не будет наш. Но кто сказал, что будет легко? Но пропагандой также надо озаботиться заранее. Пусть враг оправдывается перед мировым общественным мнением от чудовищных обвинений в преступлениях против человечности. Давно подмечено, что оправдываются виноватые.

Аршфорт сидел, уперев руки в колени и, поджав губы, смотрел на меня в упор. Потом сказал.

— Если бы я сам не знал, как ты воюешь, то действительно принял бы все, что ты тут наговорил за бред, настолько это все расходится с нашими боевыми уставами.

— Уставы устарели, ваше превосходительство, сразу по выходу из типографии. Их писали для прошедшей войны по ее

опыту. Разве вы сами этой осенью всегда воевали по уставу?

— Уел, — помотал головой командарм. — Уел. Саем, доставай, что там есть у тебя выпить. А то голова идет кругом.

Пока Молас лазил к себе в сейф за бутылкой сливянки, я успел добавить.

— И не скрывайте приготовлений к штурму от врага, ваше превосходительство. Все равно он знает, что вы к нему готовитесь. Наоборот подготовка должна быть демонстративной. Как и артподготовка, после которой ничего не происходит.

— Так они же в своих газетах раструбят, что отбили настоящий штурм, распушил усы Аршфорт. — Победу будут праздновать.

— И пусть потешаться немного, даже пусть ордена получат от своего короля… Главное, что в итоге, — помолчал я немного и добавил. — И каждый день бомбить с воздуха порт, чтобы пароходу пристать некуда было, чтобы подкрепления они на шлюпках высаживали под бомбами, чтобы снаряды на плотах выгружали. Когда победим, то после войны все отстроим лучше, чем было.

Тут Молас разлил по трети стакана. Подвинул два к нам и взял свой. Сказал как тост.

— Дорогая получается война нынче.

— И с каждым годом будет обходиться все дороже, — поддержал его я.

— Похоже… — взял свой стакан командарм. — В моей молодости все было намного проще. За что пьем?

— За победу, — поднял я свой стакан. — За нашу победу.

4

Выйдя из штаба, я понял, что очень хочу есть. Я сегодня не завтракал и вместо обеда принял два раза по трети стакана сливянки. В хорошей компании, но… обеда это не заменит. В штабной столовой обеденное время закончилось, как и в столовых больших казарм. Оставалось только свистнуть ближайшего извозчика и поехать в ресторан.

По дороге я все размышлял над своим поведением. Мне что, больше всех надо? Все равно они все сделают по своему, а не потому как я насоветую, но вот зуд в лапочках проклятый покою не дает. Я ведь точно человек не от мира сего, — усмехнулся с горчинкой.

Как там сейчас мои на хуторе под Воротынском? Небось, оплакала вся родня бедного Савву, да и по суду признали погибшим. Или еще срок не вышел? Вроде, как помнится мне, такого три года ждут. Как исполнения обещания.

Интерьер ресторана за то время пока я в него не заходил, не претерпел никаких изменений. Все та же вульгарная роскошь, хорошая кухня и вышколенные официанты, как будто бы войны и не было. Халдеи поголовно мужчины, несмотря на постоянный призыв в армию. В других местах что попроще, давно уже перешли на женский персонал подавальщиц.

Зал, несмотря на дневное время, был полон. И я уже подумал, что обедать мне придется в местах попроще. К примеру, на вокзале, как ко мне подбежал метрдотель с извечным и неистребимым для такой категории людей 'чего изволите?'

Мой иконостас на груди и заискивающие поклоны метрдотеля привлекли ко мне повышенное внимание жрущей публики. На мне форма воздушного флота, а утренние газеты вышли с сообщением о сбитом царском дирижабле. О катастрофе 'Черного дракона' пока умалчивалось.

Подскочил разбитной халдей и с поклоном попросил меня пройти к столику, за которым меня ожидает 'его превосходительство'.

Метр облегченно приказал ему меня препроводить. Снялся с него шеи тяжкий груз найти мне едальное место.

У окна под большим фикусом один за столиком сидел генерал и удетский граф Бьеркфорт и приветливо мне махал рукой, приглашая. Отказываться не буду. Этот человек мне симпатизирует, хотя бы на словах. Да и привычка уже образовалась у меня с ним трапезничать. Ухмыльнулся я и пошел вслед за официантом к фикусу. — Дорогой барон, позвольте вам

предложить разделить со мной позднюю трапезу, — приветливо произнес генерал, встав и протягивая мне руку для пожатия.

— С удовольствием, ваше превосходительство.

— Бросьте эти церемонии, мой юный друг, все равно мы с вами в одном ранге.

— Уже нет, ваше сиятельство, — ответил я, пожимая его ладонь, — Сегодня на аудиенции у его величества я подал прошение об отставке с поста королевского комиссара и оно было милостиво принято им с высочайшей благодарностью за мои труды на этом поприще.

Одновременно мы сели за стол.

— Вы позволите мне узнать причину такого поступка?

— Охотно, ваше сиятельство, Здоровье. Медицинская комиссия гарнизона Будвица признала меня негодным к военной службе в строю и предписала минимум полугодовое лечение от нервической лихорадки. Император также вывел меня за штат военно — воздушных сил.

— Как это печально, — проговорил генерал с сочувствием. — Глядя на ваши награды, я вижу перед собой одного из самых эффективных офицеров нашей армии. В свое время я был приятно удивлен, что вы, мой друг, совмещали трудные обязанности чрезвычайного комиссара с командованием броневым отрядом. А особенно тем, что у вас хватало сил и на то и на другое, чтобы быть успешным.

— Три ранения и две контузии сказываются даже на таком крепком организме как мой, — ответил я, чуть ли не краснея за эту свою политическую 'вторую контузию'. Врать этому прямому и честному служаке было невыносимо.

Спас меня официант, когда вручил мне меню и стал расставлять для меня приборы.

Я прикрылся от генерала большой кожаной папкой, в которой находился написанный красивым почерком лист с перечнем блюд и их ценами. Несколько раз глубоко вздохнул и пришел в себя.

— Выбирайте спокойно, — посоветовал генерал. — Успеем еще поговорить.

Я быстро сделал заказ из самых простых блюд, выбрав уху из свежевыловленной речной рыбы, каши типа гречневой с горячими гусиными шкварками, пару мясных закусок, коньяк и черный кофе с лимоном. Судя по ценнику, кофе существенно подорожал по сравнению с осенью. Хотя в этом заведении и самые простые блюда были недешевы даже до войны. Не был бы я в парадной форме нашел бы заведение подешевле. Моя крестьянская натура всегда бунтует против необоснованных трат.

— Не подскажете мне, ваше превосходительство, отчего вдруг

так сильно подорожал кофе? — спросил я, чтобы дать затравку разговору, который уведет нас от скользкой темы моих 'болезней'.

— Сезон штормов в Мидетеррании, — отозвался он. — Но если вы хотите знать мое мнение, то основываясь на опыте прошлой войны, я предположу, что в наступившем году все иноземные товары обязательно подорожают. Даже несмотря на то, что мы вышли к южным морям, дороги через горы осталась одни и те же. Пропускная способность их ограничена. Имперская столица еще может позволить себе гонять дирижабли за дефицитом, а остальным достанется ровно столько, сколько смогут перевезти по имеющимся торговым путям. И ни граммом больше. А они всегда были второстепенными в нашей внешней торговле. При таком положении дел дешевые товары вытесняются дорогими, а те в свою очередь еще сильнее дорожают. Закон войны.

— Но ведь в этом году запустят горную железную дорогу через Отогузию, ваше сиятельство. Я знаком с Вахрумкой. Этот человек всегда доводит свои предприятия до конца. Особенно при такой поддержке строительства со стороны имперского и отогузского правительств.

— Все равно на всех не хватит, дорогой барон, — отмахнулся генерал. — Мы потеряли северные морские ворота империи из-за блокады флота островитян. Нет поставок из Западной республики — там фронт. Нет поставок из Восточного царства. Если бы не отвоевали рецкие егеря Риест, то мы бы еще не голодали, но изысков были бы лишены совсем. Немного вина?

— Красного, — согласился я, — видя, что генералом заказано было именно такое.

— Рецкое, — отметил генерал, наливая мне вино в фужер. — Прекрасная лоза. У вас есть поместье? Впрочем это риторический вопрос. Барон без поместья нонсенс.

Вино было восхитительным в меру терпким с легкой кислинкой и неуловимым фруктовым послевкусием.

— Прекрасный выбор, — похвалил я генеральский вкус. — В моем имении вино получается кислее.

— Если верить местной обслуге, то это вино из виноградников вашего маркграфа. Кстати вы слышали новость о своей родине?

— Никак нет, ваше сиятельство. С утра я во Дворце, потом в штабе… так что даже сегодняшних газет еще не читал.

— Так вот, мой дорогой барон… — генерал с азартом человека сообщающего всем известную новость профану. — Император издал эдикт об объединении северной и южной Реции с городом Риестом в единое герцогство Реция. С сегодняшнего

дня Ремидий герцог рецкий. И еще Отоний признал старшего внука Ремидия его наследником и рецким маркграфом. Младший его внук стал графом Риестфортом.

Ага… — подумал я, — маркграф, то есть уже герцог, добрался-таки до детей Альты, пока меня не было дома. Ну что ж, мне же так лучше. Нет у меня никаких желаний лезть на трон электора. Мне б чего-нибудь попроще… повульгарней. Без того чтобы одновременно думать одно, говорить другое, делать третье, а планировать четвертое… И каждую минуту сторожиться от незримых врагов. Делать не то что душа желает, а то к чему обстоятельства вынуждают.

— Это приятная для меня новость, ваше сиятельство. Мы все очень переживали смерть молодого графа. И то, что Ремидий остался без наследника. По этому поводу даже назначили слушания в палате баронов нашего сейма. Многие считали что без большой драки не обойдется. Есть же побочные линии и не одна. Но в любом случае я благодарю вас за добрую для меня весть. Как объясняют неожиданное появление наследников?

А сам подумал, что надо обязательно сегодня отбить сюзерену поздравительную телеграмму, я все же его камер — юнкер. Иначе получиться как-то невежливо.

— Я помню что вы — горцы, особо переживаете гибель своих вождей, — сказал генерал с намеком на кровавую тризну. — И таки себе представляю ваши междоусобицы. А наследники — бастарды молодого графа. Но император признал, что в данном случае обычай и кровь важнее закона, что бастарды не наследуют имущества отца. Хотя тут есть казус… Наследуют они деду. И не имущество, а государство.

— Вы здесь сегодня по делам службы? — поменял я тему разговора, чтобы не вдаваться в рецкие реалии, о которых не так уж много чего я знал.

Генерал все понял и легко подхватил мою игру.

— Запомните, дорогой барон, — ответил он мне несколько наставительным тоном, однако, не пряча доброй улыбки, — что чем выше вы будете подниматься по карьерной лестнице, тем все больше ваша служба будет напоминать канцелярскую. И с этим ничего не поделать. Сбивание двух бригад в одну дивизию не такой уж простой труд, хотя и похожий на сколачивание бригады из двух полков. Однако инстанции выше. Бумаг больше… Иной раз доходишь до такой злости, что хочется все эти бумаги взять и кинуть в камин. Но нельзя…

— А хочется выхватить саблю наголо и рубить врагов в песи, — вернул я ему улыбку.

— И не говорите, мой дорогой друг, вы же такой же, как и я…

находите упоение в бою. Вас никто не заставлял летать на дирижабле в этот дикий холод и сбивать царские дирижабли. Жажда боя утолима только боем, а меня заставляют патрулировать берег реки. По пятьдесят километров на полк. По двадцать пять километров на эскадрон, если учитывать смену подразделений. Скукотища. Даже когда мои кирасиры поймали царских пластунов, то я в это время сидел у печки на первом разъезде за полста верст. Разве ж это война! Я становлюсь бухгалтером, а не кавалеристом.

— А почему бы вам не сходить в глубокий рейд на ту сторону реки?

— Кто отпустит генерала в рейд с эскадроном? — удивился Бьеркфорт.

— Я не такой рейд имел в виду — всей дивизией, чтобы погромить вражеские тылы основательно большим кулаком и тем сорвать готовящееся наступление царцев.

Если у Доватора суровой зимой 1941–42 годов такое успешно получилось, почему у Бьеркфорта не получится? — подумал я. — Авиация тут пока еще в зародыше.

— Без пулеметов делать в таком рейде нечего, а они сильно затормозят передвижение. Снег глубокий, а пулеметы на колесах. Вы же видели эти механические бандуры и их большие узкие колеса. Вот если бы иметь в достаточном количестве ручные 'гочкизы'…

— Можно снять колеса и поставить гатлинги на сани… — закинул я пробный шар на тему эрзац — тачанки. Что поделать… у меня сегодня не голова а Дом советов. Наверное, потому что меня обрекли на полугодовое боевое безделье. Похоже, я сам подсел на адреналин…

— Интересная мысль… — генерал поднял правую бровь. — За это стоит выпить.

Мы покончили с едой, и как по заказу халдей принес мне лафитник коньяка, порезанный лимон и дымящуюся чашку кофе.

Я не стал гонять официанта за второй коньячной рюмкой, просто разлил лафитник по стаканам для воды.

— И минимум обоза, ваше превосходительство. Такая война должна кормить сама себя, учитывая, сколько всего царцы заготовили для наступления. А что не пригодится вам — предать огню. У меня тост, за то чтобы ваши конники на том берегу реки, что не смогут съесть, чтобы все понадкусали.

У генерала загорелись глаза. На щеках выступил легкий нервический румянец. Ноздри затрепетали.

— Охотно за это выпью, дорогой барон. Сегодня же спланирую такой рейд, и завтра пойду пробивать его в штабе

пока Аршфорт не уехал.

— Привлеките к разработке принца, — посоветовал я. — Так вам удастся получить столь вами вожделенные ручные пулеметы. И возможно 'воздушную халву' которую готовят для воздухоплавателей. Весит она немного, места занимает мало, а питательна и сытна.

— Человек, — щелкнул пальцами начальник кавалерийской дивизии. — Еще коньяка. Самого лучшего! Барон — вы гений. Вы подарили мне вторую молодость.

* * *

Когда я, сидя в кабинете заводоуправления, писал последние списки на отправку, что в какой вагон грузить и кого куда размещать, возле меня скромно топтался Гоч. Уже пару минут. Такое поведение не было свойственно моему порывистому партнеру, и я сам прервал свое занятие.

— Мой друг, что с тобой случилось? Я тебя не узнаю, — покачал я головой.

Гоч еще несколько секунд помялся и, наконец, родил.

— Савва, я могу взять свою горничную с собой во Втуц? А то… — промямлил конструктор с некоторым плохо скрываемым смущением.

— Конечно, можешь, Имрич, — улыбнулся я. — Ехать нам долго, так что действительно надобно, чтобы рядом с тобой был человек, который бы тебя обслуживал. У тебя же денщиков нет. Кстати, а почему? Ты же такой же офицер, как и я.

— Понятия не имею… — пожал плечами Гоч, притаптывая, но уже весело. Глаза его загорелись, и довольный Гоч оборвав наш диалог на полуслове, чуть ли не вприпрыжку убежал собирать вещи.

Точно он со своей ночной горничной спит, только скрывает это ото всех. И чего стесняется? Женщина она красивая. Или он боится, что завидовать будут?

Эту ночь я спал в своем салон — вагоне. Его окончательно отремонтировали будвицкие мастера декора, что даже не стыдно было показать другим. По крайней мере, он уже не напоминал обшарпанное с разномастной мебелью помещение комиссара ЧК, как специально декорированное для съемок фильма о Гражданской войне.

Сам салон стал меньше, передвинули купе стюарда с кухней, а его месте устроили латунный санузел с душем, благо и титан угольный совсем рядом через узкий коридор. Потолок занизили,

врезав под крышу увеличенный бак для воды. Окно забрали матовым стеклом, изнутри закрытым латунной же сеткой — чтобы если разобьют, то голого меня осколками не поранило.

Оба 'господских' купе стали двухместными, как в советских СВ.

Дальний холодный туалет также стал сиять надраенной латунью и из части тамбура сделали багажную кладовую, так что выход там был только на непарадную сторону.

В салоне появилась красивая мебель тропического красного дерева из довоенных еще запасов. Письменный стол с телефоном (связь с машинистом). Длинный стол для совещаний (он же обеденный) и шикарный диван с высокой спинкой. Вдоль непроходных окон узкие комоды для посуды, скатертей и прочих мелочей. На комоде в простенке медный самовар на медном же подносе со стационарным выводом трубы через стену. Две приятные для глаза люстры с масляными лампами. Шелковые шторы на окнах. Чистота как на корабле. Вся медяха золотом сияет. Не зря я пригрел в стюардах раненого и комиссованного подчистую старшего маата из отряда Плотто. Хромота тут в вагоне бывшему матросу не сильно мешает. И с матросской формой он расставаться не торопится. Как и с пистолетом Гоча.

Над письменным столом три фотографических портрета: императора, короля и маркграфа работы Шибза. Он действительно фотографический художник, наверное, один из первых в этом мире. Портреты непарадные и несколько экспрессивные.

На противоположной стене над диваном картина маслом с проплывающим над городом 'Черным драконом'. Ее Тавор пока бегал по городу увидел на рынке и сразу купил не торгуясь. Знал, шельма, что мне понравится. Неплохой художник, жаль денщик не догадался его фамилию спросить.

В принципе меня и прошлый салон удовлетворял, но приходиться соответствовать образу крутого фабриканта. Тут и деловых партнеров принимать придется, а те судят исключительно по одежке. Пока я военной формой спасаюсь от корявых понтов.

Большой мощный паровоз довоенной имперской постройки — одолжение от Бисеров, должен потянуть мой последний состав. К нему перед салон — вагоном сцеплены пять не отремонтированных паровозов и платформа с тремя компактными паровыми машинами с вертикальным котлом. Последние механики мне выломали в отстойнике из побитых маневровых паровозиков — есть у меня идея сделать на их основе гусеничный трактор. Пока трактор…

Паровоз этот я обязался принцу отправить обратно с составом лимонов. И как можно скорее. Принц даже полностью авансировал мне эти закупки. Хорошо, что я догадался взять с собой в путь свой почтовый вагон с сейфом, иначе, куда бы я положил такую кучу серебра. Из прибыли я вез обратно только долю Вальда. Остальное овеществилось в товаре.

Пришлось, пользуясь правами хозяина, взять дополнительно несколько ручных пулеметов с завода (официально на испытания новых стволов в горах). Только в почтовый вагон занесли пару. А то не дай ушедшие боги опять имперские 'махновцы' дорогу перекроют.

За салон — вагоном почтовый вагон с личным багажом и охраной.

Два пустых товарных вагона для закупок в Гоблинце. И вагон второго класса для сманенных в Рецию переселенцев.

Предпоследний мой грузовой состав с паровозом, который добыл для меня Молас (за очень дополнительные услуги с моей стороны) отправили сегодняшней ночью. Тавор убыл старшим эшелона с частью охраны.

Место моего денщика все теснее занимал стеснительный и аккуратный рец, а разбитной и проворный Тавор чем дальше, тем больше превращался в моего личного порученца. И это ему больше нравилось. Тем более что я после задвигания меня в резерв не заставлял его больше носить флотскую форму и разрешил пришить к мундиру реальные, а не бутафорские знаки различия. Тут уж я сам удивился, увидав на нем погоны фельдфебеля. Быстро растут люди на стезе 'стука'. Главное правильно выбрать, кому стучать.

Кстати о переселенцах. Когда я приглашал к себе на работу механиков с путейского отстойника, то я даже не предполагал, что реально таких беженцев придет к моему отъезду столь много.

Огемцев.

Удетов.

Куявцев.

И даже цугул.

С женами и детьми.

Все бывшие работники паромной переправы. Выгнали их ко мне война, мороз, голод и неустроенность.

Пришлось еще три пассажирских вагона срочно доставать. Бросить их тут мне совесть не позволила когда я в силах дать им кров, работу и заработок без потери ими человеческого достоинства. Люди они все рабочие, не креаклы какие. На втором разъезде от Втуца у меня всем работа найдется.

А 'кто есть ху' из них в дороге проверим. Озадачим человека

Моласа разработать для них единую анкету. Не зря этого неприметного офицера в эту массу внедрили под видом телеграфного связиста. (Не того связиста кто провода тянет, а того кто этими проводами руки за спиной связывает как шутили на моей родине). Вот и назначил я его старшим над этим табором на время пути. А кто ему сказал, что будет легко?

* * *

С Маарой все же решил проститься лично, а не посылать денщика забрать оставленные мной у нее в 'приюте' вещи. Иначе посчитал я, как-то не по — мужски будет. Уподоблюсь нашкодившему школьнику. И не ошибся.

Встретила меня чаровница радостно, ласково и даже очень мило поблагодарила за хорошую новогоднюю ночь. Попыток тащить меня сразу в койку не проявила. Притворно огорчилась, что мне пора уезжать 'уже сегодня'. Сказала, что всегда рада меня видеть у себя в гостях. Ласково поцеловала и добавила.

— Не торопись убегать, котик, тут к тебе люди едут, — на слове 'люди' она сделал акцент. — Я пока приготовлю тебе кофе. Сама.

Я успел не только попить кофе и поесть пирожных домашней выпечки, но и поболтать о том, о сем с Маарой. О пустяках.

Людьми оказались Крон с Лосем.

Последний поставил на стол дорогой кофр из толстой бычьей кожи. Видно, что тяжелый.

— Это тебе просили передать, Пулеметчик. Сам, наверное, знаешь кто.

Я, сидя в кресле, умудрился посмотреть на стоящего гиганта сверху вниз и медленно расставить точки над 'ё'.

— Ты берега не попутал, Лось? Это я для его величества ольмюцкого короля Бисера Восемнадцатого пулеметчик. А для тебя loschara 'ваша милость'. Что здесь?

— Семь кило рыжья, ваша милость, — пробубнил недовольный Лось.

Крон смотрел на эту сцену, слегка склонив голову к правому плечу, и смеялся глазами. Потом сел без приглашения и констатировал.

— Умеешь. Считать будешь?

— Зачем? Если вы скрысятничали, то вам не жить. Вы это и сами знаете.

— Верно мыслишь, ваша милость, крысы в нашей гильдии не выживают. Лось, выйди.

— Погоди, — притормозил я узлового смотрящего. — Что там у тебя с контрабандой?

— А разве незаметно, — пробасил тот, — по тому, сколько республиканского коньяка в последнее время появилось в продаже.

— Это который 'трофейный'? — спросил я.

— Он самый. Мы, ваша милость, вам пару ящиков в подарок приготовили. Заносить?

Я кивнул.

Лось стукнул в дверь, она открылась, и здоровенный парень внес на руках два деревянных ящика каждый на дюжину пузатых бутылок. Лось снял их по одному из его рук, поставил на пол, и рукой отослал свою шестерку обратно.

— Все честь по чести, господин барон. Только для аристократии, — не удержался он от подколки. — Двадцать лет выдержки.

— С республикой напрямую стали работать? — проявил я интерес.

— Если бы… Через два посредника на Соленых островах и еще одного в Скании. Всю экономию на пошлинах они и съедают. Так что берем ценой.

— А что вы от меня хотите, люди?

— Тропочку в Швиц, — подал голос Крон. — И посредников меньше и к шоколаду есть интерес. Мы дым — глину на нашей земле извели и на фронте ее нет. Так что… — намекнул он, что я вроде как им должен.

Ага… Три раза. Думают, что если моя штурмовая рота с города домой съехала, то и кишки им выпустить некому? Но на понт берут…

— Когда вы только считать научитесь? — покачал я головой. — Через горы стирх несет во вьюке четыре таких ящика, — стукнул я носком сапога по деревяшке. — А сколько их везет шхуна? А шоколад можно в Швице купить и так. За деньги. И нормально провезти его через границу. Пошлина на него мизерная. Нет смысла вязаться с контрабандистами. Я вижу пока только один товар, который есть смысл таскать через горы — часы.

— Часы? — удивился Крон.

— Да, обычные часы в стальном корпусе. Со штампованным механизмом, но на камнях. Весьма востребованный сейчас товар в окопах у офицеров, да и у унтеров. Их штамповка лучше нашей, качественней. Секундная стрелка есть. Стоят серебро, а продать можно за золотой. И во вьюк влезает их много. А везут их к нам мало, потому как пошлина запредельная заявлена, чтобы не

губить имперских часовщиков. Основной сбыт пока у швицев на такие недорогие аксессуары — колонии. Республика та же. Но могут и больше делать — был бы спрос.

— Сведешь? — спросил регент Ночной гильдии с интересом.

— Весной поговорим об этом, Крон, ближе к маю. Сейчас в горах снег лежит. На тропах вообще лед. У контрабанды отпуск по погодным условиям. Может, что и срастется. Еще какой интерес?

— Лимоны?

— Присылай вагоны, пустые бочки и деньги. Что-нибудь найдем. Насколько я понимаю, в Будвице вы их толкать не будете?

— В Сканию пойдут, — ответил Лось. — Морем.

— На меня в Реции не выходите, — поставил я условие. — Тавора знаете?

Главари Ночной гильдии кивнули.

— Связь там через него. И в Реции ведите себя тихо. Там резких очень не любят. Так что предупредите своих коммивояжеров, которых к нам пошлете, что борзость плохо отражается на доходах.

* * *

В дороге я вернулся к своему химическому пасьянсу и чтению научных талмудов этого мира. Господи, что за язык у местных науковников… такое ощущение, что они специально пишут так, чтобы нормальным людям их писанину было не понять.

— Ты увлекся химией? — Гоч был очень удивлен, когда наконец-то обратил внимание на мои путевые занятия.

— А почему нет? — ответил я как заправский одессит, улыбаясь. — У всех разные увлечения. Кто увлекается химией, а кто горничной…

Хотел я поначалу ответить ему, что 'кому поп, кому попадья, а кому попова дочка', но вовремя вспомнил, что в этом мире нет никаких служителей культа за отсутствием самих государственных культов. Маргинально существуют какие-то женские монастыри невест ушедших богов, краем уха слышал о монотеистической секте оставшегося бога — хранителя этого мира, но все они были вне гражданского общества. В этом мире боги сами по себе, а люди сами по себе. Так что русская пословица была бы моим партнером не понята.

Гоч смутился.

— Не смущайся, как девица, Имрич. Дело-то житейское.

— Да, но…

— Я бы на твоем месте на ней женился. Она красива, обходительна, вежлива и с понятием. За все время, пока у тебя служит, она никому не дала ни одного намека на ваши особые отношения. Не говоря уже о большем.

— Но я теперь барон… — пожал плечами Имрич.

— Ага… тогда попутного ветра в спину, — откинулся я на спинку кресла. — Женят тебя в столице по приказу императора на засидевшейся в девках баронской или графской дочке, этакой кукле которую интересует только твой доход на ее наряды и увеселения. А ты весь в работе. Итогом у тебя вырастут такие рога, что в дверь проходить не будешь. А вся ее родня будет тебя шпынять при каждом удобном случае, что ты дворняжка без родословной, как у скаковой лошади с ипподрома. Плебей их дочки недостойный…

По выражению лица Гоча я понял, что ни о чем таком он даже и не думал. А может и думал только в некоем романтическом флере средневековых рыцарских романов. И нарисованная мной реалистичная картина будущего мезальянса ему явно не понравилась. Гоч по своей натуре типичный мещанин. Бюргер если хотите. Или если совсем по — французски — буржуа. С местной аристократией еще серьезно не пересекался.

— Любишь — женись, — посоветовал я. — Эта женщина, Имрич, даст тебе то, в чем ты нуждаешься больше всего… крепкий тыл и домашний уют. Красивых и воспитанных детей.

Поезд второй день катил по империи, оставляя за собой Огемию и Удеты. У меня было достаточно времени, чтобы присмотреться к гочевой пассии. Вагон все же очень ограниченное пространство.

— Но… вряд ли мы успеем… И… вообще… — замямлил Гоч.

— Тебе нужно взять за женой большое приданое? — спросил я.

— Желательно, но не обязательно… У меня сейчас и так денег больше чем я могу потратить, — чувствуется, что Гоч вообще не думал о своей будущей семейной жизни, не входит это в сферу его интересов.

— Было бы желание, — ответил я. — Все решаемо. В Гоблинце мы делаем большую остановку. Там, пока я бегаю по фабрикам, вы можете сделать брачную запись в ратуше. А саму свадьбу пышно сыграть уже в Реции. Со свадебными генералами. Кстати оставшееся время — а там мы пробудем весь световой день, я бы тебе посоветовал, потратить на обновление собственного гардероба. И невесту приодеть сообразно ее новому статусу. В Гоблинце лучшее готовое платье в империи шьют.

Подгонка по фигуре быстрая на месте. Это даже моя неизбалованная жена заметила.

Поделился я опытом и Гоч задумался.

— Решай быстро, Имрич, — подтолкнул я его. — Или император все решит за тебя. Ему нужно привязать тебя к центральным землям. Легче всего это провести через женитьбу, которая тебе будет льстить.

И кинул последний шар в лузу.

— Я тебе на свадьбу свой дом в Будвице подарю, чтобы вы на заводском чердаке не бедовали. И брусчатку из Реции пришлю — улицу замостить.

Гоч машинально вынул трубку из кармана.

— А курить марш в тамбур, — рявкнул я. — Ты еще не генерал.

* * *

Генерал Молас посетил мой салон — вагон перед самым отбытием поезда из Будвица, когда мы делали короткую остановку у перрона сортировочной станции, ожидая своей очереди на рельсовую магистраль.

Уже стемнело и только раскачивающиеся на ветру фонари под жестяными отражателями давали неверный свет.

Молас вошел, огляделся, внимательно осмотрел портреты правителей, хмыкнул многозначительно, но ничего по этому поводу не сказал. Сел за стол совещаний. Раздеваться не стал, только шинель расстегнул хвалясь красной подкладкой и шапку на стол бросил. Сразу вынул трубку, набил ее и прикурил от спички.

По салону пополз сизый дым.

— Чай, кофе или сразу водка? — спросил я, невольно морщась.

— Водка, — кивнул генерал. — Все же проводы у нас.

Я отдал необходимые распоряжения. И прислуга, включая гочеву горничную, забегала как наскипидаренная.

На столе моментально появилась скатерть, ставились приборы…

— Нам пока лучше пересесть за письменный стол, — предложил я и Молас это предложение принял.

Генерал посмотрел на мой пасьянс на столе, повертел в руках пару книг.

— Не знал, что ты еще и химией занимаешься, — прокомментировал увиденную картину. — Что это будет? Новая

взрывчатка?

— Никак нет, экселенц. Это будет новый фундаментальный закон мироздания, — ответил я не без гордости. Такой свидетель мне пригодится в будущем, когда после войны стану меряться приоритетами с другими учеными.

— Когда ты на все время находишь? — в голосе второго квартирмейстера фронта прозвучала завистливая нотка.

— Так я теперь не у дел, экселенц. Вашими молитвами, — не удержался я от подколки.

— Золото тебе принесли полностью? — в его голосе прозвучала нехилая озабоченность.

— Ваше превосходительство, — ответил я с улыбкой, — это же не мелкие жулики, а вполне серьезные и ответственные люди, которые мелочь по карманам не тырят. Они под вашей 'крышей' только на контрабанде коньяка большие деньги заколачивают. Отрабатывают хоть?

— Отрабатывают, — подтвердил генерал вполголоса. — Даже во вкус вошли. По некоторым дисциплинам выступают как эксперты и инструкторы. Уголовный мир для разведки целина непаханая. И прикрытие великолепное. В случае провала сроки мизерные. А под царскими лазутчиками здесь земля горит. Но сложный народец. Отца бы моего сюда он бы их быстро построил… Кстати, это ты Бьеркфорта настропалил рейд по царским тылам сделать?

— А что не надо было?

— Да нет… Вроде как вписывается. Только другого генерала планировали отбирать у царцев правый берег у Щеттинпорта.

— Если хотите знать мое мнение, экселенц, то я бы поставил на этого неугомонного удетского графа.

Молас кивнул, оглянулся. Потом спросил вполголоса.

— Эта девка вам кто?

— Вроде как невеста Гоча, — отвели я также вполголоса, чтобы она не услышала. — Горничной у него работает в заводоуправлении.

— Проверим… — пообещал генерал и вынув из внутреннего кармана шинели толстый пакет, протянул его мне. — Ознакомься на досуге. Времени в дороге у тебя много. Я в Рецию раньше весны не попаду. А вот когда приеду, тогда поговорим плотно по делам нашим скорбным.

— Что так мрачно?

— Да нет, это присказка у меня такая. От отца досталась, — улыбнулся генерал.

— Господа, все готово. Прошу к столу, — колокольчиками разнесся по салону голос горничной.

— Гоча позови, — приказал ей генерал, взяв бутылку можжевеловки и разливая водку в три рюмки. На закуски он внимания не обратил. А стоило. Такого разнообразия домашних огемских разносолов я еще не видел. Никак горничная с собой натащила.

— За ваши предприятия, господа, — сказал Молас тост, когда к нам присоединился конструктор. Дама его осталась в купе.

— За ваши светлые умы. За дорогу чтоб стелилась под колеса скатертью.

С улицы раздался колокол дежурного по перрону и, торопливо выпив, Молас заспешил к выходу, застегивая на ходу шинель.

— Удачи вам, — сказал он, обернувшись в дверях под второй колокол. — Не забудьте про мой заказ.

— Какой заказ? — спросил меня Гоч.

— В дороге расскажу, — пообещал я. — Тебе будет интересно.

Звякнула третий раз рында и поезд мягко тронулся, увозя меня к новому этапу моей жизни. Но Будвиц мне не забыть уже никогда. Этот город меня в люди вывел.

* * *

Поздно ночью, когда Гоч отмокал перед сном под душем, его горничная неожиданно принесла мне чай, вместо моего денщика.

Поставила поднос на обеденный стол, сервировала все красиво. Дождалась, пока я обращу на нее внимание и медленно поклонилась мне в пояс.

Вот так-то…

И ушла к себе в общее с Гочем купе, так и не проронив ни слова.

* * *

Умная женщина.

Напившись чаю, я занялся пакетом Моласа до которого наконец-то у меня дошли руки.

В пакете находилось несколько десятков листков бумаги с типографским шрифтом больше похожих на прокламации или листовки, кому как угодно называть такое творчество. На нескольких языках, как я понял не только основных наречиях воюющих сторон. Назывались они одинаково 'Штык в землю!'.

Текстовка состояла полностью из лозунгов 'долой войну, которая нужна только фабрикантам и банкирам, превращающим кровь солдат в золото', призывов к братанию воюющих солдат 'остановить войну явочным порядком'. Если солдаты откажутся разом воевать, то никакие правительства их не заставлять убивать друг друга. Заканчивался текст довольно веселым лозунгом: 'Какая может быть война, когда посевная на носу! Штык в землю!'

Подписаны все листки одинаково 'Всемирной лигой социальной справедливости'.

Интенационалка, значит. Маркс им в дышло с Энгельсом в другую дырку.

Это полный попадос!

В прокламациях не хватало только призыва обратить войну империалистическую в войну гражданскую. Но такие злые гении как Ленин не в каждом мире рождаются. Это надо совсем отмороженным сифилитиком быть, чтобы желать поражения собственной стране. Конечно, каждая война кончается миром, но легче всего остановить войну, тупо капитулировав перед врагом. Встать раком и раздвинуть половинки для удобства победителя, как это сделали французы в 1940–м. В нашем мире.

К прокламациям прилагался анонимный листок с краткой справкой о Всемирной Лиге социальной справедливости. Образована Лига на 'всемирном' учредительном съезде в столице Объединенного королевства Соленых островов (кто бы сомневался?) за пять лет до начала войны. Имеет ячейки почти во всех странах континента. Официально разрешена как политическая организация только на Соленых островах, где занимается сугубо профсоюзной деятельностью по улучшению труда и быта промышленных рабочих (Это-то понятно — они же на войну работают…). Крестьяне для Лиги 'извечный навоз, удобряющий поля истории'. Ярко выраженного лидера нет или он очень хорошо законспирирован. Штаб квартира находится в Швице, но национальной швицкой секции Лига не имеет. (Естественно, не стоить гадить где живешь, понимают.) Источники финансирования не выявлены, однако суммы, которыми оперирует Лига, существенны. В приложении дана примерная калькуляция затрат на некоторые акции Лиги.

В империи секция Лиги находится в подполье, так как изначально занесена в реестр внутренних врагов после первых же выступлений с призывами к всеобщей стачке с требованием дарования имперского парламента, ограничивающего власть императора. Действительно, что хорошего может придти с островов?

Мда… не стоило мне такое читать на ночь…

Тут действительно ВЧК создавать придется по их же рецептам… Интернациональным. Клин клином…

Молас… Молас… не так ты прост, как хочешь казаться.

Но вот интересно мне другое… Зачем он это все отдал именно мне? Теперь я это узнаю только весной.

* * *

В Гоблинце как всегда хорошо и красиво. Чисто от снега очищенные до брусчатки улицы и все катят на колесах, санок нет. И самого снега тут падает с небес меньше, чем в Огемии. И цвет его в городе природный, а не серый от копоти металлургических заводов. Оттого и город кажется нарядней. Температура около нуля, но все кого, что не спроси, обязательно с ужасом вспоминают аномальные морозы прошедшего декабря.

Наученный прошлыми посещениями этого богоспасаемого места я взял извозчика только до центра города. Потому как нанимать 'таксиста' в центре выйдет намного дешевле, особенно если наем долгий. Привокзальные биндюжники, впрочем, как и в любом другом мире больше на лоха ориентируются и скорую прибыль. Вокзал место бойкое, а биржа извозчиков на нем спаянная. Чужаков пускают к себе только на высадку пассажиров. Или вступай в биржу, плати входной билет. А тот не дёшев. Гражданское общество в химически чистом виде — власть неправительственных организаций.

Около большого нового двухэтажного универмага уже в войну достроенного я нанял на весь день две пролетки — одну для Гоча с его пассией, другую для себя. Гочу выбрал карету пообъемней — они с покупками возвращаться будут. Выдал задаток водителям кобыл и отбыл по списку адресов составленным еще в Будвице.

Помотавшись по фабрикам, нашел почти все мне потребное прямо 'от станка', но наполнить удалось только один вагон. Хотя караван тележек влекомых неутомимыми стирхами был впечатляющий.

Оставшийся вагон забил новенькими бочонками местного изготовления толстой клёкпки. Все равно мне тару покупать для принца — лимоны ему отправлять. А тут оптом с пакгауза вышло дешевле. Так что в бочку засовывали большой бочонок, а в тот еще впихивали маленький. Воздух возить самое дурное дело для коммерсанта. Так что еще и на платформу с вертикальными машинами бочек навязали и в свободные места паровозных тендеров их напихали, даже в будки машинистов и те

использовали.

Устал как собака, чего не скажешь про Имрича с Онежкой. Те от шопинга как зарядились энергией. Я уже не говорю про бедный почтовый вагон — Имрича на радостях прорвало. Чемоданы, баулы, коробки, коробочки, кульки, свертки… Правда брак им не оформили, а только помолвку, но она здесь имеет права юридического обязательства. Жениться же они могут через две недели в любом другом месте по предъявлению этой бумаги.

Проверил, как там мои переселенцы бедуют. Вроде жалоб нет. Связист, не выбиваясь из бюджета, вполне справляется с питанием такой оравы и смазкой неизбежных трений, которые возникают в любой скученной группе незнакомых людей. А может все немного проще, оттого что все они железнодорожники и быт вагонный им в привычку. Да и едут они хоть и в неизвестность зато с надеждой на лучшую жизнь.

И только после всех хлопот, когда вывели нас на магистраль и чугунные колеса под нами застучали свою железнодорожную песнь, сел отмечать помолвку друзей. Война войной, а жизнь продолжается.

Гоч был явно не в своей тарелке, зато Онежка цвела и пахла, ее счастья хватало на всех.

По такому случаю я распечатал республиканский ящик и выставил на стол двадцатилетний коньяк. Для такого напитка как раз хороший повод.

Оружейный барон империи женится.

По любви…

Завидуйте все.

Только я не завидую, я скучаю… По жене и сыну, которым богатые подарки не заменят вечного отсутствия дома отца и мужа.

* * *

Второй разъезд меня встретил стройкой и образовавшимся, откуда ни возьмись вторым лагерем для военнопленных и группой геодезистов, которые нагло поселились в бараке, который построили пленные из моего дерева для моих же переселенцев. Пришлось применять силу и выкидывать наглецов на улицу.

Супротив рецких егерей эти имперские замухрышки даже не сопротивлялись. К тому же у них никаких разрешительных бумаг с собой не было.

Главного геодезиста сразу поставили на правеж: кто, что,

куда, кто приказал?

Узнав, что стоит 'ровно голенький' перед самим Кровавым Кобчиком мужичонка сдулся как шарик и всех сдал как на духу. Я наивный думал, что рейдеры это изобретение двадцать первого века. Ан, нет… Эти перцы тут для каких-то левых имперских аристократов земельку перспективную подбирали на отжим, пока официально она не является еще землей поселения. С целью перепродать задорого.

Наложил на них епитимью — сделать мне полный геодезический план всей территории возможного города. По оба берега реки.

И никаких копий. В одном экземпляре.

Работать будут геодезисты по специальности, но под конвоем, на своих харчах. Жить в лагере для пленных. Ибо накосячили. Не то есть для них отличная возможность поменять нивелир на кайло в рецких рудниках… лет на десять. Земля тут герцога, а его никто не спрашивал, можно ли тут слегка порезвиться за его счет. И нанявшие их земельные барышники ничем не помогут,… отступятся. Знать, мол, не знаем таких красивых геодезистов, и ведать, не ведаем.

Начальник лагеря царских саперов, получив от меня втык, типа 'куда глядел?', от всего открещивался.

— У меня свой лагерь, своя ответственность и что вокруг него происходит, меня не интересует. Побегов не было. Нарушений дисциплины тоже. Работы ведутся по графику.

— А кто тогда разворовал эшелон бревен?

Молчит, рассматривая носки сапог.

— Будешь молчать пойдешь под суд, — пригрозил я. — И как минимум окажешься на фронте. И не капитаном, а рядовым штрафной роты. На восточном фронте тыловых воров я просто ставил к стенке под салют из дюжины ружей.

— Да стреляйте, я за других не ответчик, — огрызнулся капитан.

— Пока свободен. И учти, что покрывая воров и расхитителей, ты уже совершаешь преступление, потому как бревна украдены с военного объекта — завода моторов на которых воюют бронепоезда. Так что как минимум — соучастие в виде недоносительства.

— Донос противен чести офицера, — гордо задрал он нос.

— Офицеры на фронте воюют, а не с пленными в глубоком тылу дефицитные бревна воруют, — налился я яростью.

— Да как вы смеете, лейтенант! — капитан явно был оскорблен в лучших чувствах.

— Гвардии лейтенант, — поправил его я, намекая, что мы с

ним в равном ранге. — И я смею. Три моих ранения и контузия смеют. Рыцарский крест мой смеет бросать вам в лицо такое обвинение. Не можете перенести позора? Идите и застрелитесь. Вам на это пять минут. Свободны.

Когда капитан вышел из салон — вагона, я приказал начальнику своей охраны.

— Через пять минут, если он будет еще жив, арестуйте его. И тащите ко мне второго начальника… Развелось, понимаешь начальников лагерей как тараканов, а на фронте ротных не хватает.

В салон из купе вошел Гоч с нравоучением.

— Савва, а не слишком ли ты круто берешь? Не по чину, — и сбавив голос до шепота добавил. — Онежку напугал ты до смерти.

— Да я… — завелся было и осекся на полуслове. Я больше не комиссар ЧК. И здесь совсем другая страна. — Пошли, Имрич, на телеграф. Прогуляемся по свежему воздуху.

Отбил телеграмму на филиал 'Гочкиза', чтобы выслали нам сюда железнодорожную летучку — маневровый паровозик с парой вагонов.

Вторую — герцогу о том, что вскрылись хищения в крупных размерах, веду дознание, прошу выслать на второй разъезд следователя прокуратуры.

Третью — Вальду, выслать ко мне на разъезд взвод штурмовиков для поддержки следственных действий.

Выйдя из административного здания разъезда, посмотрел на второй целенький эшелон с бревнами, торцы которых закрашены веселенькой желтой краской (сурика под рукой не оказалась в Будвице) и пришла в голову идея.

Как бы прогуливаясь (а Имрич действительно воспринимал мой перипатетический приступ как прогулку) беседуя с партнером о заказе Моласа, я осмотрел все завалинки в поселке железнодорожников и увидел практически в каждом дворе по нескольку бревен с желтыми торцами. Сквозь штакетник их хорошо было видно.

Поселок как вымер и только в одном двое пожилой мужик рубил несортовые плашки на дрова.

— Доброго здоровья, отец, — крикнул я через забор. — Ушедшие боги в помощь.

— И вам того же, — воткнул он топор в колоду. — Надобность какая у вас ко мне?

— Да вот спросить хотел. Не продадите ли нам пару бревен. Очень надо.

— Не — е–е… Не продам. Самому нужны. В баньке нижние

венцы подгнили менять надо.

— Жаль…

— Совет дам. В новом лагере пленных. Найдите там расконвоированного фельдфебеля по кличке Билык. У него купите. Только он дорого дерет, сволочь. Одно слово цугул.

— А начальник лагеря?

— Тот вроде как не причем. Но ясно дело, что этот Билык с ним делится.

— Спасибо отец. Хранят тебя ушедшие боги.

И повернувшись к Имричу, сказал вполголоса, уводя его в нашему эшелону.

— Что и требовалось доказать. Вовремя приехали, а то и второго эшелона с бревнами бы не увидели. Пошли обратно. Я тут задержусь по делам, и эшелон задержу. А ты бери свою кису и на летучке езжай с ней на завод во Втуц. Там вас моя пролетка ждать будет, кучер домой отвезет. Заселяйтесь. Жену мою ты знаешь. Домоправителем у меня Зверрзз, также тебе хорошо известный. Нечего тебе тут на семи ветрах торчать, лучше посмотри свежим глазом по филиалу, что у нас тут не так.

* * *

Залп прозвучал, будто с треском порвали плотную ткань. Птицы в небе шарахнулись в разные стороны.

Две фигурки, сломавшись, упали на край ими же выкопанной могилы.

Лейтенанты — субалтерны расстрелянного капитана стояли, понурив головы. С них еще до расстрела начальника сорвали погоны, приговорив к трем месяцам штрафной роты на западном фронте. Начальник лагеря был по национальности отогуз, видимо поэтому так быстро и спелся с фельдфебелем цугул, по — соседски. Летехи, как показало следствие, совсем не при делах, да и на службе-то всего без году неделя. Просто попали, походя под раздачу, дабы другим неповадно было закрывать глаза на преступления непосредственного начальства. Не повезло.

Капитан лагеря саперов с ними за компанию шел в штрафную роту. Рядовым. За попустительство.

Вторым расстрелянным был приснопамятный Билык, организатор всей аферы с бревнами.

Помощников Билыка из пленных осудили на десять лет каторги, и кузнец уже ладил им на ноги кандалы.

Строй самих пленных цугул хранил молчание с явным привкусом страха. Небось, когда в плен отогузам добровольно

сдавались, думали что в империи им везде медом намазано. Нет, субчики, тут надо заработать возвращение домой тяжким трудом.

— Подпишите акт, ваша милость, — подошел ко мне выездной судья военно — полевого суда.

— Вы сразу обратно?

— Что вы… Я еще на сутки у вас задержусь все бумаги оформляя, хотя им цена теперь только как единицы архивного хранения. Но порядок такой. С транспортом во Втуц мне подсобите?

— Обязательно, советник. Как и с приглашением на обед ко мне в салон — вагон.

Гоч с невестой уехали еще вчера так, что где судью расположить с комфортом у меня есть. И кормить нас будет денщик. Простой домашней едой.

И выпить сегодня надо обязательно. Тяжелое это дело вот так людей убивать спокойно, по — палачески. У егерей есть хоть надежда на доставшийся именно ему холостой патрон. Но я-то точно знаю, что холостых патронов не было. Сам заряжал.

* * *

Я стоял в рабочем кабинете герцога при полном параде навытяжку и на все его посулы, отвечал категорическим отказом становиться главным инспектором лагерей военнопленных в Реции.

— Да поймите те же, ваша светлость, что я их всех через одного расстреляю на месте. Окопались в тылу и воруют. Кому война, а кому мать родна. И что удивительно ваших подданных среди начальников лагерей практически нет.

— Нет, потому что отказываются от 'такой чести', — буркнул герцог. — Вот так как ты сейчас. А я на тебя надеялся…

— Осмелюсь спросить, ваша светлость, надеялись вы на меня или на мою репутацию Кровавого Кобчика? Или на то, что я с горы Бадон спустился?

— Ты это… не наглей выше меры, — слегка повысил голос Ремидий. — Что у тебя еще?

— Прошение об откомандировании гвардии инженер — унтер — офицера Болинтера из штурмовой роты на второй разъезд начальником строительства завода с соответствующими властными полномочиями.

— Хорошо, — сделал Ремидий запись в блокноте. — Что еще?

— Проект указа о статусе расконвоированного военнопленного, давшего присягу служить герцогству

добровольным помощником. Естественно отбирать нужных нам специалистов, которых среди пленных много.

— Не боишься, что такие помощнички сбегут без конвоя?

— Никак нет, ваша светлость. У меня на конезаводе несколько таких специалистов служат не за страх, а за совесть. Их я оформлял в добровольные помощники еще властью королевского комиссара в Будвице.

— Добро. Только пока на твоем разъезде. А там видно будет, куда заведет нас твой эксперимент. Зная тебя, предположу, что список у тебя, наверное, уже готов?

— Так точно, ваша светлость, — я вынул из папки пару листов и положил на каменную столешницу.

Герцог размашисто написал в верхнем углу 'Быть по сему'. Отдавая мне списки 'хиви' спросил.

— Мне доложили, что ты опять подал заявки на привилегии. Что на этот раз изобрел? — в глазах правителя земли Рецкой играла заинтересованность.

— Железобетон, ваша светлость. Известный всем бетон — смесь порошка из мергеля, песка, щебня и воды армированный железными прутьями с особой насечкой. Скользящую опалубку для его заливки. И сам способ вязки такой арматуры.

— Арматуры?

— Да, ваша светлость. Эти металлические прутья с особой насечкой при их изготовлении я назвал арматурой. Наилучшее применение железобетон найдет при строительстве долговременных фортификационных сооружений. Но и в гражданском строительстве его много где можно применить. К примеру, при строительстве мостов, акведуков, укрепления берегов рек… Даже железнодорожные шпалы из него можно отливать массово. Служить будут втрое дольше деревянных шпал и не требуют пропитки креозотом. Также с бетонными шпалами можно заранее монтировать на заводе секции на всю длину рельса и укладывать их с помощью крана на специально оборудованной железнодорожной платформе, что резко ускорит прокладку железных путей. Принцип я запатентовал, но создавать такую машину я жду приезда своих соавторов по пневматическим молоткам и рубилам — Вахрумку и Дубчека. Им с ней работать.

— Что еще?

— Незамерзающая на морозе графитовая смазка на основе нефтепродуктов.

— Интересно, — улыбнулся герцог. — И то и другое у нас в Реции есть. Полезный ты для герцогства человек, Савва.

— Вот и не стоит меня употреблять как обычного чиновника для инспекций, ваша светлость.

— Не буду. Теперь вижу, что Бисер прав, когда настаивает на том, что тебе необходим отдых. Реакции у тебя действительно нервические. Понимаю… с неба падать, это еще само по себе пережить надо. Что ж, больше тебя не задерживаю. Отдыхай пока.

— Ваша светлость?

— Что еще?

— Осмелюсь спросить, почему, признав своих внуков, вы оставили Альту у меня?

— Шаль у нее брал? — брызнул в меня Ремидий жестким взглядом. — Вот теперь и неси за нее ответственность. И за моего младшего внука, который остается при матери до семи лет. Ты теперь его воспитатель и соответственно мой камергер по дворцовой табели. Флигель Ивана в моем саду по — прежнему твой.

— А если у нее будут еще дети? — спросил я. — Моя жена категорически потребовала чтобы я их на руки не брал.

— Вот истинная горянка, — воскликнул герцог не то в осуждение, не то в похвалу. — Передай от меня баронессе, что будущее твоих совместных детей с Альтой, обеспечим как я, так и их сводные братья. Альта теперь не чужая нашему дому. Каждый их них получит при рождении поместье и дворянский статус за счет Дворца. Сводные братья и сестры рецких графов это не седьмая вода на киселе.

Герцог шумно выдохнул, налил себе воды из графина и жадно выпил. Поставил стакан на стол и жестко спросил.

— Вот скажи мне, Савва, зачем ты у Альты шаль взял?

* * *

Когда я наконец-то добрался домой, то на мне с визгом мне повисли две женщины сразу. Жена и ясырка. И вот тут-то мне поплохело не по — детски. Слава ушедшим богам, что двух тещ одновременно у меня не будет. А все просто. Пока я таскался через всю империю в отставку подавать, Альту с сыновьями вызвали во дворец. А остановилась она естественно в доме своего господина. И там эти две женщины спелись настолько, что теперь подруги не разлей вода.

И сыновья их вместе. Правда, только младший Альты с нами — старшего у нее забрали на воспитание во Дворец. Он теперь символ наших гор и их надежда. И воспитывать его будут по особой программе как будущего правителя. Общение с матерью раз в месяц.

— И то хорошо, — весело прокомментировала Альта. —

Отослали бы в Пажеский корпус, видела бы я его только раз в год. В лучшем случае.

Дальше была пьянка, пир горой, как положено. Кобчик домой вернулся!

Постоянное обсуждение будущей свадьбы Гоча с Онежкой.

К его пассии мои женщины отнеслись гостеприимно, но не более. Хотя и принимали активное участие в приготовлениях будущего торжества. Но как мне показалось, они в этом действе ловили свой особый кайф. Составляли списки гостей, выбирали ресторан, обсуждали меню, считали затраты… А в перерывах мерили на себя онежкины обновки из Гоблинца. Но особой дружбы не возникло. А жаль.

В баню меня водили сразу обе моих женщины.

И в спальню тоже.

Там, поцеловав по очереди меня и Альту, Элика сокрушенно сказала, что ей теперь нельзя и погладила себя по животу, пояснив для неразумного меня.

— Дочка не позволяет.

И ушла в другую спальню.

— И что все это значит? — спросил я оставшуюся фемину.

— Я тебе не нравлюсь? — Альта в ответ надула губки.

— Просто я ничего не понимаю.

— А тебе и не надо ничего понимать. Ты просто люби нас. Обеих.

— И каков теперь твой статус?

— Твоя ясырь. Жена у тебя и так есть.

— Но, ты же мать графов. А я их поданный. Всего лишь барон.

— Ты должен был стать сыном Ремидию, но ты возвел в этот сан моих сыновей. Они теперь по закону и обычаю его сыновья. Он их взял по очереди на руки и показал всему Двору. Князь Лоефорт поздравил Ремидия от лица императора, который прислал хартию с признанием моих сыновей наследниками по крови.

— Вот, вот… Ты должна была занять подобающее тебе место именно как мать графов.

— И что бы я делала во Дворце? Сохла бы в светлице? А так… ты, Элика и Митя стали через меня частью правящей семьи, как ты и заслужил это кровавой тризной на полях сражений. Ремидий согласился со мной. Он вообще очень умный и добрый старик. Настоящий дед моим сыновьям. Расстегни на спине мое платье и расшнуруй этот проклятый корсет. Как я его успела возненавидеть.

— Так не носи…

— Как не носить? Мне все уши придворные статс — дамы прожужжали: этикет, протокол… Я теперь тоже придворная, вот.

— Как это? Ты же моя ясырка?

— Ясырка я по обычаю. А по закону я твоя конкубина. В этом нет ничего зазорного, раз я родила сыновей как конкубина покойного Битомара. Вы все теперь моя родня. Родня, которой у меня никогда не было. И я вас всех люблю.

— Без бутылки не понять….

— Принести выпить?

— Нет… Это так… присказка такая. Когда что-то непонятное…

— Ремидий тебя привечает.

— Да… он сделал меня сегодня своим камергером. И воспитателем младшего графа.

— Вот видишь как все здорово… И 'Отрадное' осталось нам. Спасибо, теперь стяни эту чертову юбку через голову. Какой идиот придумал такой дурацкий фасон?

— Ты носишь пояс для чулок?

— Элика подарила. Удобная вещь. Знала бы, кто такую прелесть придумал — расцеловала бы.

— Можешь начинать.

— Чего начинать?

— Целовать. Это мое изобретение, которым меня до сих пор шпыняют в газетах.

— Ну, тогда держись! — накинулась на меня Альта.

* * *

Наказать-то расхитителей бревен наказали, а вот вернуть затраты мне не удалось. У железнодорожников отбирать по три бревна с каждого двора как-то нехорошо — они деньги платили, добросовестные приобретатели для любого суда. А тех денег, что у Билыка нашли то и трети не покрывало от стоимости эшелона. Да и не деньги мне нужны, а бревна. Лесопилка на подходе готовности к пуску.

Пришлось писать кронпринцу слёзницу в Будвиц и отправлять ее с эшелоном обещанных лимонов.

Тавору, когда тот вернулся с конезавода, (он лично сопровождал в имение лошадей с ниркитами), просто дал в глаз за бесхозяйственность. Кулаком. Поставил так сказать на вид. Вальда не мог привлечь к охране? Точнее штурмовиков в его распоряжении?

В общем, расстроился я.

Неделю после этого не выходил я с подворья.

Отдыхал душой, как было приказано герцогом.

Зимние подковы ковал для стирхов и лошадей. Попутно гоняя из кузни от огня и окалины любопытного воспитанника. Пять лет — самый пытливый возраст. И все равно граф Кардос через десять — пятнадцать минут, когда ему надоедало глумиться над хрюшкой, опять появлялся в дверном проеме с очередной почемучкой. Разве что не спросил меня, почему во рту темно.

А мой сын пошел, смешно ковыляя и держась за мамкину руку. Умилялись все. Первые шаги нового человека это… это… это просто здорово!

Прервался от этих занятий я только на свадьбу Гоча, которую пышно отпраздновали со 'свадебным генералом' — ее почтил своим присутствием сам Ремидий, заставив об этом торжестве говорить весь город. Там же за свадебным столом я впервые увидел всех своих деловых партнеров разом. По всем рецким предприятиям.

Всю подготовку к торжеству взяли на себя наши женщины и Зверзз. Имрич если не на заводе пропадал, то в домашней мастерской слесарил. И таки отслесарил к своей свадьбе одноствольный и однозарядный дерринджер с интегрированным сетчатым глушителем. Под царский револьверный патрон. Со скоростью перезарядки как у охотничьей переломки с полуэкстрактором. Сам пистолет очень напоминал на первых порах кулацкий обрез типа 'смерть председателя'. Только третий опытный образец смог похвастаться хищной эстетикой, приемлемой эргономикой и по размерам входить в подмышечную кобуру.

Я активно поддержал партнера, разумно посчитав, что раз такое оружие готовиться для тихой ликвидации, то если исполнитель дурак, то ему и 'Беретты' с полным магазином не хватит. А мастер лишних патронов не тратит.

Вторая задумка реализовалась мимо рамок задания — навинчиваемый глушитель на 'миротворец' с укороченным стволом. (У меня личный пистолет Гоч на переделку отнял, нехорошая редиска). Колпачок со ствола свинчиваем, глушитель туда привинчиваем. Сам глушитель предельно близок к тому, который кустарно изготавливают агенты 'Моссад' — медные шайбы и гуттаперча слоями в трубке. Гуттаперча, конечно, слабая замена специальной резине, но не все сразу. Недостаток с точки зрения генерала Моласа у такого комплекса всего один — наш патрон. Но Гоч обещал сделать 'миротворца' под патроны армий противника'. Совсем звук от выстрела не убрался, но стал

намного тише и перестал быть похожим на звук выстрела.

Счет в банке у Гоча пополнился одной тысячей золотых. От Моласа. Той, что до поры хранилась у меня.

И еще Гоч экспромтов прочитал закрытый доклад в Рецком политехническом обществе о перспективах автоматической механики в применении к огнестрельному оружию и был избран членом — корреспондентом нашего общества единогласно.

На обратный путь в Будвиц герцог расщедрился и выделил молодоженам свой салон — вагон во втором цитрусовом литерном экспрессе 'от нашего стола к вашему столу'.

После отъезда партнера в главную квартиру 'Гочкиза' я подал заявку на гражданский патент лабиринтного глушителя для двигателя Болинтера. Совместно от меня и Гоча. Жаль оставлять втуне столько идей, которые нас посетили в процессе работы над заказом Моласа.

* * *

В город мне совершенно не хотелось. После получения гражданского патента на железобетон газеты взорвались поносными статьями о диком горце, контуженом на всю голову, который придумал, как надежнее закопать в землю металл, которого и так империи не хватает. 'Война идет, если кто забыл' — заканчивалась статья в имперском официозе. Остальные газетные шавки не отставали в травле меня. Вроде как я у них законная дичь.

Так в свое время барона Мюнхгаузена в Ганновере травили, не останавливаясь перед прямой клеветой. Только за то, что он рассказывал немецким подданным английского короля как в России хорошо.

Нападки на меня в прессе только сильнее подвигли меня на тихие подвиги по доказательству своей крутизны. Таблица Менделеева должна всем надолго заткнуть рты.

Но бизнес, этот беспощадный молох ел время просто с катастрофической быстротой. И в одиночку я уже не справлялся. Нужна была организация с дивизионной структурой.

Первым делом я создал единый центр управления всеми своими активами и главным счетоводом поставил туда Альту, что вызвало некоторый скандал в деловых кругах Втуца.

Ничего обтекут.

С фельдшерицами же обтекли. Как и с библиотекаршами, которые появились явочным порядком, когда библиотекарей забрали в армию.

Зато никаких проблем с документацией я больше не имел.

Один из будвицких зубробизонов соблазнился стать юрисконсультом моего рецкого концерна и выехал во Втуц на постоянное место жительства.

Второй разъезд получил нормальный штаб строительства и генеральный план застройки. Как и соответствующий герцогский бюджет для освоения. Потому как участок голой земли и участок с подведенными коммуникациями стоят очень разные деньги. Убедил я герцога вложиться в девелопмент только с цифрами в руках. Давно заметил, что математика убеждает людей намного лучше риторики.

Пленные архитекторы не только создали по моему указанию генеральный план развития нового города, основываясь на точной геодезической карте, но и выдали проекты железнодорожного и речного вокзалов с макетами, которые впечатлили герцога своей новизной и проработанностью, хотя как по мне, то они больше напоминали мне ГУМ в Москве. Только железнодорожный вокзал планировалось строить из красного кирпича, а речной — из белого известняка. Но здесь такой стиль в новинку.

На очереди у них стоял на кульманах аэровокзал с капитальной причальной мачтой для дирижаблей и со стеклянной стеной зала ожидания в сторону летного поля. В плане объекта они зарезервировали взлетно — посадочную полосу по моему наказу, совершенно не понимая, зачем она нужна. А чтоб было… не вырост. Вот не пускают меня злыдни в небе поплавать, так я сам в небо полечу. Дайте мне только нормальный двигатель для самолета, а 'этажерку' я сам сваяю.

Те же зодчие доказали нам, что лучше перенести на несколько километров дальше от моста и вокзала отвод от магистрали будущей Горно — рецкой дороги, чтобы будущий же фешенебельный квартал в городе не испытывал никаких неудобств.

Места для заводов и фабрик в промышленной зоне планировалось отгородить неширокими лесопосадками из самых красивых деревьев и кустарников нашего края.

Заранее размечены будущие парки, соединенные в кольцо цепью пешеходных бульваров с велосипедными дорожками (я настоял опять же). И кольцевой трассой городской конки.

Не только герцог, но и я сам влюбился в будущий город — сад, овеществленный пока только в бумаге, даже зарезервировал для себя достаточно большой участок на первой линии набережной под жилье. И еще один в будущем деловом квартале для центрального офиса.

Довольный моей работой герцог решил назвать будущий

город Кобчик, но я был против такого дзедунизма. Предложил другое название — Калуга. Оно и прижилось. Официально Калуга — на — ……..

Архитекторы, окрыленные признанием высших сфер, запросили рецкого подданства, мотивируя тем, что им больше никогда не представится такая счастливая возможность построить разом целый город по одному проекту. Как я помнил по моему миру, то даже там такое счастье выпало только одному — Оскару Нимейеру. И я поддержал их ходатайство перед герцогом.

Герцог поставил условие — учить нашу молодежь их профессии. И получив согласие, принял от них присягу на верность, назначив их официальными архитекторами Калуги.

А на плане города появился квадратик озаглавленный 'Училище зодчества и ваяния'. Обещала неугомонная парочка, что только на само здание училища после войны буду приезжать смотреть со всего мира. Я только посоветовал им строить комплекс зданий училища единым кампусом, чтобы не мотаться студентам через весь город на занятия, а иметь казенное жилье и недорогую столовую рядом с учебными корпусами.

И добавил себе в поминальник на будущее пару 'бадонских стипендий' и для этого учебного заведения.

Солагерники архитекторов восприняли такой демарш неоднозначно. Кто-то завидовал им, потому как они делали тоже, что и раньше, но теперь получали за это неплохое жалование, а кто-то и проклинал как предателей. Но всех пленных до печенок потрясало, что империя может позволить себе такие масштабные стройки во время войны, в то время, как их царство надрывает себе последние жилы.

И совсем издевательски для них выглядела наша наглядная агитация 'Все для фронта — все для победы!', когда строят они речной порт для водной системы проходящей мимо фронтов.

А вот имперские геодезисты, когда в исполнение наказания составили мне халявную топографическую карту местности, сами пришли ко мне с просьбой взять их себе под крылышко. Я не отказал — специалисты нужны как воздух. Создали товарищество на паях 'Калуга геодезия'. Работы впереди непочатый край — каждое здание в Калуге требуется к местности привязать. А еще коммуникации… Дороги…

А еще в училище ваяния и зодчества они будут преподавать геодезию, картографию и землеустроение. С первого же учебного года, как записано в их контрактах.

Переселенцы мои органично влились в транспортную компанию и к весне мы пустили первый фирменный пассажирский поезд 'Рецкий экспресс' в имперскую столицу с

красивым скоростным паровозом на колесах в рост человека. Настоящий экспресс, который останавливался только в городах и разъездах, игнорируя промежуточные станции. С услужливыми стюардами в особой запоминающейся форме бордового сукна с золотыми шнурами, как на земной гусарской венгерке.

С первым в этом мире четырехосном вагоном — рестораном. Очень шикарном. В официантки туда отбирали только красивых девушек. Кастинг был как на участие в телепередаче 'Дом-2'. Так что ресторан в дороге не пустовал и давал неплохую прибыль.

Проводы первого рейса 'Рецкого экспресса' я превратил во Втуце в праздник на вокзале с оркестром. С митингом, что мы развиваемся наперекор войне. Что врагам нас нипочем не взять, если мы можем себе позволить оторвать от военных перевозок такой шикарный состав.

Товарных же поездов 'Кобчик — экспресс' ходило уже четыре штуки. Два паровоза было на ходу и два удалось быстро отремонтировать из трофейного утиля.

Но как всегда у славы есть всегда и оборотная сторона. Свалилась неожиданно общественная нагрузка. Имперское общество вспомоществования увечным воинам обратилась ко мне с просьбой организовать от Реции санитарный поезд.

Пришлось идти к Ремидию и объяснять что я уже фактически банкрот, но отказаться еще хуже…

Герцог меня понял и объявил формирование и содержание такого поезда по подписке баронов Реции. Эта тема и стала весной активным обсуждением в Палате баронов рецкого сейма. Ждал худшего, но разверстка санитарной повинности прошла спокойно. Врачей и фельдшериц в боевой персонал набрали по найму. Да и от благородных дам и девиц нашлись добровольцы в сестры милосердия. Назвал я этот поезд 'Красный крест'. Все ломаные пассажирские вагоны, которые у меня скопились, отремонтировали вне очереди в Депо и это мне зачли за взнос. Паровоз пожертвовал сам герцог.

Оправляли рецкий санитарный поезд 'Красный крест' на фронт также с большим митингом на вокзале. Как трижды раненый имперский рыцарь я толкнул речь в лучших традициях советской военной пропаганды о героическом труде медиков на войне, выдавив из толпы слезы умиления. После меня выступал Вальд — второй рецкий имперский рыцарь на этой войне. Но его слушали уже плохо — не умеет еще, не жил он во времена засилья пиара. Отчет об этом митинге дали не только втуцкие, но и столичные газеты. Даже сподобились разворота в столичном иллюстрированном журнале 'Искры'. Этакий предшественник комиксов в фотографиях.

После того как все мои фирмы были приведены в относительный порядок централизованного управления я понял что мне остро не хватает своего расчетно — кассовый центра. Он же банк. Потому как логистика перемещения наличных денег меня совсем не устраивала. Жди махновцев с налетами на поезда как на Диком западе Америки. Или товарища Камо с 'благородным' эксом на дело мировой революции. Телеграфный перевод куда надежней. Или даже простой бумажный аккредитив.

Напоследок пристал Болинтер с идеей речной верфи, чтобы строить самоходные баржи с его движками. Для торговой навигации от нас до устья Данубия. Пришлось выбивать необходимое финансирование с Ремидия. Хоть это дело и очень нужное для нас, но сам я уже не тянул, чисто финансово. И жена у меня не дочка Рокфеллера.

У меня опять нет свободных денег. Последние ушли на санитарный поезд. Разве что осталось камергерское жалование для поддержки штанов.

Пора опять изобрести что-нибудь такое, от чего все запищат и вприпрыжку понесут мне свои денежки в клюве. Безопасную бритву 'Жилет' к примеру.

* * *

С речной верфью вышел вообще анекдот.

'Связист' от Моласа был грамотный и вычислил-таки царского шпиона среди беженцев.

Ну, как шпиона… При желании конечно можно пришить шпионаж и дать десять лет без права переписки, но именно пришить… По гамбургскому счету этот куявец в чине поручика по адмиралтейству всего лишь жертва обстоятельств, командированный на Нысю для поднятия со дна реки железнодорожного парома и угодивший в самый разгар нашего наступления.

По собственной дурости и дурацким обещаниям своего начальства приехал он на новое место службы с женой и ребенком. А тут наше генеральное наступление как раз.

Пока мазовские саперы яростно держали прогрызающие их оборону наши войска, рванул поручик в поселок железнодорожников за женой и сыном. Поселок наши не обстреливали, и считалось, что это самое безопасным местом на плацдарме.

И тут все решилось.

Лодки царцев разом все ушли на правый берег. Частью совсем

пустыми.

Саперы, видя, что их большие начальники просто бросили 'на мясо', сдались.

Жена поручика быстро его переодела в старую одежду покойного мужа хозяйки дома, где квартировали — тому эти тряпки больше уже никогда не пригодятся, а мундир поручика закопали в подполе.

Так его вместе с остальными путейцами отселили ольмюцкие генералы из фронтовой зоны в Будвиц. Тужурка мастера, руки слесаря, мозги инженера.

Заявил он, что документы сгорели при обстреле.

Поверили.

Подозрений он ни у кого не вызвал. Тем более что не один он, а женой и ребенком пяти лет. Какой шпион будет ребенка в мясорубку тащить? А что это его сын никто не сомневался — портретное сходство было разительным. Крепкие гены у мужика. Доминантные.

Звали его Йозе Корсак. Был он военным специалистом по сухим докам, ремонту и подъему затонувших судов.

'Связист' прокачал его на косвенных… Нашел слабое место — семью, и отобрал подписку о добровольном сотрудничестве с имперской военной разведкой. Теперь у Корсака обратного хода домой в восточное царство не было. В глазах царского командования он теперь дезертир и предатель.

Мне даже жалко стало в чем-то парня. Попал он как кур в ощип только из-за любви к присным своим.

Пользуясь тем, что испытываю нехватку специалистов я поручика у 'связиста' нагло отобрал и приставил к верфи. Обломится Молас. Как обломился и его 'связист' получивший от герцога за раскрытие 'шпиона' медаль в утешение. А нечего и мечтать о забивании гвоздей микроскопом.

И то, что в благодарность мне поручик придумал, было гениально. Вместо обычного наклонного слипа строить сразу сухой док в узком затоне, вдававшимся в берег. И строить баржи в нем, а потом просто запускать воду, отворять ворота и выпускать готовое судно на фарватер свои ходом.

Затон отгородили от русла плотиной отсыпанной паровыми бульдозерами. Откачали из него воду с помощью первых двигателей Болинтера собственного производства. Экскаватор оформил котлован, а рутьеры с самосвальными тележками вывезли лишний грунт. Впервые применили в строительстве железобетон, и не только для стенок, но для дна этого дока. Помучались со шлюзовыми воротами. Но в итоге все получилось. В рекордные сроки.

Пленные саперы потом взорвали плотину, и довольно долго потом пришлось проводить дноуглубительные работы арендованным в Винданбоне плавучим земснарядом. Не только около верфи, но и по берегам у планируемых речных пассажирского вокзала и торгового порта.

Первую баржу типа 'корсак' заложили сразу композитной. Деревянная обшивка на стальном каркасе. Двигатель и рубка заднего расположения. Движитель — заднее колесо с плицами. Полезный объем трюма пять — шесть железнодорожных вагонов.

Незамерзающий водный путь сразу расширил географию поставок строительных материалов и позволил не перегружать железную дорогу, которую спешно модернизировали, переводя на два рельсовых пути до самого Втуца. В перспективе имперский минфин выделил достаточные средства, чтобы протянуть второй путь до пересечения с трансконтинентальной магистралью.

Империя это дороги.

Тем более что такого наплыва грубой рабочей силы возможно больше никогда и не представится. Война не вечна и пленных придется отпускать по домам. Так что надо спешить воспользоваться таким ресурсом с максимальной отдачей.

* * *

Иванов флигель в дворцовом парке поразил меня скромностью своей обстановки и богатством научного инструментария. С поправкой на полвека. Половину приборов можно было с чистой совестью отправлять в музей техники, которого еще нет. Но, думаю, будет.

Во Втуце уже строится финансируемое по подписке двухэтажное здание Минералогического музея, после того как кандидаты в 'бадонские стипендиаты' привели под руководством моих химиков в порядок все имеющиеся собрания камней, долгие годы пылящиеся в подвалах Политехнического общества, в стройную коллекцию годящуюся для публичного показа.

Построим и еще одно — для таких вот симпатичных лабораторных аппаратов откровенного стимпанковского вида. А то у Ивана даже первые гальванические батареи сохранились, которых больше нигде и не осталось уже.

Записи моего предшественника нашел в шкафу, стопкой амбарных книг. Этакая смесь метеорологических наблюдений, садовых опытов и дневников. Бегло пролистав их, я понял, что Иван — садовник сознательно отказался от прогрессорства в этом мире, уповая на самую передовую теорию о производительных

силах и производственных отношениях.

'Смена общественной формации должна вызреть в недрах старой формации, иначе все усилия зря. Еще можно вытащить из феодализма в социализм, минуя формацию капитализма такие отсталые страны, как Монголия или Тува и то при условии, что над ними патронирует Советский Союз как направляющая и идеологическая сила. А местная империя еще в капитализм как следует не перешла. И даже когда перейдет, то родовые пятна юнкерства, как писал Маркс, будут еще долго довлеть над нею. И, безусловно, прав Каутский…', — писал доцент для самого себя на русском языке, которого тут никто кроме него не знал.

Абракадабра — рыба — птица — швабра… Лучше бы он что-нибудь про местную химию написал полезного. А то практически все записи дневниковые содержали именно такую белиберду.

'На местный горох законы Менделя не действуют'.

'Мичурин идиот, а вот Лысенко прав. Селекция, селекция и еще раз селекция. Я в отчаянии,… неужели все зря и Вейсман шарлатан?…'

'Что же здесь вызывает процесс брожения, если нет дрозофил?'

'Меня все больше увлекает графский сад как трудовой процесс и созерцание, а не как опытовая лаборатория. Я перестаю быть ученым и стал совершенным обывателем. Прямо по Руссо.'

Нечего мне тут переводить Ремидию. Еще обидится герцог, что я его троллю таким откровенным гоном. Знать бы еще кто такой Каутский?

Надо осторожно съезжать с этой темы оправдываясь занятостью.

Из полезного я вынес из флигеля только принадлежащую Ивану зажигалку 'Zippo'. Спасибо, доцент, я ее запатентую.

* * *

Таблицу элементов я все же сделал. Может не такую и стройную, как у самого Менделеева, но по ней уже явно прослеживалась корреляция атомного веса элементов с периодами изменения их свойств.

Чтобы опять не нарываться на козни многочисленных своих недоброжелателей в прессе, я не стал делать об этом доклада в империи, а опубликовал короткую статью в соседнем Швице. В серьезном журнале 'Химия гор'.

В отличие от Реции в Швице предгорий и равнин не было, только долины, но геология и химия были развиты традиционно

из-за свойств их экспорта.

Называлась такая работа: 'Соотношение свойств химических элементов с их с атомным весом'. Просто взял и послал туда рукопись по почте. На деревню дедушке, основываясь только на репутации швицкой честности.

Но опубликовали быстро в ближайшем же номере, с восторженными комментариями остепененных швицких химиков.

По почте же мне прислали мне обратно несколько экземпляров журнала.

А вот с гонораром кинули. Наука тут храм, а не торжище…

Швицкий горный институт бесплатно разослал журнал с моей статьей по всем ведущим химикам мира. Пиарщики доморощенные.

Газеты дали рецензию что 'Кровавый Кобчик', известный до того изобретениями разнообразных бытовых поделок таки открыл новый фундаментальный закон мироздания. Подано все это было как курьез, типа 'что хорошего может быть из Реции…'.

Самым главным бенефициаром стал швицкий журнал, который получил хорошую мировую рекламу. До того он не входил в мировой научный мейстрим из-за предельной зацикленности своего содержания только на проблемах собственных гор.

Авторские экземпляры я раздал своим химикам, один сдал в библиотеку Политехнического общества и еще один отослал на экспертизу в Будвиц к Помахасу. Тот все же признанный доктор химии.

Завязалась активная переписка.

Статью перепечатали в 'Трудах Будвицкого политехнического института'. И в имперской научной прессе завязалась суровая дискуссия, которая из-за невозможности опровергнуть сам менделеевский принцип свелась к обвинению меня в отсутствии патриотизма, раз я публикую такие эпохальные вещи за границей. Жалует царь да не жалеет псарь… Всегда найдут при желании за что укусить.

Обиду научного сообщества империи можно было понять. До войны вся мировая наука здесь делилась на имперскую и всю остальную. Разве что островитяне слегка опережали в инженерных разработках связанных с морем и железной дорогой.

Даже Ремидий включился в хор укоряющих меня в недостаточном патриотизме.

На что получил мой резонный ответ.

— Ваша светлость, в самой Реции никакой научной периодики пока нет, кроме редких альманахов Политехнического общества. А швицы вроде как нам дальние родственники и язык у

нас практически один. Не имперцам же делать такие подарки. При публикации такой сенсации в столице империи о Реции никто и не вспомнит, говорить будут только про империю. И вся слава опять пройдет мимо наших гор.

— Ну, разве что все это в таком разрезе понимать… — пожал плечами герцог. — Тогда тебе придется делать еще один доклад в нашем обществе. — И лукаво мне подмигнул.

Я не стал отказываться. Перцу, признанному за границей делать доклады намного проще ибо 'нет пророка в своем отечестве…'

Следующую статью 'Опыт системы элементов, основанный на их атомном весе и химическом сходстве' уже с готовой таблицей, я уже сам разослал веером по всем серьезным научным изданиям, даже во вражеских странах (тем с оказией через редакцию швицкого журнала).

Причем не вышло у меня, как я надеялся, простого плагиата с Менделеева. Но зная принцип легче было уже тасовать карточки с элементами на столе в подобие менделеевской таблицы. При этом я не стал заходить за то количество элементов, которое было открыто на то время в этом мире. Шестьдесят четыре так шестьдесят четыре. Открытием считалось объединение элементов в группы по атомному весу, когда свойства элементов не постепенно изменяются, а скачкообразно и имели химическое сходство в периоде, что в принципе и отличает металлы от неметаллов. В отличие от их природного состояния — жидкого, твердого и газообразного в котором могли пребывать и те и другие.

Но важнее всего было то, что в таблице логично остались пустые клетки, которые как я заявил на докладе, заполнят те, 'кто идут за мной'. Эти клетки не могут быть пустыми в принципе. Многие в этом сомневались, не веря в мою убежденность. А я так просто знал, что так оно и есть.

Вражеская пресса подняла хай, что не может дикий горец с кровожадными наклонностями быть столь выдающимся ученым. Республиканцы так вообще обвиняли меня в плагиате работы их химика Бенрейтера. Конкретно его работы 'Закон триад', которую он опубликовал в еще королевском городе Лютеце за полвека до наших дней, накануне их буржуазной революции.

Имперская пресса сначала им подпела, но быстро угомонилась от хорошего пинка из императорского Дворца, и стала огрызаться, отстаивая приоритет Реции, соответственно мой и самой империи.

Мне осталось только рассказывать, в одночасье ставшими ко мне доброжелательными журналистам о долгом пасьянсе по

вечерам с карточками элементов и о том, как я окончательную их конфигурацию я увидел во сне. Что и разошлось легендой по всему миру.

Швицкий горный институт присвоил мне степень доктора химии без защиты. И я съездил в соседние горы получать мантию. Естественно со всеми разрешениями от Ремидия и имперского Дворца. Не скажу что получил большое удовольствие от зимней дороги через горы, в отличие от собственных глаз, которые упивались красивейшими пейзажами. Лет через полста, как только кто-нибудь запустит моду на горные лыжи, здесь будет рай. А пока народ швицкий живет не очень богато. В массе своей даже бедно.

Из изгоя я в одночасье стал модным для аристократии. Меня наперебой приглашали во всякие салоны в качестве экзотической зверушки для развлечения гостей. И очень обжались, когда я такие предложения не принимал. Некогда мне ездить по миру со светскими визитами.

Для разбора почты пришлось нанять секретаря. Однажды я получил письмо без обратного адреса, присланное в Политехническое общество. В конверте была короткая записка без подписи. 'Я не ошиблась в тебе, мой герой'. И все. Даже подписи нет. От бумаги нежно пахло цветочным одеколоном. Но мне вспомнился запах карболки в санитарном поезде… и гинекологическое кресло в соседстве с ножной бормашиной.

Ремидий только руки потирал потому, как швицкие инвесторы вдруг сочли для себя выгодным вкладывать капиталы в экономику Реции. Особенно в переработку технических и сельскохозяйственных культур, объединяя крестьян в сдаточные сырьевые кооперативы. Неразвитые пути сообщения делали прямой экспорт менее выгодным против локализации производства на месте. А война как молох потребляла все, что ей ни дай.

В соседней горной республике я был принят на уровне правительства, где после награждения меня орденом 'Трех сияющих вершин', через меня же передали пожелание герцогу соединить наши государства железной дорогой. Швицы очень хотели, чтобы строил эту дорогу лично Вахрумка, авторитет которого как инженера — путейца стал в мире непререкаемым после строительство горно — отогузкой дороги. Обязались финансировать такую стройку по свою сторону границы.

Все это попало в газеты, и как результат приезд Вахрумки во Втуц превратился в народное шествие и манифестацию. Сразу вспомнили, что Вит был инженером в рецком стройбате и моментом записали его в 'почетные горцы'.

Реция на время сменила героя для обожания.

Я этому был откровенно рад. Тяжело жить на юру.

* * *

С первым днем весны я получил с фельдъегерем грамоту на имперское гражданство. Мне засчитали все дни, проведенные на фронте дни за три мирных, и все подъемы на дирижабле каждый за шесть дней, и набежало больше трех календарных лет. Плюс льготные накидки за каждое ранение, да за каждый имперский орден.

Приятно. Но на гражданскую государственную службу я как-то не рвусь.

Другим пакетом меня извещали, что адмирал неба Отоний (по совместительству наш же император) уволил меня с военной службы в воздушном флоте с почетом и присвоением мне в отставке очередного чина капитан — лейтенанта в виду неоднократного пролития крови при защите империи от внешних врагов. Право ношения мундира мне оставили. Но с армейского воинского учета сняли. Как инвалида. О как…

И пенсию инвалиду войны назначили, как имперскому рыцарю — два золотых в месяц.

Стало обидно, что греха таить. Я как-то все мечтал — надеялся, что мне удастся вернуться небо. Тут время-то сейчас такое… впереди рекорд на рекорде в воздухоплавании.

А в гвардии…

Со своими гвардиями каждый электор в империи разбирался сам. Мог в ней хоть безногих калек держать, если на то был его такой каприз и личные средства. Так что офицером гвардии рецкого герцога я оставался по — прежнему.

Впрочем, как и гвардии ольмюцкого короля.

* * *

5

Во Втуце в Депо, где я договаривался об очередном ремонте паровозов, нашел меня пронырливый репортер из новеньких. Разбитной малый лет двадцати пяти, но уже наглый и ухватистый — прямо готовая акула пера. Мой знакомый аид в Москве, показывая на своего пятилетнего сына, с гордостью мне хвалился: 'Смотри, Савва, такой маленький, а уже еврей!'. Вот и этот такой же.

Представитель прессы достал из кармана карандаш, блокнот с твердым картонным переплетом, заменяющим на весу столик, и приготовился записывать.

— Господин Кобчик, читатели интересуются, как вам — боевому офицеру и имперскому рыцарю, могла придти в голову мысль изобрести пояс для чулок?

— Скажи им, что я люблю свою жену, — отмахнулся я от него.

— Не понял? — репортер сдвинул шляпу на затылок.

Смотрю, действительно не понял. Тогда я покровительственно похлопал его по плечу, благо с нашей разницей в росте это труда не составило.

— Вот поэтому, тебе, никогда не изобрести что-либо полезное для женщин.

А когда газетчик от меня отстал, я дал самому себе слово все же 'изобрести' бюстгальтер. Женщины не заслуживают пытки корсетом, да и китов жалко. И, пожалуй, это будет важнее таблицы Менделеева.

К тому же весна шепчет…

Весна, черт ее подери… Весной Молас приезжает…

* * *

Весна это всегда радость. Но в этот год она была со слезами на глазах.

У Элики случился выкидыш.

Меня вырвали из Калуги телеграммой. Я мчался в своем 'коротком' поезде с максимальной скоростью и тупо смотрел в окно на степь, которая на неделю во всю свою ширь покрылась прелестнейшим ковром цветов, похожих на мелкие оранжевые тюльпаны. Как пожаром прошло до горизонта. В другое время я бы сполна насладился бы таким великолепным, но кратковременным зрелищем, а сейчас как оцепенел.

В голове крутилась всего одна мысль: за что?

И сам понимал, что было бы за что — совсем убили. Мне-то еще есть за что. А вот за что такое Элике? Созданию по определению невинному и желающему окружающему миру только добра и счастья.

На вокзале меня встречала Альта с кучером. Для моей охраны пригнали шарабан, что было избыточно, так как половина егерей оставалась сторожить поезд до того как его перегонят на заводскую ветку 'Гочкиза'.

Альта схватила мою руку обеими ладонями и низко склонившись, поцеловала ее прямо через перчатку.

— Прости мой господин презренную свою ясырь. Недоглядела… — произнесла она скорбным голосом, не глядя мне в глаза.

— Разве ты в чем-то виновата? — спросил я, стараясь сдерживаться. Все же это мать наследника герцогского трона.

— Только тем, что меня в тот момент не было дома. Я на базар отлучалась продукты закупать на неделю.

— Поехали, — сказал я, с усилием вырывая свою руку из ее сильных ладоней. — По дороге все расскажешь.

Я слабо разбираюсь в медицине кроме поверхностной травматологии, тем более в гинекологии. Ясно только одно дочки у меня не будет.

Мда… богатые тоже плачут.

В холе наскоро скинув шинель, сапоги, портянки, ремни босой взлетел на второй этаж в нашу супружескую спальню.

Элика не спала. Жена полусидела на больших подушках, тупо уставившись большими синими глазами которые я так любил в ковер на противоположной стене. Она даже не откликнулась на мой поцелуй. Не ответила.

Я сел рядом. Привлек женщину к себе, уложив ее белокурую головку на грудь и не зная, что вообще можно сделать в такой ситуации запел 'Вечную любовь' которую к тому времени успел переложить на рецкое наречие.

— Спой на русском, — тихо попросила любимая.

Я подчинился и попал исключительно в дырочку. Со второго куплета Элику так затрясло в истерике и пароксизме рыданий, что я еле ее удерживал. Но это уже лучше бесконечного тупого рассматривания ковра.

В приоткрытую дверь заглянула Альта с вопросом в глазах.

— Можжевеловки… — приказал я. — И соленой закуски.

И продолжил петь.

Пел по кругу, с начала до конца и снова с начала… Долго пел, пока истерика у жены не кончилась.

Потом влил в нее грамм сто пятьдесят водки и подождал, пока она заснет у меня на руках. Что-то мне подсказывало, что хуже уже не будет. Я рядом.

Беда не приходит одна. В тот же день фельдъегерь привез от императора указ о моей отставке из военно — воздушного флота. И вообще из армии с почетом. По сумме ранений… Ага…

Но в сложившейся ситуации я был бы несчастней еще больше, если бы мне дали под командование дирижабль и отправили на северное море, оторвав от семьи. А так я рядом с любимым человеком, который нуждается в моем тепле. В конце концов, для кого мы все делаем в жизни, хоть в той, хоть в этой…

Паршиво на душе. Даже подарок Имрича, который прислал мне пару новых 'миротворцев', не радовал. Гоч просто сунул их в посылку Эппле ответной на мои апельсины, орехи и вино. Пистолеты были в деревянной шкатулке, оформленной в лучших традициях дуэльного кодекса.

Потом пришел врач, которого я не пустил к жене до тех пор, пока она не проспится. Сон в ее положении лучшее лекарство. Эскулап легко со мной согласился.

Вместо этого я приказал накрыть поляну на веранде и потчевал нашего местного эскулапа редкой в этих краях огемской можжевеловкой и вел допрос: почему так?

В ответ доктор о медицины разводил турусы на колесах о том, что науке до сих пор не все ясно, что происходит с таинством зарождения новой жизни. И почему она в некоторых случаях не приживается еще до своего явления на свет из утробы матери.

В общем, когда Элика проснулась, доктор был уже никакой и его просто отгрузили в свободную комнату в атриуме. Не посылать же за ним снова. А так простится и готов к эксплуатации.

Меня же водка совсем не брала. Как вода. Я только каменел в своей обиде на весь свет. И то и этот.

Сидел в полутемной спальне, держа жену за руку. За вторую ее держала Альта.

Наконец что-то наподобие улыбки мелькнуло на ее красивом лице.

— Знали бы вы, как я люблю вас обоих… — тихо произнесла Элика, переводя взгляд с меня на ясырку и обратно. — Я окрепну, обещаю… А ты мне сделаешь еще дочку. Обещаешь?

* * *

Газеты взахлеб осуждали удачный рейд дивизии Бьеркфорта по вражеским тылам. Что там на самом деле правда, а что художественный свист работников пера понять было трудно. Про наши потери совсем не писали. Зато не жалея хвалебных эпитетов сравнивали удетских конников с былинными героями древности.

Главную стратегическую задачу этот рейд выполнил — сорвал зимнее наступление царцев на взлете.

Аршфорт позволил 'скрытно' переправится на свой берег царской пехотной бригаде, занять ей узкий насквозь простреливаемый плацдарм и затем разом взломал лед на реке огнем тяжелой артиллерии. Вымерзнув и оголодав, не имея никакой возможности к отступлению, бригада сдалась на милость победителя.

Дивизионы особого могущества при этом преуспели в контрбатарейной борьбе с вражеской корпусной артой, не дав той даже пристреляться.

Наступать в другом месте у царцев не стало хватать ресурсов — Бьеркфорт постарался, разгромив ближние их тылы и полностью нарушив всю систему снабжения.

В контрнаступление наши перешли сами в устье реки, куда не доставал огонь пушек осажденного города и на правом берегу огемская пехота соединилась с удетскими конниками Бьеркфорта, которые уничтожили все мелкие гарнизоны царцев по деревням на побережье.

Щеттинпорт сел в блокаду. Теперь все, даже самые мелочи, приходилось везти в него морем. Все сухопутные тропочки — трудно назвать их дорогами, были полностью перекрыты имперскими войсками.

Плацдарм на правом берегу постоянно расширялся. Пользуясь крепостью льда на реке, туда перебросили уже полторы дивизии с приданной артиллерией и пулеметами. А конников вывели на свой берег — лошади много фуража требовали и на плацдарме их было не прокормить. К ледоходу успели насытить войска плацдарма главным — едой и патронами, с запасом на весь период ледохода. К тому же Плотто наладил 'воздушный мост' сбрасывая необходимое солдатам с малых высот и отгоняя от берега вражеские корабли которые пытались обстреливать плацдарм тяжелыми 'чемоданами' своих чудовищных орудий.

Воздухоплаватели прославлялись в газетах не меньше конников. Один я сидел в отставке как сыч на горе.

С левого берега плацдарм прикрывали орудия особого могущества. Для корректировки огня впервые в мире протянули телефонный провод по дну реки, запаяв его в свинцовую трубу. Как ее умудрились протянуть подо льдом, подробностей в прессе

не было.

Морской порт в Щеттине бомбили регулярно всю зиму всеми оставшимися силами воздушной эскадры Плотто. И настолько интенсивно, что запас старых снарядов для переделки в авиабомбы к весне кончился. Плотто отписал мне, чтобы я как можно скорее предоставил ему свой проект новых бомб, хотя сам же констатировал, что портового и складского хозяйства в осажденном городе не осталось.

В Щеттинпорте стал ощущаться недостаток продовольствия, о чем сообщали, как я догадался прикормленные Моласом контрабандисты. И вот тогда Аршфорт объявил для мирных горожан гуманитарный коридор. Что было распиарено во всей мировой прессе вместе с обвинениями против островитян, что те держат мирных жителей живым щитом в заложниках, стреляя в противника из-под юбок женщин. Мир взорвался негодованием.

В ставке Аршфорта пул корреспондентов нейтральных стран давно уже прописался на постоянной основе. Тех усиленно опекали особо выделенные офицеры службы второго квартирмейстера, кормили — поили и сделали если не друзьями, то славными приятелями, искренне симпатизирующим гостеприимным огемцам.

После третьей такой массированной кампании в мировой прессе островитяне сдулись и жителей стали выпускать из города. Потому как публично возмутились даже царцы, которые вдруг вспомнили, что в городе проживают их подданные.

* * *

Окончательно поняв, что в одиночку мне тракторный завод не потянуть, я пошел на поклон к совету директоров 'Рецких дорожных машин', предложив построить такой завод как филиал этого уважаемого общества, в котором я сам крупный пайщик.

Заработанная на конструкциях дорожных машинах моя репутация и развернутый бизнес — план впечатлили моих компаньонов, и необходимые средства были выделены. Все же у колесных рутьеров проходимость была не сказать что совсем уж паркетная, но и внедорожником его нельзя было назвать. На строительстве плотины в Калуге колесные паровые бульдозеры часто самозакапывались в рыхлый грунт.

Представил уважаемому собранию варианты гусеничных движителей, которые успел за зиму запатентовать. В сумме вышло двадцать два патента. И все их пришлось вложить в этот филиал как взнос в уставный фонд дочернего РДМ завода 'Рецкий

трактор' с локализацией его в Калуге.

Я придержал на будущее для себя только торсионную подвеску. Я помню, какой блеск был в глазах кронпринца, когда он мечтал о бронированных машинах поля боя. Но для начала мне нужен был тракторный завод. Броневики потом уже на его базе можем попробовать склепать.

Одновременно рассматривали проект четырехосного восьмиколесного рутьера, но он совет директоров не впечатлил. Я знал, в чем тут собака порылась, но… независимая подвеска каждого колеса, как на российском БТР — дело здесь пока далекого будущего. Изобретет мужик сам — я дорогу переходить не буду.

Заодно порадовали меня директора, что РДМ вышла в прошлом году на рентабельность в 3 %. Старт — ап закончился успешно и этот год они видят всех своих пайщиков с прибылью.

Хорошо бы…

Опытные образцы гусеничных тракторов РДМ — Т55 с трофейными вертикальными паровыми машинами по 55 лошадиных сил и подвеской на двух балансирных каретках с плоскими слабо оребренными широкими гусеницами довольно быстро сваяли в экспериментальном цехе РДМ.

Подвеску для трактора я тупо скопировал со старенького ДТ-75, который работал у нас на хуторе дома, на Земле, и которую не раз приходилось чинить и перебирать с батей собственными ручками.

Машина с баком горючего сзади с приводом на задние колеса со звездочкой передачи тяги гусеницам. Натяжение гусеницы на переднем колесе.

Деревянная неостекленная кабина спереди.

Между ними ферма управления отвалом — оно пока канатное. Не потянуть мне сейчас гидравлику. Нет таких точных станков. Вообще-то есть… но только для военного производства.

Питание машины нефтяное. В Реции это сами ушедшие боги велели. РДМ машины с угольным питанием делало только по заказам за пределы герцогства.

Испытания проходили оба трактора на пахоте и в качестве бульдозеров на расчистке площадки для самого тракторного завода от чернозема. А заодно еще пары площадок для лагерей пленных взятых этой зимой на Нысе.

Машины показали себя отлично, хороший получился трактор, мощный. Будем смотреть, как он с двигателем Болитера себя поведет. Но у того пока моща не выходит за тридцать три лошадиные силы. Меньше — пожалуйста…

Пока же двенадцатилемеховый плуг Т55 по целине тащил

легко. Все равно надо пахать поля под пшеницу, капусту, морковь и земляной клубень похожий на земную картошку, но несколько другого вкуса. Мне не только рабочих, но и пленных кормить надо круглый год по три раза на дню.

Из пленных выделили постоянную сельхозбригаду. Остальным трудиться на поле разрешали кратковременно, в качестве поощрения за хорошую работу. Отдых для крестьянской души. Еще Генри Форд придумал после семи месяцев на конвейере отправлять своих рабочих — бывших фермеров, на три месяца попахать на селе. В качестве отпуска! Если такое в Америке работало, то почему у меня не сработает?

И вот тут-то мы вместе с инженерами из экспериментального цеха РДМ поймали свой день славы. И почти благоговейного внимания от пленных, подавляющее большинство которых были в мирной жизни крестьянами. Я даже ругать никого не стал, что бросили работу. Все потрясенно смотрели, как вонючая железяка разом, лязгая гусеницами, легко заменяет дюжину пахарей и двадцать четыре вола. Лошадь целину пахать здесь никогда не ставили — надорвется.

Боронили поле трактора также без напряга.

На что планировали на неделю и кучу занятых, сделали за день. Двумя тракторами.

За рычагами сидел я сам — никому первую пахоту не доверил. И такой кайф словил… Дома это была работа, а тут наслаждение оргиастическое.

Заодно разметили площадки для элеватора — он тут уже придуман до меня на паровом ходу, паровой мельницы и зимнего овощехранилища. Хлеб пока все пекли сами в лагерях в обычных печах. И на себя, и на вольняшек. Но на перспективу я оставил в плане квадратик для хлебозавода. Если фешенебельный район обслужат малые пекарни с их разнообразным ассортиментом, то снабжение пролетарских кварталов лучше централизовать и поставить хлебные магазинчики на пути от работы до дома.

За генеральный план города архитекторы получили рецкое подданство, а я гражданское звание коммерции советника, которого нет в официальной Табели о рангах, но по отдельному императорскому указу дающее генеральский почет и право отзываться на 'ваше превосходительство'.

Специально такое звание введено для купцов и фабрикантов еще полвека назад для того чтобы спесивые дворяне не могли нагибать нужных монарху предпринимателей.

Теперь я не военный.

Теперь меня можно и возвысить, несмотря на молодость. Зависти у аристократии это не вызовет. И точно. Придворные

герцога стали меня за глаза дразнить 'коммерции камергером'. Я не обижался. Очень точная формулировка того что я делаю при герцоге.

* * *

К нам в Рецию не только пленных зимних царцев нагнали, но и вывели на переформирование удетскую кавалерийскую дивизию, которая их и конвоировала.

Надо ли говорить, что свежеиспеченный имперский рыцарь и генерал — лейтенант кавалерии Бьеркфорт был этим страшно недоволен. Еще бы… его дивизии предписано сметить в тылу отогузов на охране пленных. Граф просто рвал и метал.

Отогузов отправляют на фронт. Ибо не фиг в тылу окапываться… А герои — кавалеристы получают заслуженный отдых.

Официально в документах это называлась ротацией. И обосновывалось необходимостью восстановления сил удетским конникам после предельных для организма испытаний зимним рейдом.

Столкнулся я с генералом во Дворце, где он представлялся герцогу по поводу нового назначения. Раз в месяц был такой публичный раут, требующий присутствия всех придворных. Обычно мне удавалось такие мероприятия сачковать и герцог особо не настаивал на моем обязательном присутствии, но… В тот день еще и представлялись Ремидию, будучи во Втуце проездом в имперскую столицу, послы винетского герцога — граф Моска и мессир Ова. А это уже совсем другое дело.

Моска — сухой старик с совершенно лысой головой, лишь с редким седым пушком за ушами, но подвижный как юноша. А взгляд как у карточного шулера. Никак что-то выхмурять у императора едет. Союзничек…

Ова — полная ему противоположность молодой, чернявый, кудрявый, кареглазый подбородок синий от слегка проступившей щетины, хотя зуб дам, что брился он не позже сегодняшнего утра. На вид увалень увальнем. Но как мне кажется первое впечатление об это человеке обманчиво. Дураков послами не посылают. А этот еще и крупный коммерсант.

Я старался, как всегда на таких мероприятиях, в укромном уголочке прикинуться ветошью. Ну, так… золотом расшитой ветошью…

Как раз к этому дню втуцкие златошвейки закончили вышивать мне парадный камергерский мундир. Темно —

малиновый сюртук почти до колен. Спереди расшит золотом — виноградной лозой и ветками дуба. Сурово так расшит, воротник и вся грудь плотно начиная от плеч заканчивая и ниже пояса. Так что из орденов я одел только Рыцарский крест на шею. Остальные все равно среди такой богатой вышивки затеряются. Сзади хвала ушедшим богам вышивка только клапана карманов. Карманы высокие почти на пояснице и больше никаких карманов на мундире нет. Брюки белые на штрипочках под каблуком натянутые.

Из-под клапана на левое полужопие на золотой цепи опускается золотой массивный ключ — знак камергерского достоинства. В кольце ключа герб Реции, чтобы меня случаем с камергером другого электора не попутали, а то и с камергером самого императора. Я вот стою и думаю, если случись где парадный сходняк в империи, то мы друг друга как песики обнюхивать под хвостами будем, дабы узнать кто какого электора камергер? Бред полный…

Но этот раут я пропустить не мог — протокол, черт его дери, обязывал явить послам обоих наследников в натуре. А значит и их официальных воспитателей. Вот я и парюсь в этом придворном доспехе, крепко держа за плечо постоянно норовящегося вырваться на свободу в пампасы графа Риестфорта. Все же пять лет пацанчику — ему двигаться надо. Если бы я бегал, столько сколько бегает он, то давно бы помер.

Так что обоим нам это мероприятие нож острый. Но пока терпим.

А вот старший брат моего воспитанника, несмотря на семь лет от роду, сидит себе на малом троне с серьезной мордой. Успели его во дворце уже надрессировать. Или… ну не зря же в школу берут только с семи лет… усидчивость, какая никакая появляется.

Послы и герцог наговорили друг другу ритуальной чепухи и винетские дипломаты со всей вежливостью раскланялись и вышли из зала.

Я, очередной раз удержав младшего графа за плечо, тоскливо посмотрел на Ремидия. И — о, счастье — он мне разрешающе кивнул.

Тут же и старший граф соскочил с трона и удрал бы вприпрыжку, если бы его вовремя не поймал за хвост воспитатель в таком же придворном доспехе, как и мой.

Мы, чинно держа детей, за руки вышли на середину зала и поклонились его светлости. И развернулись, чтобы покинуть надоевшее помещение.

Тут в зал вошел, раскланявшись в дверях с послами, длинный

как жердь генерал Бьеркфорт. Его выдающийся нос, развернувшись как радар, уперся в мою персону.

Проходя мимо меня в тронный зал, генерал шепнул.

— Где вас тут искать?

— В саду, — ответил я таким же шепотом.

— Савва, а это кто? — спросил мой воспитанник, потянув меня за руку.

— Это герой нашего времени, ваше сиятельство, — ответил я совершенно серьезно выводя мальчика в парадную анфиладу дворца.

Мы вывели детей в сад, где их терпеливо ждала Альта.

— Мама! Мама! — радостные пацанчики забыв сразу, что они очень важные персоны наперегонки бросились к женщине, обхватывая ее ноги и что-то разом ей докладывая.

Альта занялась сыновьями, а я и воспитатель старшего графа барон Вейфорт вели неспешную светскую беседу, прохаживаясь между клумбами с первыми цветами. Вейфорт был пайщиком 'Рецкого стекла' и я, пользуясь случаем, раскрутил его на бесплатную консультацию о возможности организовать заказ на трехсотграммовые банки на одном из стекольных заводов этого товарищества. И о возможных ценах.

Стеклянная крышка с железным пружинным прижимом у меня уже лежала на рассмотрении в патентном бюро.

Интерес к такой таре, по возможности прозрачной, был вызван идеей, которая спонтанно родилась в наших беседах с Альтой и Эликой. Отвлекали мы, таким образом, женушку от выпавшего на нее горя. Острый вопрос орехового сбыта вылился в предложение торговать чищенным горным орехом и миндалем в меду. В сумме такой продукт получался дороже орехов и меда взятых по отдельности. Заготавливать такое лакомство можно круглый год. И торговать, не торопясь пропустить сезон.

Плюс креативная идея выдать такой рецепт за секрет горского долгожительства. Верили же в советское время, что зеленый лук с медом дает долголетие… В каком-то кино брякнули и понеслась… Так и мы статью в газете купить в состоянии. Сенсацию… С резонансным продолжением холивара врачей и прочих высоколобых. Ведь против того факта что в горах люди живут лет на двадцать дольше никто возразить не может. Против статистики не попрешь.

Так что все уперлось в банку. Можно было и керамические горшочки приспособить, но когда продукт зримо виден сквозь прозрачное стекло на прилавке, то… сами понимаете.

* * *

Зима в Реции также разнообразна как сама эта горная страна. Если высоко в горах все заваливает снегом и метет так, что и носа высунуть из хижины боязно, то в долинах все зависит от господствующего ветра. Там где гуляет северный мистраль также холодно, как и на равнине, зато плодоносит олива, которую этот ветер вовремя опыляет. А в тех ущельях, куда задувают южные ветра с Мидетеррании, в тоже время дозревает любой цитрус. И вообще каждый месяц что-нибудь цветет как в земном кусочке рая.

Что ни долина, то в ней свой уникальный микроклимат, особенно там где бьют теплые источники. Большой простор для бальнеологии и вообще курортного дела и туризма. Особенно горных лыж. Но это дело будущего, когда население империи станет мобильнее, обрастет жирком и возжаждет развлечений. Пока же девять из десяти человек по доброй воле мест своего обитания не покидают. Не принято как-то. Где родился там и сгодился.

В предгорьях погода ведет себя по — разному, но в основном зима тут мягкая, сиротская. Холода редки. Так… легкий морозец, который сковывает осеннюю грязь до весны.

А вот в степи, которая начинается сразу от предгорий и тянется до большой реки Данубия, год на год не приходится. Бывает, что суровые метели сопровождаются не менее суровыми морозами. Но даже когда на севере империи стояли аномальные холода и термометр опускался ниже тридцати пяти градусов ниже нуля, в предгорьях было минус десять — двенадцать. Словно никогда не замерзающий Данубий положил предел холодам.

После огемских холодов, да и обычных погод центрального района России, местная зима воспринималась больше как баловство. Ни разу шинель на полушубок не сменил. Но прошла она вся в трудах и разъездах.

Отпуск называется.

Ага… для поправки здоровья.

Дома не каждую неделю удавалось побыть, хотя он рукой подать — в тридцати километрах. Жил в салон — вагоне. Бухгалтерия рядом — в почтовом, при сейфе. И охрана при нас. С пулеметами. А то как же… На каждого вольного тут у нас по десять военнопленных на стройке.

Моторный завод Болинтера на втором разъезде от Втуца, который авансом получил гордое название 'город Калуга' уверенно поднимал стены цехов под крышу, и избыток рабочей силы перекинули на строительство сухого дока.

Между цехами уже монтировали заранее заказанную на

'Рецких дорожных машинах' большую паровую машину с двойной системой питания (и жидким, и твердым топливом). Паровик будет со своего вала ремнями передавать вращательный момент всем станкам двух цехах разом.

Между заводом, портом и доком расчищали площадку под нефтебазу. В подобном железном баке товарищ Сухов с гаремом и пулеметом прятался. На вырост строим, в расчете на снабжение нефтью по железной дороге в перспективе. Как и керосином. Баржи и пароходы по реке у нас также на нефти ходить будут. Пока на сырой нефти…

Здесь нефтяная отрасль настоятельно модернизации требует. Крекинга и рынка сбыта для ее фракций помимо светильного керосина.

Но на всякий случай выделили место под угольный склад не только на железной дороге, но и на реке — все равно подвоз угля выгоднее рекой с Данубия из Теванкульского разреза. Он там дешевый, так как добывается открытым способом, а не в шахтах. Да и качество его приемлемое. Нефть — дело будущего, а пока всем прогрессом в империи уголь рулит.

Залили бетонные фундаменты под завод керогазов, масляных ламп, карбидных фонарей и каретных фар, металлической посуды, столовых приборов и прочей бытовой мелочи для самой широкой публики 'Кобчик хозбыт'. Со временем планирую наладить в нем же эмалировку простого железа, чтобы и медь экономить, и продукт удешевить. И назло врагам здесь же буду делать самовары — промышленной штамповкой. Есть такая лазейка в лицензионном договоре, что могу я их делать, но только сам. Ну а коли завод на сто процентов мой — то, значит, это я делаю сам. Мои зубробизоны от юстиции все обосновали предельно четко.

А цех ширпотреба в нем заточен под ручные гранаты — фронт их с каждым днем требует все больше и больше. Распробовали.

Расчищались в городе площадки под будущие вокзалы — речной и железнодорожный. Вбивались колышки. Утверждались проекты.

Отсыпались насыпи заводских веток железной дороги. С Теванкуля привезли баржу креозота в бочках, и пленные активно заготавливали шпалы и укладывали их. Пока что в штабеля вдоль этих насыпей. Лесопилка работала не только световой день, но и всю ночь под ацетиленовыми прожекторами. Рельсы должны были привезти из центральных областей империи, но… как всегда… 'кирпич — бар, раствор — йок, раствор — бар, кирпич — йок'. Если генштабу приспичило где-то новую рокаду поставить, то

весь гражданский сектор встает.

Тяжести пока гоняем временными конными декавильками##. Планирую, что потом, когда стройка закончиться по тем же путям узкоколейки пустить конку. Для людей.

Декавилька или дорога Декавиля. Железная узкоколейка 500–600 мм шириной из готовых металлических секций.

* * *

Расширился поселок железнодорожников при разъезде. Я своим переселенцам, которые влились в транспортную компанию, выдал ипотечные кредиты под частную застройку. К весне они освободят мне первый барак под штаб строительства. Хватит ему в вагонах мыкаться.

Кстати это была первая публичная акция нового банка, на который я замкнул все финансовые потоки своих предприятий. 'Бадон банк'. Даже не банк, а так… банчок. Кассово — расчетный центр скорее, потому как чисто банковской деятельностью — аккумуляцией денег населения и выдачей кредитов ему же мы пока не заморачивались. Просто так все расчеты шли быстрее, и не надо было сторонним финансистам платить проценты. Свой персонал обходился куда дешевле.

Председателя правления выделил в банк из своих проверенных кадров герцог Ремидий, а главным ревизором я поставил туда Альту, хоть это и вызвало шок в местных деловых кругах. У нее не забалуешь — мать наследника герцогского трона. Но довольно быстро убедившись в ее деловых способностях и бульдожьей хватке, местные финансисты стали ей заказывать независимый аудит.

Активно строились в Калуге временные бараки для строителей и будущих заводских рабочих. Я прекрасно понимал, что нет ничего более постоянного как временное, но жилье здесь требовалось еще вчера, и строить благоустроенные рабочие слободки не было лишних ресурсов. Выделили под них только землю, которую в будущем будем раздавать рабочим под жилую застройку и сады с огородами. Хочешь сам строй, хочешь ипотеку бери. Если дом типовой от строительной конторы нашего же концерна, то скидка. Собственноручно построенный дом привязывает к работе крепче всего.

Между заводами и поселками насадим широкие лесополосы вдоль дорог. Здесь будет город — сад, такой, каких в империи еще никогда не было. А пока тут только грязь и раздолбанные грунтовки как всегда на стройке.

Но я вижу этот город.

Я вижу этот сад.

'Не каждый мог так щедро жить — на память людям города дарить'.

И то, что вражеские пленные вместо разрушения нашей земли обустраивают ее, я видел в том высшую справедливость.

К концу февраля наконец-то удалось отстроить четкое управление строительством и городским хозяйством. Даже полиция сама собой произросла. И на мне остался только контроль над исполнением генерального плана города.

А ведь умудрялся я находить время не только для оформления заявок на патенты, но и трактор за это время сконструировал. Кульман в салоне стоял. И таблицу Менделеева довел до публикации.

На что у меня действительно не хватало так это на семью.

Редкое мое гостевание в собственном доме прервал посыльный с завода 'Гочкиз'.

— Ваша милость, там какие-то люди из столицы империи к нам на завод рвутся. Во главе с целым генералом, — курьер имел вид запыхавшийся, хотя доставили его к нам на 'Гору' в пролетке.

Черт дери местную телефонную компанию, которая все никак не может окучить наш берег реки.

— И?… — поднял я правую бровь.

— Охрана их не пускает. Согласно вашей инструкции, — выдохнул курьер.

— Сколько их?

— Пятеро.

— Все военные?

— Нет, ваша милость. Только генерал. Остальные штатские. Скандалят, но на пулемет не лезут.

— Какой пулемет? — удивился я.

— У охраны в руках.

— Так… Бери шарабан. И вези их всех сюда ко мне. С извинениями, что я себя не очень хорошо чувствую, чтобы приехать на завод. И приглашаю к себе.

Накрутил кухарку на легкие закуски и хорошее вино. Альте и Зверззу наказал приготовить холл к саммиту.

Сам поверх штатских брюк и тонкого свитера накинул шикарный тканый с золотой ниткой халат из южной Мидетеррании — подарок жены к новому году, опоясавшись витым шелковым шнуром с кистями. Фиг вам, а не парадный прикид.

Осмотрел, как собирают и оформляют переговорный стол в холле. Нашел, что чего-то тут точно не хватает…

Прошел в кабинет и по — быстрому выклеил пирамидку из ватмана. На каждой ее грани написал плакатным пером чертежным шрифтом: 'Спасибо, что вы здесь не курите'. Красной тушью. И поставил ее в центр стола.

Вот так-то вот…

Препод один как-то рассказал на лекции в качестве оживляжа, что курящий человек теряет концентрацию внимания после пятнадцати, максимум двадцати минут переговоров. Если не закурит, то теряет ее и дальше. Кроме того у него появляется желание свернуть переговоры как есть и выйти покурить. У кого сильнее, у кого слабее. Но у всех.

К тому же если прибудут они с какой-либо 'домашней заготовкой' то такое объявление явно их собьет с мысли. Хоть на время. И даст мне возможность перехватить инициативу.

Подождем. Будет день — будет пища. Нечего раньше времени икру метать.

Через час холл приобрел вид переговорной комнаты солидного московского офиса.

Раздаточное окно на кухню задрапировали плотным сукном под цвет оконных штор и гардин на двери моего кабинета.

Серебряный чайно — кофейный сервиз из трофеев надраили до блеска.

Кофе, чай, вино готово к подаче по первому требованию.

Белая горничная на стреме в кружевном переднике и с наколкой на волосах.

Только Альта осталась в национальном платье горянки. Хотя для понимающего глаза ее платье стоит больше самого дорогого из модных бутиков Гоблинца.

На столе на каждом посадочном месте блокнот для записей и карандаш. Карандаши заказные цанговые из латуни с логотипом 'Гочкиза'. Мелкосерийное производство для представительских целей. Пускать их в широкую продажу пока посчитали нерентабельным.

Генерал оказался мне знакомым — сам князь Барч Урагфорт собственной персоной. Начальник главного артиллерийского управления Имперского генерального штаба. Генерал — лейтенант артиллерии.

Давно не виделись. Примерно с полгода. Не скажу, что наше свидание на полигоне Многана было для меня приятным, но за это время много воды утекло. Прилепил себе на морду американскую улыбку и со всей доброжелательностью сказал.

— Ваше превосходительство, я счастлив, принимать вас у себя дома, — чуть склонил я голову. И тут же шикнул на горничных. — Примите у господ шинели.

Четверо штатских прибывшие с Барчем мне никогда еще не встречались. Но думаю, генерал их не зря с собой притащил на наш завод.

— Приходите, господа, присаживайтесь. Чай? Кофе? Подогретого вина со специями?

Все разом попросили с морозца подогретого вина, и я приказал приготовить глинтвейн. В принципе все и так готово было осталось только довести до кипения.

Когда все расселись, я раздал им свои визитные карточки для гражданского обихода, где отсутствовали мои военные чины.

* * *

Савва Кобчик, барон Бадонверт

Имперский рыцарь

Камергер его светлости Ремидия, герцога Реции.

Президент концерна 'Гочкиз'.

По виду генерала, по тому, как он вертел в руках мою визитку, я понял, что тот не владел информацией, что я камергер и воспитатель молодого графа.

Сам сел во главе стола напротив генерала. Дождался, когда горничная принесет всем глинтвейн и спросил.

— Итак, господа, что привело вас в мое скромное жилище?

— Инспекция военных предприятий,… — слегка запнулся генерал и через некоторую паузу добавил, — дорогой барон. В том числе и ваших. Позвольте мне представить вам моих спутников.

И после моего благосклонного кивка стал именовать их, а те, приподнявшись со стула, кивать мне.

— Барон Бойсфорт и мастер Каноп, аудиторы министерства финансов.

— Мастер Кнопик, инженер — сметчик.

— Барон Карушверк, асессор имперского министерства промышленности.

— Инспекция? — переспросил я, когда церемония представлений состоялась.

— Именно так. Инспекция того как тратятся деньги выделяемые частным фабрикантам из имперской казны на военные нужды, — подтвердил князь.

— А причем тут мы? — поднял я правую бровь.

— Фирма 'Гочкиз' получила от империи большие преференции и субсидии на программу выпуска пулеметов 'гоч — лозе'. Вы же не будете этого отрицать?

— Не буду.

— Вот мы и проверим, как эти деньги расходуются.

— А причем здесь завод во Втуце? Я не понял? Программа 'гоч — лозе' осуществляется на заводе в Будвице.

— Но завод во Втуце, насколько я помню, филиал завода в Будвице. — парировал князь.

— У вас устарелые сведения, генерал. С того момента как только завод во Втуце стал работать по заказам казны Рецкой марки, нам пришлось провести по требованию его светлости реорганизацию и теперь завод во Втуце имеет форму дочернего предприятия концерна и автономного юридического лица, самостоятельного в своей хозяйственной деятельности и не отвечающего по обязательствам завода в Будвице. Так что как минимум за этот стол требуется пригласить казначея герцога. До начала любых переговоров. Так как рецкий завод работает по заказу герцогства и обеспечивает пулеметами рецкие горные бригады. Мы здесь ни медяка не истратили имперских субсидий.

Да… Рейдерский наскок у имперских деятелей явно не проработан. На шарап работают в надежде, что провинциальный фабрикант сразу сдуется от самого лицезрения больших персон. А тут облом… суровая охрана с ручными пулеметами и я, которого вроде здесь быть не должно… Я же на фронте дирижабли ломаю. Контуженый валяюсь после катастрофы, окруженный медицинскими светилами.

— Так что, господа уважаемые аудиторы, — продолжил я. — сначала вы должны утрясти этот вопрос во Дворце. Допущены вы к нашей бухгалтерии будете только после приказа из Дворца и только по субсидиарным деньгам герцогства. Все остальное, простите, тайна частной собственности. С аудиторами мне все понятно, генерал. Но что здесь делают инженеры?

Князь очередной раз поморщился от моего обращения 'генерал', но ведь он и сам меня не титулует меня 'его превосходительством' как камергера. Так что терпи.

— Они должны дать заключение о возможности расширения производства и возможности его удешевления.

— Вот как, — удивился я. — А может им еще и 'ключик дать от квартиры, где деньги лежат?' Тем более, насколько я помню, станковые пулеметы 'Гочкиз' которые здесь производятся, так и не поставлены вашим ГАУ на вооружение имперской армии. А от герцогских войск к нам претензий и рекламаций не поступало. Простите, генерал, но нахождение инженеров в столь щепетильной комиссии я могу рассматривать только как промышленный шпионаж.

— Что вы себе позволяете, мальчишка! — взвился инженер —

сметчик.

— Вы дворянин? — спросил я его спокойным тоном.

— Нет, — брызнул он на меня разъяренным взглядом. — Я имперский гражданин.

— Тогда рекомендую вам безотлагательно покинуть мой дом, дом имперского рыцаря, пока вас из него не выкинули как пьяного невежу из трактира в ближайшую лужу. Вон!

— Барон, мне кажется, вы погорячились, — произнес князь примирительным тоном.

— Ваше сиятельство, вы в своем доме позволяете так себя вести незнакомым людям по отношению к вам?

Князь недовольно крякнул, но промолчал.

— Вот то-то же… — произнес я и повернулся к инженеру, который все это время стоял и смотрел на князя, видимо, ожидая от того команды. — Вы еще здесь? Вам, наверное, неизвестно что полагается в этих горах гостю за оскорбление хозяина дома?

Повернулся к двери во внутренние покои и крикнул.

— Зверззз!

Тот моментально высунул голову в приоткрытую дверь с вопросом в глазах.

— Прикажи своим мальчикам со всей обходительностью вывести этого гостя за пределы моих владений.

Мальчики появились сразу же. За прошедшие полгода они здорово вытянулись и раздались в плечах на хорошей кормежке и свежем воздухе.

Один подошел к вешалке, где возникшая из ниоткуда горничная подала ему пальто, шляпу и трость инженера.

А второй, с полупоклоном вежливо показав рукой, направил гостя.

— Ваша милость, выход у нас вон там.

Взбешенный инженер, видя уставленный в столешницу взгляд генерала, гордо вскинув голову, прошел к входной двери, не говоря больше не слова.

Мальчишки Зверзза помогли надеть ему пальто, подали ложку для галош и шляпу. Открыли дверь, и вышли вместе с ним наружу, не отдавая пока ему трость.

Князь Урагфорт сидел, плотно сжав губы и спрятав кулаки под столешницу.

— Ну не вызывать же мне его на дуэль, ваше сиятельство? — заявил я оправдательным тоном. — Слишком много чести для него будет.

Князь кивнул, соглашаясь, все-таки сильная это штука аристократическая солидарность.

— А вы как считаете, ваша милость? — обернулся я к

асессору.

— Вы в своем праве, барон, — буркнул тот нейтрально.

Вошли зверьзовы пацанчики и доложились.

— Ваша милость, ваше приказание выполнено. Гость — невежа препровожден за пределы вашей земли.

Я их отпустил мановением руки, и старший из звеззовых помогальников проходя мимо стола, мне озорно подмигнул.

Ох, как бы ни перестарались они на общинной земле. Впрочем, на нашей мостовой если и есть лужи то мелкие.

Когда мои 'казачки' выходили из холла в покои, между их ног ловко поротырился пятилетний граф Риестфорт, размахивая деревянной сабелькой с криком.

— Кто обижает моего верного слугу — тому жить надоело! — и грозно махнул крест — накрест своим оружием.

— Ваше сиятельство, — принял я строгий вид. — Почему вы в такое время не в постели. Вам предписан в середине дня тихий час.

— Но, Савва, сам бы попробовал спать днем… — возмутился малолетний нарушитель режима.

— Все в детстве спали днем, — соврал я.

— А когда мы жили в поместье, то нас никто не заставлял спать днем. Даже отец.

С поклоном вошла строгая Альта, взяла своего сына поперек туловища и унесла с извинениями.

А то все кричал, размахивая саблей за ее спиной.

— Все равно я спать днем не буду!

Явление мальчишки разрядило накаленную атмосферу. На лицах присутствующих появились улыбки.

— Это разве не ваш сын? — спросил князь.

— Нет, ваше сиятельство, это младший сын покойного графа Битомара, граф Риестфорт. Я всего лишь его воспитатель. Мой сын только — только ножками пошел.

— Простите,… — спросил, несколько спотыкаясь в словах старший по возрасту аудитор, — …ваша милость. Вы тот самый Кобчик, который устроил осенью кровавую тризну по графу Битомару на фронте?

— Не буду отрицать очевидного, — ответил я.

— То, что у Битомара оказались сыновья, стало большой неожиданностью для императорского двора, — сообщил зачем-то князь. — Зачем он их прятал от света?

— Может быть, он не хотел для них своей участи, — предположил я. — Вы, наверное, также не в курсе, что Битомар серьезно увлекался химией, а его заставляли служить в кавалерии.

— Такое трудно понять и еще труднее в такое поверить, — заметил асессор.

— Вы правы, барон, — кивнул я ему. — Но химия… Это такая наука, которая мало кого оставляет равнодушным стоит к ней лишь прикоснуться. За ней наше будущее. И хорошее, и плохое.

Возникла пауза, про которую на моей родине говорят, что 'милиционер родился'

— Чай? Кофе? Чего-нибудь покрепче? — спросил я, чтобы разрядить обстановку.

— Мне лучше водки, — попросил генерал.

— Мне тоже, — поддакнул асессор.

Аудиторы от всего отказались.

— Тогда, господа аудиторы, — внес я предложение подкупающее своей новизной, — сейчас будет подана для вас коляска, которая вас отвезет во Дворец к казначею герцога. Вы успеете его там застать. Если герцог соблаговолит, то я буду рад принять вас у себя на заводе. Но без приказа Ремидия… Извините не властен. Военная тайна.

После ухода аудиторов нам подали можжевеловку из посылки Эллпе и соления, оставшиеся от запасов жены Гоча. Нарезку мясной копчености. Сыр. Маринованную горную зелень.

Генерал выложил на стол свой портсигар, но я молчаливо показал глазами на пирамидку.

— Барон, где это видано, чтобы выпить и при этом не закурить? — рассерженным тоном выговорил мне князь.

— В моем доме, князь, — ответил я ему. — Все тут курят только на хозяйственном дворе. Сам я не курю, а моя беременная жена даже запаха табачного не переносит. Увы… Прошу простить. Итак… раз мы остались в тесной компании без балласта и лишились танцев с бубнами, то прошу вас озвучить что именно желает правительство империи от скромного фабриканта?

— Ручные пулеметы.

— Они и так производятся на заводе в Будвице.

— Мало. Мало. Нудно намного больше, — убеждал меня начальник ГАУ.

— Для обычной пехоты они не так уж и нужны, как показала боевая практика восточного фронта. А вот штурмовые роты, кавалерия и горные части без них обойтись не могут. Что сильно сокращает их применение, особенно в окопной войне. И если вам мало пулеметов то примите, наконец, на вооружение станковые пулеметы 'гочкиза' — они почти вдвое легче пулеметов 'лозе', что немаловажно тактически.

— Примем. Этот вопрос снова на рассмотрении комиссии ГАУ.

Врет, наверное, — подумал я. — Только сейчас придумал про комиссию.

— Вопрос стоит в другой позиции, — вклинился асессор. — Насколько возможно расширение производства пулеметов здесь, во Втуце?

— Есть некоторая возможность расширения производства, но очень небольшое. Как территориально, так и со станками проблема. Но главный вопрос у нас в нехватке квалифицированных кадров. Система заводского обучения конечно у нас налажена, но… толковый станочник это не столько образование сколько опыт.

— Мы в министерстве пришли к выводу, что можно привлечь квалифицированную рабочую силу из числа пленных, — заявил асессор и добавил. — У вас же есть такой положительный опыт в Калуге.

— Одно дело стройка, ваша милость, другое дело пулеметы. Не статут ли пленные скрытый брак гнать, который обнаружиться только на фронте? Одно дело нам дом построить, пусть даже это будет заводской цех или дорогу. И совсем другое — клепать стреляющие машинки, которое будут убивать их соотечественников. Вы лучше винтовки Шпрока поставьте на поток во всех арсеналах, а то в наше время с карамультуками Кадоша воевать уже стыдно.

— Это уже делается. Шпрок на имперском арсенале после механического завода Будвица внедряет свою винтовку в производство. И на заводах концерна 'Лозе' тоже. Потом ее поставят на поток в арсенате в Торте. Два новых патронных завода уже запустили под это дело. И у вас здесь ее делают, насколько я в курсе.

— Здесь в основном делают только оптические карабины для снайперов. И малые партии для горных стрелков.

— Сейчас главная забота западный фронт, — заявил асессор.

— Западный фронт всегда был главной заботой и любимой песочницей генштаба, — постарался я не рассмеяться.

— А что вы предлагаете? Обойтись без генштаба. — поднял брови князь.

— На востоке обошлись как-то, — усмехнулся я. — Генштаб наш только по глобусу воюет, а не на реальной местности. В том-то и его беда. Генштаб оперирует воинскими частями как полнокровными соединениями, а на фронте несут потери и восполнение людской убыли не поспевает за полетом мысли генштабистов. Они планируют удар полнокровной дивизией, а от нее давно один полк в реальности. И совершенно не понимают того что новая война требует новой тактики. И новых родов

войск.

— Штурмовые роты вводятся повсеместно, — возразил князь.

— Штурмовая рота — это вчерашний день. Требуется уже штурмовой саперный батальон. Чтобы силы разграждения сами наносили первый удар и успешно выкуривали из ДОТов и ДЗОТов их гарнизоны. А вы что делаете? Новатора — сапера в полевой фортификации Вахрумку засовываете в дикие горы дорогу строить. С глаз долой. Это кто такой завистник предложил такое вредительство?

И поднял руку, останавливая возражения ассесора.

— Дорогу построить может любой толковый инженер. А вот в полевой фортификации Вахрумка — гений. Его еще сто лет в учебниках весь мир изучать будет, хотя он построил всего один полевой укрепрайон. Зато какой!

— Барон, не возражайте Кобчику, — примирительно прогудел князь. — Это он придумал штурмовые роты и даже командовал такой в бою. Если он говорит, что нужен батальон, значит, нужен батальон. Только учить такие батальоны негде — есть всего один полигон под Будвицем.

— И кто вам доктор? — удивился я. — Трудно городок в чистом поле построить? Затраты медные, а выхлоп золотой.

— У вас же тоже нет такого полигона, — усмехнулся князь.

— Для рецких горных стрелков полигон сами горы, — ответил я с апломбом. — До них нам далеко ходить не надо.

— А сможете вы такой полигон организовать здесь. Под Калугой, к примеру.

— Для рецкой армии он бессмысленен.

— А для армии империи?

— Для этого у имперской армии есть концерн 'Лозе', который обладает большими субсидиями и преференциями из имперской казны на постоянной основе. — не удержался я от шпильки в адрес князя как главного лоббиста 'Лозе'.

— Вот мы и подошли к самому главному, — заметил асессор. — Министерство выделяет приличные деньги…

— Деньги не главное, — возразил я, прерывая его. — Вопрос в том какие ресурсы выделяются под эти деньги. Сейчас куда ни кинь все клин. Сплошной дефицит.

— Что вам требуется в первую очередь?

— Рельсы, дерево, метизы, хорошая сталь, цветной металл…

— Это все решаемо, — кивнул асессор. — Но людей нет. Поэтому мы и советуем набирать станочников из пленных.

— А сами станки я тоже в лагере пленных возьму?

— Если вы войдете в программу привлечения пленных. То станки дадим. Под них.

— Нет, — возразил я. — Станки вы дадите нам. Новейшие. А старые станки мы отдадим под пленных.

— Пусть так, — согласился он со мной. — Я вижу, вы уже нашли решение, ваше превосходительство, — улыбнулся мне асессор, титулуя меня впервые по придворному чину.

— Есть пара идей, но они требуют серьезной проработки. У есть имеется возможность поставки тонкостенной трубы из качественной стали диаметром 60–80 миллиметров?

— У вас новое изобретение? — спросил князь.

— Да. Но оно будет полезно, только если наладить к нему достаточное количество снарядов. Но для этого требуется тротил в промышленных количествах и массовое производство снарядов. Намного большее, чем в расчете на ту же трехдюймовую пушку.

— Новое орудие? — заинтересовался князь по — настоящему.

— Новое, — подтвердил я. — Легкое. Батальонного уровня. Но полкового калибра.

— Цветной металл в дефиците, — встрял асессор.

— В том-то и дело что цветной металл для него не нужен. Нужна качественная сталь, хрупкий чугун и тротил. Снаряд совершенно новой конструкции.

— Какой же? — снова не удержался князь от вопроса.

— Вы узнаете это, ваше сиятельство, из патентной заявки, если убедите меня, что имперский комитет по изобретениям очищен от вражеских шпионов. Иначе нет. Усилить врага я не намерен. Будет также как с моей полевой кухней, которая появилась у врага раньше, чем у нас.

— Добро. Путь будет так, — покладисто согласился начальник ГАУ. — Так вы за полигон возьметесь?

— При условии, что из Будвица начальником такого полигона переведут сюда капитана Щолича с взводом инструкторов. Сам полигон построят пленные. Тут нет ничего сложного. Сложно наладить нормальный процесс обучения. И вам договориться с герцогом о выделении земли под него.

— Сколько солдат можно будет обучать на нем разом? И как быстро.

— Дайте подумать… — наморщил я лоб. — Снайперов можно начать готовить практически сразу. Инструктора есть. Обстрелянные и проявившие себя на фронте. Орденоносцы. Так что человек сорок за цикл подготовим.

— Уже кое-что, — улыбнулся князь.

— Но карабины Шпрока с оптическими прицелами для них придется закупать здесь, во Втуце. И такая учеба требует очень большого расхода патронов.

— Как? — удивился асессор. — Я слышал, что снайпера как

раз тратят очень мало патронов. Один, максимум два выстрела.

— Для того чтобы научить человека так стрелять он сожжет не одну тысячу патронов, — просветил его я. — Снайпера штучный товар. Не каждый человек еще может стать снайпером, даже если он метко стреляет. Тут нужен комплекс качеств в единстве. Кто-то обучиться, а кто-то не сможет. Останется просто метким стрелком. Но не снайпером.

— Штурмовые подразделения? — настаивал князь.

— Постепенно. Для начала от взвода и по мере наработки опыта постоянным составом полигона до роты и возможно целиком батальона. Но нужны будут инструктора саперы и взрывники.

— Ясно. Пулеметчиков учить будете? У ваших людей это хорошо получается.

— Можно, — устало ответил я. — Только тогда это уже будет не просто полигон, а целый учебный центр в подчинении рецкой армии. И если вы захотите во главе его поставить кого-либо кроме капитана Щолича — я просто умываю руки, и пусть этот центр варится в собственном соку. Как сможет.

— Но начальник учебного центра это… простите, дорогой барон, уже полковничья должность, — с легким возмущением пророкотал князь.

— Что с того? — ответил я. — Вам нужны штурмовые батальоны или возможность пристроить блатного майора на теплую должность? Если обученные и боеспособные подразделения, то тогда вам нужен Щолич. Если просто отчитаться перед императором 'на отвяжись' и поставить в годовом отчете галочку — то ставьте начальником кого угодно. Но в этом случае на мою помощь не рассчитывайте.

— Даже так?

— Только так. Успех моих предприятий в том, что я подбираю людей только по их деловым качествам. И не забудьте обеспечить финансирование такого полигона отдельной строчкой в бюджете ГАУ.

Князь Урагфорт немного подумал и кивнул мне, принимая мои условия. Взял наполненную рюмку и встал.

— Что ж, предлагаю выпить за согласие, — поднял князь свою рюмку. — Согласие фронта и тыла важная составляющая победы. Потом мы сытно пообедали. И так как беседа прошла несколько сумбурно, то по моему предложению зафиксировали на бумаге обязательства сторон и примерные сроки финансирования, обеспечения и исполнения. Списком с тремя подписями.

Еще я подписал обязательство вхождения в программу

привлечения пленных к работе на своих заводах и получил суровую бумагу от Министерства промышленности на право отбирать в любом лагере военнопленных нужных мне людей без ограничения. Препятствовать мне в этом воспрещалось.

* * *

Таблицу элементов я все же сделать успел до того как на меня навалились новые заботы по военно — промышленному комплексу. Может она вышла и не такая стройная, как у самого Дмитрия Ивановича (но на то он и гений, а я всего лишь плагиатор), но по ней уже зримо прослеживалась корреляция атомного веса элементов с периодами изменения их свойств.

Чтобы опять не нарываться на козни многочисленных своих недоброжелателей в прессе, я не стал делать об этом доклада в империи, а опубликовал короткую статью в соседнем Швице. В серьезном журнале 'Химия гор'. Просто взял и послал рукопись по почте. На деревню дедушке, основываясь только на репутации швицкой честности.

В отличие от Реции в Швице предгорий и равнин не было, только долины, но геология и химия были там развиты традиционно из-за особенностей экспорта из горной республики.

Называлась моя вымученная работа: 'О соотношении свойств химических элементов с их с атомным весом'.

Опубликовали статью неожиданно быстро, в ближайшем же номере, с восторженными комментариями остепененных швицких химиков.

По почте же мне прислали обратно несколько экземпляров журнала.

А вот с гонораром кинули. Наука тут храм, а не торжище…

Швицкий горный институт бесплатно разослал журнал с моей статьей по всем ведущим химикам мира. Пиарщики доморощенные. Они на мне решили поднять рейтинг своего издания в мировой научной табели о рангах. До того 'Химия гор' не входил в мировой научный мейстрим из-за предельной зацикленности своего содержания только на собственных местечковых проблемах.

Газеты заметили демарш швицких химиков и дали рецензию что 'Кровавый Кобчик', известный до того изобретениями разнообразных бытовых поделок таки открыл новый фундаментальный закон мироздания. Подано все это было как курьез, типа 'что хорошего может быть из Реции?…'.

Авторские экземпляры я раздал своим химикам, один сдал в

библиотеку Политехнического общества и еще один отослал на экспертизу в Будвиц к Помахасу. Тот все же доктор химии и признанный научный авторитет. Завязалась активная переписка.

Статью перепечатали в 'Трудах Будвицкого политехнического института'. И в имперской научной прессе завязалась суровая дискуссия, которая из-за невозможности опровергнуть сам менделеевский принцип быстро скатилась к обвинению меня в отсутствии патриотизма, раз я публикую такие эпохальные вещи за границей. Жалует царь да не жалует псарь… Всегда найдут за что укусить. Было бы желание.

Обиду научного сообщества империи можно было понять. До войны вся мировая наука здесь делилась поровну на имперскую и всю остальную. Разве что островитяне слегка опережали в практических инженерных разработках связанных с морем и железной дорогой.

Вот чего я совсем не ожидал, так этого того что в хор укоряющих меня в недостаточной любви к родине и не восторженный образ мыслей включится даже Ремидий.

На что герцог немедленно получил мой резонный ответ.

— Ваша светлость, в самой Реции никакой научной периодики пока нет, кроме редких альманахов Политехнического общества. А швицы вроде как нам дальние родственники и язык у нас практически один. Не имперцам же делать такие подарки. При публикации такой сенсации в столице империи о Реции никто и не вспомнит, говорить будут только про империю. И вся слава опять пройдет мимо наших гор.

— Ну, разве что все это в таком разрезе понимать… — пожал плечами герцог. — Тогда тебе придется делать еще один доклад в нашем обществе.

И при этом лукаво мне подмигнул.

Я не стал отказываться. Перцу, официально признанному за границей делать доклады намного проще ибо 'нет пророка в своем отечестве…'

Следующую статью 'Опыт системы элементов, основанный на их атомном весе и химическом сходстве' уже с готовой таблицей, я уже сам разослал веером по всем серьезным научным изданиям, даже во вражеских странах (тем с оказией через редакцию швицкого журнала).

Причем не вышло у меня, как я надеялся, простого плагиата с Менделеева. Но зная принцип легче было уже тасовать карточки с элементами на столе в подобие менделеевской таблицы. При этом я не стал заходить за то количество элементов, которое было открыто на то время в этом мире. Шестьдесят четыре так шестьдесят четыре. Открытием считалось объединение элементов

в группы по атомному весу, когда свойства элементов не постепенно изменяются, а скачкообразно и имели химическое сходство в периоде, что в принципе и отличает металлы от неметаллов. В отличие от их природного состояния — жидкого, твердого и газообразного в котором могли пребывать и те и другие.

Но важнее всего было то, что в таблице логично остались пустые клетки, которые как я заявил на докладе, заполнят те, 'кто идут за мной'. Эти клетки не могут быть пустыми в принципе. Многие в этом сомневались, не веря в мою убежденность. А я так просто знал, что так оно и есть. Очень меня удивляло то, что в научных кругах многое принималось на веру. Оттого и приходилось постоянно доказывать правоту опыта. Возможно именно от такого отношения к научным новшествам и родился обычай диссертации защищать. Но все равно вера в постулаты пока рулила.

Вражеская пресса ожидаемо подняла хай, что не может дикий горец с кровожадными наклонностями быть столь выдающимся ученым. Как ни крути, а у союзников от моей публикации возникли репутационные потери. Если империя может себе позволить тратиться на чистую науку во время даже не войны, а бойни, то — знать — высок ее потенциал. А все что возвышает нас — унижает врага.

Республиканцы так вообще обвиняли меня в плагиате работы их химика Бенрейтера. Конкретно его работы 'Закон триад', которую он опубликовал в еще королевском городе Лютеце за полвека до наших дней, накануне их буржуазной революции. Но Бенрейтер объединял элементы по совсем другим параметрам, где атомный вес был второстепенным признаком.

Имперская пресса сначала охотно подпела 'вражеским голосам', исходя страстью 'законно' меня покусать, но быстро угомонилась от хорошего пинка из императорского Дворца и стала огрызаться, отстаивая приоритет Реции, соответственно мой и самой империи. Все же император у нас далеко не дурак.

Мне осталось только рассказывать, в одночасье ставшими ко мне доброжелательными журналистам о долгом пасьянсе по вечерам с карточками элементов в течении полугода и о том, как я окончательную их конфигурацию я увидел во сне. Что и разошлось легендой по всему миру. Зачем плодить сущности если старые хорошо работают?

Швицкий горный институт присвоил мне степень доктора химии без защиты диссертации, опередив имперскую научную общественность, которая от досады только крякнула. И чтобы не остаться на обочине праздника заочно выбрали меня членом —

корреспондентом Имперской академии наук по отделению естествознания.

Из изгоя я в одночасье стал модным для аристократии. Меня наперебой приглашали во всякие модные салоны в качестве экзотической зверушки для развлечения гостей. И очень обжались, когда я такие предложения не принимал. Некогда мне ездить по миру со светскими визитами. Война идет. Родина в опасности. Вот меня все вьючат и вьючат по линии военно — промышленного комплекса, невзирая на официальную контуженность на всю голову.

Для разбора почты пришлось нанять отдельного секретаря.

Однажды я получил письмо без обратного адреса, присланное в Рецкое политехническое общество. В конверте была короткая записка без подписи на дорогой плотной бумаге. 'Я не ошиблась в тебе, мой герой'. И все. Даже подписи нет. От письма нежно пахло дорогими цветочными духами на амбре. Но мне вдруг резко вспомнился запах карболки в санитарном поезде… и гинекологическое кресло в соседстве с ножной бормашиной.

* * *

Дома была идиллия. Жена, заполучив старшую подругу в лице умной ясырки, души в ней не чаяла. Так что меня намного меньше теперь пилили за отлучки из дома. Им вдвоем было нескучно. Это был плюс. Зато в бытовых конфликтах они выступали против меня единым фронтом. Не скандалами, конечно… у горцев такого не водится, но мягко так давили со всех сторон. А это минус.

Даже Зверзза — официального моего домоправителя, они давно под себя подмяли и даже по случаю женили на няньке моего сына, чему эта дурёха была страшно рада. Как-то не находилось ей до того ухажеров из моей охраны и слуг.

Я не узнавал строгого унтера, которого побаивался весь наш стройбат. А там, как известно, служат такие звери, которым даже оружия не дают. Но этот женский фронт его доконал.

Зверзз… Он даже как-то обратно на стройку у меня попросился, и возможно оно срослось бы, если бы его не подвело здоровье. Расплющенная нога у него неожиданно стала гнить, и пришлось ее ампутировать в центральном военном госпитале Втуца.

— Ваша милость, — как-то он мне заметил, когда я посещал его в госпитальной палате. — Знали бы вы, как мне надоели эти костыли. У меня под мышками уже мозоли образовались.

Я подсуетился и за приличные деньги выписал на дом лучшего протезиста в империи. И теперь Зверзз хромал на аккуратном шарнирном протезе в ботинке, скрывая ремни на голени щегольскими кожаными крагами. И, казалось, что он даже с женитьбой на некрасивой девице смирился. Тем более что я ему заявил, что раз девушка — сирота была под моей опекой, то сам фельдфебель этим фактом вошел в мою семью, как родственник.

Ну и приданое составили мы ей приличное, как бедной родственнице. Возможно, размер этого приданого и смирил Зверзза с внешностью жены. Но приблудных своих помогальников он по — прежнему любил как сыновей. А те у нас росли как на дрожжах, исполняя роль прислуги за все. Кто голодал, тот ценит хорошее место.

Оба парня быстро научились болтать по — рецки и даже писать пробовали, обучаясь у моих охранников. Они уже заявили, что в армию пойдут добровольцами и только в горные егеря. Иной раз они мне напоминали меня самого тем, что старались быть большими рецами чем сами рецы.

Иногда я кого-нибудь из них брал с собой в Калугу в качестве ординарцев. Приучал к делам. А более всего заставлял их все свободное время зубрить учебники за среднюю школу, наутро проверяя уроки. То, что они будут сдавать экзамены экстерном за восьмилетку, я уже договорился. Цена вопроса новые парты на всю школу, которые мне аккуратно сваяли пленные из досок по чертежам от директора гимназии. Зверзз этому был только рад и даже лупил их ремнем за нерадение в учебе.

Сын Митя перестал гулить и сказал свое первое слово. 'Дай!'

В ответ на это пришлось констатировать, что между мной и моим сыном глубокая социальная пропасть. Я сын крестьянина, а он сын фабриканта и камергера.

Супружеский долг исполняла ясырка, так как жена вся целиком ушла в свою беременность, и, как казалось мне, была даже рада тому, что у нее есть для меня заместительница. Любить меня Элика не перестала, но любовь ее стала какой-то другой. Благодарной что ли…

Я же часто прикладывал ухо к ее растущему животу, поглаживал его и слушал, как там развивается плод, который мы все, чтобы не расстраивать Элику называли 'дочкой'.

Зато Альта в койке отрывалась за двоих.

Если это не семейное счастье, то я не знаю другого…

* * *

Единственно, что омрачало жизнь так это то, что после ' периодической таблицы Кобчика' от меня все чего-то ждали этакого… Эпохального. Не просто ждали, а открыто требовали. И это меня здорово напрягало.

Пришлось потратиться и 'открыть' йод.

Водоросли мне доставили по зимней дороге из Риеста по личному указанию графа Риестфорта. Ага… А куда чиновникам было деться если бланк и печать настоящие, даже подпись. И все соответствующие приписи от Дворца. Но за срочную доставку через зимние перевалы вьючным караваном пришлось заплатить. Немало.

Дальше было дело техники и химии. Точнее привлеченных химиков. Я только отдал им водоросли и, обрисовав задачу, уехал на стройку в Калугу. И они уже сами почти месяц колупались — жгли водоросли по — разному, выпаривали, осаждали… и нашли-таки способ выделить из золы сначала йодный раствор. А из раствора уже сами кристаллы йода.

Потом новый химический элемент представили публике на докладе в Политехническом обществе. И торжественно под аплодисменты ученых заполнили пустую клеточку в 'моей' таблице. Назвали йод 'рецием'.

Часть кристаллов отправили на независимую экспертизу в Имперскую академию наук. И та подтвердила, что это не сложное вещество, а таки действительно новый химический элемент.

Это был оглушительный успех в научном мире, который как-то прошел мимо военных. Те его не заметили совсем. Ни наши, ни вражеские.

Одним из соавторов открытия йода я поставил Тима Йёссена, который был основными 'руками' этого эксперимента. На радостях, получив квалификацию 'лаборант химии' с соответствующим окладом жалования, он отказался в этот год поступать в Будвицкий Политех, а поехал с другим моим соавтором — химиком Хотеком — ставить в Риесте завод по изготовлению йода из водорослей. Поближе к сырьевой базе.

Потому что как только врачи из военного госпиталя распробовали, что это такое спиртовая настойка йода (настойка реция или 'рецкий бальзам', если по местному), так сразу хором заорали: 'Дай! Быстрее. И побольше!'. И мальчишка загорелся подвижничеством. Я не возражал — войдет парень в истории науки, а доучится потом. Именную Бадонскую стипендию он может получить от меня в любой момент по собственному желанию.

Герцог Ремидий не растерялся и ничтоже сумняшися объявил производство йода (реция) государственной монополией Реции, а

способ его производства государственной тайной герцогства. А мы трое получали на руки авторское свидетельство о приоритете. И приличную государственную премию от герцога.

Все причастные дали подписку о неразглашении технологического процесса.

Выдал герцог моим химикам на руки самые грозные бумаги для местного начальства с открытым финансированием строительства нового завода в Риесте. Одновременно рядом должны были поставить спиртовой заводик, и выход готовой продукции планировался уже в виде спиртового раствора готового к медицинскому применению.

Собственником предприятия на сто процентов становилось герцогство.

Хотек — управляющим инженером.

Когда мне герцог об этом сообщил, я только крякнул от неудовольствия, но возражать не стал. Я и так с помощью Ремидия нехило приподнялся тут. Реальный миллионер уже. И вряд ли я всего этого добился бы без его протекции и поддержки. В том числе и денежной. Только внес в герцогские планы разумные коррективы.

Во — первых, объявить йод, то есть реций, 'для города и мира' нашим горным природным ископаемым. Место 'добычи' засекретить. Путь ищут кому надо — горы большие.

Во — вторых, само производство реция замаскировать под мануфактуру матрасов из сушеных водорослей. А промысел йода замаскировать под сжигание 'некондиционных' водорослей, типа ликвидация отходов производства. Таким образом, хорошо мотивируется сбор водорослей, к которому широко привлечь прибрежных жителей. Так и пошив самих матрасов. А готовые матрасы направлять хотя бы в военные госпиталя по Реции и на ту же военно — морскую базу в Риесте. Частью можно выставить в открытую продажу под заказ.

В — третьих, зачем возить тяжести через горы? А именно спиртовой раствор йода. Бодяжить йод со спиртом можно в любом месте, в той же Калуге. А через горы возить только кристаллический йод. Да и легче он при одинаковом объеме тары и больше его влезет в емкость.

В — четвертых, бодяжить 'рецкий бальзам' прямо на спиртовом заводе только в отдельном цеху. Там же и фасовать. Завод по выделке медицинского спирта устроить в той же Калуге. Место, где его приткнуть есть. И логистика там проще.

В — пятых, фасовочную тару изготавливать на 'Рецком стекле'. А для перевозки кристаллов йода через горы устроить филиал 'Рецкого стекла' в Риесте. Делать на нем большие бутыли

литров на шестнадцать — двадцать темного стекла, так как не знаю я, как себя кристаллический йод поведет под прямыми солнечными лучами. И те же матрасы можно использовать как амортизирующие прокладки в дороге. Часть бутылей продавать на месте под жидкие грузы, кислоты в первую очередь.

Подумав, Ремидий со мной согласился.

Так что кроме государственной премии, которую мы честно поделили на троих, с производства йода заработать мне не удалось.

А так мечталось…

Премия эта даже затраты на доставку водорослей через зимние горы не окупила.

Наука тут храм, а не торжище…

В качестве утешения герцог повелел меня произвести в 'коммерции советники'.

* * *

Удачный рейд дивизии Бьеркфорта по вражеским тылам на восточном фронте в газетах стали обсуждать только в самом конце замы. Но тут уж оторвались, что называется взахлеб. Не жалея хвалебных эпитетов сравнивали удетских конников с былинными героями древности. Что в этих писаниях, в самом деле, правда, а что художественный свист работников пера понять было трудно.

Про наши потери совсем не сообщали, а вражеские, на мой взгляд, сильно преувеличивали.

Пришлось мне констатировать, что умение работать с прессой у наших штабных возросло. Всю зиму про почти месячный рейд нашей конницы по тылам врага ни звука. Заявили о нем только тогда, когда дивизия Бьеркфорта из оного рейда благополучно вышла, с успехом выполнив главную стратегическую задачу — сорвала зимнее наступление царцев на взлете. До лета теперь можно было быть за восток спокойным.

В свою очередь командарм Аршфорт позволил 'скрытно' переправится на свой берег передовой царской пехотной бригаде, занять ей узкий насквозь простреливаемый плацдарм и затем разом взломал лед на реке огнем тяжелой артиллерии. И все больше ничего не делал, только заблокировал десант. Вымерзнув и оголодав, не имея никакой возможности к отступлению, царская бригада сдалась на милость победителя через неделю. Запас патронов у них еще оставался солидный, а вот еды не было уже ни крошки. И не щепки дров. А холодно…

Гвардейские дивизионы особого могущества одновременно преуспели в контрбатарейной борьбе с вражеской корпусной артиллерией, не дав последней даже пристреляться. Воздушная корректировка у нас была на высоте (простите за невольный каламбур), а немногочисленные вражеские дирижабли после того как мы с Плотто сбили под новый год один из них, шарахались от наших воздушных судов еще на дальнем подходе. Один раз попытались ответить пулеметным огнем, но еще раз распробовав, что такое зажигательные крупнокалиберные пули отступились.

Развивать наступление в другом месте у царцев не хватило ресурсов — вот тут Бьеркфорт постарался, разгромив ближние их тылы и полностью нарушив всю систему армейского снабжения. Да и управления заодно.

В контрнаступление северный фронт перешел сам в устье реки Ныси, в наглую по льду на глазах у обороняющих Щеттинпорт вражеских войск, но за пределами дальности огня их пушек. И на правом берегу огемская пехота соединилась с удетскими конниками Бьеркфорта, которые к тому времени уничтожили все мелкие гарнизоны царцев по деревням на морском побережье, и вышли к устью самой Ныси.

Щеттинпорт сел в полную блокаду. Теперь всё, даже самые мелочи, приходилось везти в него морем, что в условиях тотального разрушения портового хозяйства воздушными бомбардировками тоже не сахар. Все сухопутные тропочки — трудно назвать их дорогами, были полностью перекрыты имперскими войсками.

Отбить захваченный плацдарм царские войска пытались, но как-то вяло. Пользуясь этим плацдарм на правом берегу постоянно расширялся. И пока лед на реке был крепок, перебросили туда полторы дивизии с приданной артиллерией и пулеметами. А конников вывели на свой берег — лошади много фуража требовали, и на плацдарме их было не прокормить. К ледоходу успели насытить войска плацдарма главным — едой и патронами, с запасом на весь период ледохода. К тому же Плотто наладил 'воздушный мост' сбрасывая с дирижаблей необходимое солдатам мягкими тюками с малых высот и попутно отгоняя от берега вражеские корабли, которые пытались обстреливать плацдарм тяжелыми 'чемоданами' своих чудовищных орудий. Страху такие обстрелы наводили много, но эффекта было мало. Из пушки по воробьям…

Воздухоплаватели прославлялись в газетах не меньше конников. Один я сидел в отставке как сыч на горе, мучась черной завистью. Хотя куда мне еще больше славы и регалий. Дайте лучше деньгами — мне на тракторный завод не хватает.

С левого берега плацдарм прикрывали орудия особого могущества. Для корректировки огня впервые в мире протянули телефонный провод по дну реки, запаяв его в свинцовую трубу. Как его умудрились протянуть подо льдом, подробностей в прессе не было.

Морской порт в Щеттине бомбили регулярно всю зиму всеми оставшимися силами воздушной эскадры Плотто. И настолько интенсивно, что запас старых снарядов для переделки в авиабомбы к весне кончился. Плотто отписал мне, чтобы я как можно скорее предоставил ему свой проект новых бомб, хотя сам же констатировал, что портового и складского хозяйства в осажденном городе не осталось. Но война объект для бомбежки всегда найдет.

В Щеттинпорте стал ощущаться недостаток продовольствия, о чем сообщали, как я догадался прикормленные Моласом контрабандисты. И вот тогда командарм Аршфорт объявил для мирных горожан гуманитарный коридор. Что было с имперской стороны распиарено во всей мировой прессе вместе с обвинениями против островитян, что те держат мирных жителей живым щитом в заложниках, стреляя в противника из-под юбок женщин. Мир взорвался негодованием. Даже на самих Соленых островах стали презирать военных вплоть до забастовок проституток, которые стали отказывать королевским солдатам в своей продажной любви за любые деньги.

В ставке Аршфорта пул корреспондентов нейтральных стран давно уже прописался на постоянной основе. Тех усиленно опекали особо выделенные офицеры службы второго квартирмейстера, кормили — поили, развлекали, возили в интересующие их места, предоставили хорошо оборудованную фотолабораторию с грамотным персоналом и сделали их если не друзьями, то славными приятелями, искренне симпатизирующим гостеприимным огемцам.

После третьей такой массированной кампании в мировой прессе островитяне сдулись и жителей Щеттинпорта стали выпускать из города. Потому как публично возмутился союзниками даже царь, который вдруг вспомнил, что в городе проживают его подданные.

Осада вошла в новую фазу. Со дня на день все ждали штурма. Только генерал Аршфорт хранил по этому поводу молчание.

На Западном фронте по — прежнему без перемен. По обе стороны фронта генералы продолжали гнать солдат на убой под пулеметы на проволоку, но фронт свою конфигурацию так и не изменил с прошлого года.

Дошло до того что республиканцы в феврале предприняли

наступление шириной тридцать девять километров, но как всегда размазав все силы равномерно по всей линии. Имперскую оборону к тому времени насытили пулеметами всех конструкций из расчета один на четыреста метров фронта. Этого оказалось достаточно чтобы, истребив половину наступающих, заставить республиканскую пехоту откатиться на старые позиции. Если верить газетам, то республика потеряла в этом наступлении до шестидесяти тысяч солдат и офицеров. За два дня.

Позиционный тупик завис в высшей своей точке как Молох перемалывая людские и материальные ресурсы.

Генеральный штаб империи, когда ему тыкали в нос успехами восточного фронта, неизменно отвечал, что республиканцы не царцы полками в плен не сдаются.

* * *

К нам в Рецию не только пленных зимних царцев нагнали, но и вывели на переформирование удетскую кавалерийскую дивизию, которая их и конвоировала.

Надо ли говорить, что свежеиспеченный имперский рыцарь и генерал — лейтенант кавалерии Бьеркфорт был этим страшно недоволен. Еще бы… предписано сметить в тылу отогузов на охране пленных. Его прославленной дивизии! Граф просто рвал и метал.

Отогузов отправляют на фронт, ибо не фиг в тылу окапываться… А герои — кавалеристы получают заслуженный отдых. Официально в документах это называлась ротацией. И обосновывалось необходимостью восстановления сил удетским конникам после предельных для организма испытаний зимним рейдом по лесам и болотам. Но меня это несколько насторожило, потому как это уже не первый случай отзыва с восточного фронта самых прославленных и боеспособных соединений.

Столкнулся я с генералом Бьеркфортом во Дворце, где он представлялся герцогу по поводу нового назначения.

Раз в месяц проводился такой публичный раут, требующий присутствия всех придворных. Обычно мне удавалось такие мероприятия сачковать и герцог особо не настаивал на моем обязательном присутствии, но… В тот день еще и представлялись Ремидию, будучи во Втуце проездом в имперскую столицу послы винетского герцога — граф Моска и мессир Ова. А это уже совсем другое дело.

Моска — сухой старик с совершенно лысой головой, лишь с редким седым пушком за ушами, но подвижный как юноша. А

взгляд как у карточного шулера. Никак что-то выхмурять у императора едет. Союзничек…

Ова — полная ему противоположность молодой, чернявый, кудрявый, кареглазый подбородок синий от слегка проступившей щетины, хотя зуб дам, что брился он не позже сегодняшнего утра. На вид увалень увальнем. Но как мне кажется первое впечатление об этом человеке обманчиво. Дураков послами не посылают. А этот еще и крупным коммерсантом на родине числится.

Я старался, как всегда на таких мероприятиях, в укромном уголочке прикинуться ветошью. Ну, так… золотом расшитой ветошью…

Как раз к этому дню втуцкие златошвейки закончили вышивать мне парадный камергерский мундир. Темно — малиновый сюртук почти до колен. Спереди весь расшит золотом — виноградной лозой и ветками дуба. Сурово так расшит, воротник и вся грудь плотно начиная от плеч заканчивая ниже пояса. Так что из орденов я одел только Рыцарский крест на шею. Остальные все равно среди такой богатой вышивки затеряются. Сзади хвала ушедшим богам вышили только клапана карманов. Карманы высокие почти на пояснице и больше никаких карманов на мундире нет. Брюки белые на штрипочках под каблуком натянутые.

Из-под клапана на левое полужопие на золотой цепи опускается золотой массивный ключ — знак камергерского достоинства. В кольце ключа герб Реции, чтобы меня случаем с камергером другого электора не попутали, а то и с камергером самого императора. Я вот стою и думаю, если случись где парадный сходняк в империи, то мы друг друга как песики обнюхивать под хвостами будем, дабы узнать кто какого электора камергер? Бред полный… но 'оближ ноближ' как говаривали на моей родине.

Так что этот раут я пропустить не мог — протокол, черт его дери, обязывал явить послам обоих наследников в натуре. А значит и их официальных воспитателей. Вот я и парюсь по левую руку от малого трона в этом придворном доспехе, крепко держа за плечо постоянно норовящего вырваться на свободу в пампасы графа Риестфорта. Все же пять лет пацанчику — ему двигаться надо. Если бы я бегал, столько сколько бегает он, то давно бы помер.

Так что обоим нам это мероприятие нож острый. Но пока терпим. Ибо терпение есть добродетель придворного.

А вот старший брат моего воспитанника, несмотря на восемь лет от роду, сидит себе на малом троне с серьезной мордой. Успели его во дворце уже надрессировать. Или… ну не зря же в

школу берут только с семи лет… усидчивость, какая никакая появляется.

Послы и герцог наговорили друг другу ритуальной чепухи и винетские дипломаты со всей вежливостью раскланялись и вышли из зала. Сразу на вокзал — им Ремидий свой салон — вагон одолжил.

Я, в очередной раз, удержав младшего графа за плечо, тоскливо посмотрел на Ремидия. И — о, счастье — герцог мне разрешающе кивнул.

Тут же и старший граф соскочил с трона и удрал бы вприпрыжку, если бы его вовремя не поймал за хвост его воспитатель в таком же придворном доспехе, как и мой.

Мы, чинно держа детей, за руки вышли на середину зала, поклонились его светлости и развернулись, чтобы покинуть надоевшее помещение.

Тут в зал вошел, раскланявшись в дверях с послами, длинный как жердь генерал Бьеркфорт. Его выдающийся нос, развернувшись как радар, уперся в мою персону. Брови поднялись удивленно, но виду старый вояка не подал. Проходя мимо меня в тронный зал, генерал только шепнул.

— Где вас тут искать?

— В саду, — ответил я таким же шепотом.

— Савва, а это кто? — спросил мой воспитанник, потянув меня за руку.

— Это герой нашего времени, ваше сиятельство, — ответил я совершенно серьезно, выводя мальчика в парадную анфиладу дворца и оттуда в сад, где их терпеливо ждала Альта. — Генерал Бьеркфорт. Последний рыцарь нашей эпохи.

— Мама! Мама! — радостные пацанчики забыв сразу, что они очень важные персоны наперегонки бросились к женщине, обхватывая ее ноги и что-то разом ей докладывая что они видели в тронном зале.

Альта занялась сыновьями, а я и воспитатель старшего графа барон Вейфорт вели неспешную светскую беседу, прохаживаясь между клумбами с первыми цветами. Вейфорт был пайщиком 'Рецкого стекла' и я, пользуясь случаем, раскрутил его на бесплатную консультацию о возможности организовать заказ на трехсотграммовые банки на одном из стекольных заводов этого товарищества. И о возможных ценах.

Стеклянная крышка с железным пружинным прижимом у меня уже лежала на рассмотрении в патентном бюро.

Интерес к такой таре, по возможности прозрачной, был вызван идеей, которая спонтанно родилась в наших беседах с Альтой и Эликой. Острый вопрос орехового сбыта вылился в

предложение торговать чищенным горным орехом и миндалем в меду. В сумме такой продукт получался дороже орехов и меда взятых по отдельности. Заготавливать такое лакомство можно круглый год. И торговать, не торопясь пропустить сезон.

Плюс креативная идея выдать такой рецепт за секрет горского долгожительства. Верили же в советское время, что зеленый лук с медом дает долголетие… В каком-то кино брякнули и понеслась… Так и мы статью в газете купить в состоянии. Сенсацию… С резонансным продолжением холивара врачей и прочих высоколобых. Ведь против того факта что в горах люди живут лет на двадцать дольше никто возразить не может. Против статистики не попрешь.

Так что все уперлось в банку. Можно было и керамические горшочки приспособить, но когда продукт зримо виден сквозь прозрачное стекло на прилавке, то… сами понимаете.

Барон обещал мне поспособствовать такому заказу. Но появившийся герой восточного фронта с извинениями выдернул меня из придворного общества.

— Рассказывай, Савва, что тут у вас происходит?

— Пойдемте в мой флигель, генерал, — взял я его под локоток, неторопливо уводя в сторону Иванова уголка в саду. — Там нет лишних ушей.

Генерал, оглядываясь на сад в цветочных клумбах, ошарашено спросил.

— Я вот все понять не могу: неужели это у вас называется зима?

— По календарю, да — ответил я. — Зато ваши конники наконец-то отогреются после снежного рейда. Я весь в нетерпении, ваше превосходительство, услышать подробности.

— Да гнать меня надо из армии после такого рейда, — неожиданно заявил Бьеркфорт, — а мне рыцарский крест на шею повесили. Я в этих куявских снегах каждого четвертого оставил.

Бьеркфорт приняв солидно на грудь, позволил себе откровенно выговориться. Видно доверял мне. Или достало все это держать в себе до предела.

Начали мы квасить в Ивановом флигеле, но там еще культурно и без фанатизма. Все же в герцогском Дворце находимся.

Потом забрав Альту с младшим сыном — старший остался в своих дворцовых покоях с воспитателем и няньками, — на двух пролетках выдвинулись в город ко мне на 'гору'. И уже дома в кабинете оторвались по настоящему, благо погреб у меня богатый. И закусить всегда есть чем.

— Подготовка дрянь. Слаженность частей низкая. Особенно

на бригадно — полковом уровне, — вещал мне слегка окосевший генерал. — Никаких учений заранее не проводилось. А кто виноват? Я виноват! Казалось, взяли патронов много, но оказалось что мало. Кто виноват? Я виноват. Должен был предусмотреть, а не оглядываться на уставы. Последнюю неделю выжили только благодаря трофейным пулеметам.

Выпили снова. Я пока только внимал, впитывая чужой опыт доставшийся так дорого. И давал генералу полностью выговориться. Все, какая — никакая, а психотерапия.

— Гатлинги — дрянь. Лишний вес. Если бы я их по твоему совету не поставил на сани, то пришлось бы их бросить в первые же дни рейда. Спасло меня то, что из-за низкой слаженности полков в дивизии я не стал устраивать широкого загона, а бил всем кулаком до чего мог дотянуться. И в каждом конкретном случае имел численное превосходство над противником.

Бьеркфорт сам разлил вино по фужерам и выпил, не дожидаясь меня.

— Царцы моментально привезли по 'железке' из Ракова гвардейскую кавалерию и эти шевальжьеры повисли у нас на хвосте, как бульдоги. Постоянный бой не только авангарда, но и арьергарда. Эскадроны стачивались в мелких стычках… Так что не всегда мы имели возможность своих павших хоронить. Скорость, скорость и еще раз скорость, вот что нас несколько раз спасало от полного разгрома. Через две недели мне эта ситуация надоела и я одну бригаду отправил по кольцевому маршруту, и таким образом зажали мы эту бригаду гвардейских шевальжьеров на замерзшем плесе лесного озера. И был бой… Давай за павших…

Мы выпили.

— Жуткий бой, Савва, в котором я почти полк положил, когда царских гвардейцев на том льду добивали. Страшный враг эти шевальжьеры. Но и от их бригады ничего не осталось. Пленных мы принципиально не брали. Там ушли от нас только кое — какие мелкие группы царцев верхами в лес. Нам островитянские пулеметы в трофей достались. Пятнадцать штук. И восемь гатлингов царских. Обоз само собой. Счастье, потому как уже к нам патронный голод подступал. Все наши патроны я отдал на ручные пулеметы, а свои гатлинги утопил в проруби на том же озере. Трофейные кони пошли под вьюк. Потом через день побатальонно в очередь вырубили саблями пехотный полк на марше, который царцы на нас кинули наперерез от линии фронта. Еще затарились патронами, пулеметами и продовольствием в трофей. И только тут уже — на третью неделю я смог сделать то зачем меня за речку посылали — устроить широкий загон,

вырезая мелкие гарнизоны по деревням. Сжигая склады. Взрывая мосты, даже самые мелкие. Засеивая броды 'чесноком'##. А когда тот закончился, то и реквизированные у местного населения бороны. Получилось. Все потому что за две недели само собой произошло боевое слаживание полков и эскадронов. Враг этому, знаешь ли, способствует. Но дорогу назад мы себе также плотно закрыли. А впереди… А впереди уткнулись в море… И широкая река на западе, отделяющая нас от своих. А на восток только царство с его неисчерпаемым людскими ресурсами… Давай за Аршфорта выпьем…

'Чеснок' — четыре железных шипа, соединенные в основании пирамидкой, так что вставали всегда одним шипом вверх. Древнейшее средство заграждения против конницы.

* * *

Выпили.

— Вот ведь толковый генерал… Когда я к морю вышел, то не поверишь прослезился увидев у Щеттинпорта на царском берегу нашу пехоту. Дальше нас вывели к своим за реку… Посчитали — прослезились. У меня раненых да обмороженных половина личного состава — все в госпиталях сейчас. А каждый четвертый всадник поторопился вслед за ушедшими богами. Лошади чуть не падали от усталости. Вот так вот. Так что реально со мной здесь бригада, хоть и числится дивизия. А тут ее еще и раздробить приказано. Лагеря пленных разбросаны по всему герцогству. И что делать?

— На охоту сходить, — отозвался я, вызвав у генерала оторопь. — Через две недели гусь на север полетит через наши горы. Вот с ней вот, — почесал я Лоту за ушами, — и пойдем. А на местах у вас и ротмистры справятся. Воспринимайте свое пребывание в наших гостеприимных краях как отдых. Заслужили.

Оставил я Бьеркфорта ночевать у себя, а на следующий день выехали мы в Калугу принимать его эшелоны с конским составом, оставшимся без всадников. Их герцог определил на свободный выпас в степь. Как раз рецкие пастухи собрались баранов в горы на альпийские луга перегонять. Вот выпасы и освободились.

А мне требовалось в своем городе обеспечить дивизию складами под амуницию, лишнюю при табунном содержании коней. Но вновь потребную, когда их снова поставят в строй.

В дороге Бьеркфорт снова и снова возвращался к теме рейда, рассказывая мне новые подробности. Анализировал.

— Вам бы все это изложить на бумаге, — посоветовал я,

больше из терапевтических соображений, нежели исторических. Занять мозги было ему надо хоть чем-то.

— Я уже отправил отчет в генштаб, — сухо откликнулся Бьеркфорт.

— А вы напишите книгу об этих событиях. Мемуар. Я уверен, что такая книга будет востребована читателями и после войны. Времени для этого у вас здесь будет достаточно. Управление лагерями военнопленных не требует столь ежечасных забот, как командование дивизией на фронте.

— Я подумаю… — пробормотал генерал. — Если у меня, конечно, получится.

— Обязательно получится. Не может не получиться, — заверял я его. — Чтобы люди помнили о каждом четвертом коннике из Удет который не вернулся домой, чтобы сорвать генеральное наступление царцев этой зимой.

— А кто такую книгу издаст?

— Да хоть бы концерн 'Гочкиз', — усмехнулся я. — Это же такая реклама их ручным пулеметам.

Пусть пишет. Лишь бы не спился.

Пронзительно о таком феномене написал Алексей Ивакин 'Возвращается боец с войны. И начинает пить. Потому что никому не может объяснить — что это — когда собираешь куски друга в ведро. Потому что ты жив — а он нет. И ты не можешь смотреть в глаза людям, ты изо всех сил хочешь вернуться туда — в смерть, в ненависть, в страх. В жизнь. Потому что тут слабое подобие жизни. Тени вокруг. Ненастоящие тени. И та ночная девочка под рукой, отчаянно пытающаяся вернуть тебя в 'реальный' мир — тоже тень. Ты навсегда остался там'.

Послевоенный синдром. Хуже всего он у побежденных. Но даже у победителей война это самая звонкая часть их жизни, когда ощущал что живешь на полную катушку. И чем дольше ветераны живут, тем ярче это осознают.

Я тоже скучаю по войне. Хочу летать и бомбить. Хочу снова вползти во вражескую траншею с одним кортиком в руке и творить кровавую тризну.

Но у меня забот полон рот. Город. Заводы. Куча людей от меня зависящих. Они меня от этого синдрома если не спасли, то отгородили.

Так что пусть пишет мемуары.

6

Так прошла мягкая рецкая зима, и в воздухе ощутимо запахло весной. Весна это всегда радость. В Реции она наступает рано. И постоянно каждый месяц здесь что-то цветет и что-то созревает. Особенно в закрытых от северных ветров долинах. Райский край. Только руки к нему приложить. Доселе вокруг второго разъезда только овец пасли большими отарами в холодное время года, а летом их гоняли высоко в горы на альпийские луга. И так тысячу лет.

Дешевая баранина прямо из отар живым весом резко удешевляла питание строителей по сравнению с консервами. А среди пленных спецы нашлись из шкур цигейку выделывать. Я их отдельно отселил. Уж больно вонючая у них профессия.

Ради интереса слой чернозема в степи промерял и офигел — полметра!

Вот бы нам такую землицу да на хутор под Воротынск…

Приказал на черноземе ничего не строить, а стаскивать плодородный слой бульдозерами в курганы. Пригодится еще. Горцам тем же продать на их худые хуторские делянки. Хоть за копейки, а все прибыль. Да и город озеленять придется, как без этого. И вообще плодородная почва — ценный ресурс. Местные этого пока не осознали.

На хутор дяди Оле три обоза из двух десятков фур чернозема прислал с наказом оставить в этот год все поля под паром, разбросав по ним эту черную землю. А то, что должно было на тех террасах вырасти, я ему компенсировал натурой. Еще обоз, только маленький. Но на год для десятка человек продовольствия хватит за глаза.

Весна радовала. Но в этот год она для меня со слезами на глазах. У Элики случился выкидыш.

Меня вырвали из Калуги телеграммой. Я мчался в своем 'коротком' поезде с максимальной скоростью и тупо смотрел в окно на степь, которая на неделю во всю свою ширь покрылась прелестнейшим ковром цветов, похожих на мелкие оранжевые тюльпаны. Как пожаром вокруг занялось до горизонта. В другое время я бы сполна насладился бы таким великолепным, но кратковременным зрелищем, а сейчас как оцепенел.

В голове крутилась всего одна мысль: за что?

И сам понимал, что было бы за что — совсем убили. Мне-то еще есть за что. А вот за что такое Элике? Созданию по определению невинному и желающему окружающему миру только добра и счастья.

На вокзале меня встречала Альта с кучером. Для моей охраны пригнали шарабан, что было избыточно, так как половина егерей оставалась сторожить поезд до того как его перегонят на заводскую ветку 'Гочкиза'.

Альта схватила мою руку обеими ладонями и низко склонившись, поцеловала ее прямо через перчатку.

— Прости, мой господин, презренную свою ясырь. Недоглядела… — произнесла она скорбным голосом, не глядя мне в глаза.

— Разве ты в чем-то виновата? — спросил я, стараясь сдерживаться. Все же это мать наследника герцогского трона, хоть и считается по обычаю моей рабыней.

— Только тем, что меня в тот момент не было дома. Я отлучалась к сыну во Дворец.

— Поехали, — сказал я, с усилием вырывая свою руку из ее сильных ладоней. — По дороге все расскажешь.

Я слабо разбираюсь в медицине кроме поверхностной травматологии, тем более в акушерстве и гинекологии знаю только куда совать, чтоб дети были. Ясно только одно дочки у меня не будет.

Мда… богатые тоже плачут.

В холе наскоро скинув шинель, сапоги, портянки и ремни босой взлетел на второй этаж в нашу супружескую спальню.

Элика не спала. Жена полусидела на больших подушках, тупо уставившись большими синими глазами которые я так любил в ковер на противоположной стене. Она даже не откликнулась на мой поцелуй. Не ответила.

Я сел рядом. Привлек женщину к себе, уложив ее белокурую головку на грудь и не зная, что вообще можно сделать в такой ситуации запел 'Вечную любовь' которую к тому времени успел переложить на рецкое наречие.

— Спой на русском, — тихо перебила меня любимая безжизненным голосом.

Я подчинился и попал исключительно в дырочку. Со второго куплета Элику так затрясло в истерике и пароксизме рыданий, что я еле ее удерживал. Но это уже лучше бесконечного тупого рассматривания узоров ковра.

В приоткрытую дверь заглянула Альта с вопросом в глазах.

— Можжевеловки… — приказал я. — И соленой закуски.

И продолжил петь.

Пел по кругу, с начала до конца и снова с начала… Долго пел, пока истерика у обессилившей жены не кончилась.

Потом влил в нее грамм сто пятьдесят водки и подождал, пока она заснет у меня на руках. Что-то мне подсказывало, что

хуже уже не будет. Я рядом.

Беда не приходит одна. В тот же день фельдъегерь привез от императора указ о моей отставке из военно — воздушного флота. И вообще из армии с почетом. По сумме ранений… Ага… одна большая такая контузия… политическая. Кстати уволили, не дождавшись окончания полугодового срока предписанного 'лечения'.

Но в сложившейся ситуации я был бы несчастней еще больше, если бы мне дали под командование дирижабль и отправили на северное море бомбить Сиофор — столицу Соленых островов, оторвав от семьи. А так я рядом с любимым человеком, который нуждается в моем тепле. В конце концов, для кого мы все делаем в жизни, хоть в той, хоть в этой?…

Паршиво на душе. Даже подарок Имрича, который прислал мне пару новых 'миротворцев', не радовал. Гоч просто сунул их в посылку Эллпе ответной на мои апельсины, орехи и вино. Пистолеты были в деревянной шкатулке, оформленной в лучших традициях дуэльного кодекса.

Потом пришел врач, которого я не пустил к жене до тех пор, пока она не проспится. Сон в ее положении лучшее лекарство. Эскулап легко со мной согласился, что лучше подождать пока больная сама проснется.

Вместо этого я приказал накрыть поляну на веранде и потчевал нашего местного Грауэрмана редкой в этих краях огемской можжевеловкой и вел допрос: почему так?

В ответ доктор от медицины разводил турусы на колесах о том, что науке до сих пор не все ясно, что происходит с таинством зарождения новой жизни. И почему она в некоторых случаях не приживается еще до своего явления на свет из утробы матери.

В общем, когда Элика проснулась, доктор не привычный к крепкому алкоголю северян был уже никакой, просто дрова и его со всей осторожностью отнесли в свободную комнату в атриуме. Не посылать же за ним снова. А так проспится и готов к эксплуатации.

Меня же водка совсем не брала. Как вода. Я только каменел в своей обиде на весь свет. Что тот, что этот…

Сидел в полутемной спальне, держа жену за руку. За вторую ее держала Альта.

Наконец что-то наподобие улыбки мелькнуло на ее бледных, красиво очерченных губах.

— Знали бы вы, как я люблю вас обоих… — тихо произнесла Элика, переводя взгляд с меня на ясырку и обратно. — Я окрепну, обещаю… А ты мне сделаешь еще дочку. Обещаешь?

Конечно, пообещал. Со всем жаром. При этом прекрасно понимал, что две подряд беременности для юного организма это не есть хорошо. И что в следующий раз беременеть у меня жена будет только после восемнадцати лет. Путь для этого мне придется презервативы изобрести.

* * *

Капитан Милютин Щолич благополучно для меня провалил экзамены в Академию генерального штаба, и очень удивился, когда Главным управлением кадров генштаба был направлен к нам в Калугу для строительства полигона по подготовке штурмовиков для западного фронта. После строительства ему приказано возглавить как сам полигон, так и учебный процесс на нем. Все как мы заранее договаривались с начальником ГАУ.

Я же, соблазнив капитана дармовой рабочей силой пленных, совместил военный учебный полигон с испытательным автодромом для нашей дорожной техники и новых гусеничных машин. Места пока вокруг много. Но… лучше когда все под присмотром.

— Согласен, но только при условии, что проведешь к полигону железную дорогу, — продавливал свои требования капитан. — Мы без нее и у Многана намучились, сам помнишь. Хоть узкоколейку на конной тяге, но обеспечь.

Чувствовалось внутреннее недовольство капитана тем, что его выдернули как морковку из привычной грядки и собираются неведомыми интригами мне же и скормить. А вот перспектив своих он пока не видел, так как в последнее время свой карьерный рост рассматривал только сквозь призму возможностей выпускника Академии генерального штаба. И условия свои он ставит так,… чтобы от его услуг отказались.

А я соглашаюсь.

Мне на калужском полигоне не абы кто, а именно Щолич нужен. Талант у него учебный процесс организовывать.

— Будет тебе 'железка'. И не декавилька, а ветка нормальной колеи. Кстати как сам Многан поживает? — спросил я его, разливая вино и придвигая поближе к гостю немудреную закуску.

— Поймал старик удачу за хвост, — завистливо процедил капитан, принимая от меня фужер. — Уже подполковник. А полигон называется теперь Королевским учебным центром. В отставку выйдет полковником и потомственным дворянином. Только вот передать титул ему некому. Детей у него нет и, по — видимому, уже не будет. А ты я смотрю уже майор, — кивнул

Щолич на мои погоны

Я только вздохнул.

— В отставку император кинул мне капитан — лейтенанта. Списали меня, Милютин. В чистую, — пожаловался я. — Страшен я для врагов, а для своих, выходит, еще страшнее. Так что служу я теперь по гражданской части. Город строю…

— А я уж тебе, Савва, было, позавидовал, — сознался капитан, снова разливая по фужерам красное вино производства моего поместья. — Но ты это не мы… не серая скотинка, которая живет только службой. Тебе и без службы есть чем жить. Так что давай за твою удачу и выпьем.

Я давно понял, что Щоличу не хватает для успешной карьеры. Не умеет он себя начальству правильно подать. И по натуре слишком одиночка для такой только с виду простой организации как армия. Но вот парадокс в том, что только армия и дает ему возможность карьеры. Но генералом ему точно не быть. Куража не хватает.

— Ничего, Милютин, не упивайся грядущими бедствиями, — ободрил я его. — Край тут богатый. Женим тебя удачно. В последние годы много появилось молодых вдов с хорошими земельными владениями. А парень ты видный. Сделаешь герцогу учебный центр как в Будвице, тоже полковником станешь.

Сидели и квасили мы в моем салон — вагоне, в котором я жил, когда находился в Калуге.

— На одних штурмовиках? — не поверил мне Милютин. — Не смеши, Савва. Я тут сгнию в капитанах, как Многан годами на своем полигоне гнил. Так бы и сгнил он, если бы не война.

— А что? Война уже кончилась? — удивился я.

— Вроде нет, — откликнулся капитан.

— Так в чем же дело? Тут в тридцати километрах филиал 'Гочкиза' между прочим.

— И?… — выпрямил спину капитан так, что блеснула в уходящем солнце его единственная медаль 'За полезное' на широкой груди. А в глазах появился осторожный блеск. Все что связано с 'Гочкизом' в последний год сулило просто невероятные возможности.

— А еще здесь делают шикарные снайперские винтовки, — добавил я.

— Понял, — наконец-то дошло до Щолича, — не дурак. Три унтерских школы надо. Сразу не получится.

— Империя тоже не сразу отстроилась. Вздрогнем?

Вздрогнули.

— Тогда вот тебе карта, — двинул я склейку — двухверстку по столу. — Выбирай место для полигона.

— Это тут что? Болота? — Щолич медленно водил пальцем по карте.

— Болото, — подтвердил я. — К концу лета пересыхает. Но с осенними дождями снова трясина.

— А тут как я понял холмы?

— Да. Три сопки там есть. И роща, но ее не трогать.

— Почему?

— Это не твоя лесная Огемия. Рощ в этой степи очень мало. И деревья там реликтовые. Как бы еще насаждать лесополосы не пришлось.

— Сколько отсюда будет до ближайшей станции?

— Двенадцать километров, — показал я по карте как пройдет полигонная ветка 'железки' через Калугу.

— То, что нужно. А лес и из Огемии можно привезти по железной дороге. Или с севера империи. Бюджет, надеюсь, на это есть?

Я понял, что полигон состоится и можно по этой теме больше не париться. Щолич — этот неугомонный карьерист, загорелся идеей стать полковником. Как он умеет пахать, я сам видел. Сам служить будет на совесть и всех подчиненных построит по ранжиру, но поставленную задачу выполнит.

* * *

А пока требуется от лагеря военнопленных на место будущего полигона подкомандировку ставить.

Опять лес нужен.

Ну что ж… на этот раз напряжем имперское министерство.

* * *

Окончательно поняв, что в одиночку мне тракторный завод не потянуть, пошел на поклон к совету директоров 'Рецких дорожных машин', сокращенно РДМ, предложив построить такой завод как филиал этого уважаемого общества, в котором я сам крупный пайщик.

Заработанная мною на конструкциях дорожных машин репутация и развернутый бизнес — план впечатлили компаньонов, и необходимые средства были выделены. Все же у колесных рутьеров проходимость была не сказать что совсем уж паркетная, но и внедорожником его нельзя было назвать. Скорее — вседорожником, но дорога должна уже быть. Хоть какая. На

строительстве плотины в Калуге колесные паровые бульдозеры часто самозакапывались в рыхлый грунт по ступицы.

Представил уважаемому собранию варианты гусеничных движителей, которые успел за зиму запатентовать. В сумме вышло двадцать два патента. И все их пришлось вложить в этот филиал как взнос в уставный фонд дочернего РДМ завода 'Рецкий трактор' с локализацией его в Калуге.

Придержал на будущее для себя только торсионную подвеску. Я помню, какой блеск был в глазах кронпринца, когда он мечтал о бронированных машинах поля боя, разглядывая вмятины от снарядов на броневагоне. Но для начала мне нужен был тракторный завод. Броневики потом уже на его базе можем попробовать склепать.

Одновременно рассматривали проект четырехосного восьмиколесного рутьера инженера Унцла, но совет директоров не впечатлился. Я знал, в чем тут собака порылась, но… независимая подвеска каждого колеса, как на российском бронетранспортере — дело здесь пока далекого будущего. А додумается до этого мужик сам — я ему дорогу переходить не буду.

Но так как такие творческие люди на мостовой не валяются, я его сманил к себе на тракторный. Заодно помог ему запатентовать сам принцип восьмиколесного движителя 8х2 в принципе. Мне чужого не надо. Заодно посмотрю, догадается ли перец самостоятельно до полного привода? Догадается — будем 'опылять' правильными решениями.

Порадовали меня директора и тем, что РДМ, благодаря большой государственной программе дорожного строительства в Реции, вышла в прошлом году на рентабельность в 3 %. Старт — ап закончился успешно, в этот год они вступили с оптимизмом, и видят всех своих пайщиков с прибылью.

Хорошо бы…

Опытные образцы гусеничных тракторов под маркой РДМ — Т55 с трофейными вертикальными паровыми машинами по 55 лошадиных сил (теми, что я из Будвица привез) и подвеской на двух балансирных каретках с плоскими слабо оребренными широкими гусеницами довольно быстро сваяли в экспериментальном цехе РДМ.

Подвеску для трактора я тупо скопировал со старенького ДТ-75, который работал у нас на хуторе дома, на Земле, и которую не раз мне приходилось чинить и перебирать собственными ручками. С отцом и его братом — дядей Володей.

Машина с баком горючего сзади с приводом на задние колеса со звездочкой передачи тяги гусеницам. Натяжение гусеницы на

переднем колесе.

Деревянная неостекленная кабина водителя спереди. Пост механика сзади.

Между ними ферма управления отвалом — оно пока канатное. Не потянуть мне сейчас гидравлику. Нет пока таких точных станков. Вообще-то есть… но только для военного производства. Не достать и за взятку.

Даже человек такой повышенной проходимости как Плойко отступился от такого заказа, что и отписал мне в покаянном письме.

Даже Ночная гильдия Будвица только развела руками. Им чего-нибудь попроще бы. Водочкой торговать, девочек крышевать… На контрабандисткой лайбе такую габаритную тяжесть не утащить по коварному северному морю. Хотя в Скании такие станки на продажу есть. Да даже если и утащить, то каким образом его выгрузить на необорудованный берег? Пока Щеттинпорт наши не возьмут и думать о таком они даже не будут. Вот и весь их сказ.

А принц Бисер ничего не дал. Своим не хватает. А я теперь вроде как уже им и не свой.

С имперцами я и сам связываться не стал. Там вход рубль, а выход десять. Не стоит пока овчинка выделки. Навьючат так, что сам не рад будешь.

Питание машины сразу поставили нефтяное с возможностью переделки на лигроин в будущем. В нефтедобывающей Реции это сами ушедшие боги велели. РДМ мобильные паровые машины с угольным питанием делало только по заказам за пределы герцогства.

Испытания проходили оба трактора на пахоте и в качестве бульдозеров на расчистке строительных площадок от чернозема для пары лагерей пленных взятых этой зимой на Нысе.

Тюльпаны отцвели, и степь выглядела как обычно — жухлой прошлогодней травой.

Лемехи прицепного плуга разом вонзились в никогда еще не паханую целину. Трактор дернулся, потом еще, механик с заднего поста по моему сигналу добавил вброс топлива с форсунок в котел, поднял пар и пошло все по струночке, отваливая с лемехов взрезанную целину обнажая жирный девственный чернозем…

Все равно надо пахать поля под пшеницу, капусту, морковь и земляной клубень похожий на земную картошку, но несколько другого вкуса. Мне не только рабочих, но и пленных кормить надо круглый год по три раза на дню. Так почему не здесь — под боком, устроить кормовую базу? Колхоз не колхоз, но подсобное хозяйство.

Машины показали себя отлично, хороший получился трактор, мощный. Сам не ожидал. Будем смотреть, как он с двигателем Болитера себя поведет. На Земле с подобными недодизелями трактора выпускались до середины прошлого века. Но у того пока моща не выходит за тридцать три лошадиные силы. Меньше — пожалуйста. И с понижающими передачами там пока у Болинтера ничего не получается. Флот, насосы, узкоколейки… Вот это для него. Но и этого уже немало. На ту же полигонную ветку автомотрису поставить — уже дешевле паровоза в эксплуатации.

Прицепной плуг на шесть спаренных лемехов Т55 по целине тащил не сказать, чтобы совсем легко, но без большого напряга, хоть и медленно, но ровно.

И вот тут-то мы вместе с инженерами из экспериментального цеха РДМ поймали свой день славы и почти благоговейного внимания от пленных, подавляющее большинство которых были в мирной жизни крестьянами. Я даже ругать никого не стал, что бросили работу. Все потрясенно смотрели, как вонючая железяка, шипя паром и лязгая гусеницами, легко заменяет дюжину пахарей и двадцать четыре вола. Лошадь или стирха целину пахать здесь никогда не ставили — надорвется.

Боронили трактора пашню еще лучше, чем пахали.

На что планировали неделю и кучу занятых, сделали за день. Двумя тракторами.

Из пленных выделили постоянную сельскохозяйственную бригаду — на ручной сев (сеялки к трактору еще не сделали). Остальным трудиться на поле разрешали кратковременно, в качестве поощрения за хорошую работу. Отдых для крестьянской души. Еще Генри Форд придумал после семи месяцев на конвейере отправлять своих рабочих — бывших фермеров, на три месяца попахать на селе. В качестве отпуска! Если такое в Америке работало, то почему у меня не сработает?

За рычагами сидел я сам — никому первую пахоту не доверил. И такой кайф словил… Дома это была работа, а тут наслаждение оргиастическое. Чего не хватало для полного счастья так это рёва мощного дизеля в ушах. Паровая машина тихая больше шипучая, чем гремучая.

Заодно на генплане разметили площадки для будущего элеватора — он тут уже придуман до меня на паровом ходу, паровой мельницы и зимнего овощехранилища.

Хлеб пока все пекли сами в лагерях в обычных печках. И на себя, и на вольняшек.

Но на перспективу я оставил в генплане квадратик для хлебозавода в заводском районе. Если фешенебельный район прекрасно обслужат малые пекарни с их разнообразным

ассортиментом, то снабжение пролетарских кварталов лучше централизовать и поставить хлебные магазинчики на пути от работы до дома. Работа пока здесь у всех в шаговой доступности. Никто не желает работать так чтобы ездить далеко каждый день. И не только здесь…

После революции большевики объявили 'мир хижинам и войну дворцам' — уплотнили интеллигенцию и из больших профессорских и адвокатских квартир в центре столицы создали такой советский уникум как коммуналки…. 'На тридцать восемь комнатов всего одна уборная'. Где ванны заколачивали досками, так как жильцы не могли договориться об очереди на ее уборку. Да кому нужна буржуйская ванна, когда недостатка в банях Питер никогда не испытывал? Продержались рабочие в центре города недолго, ровно до того момента как снова заработали заводы и они сами добровольно переселились обратно в рабочие слободки и заводские казармы, чтобы по утрам слышать заводской гудок и не торопясь минут за десять — пятнадцать дойти пешком до проходной, не тратясь на трамвай.

Рабочие из центра города ушли,… а коммуналки остались. До самого конца советской власти, когда их стали расселять квартирные барышники.

За генеральный план развития города архитекторы получили рецкое подданство, а я гражданское звание коммерции советника, которого нет в официальной имперской Табели о рангах, но по отдельному императорскому указу дающее генеральский почет и право отзываться на 'ваше превосходительство'. Жалования к такому званию естественно не полагалось.

Специально это звание введено для купцов и фабрикантов еще полвека назад для того чтобы спесивые аристократы не имели возможности нагибать нужных монарху предпринимателей.

Теперь я не военный.

Теперь меня можно и возвысить, несмотря на молодость. Зависти у аристократии это не вызовет.

И точно. Придворные герцога стали меня за глаза иронично дразнить 'коммерции камергером'. Я не обижался. Очень точная формулировка того что я делаю при герцоге.

7

Объезжал лагеря военнопленных с Бьеркфортом. Любовались красотами рецкого края и цветами миндаля. Говорили о его будущей книге. Генерал даже картой обзавелся, отмечая на ней маршрут своего 'ледяного' рейда по дням.

Бьеркфорт знакомился с новой службой.

Я отбирал себе станочников. Дальше тянуть с этим было нельзя. Имперское Министерство промышленности поставило мне первую партию заказанных станков, новых, как и обещал мне асессор.

Выехали на это мероприятие с генералом сразу после весенней охоты на гусей в горах, которой оба остались довольны. Оттянулись в полный рост. И природой, и стрельбой, и пикником. Особенно охотничьими трофеями. Азартен генерал…

А уж мои соседи и вовсе ходили гоголем потому как водку пили на природе вместе с настоящим генералом и героем войны. Самим Бьеркфортом, которого все газеты славословили. Они этим еще лет десять хвалиться будут.

Прохаживаясь по лагерям пленных царцев, я ловил себя на том, что очень внимательно вслушиваюсь в ругань капо##, и как в ответ огрызается контингент. В обрывки разговоров пленных между собой.

* * *

* * *

Капо (лат. — голова) — низшая администрация из самих военнопленных в лагерях.

* * *

Но ничего похожего на русскую речь я не обнаружил. К большому своему душевному облегчению. А то ведь аллюзии в голове разбегаются тараканами. Царство… да еще на востоке… подсознательно русских видишь,… несмотря на то, что здесь совсем другой мир.

Среди военнопленных из царцев квалифицированных рабочих оказалось очень мало, как правило, из саперов, реже

артиллеристов. Но пушкари в плен попадают редко.

Больше набралось республиканцев. Особенно по разнообразию рабочих специальностей. Иной раз очень редких вроде лекальщиков. Даже оторопь брала на такое расточительство людского ресурса республиканским правительством. Таких квалифицированных рабочих — и на убой! Но в республике всеобщее равенство. Не смог откупиться — служи.

Островитяне тоже попадались, но их количество было исчезающей величиной, также как мало было на западном фронте их войск. А на востоке Щеттинпорт еще пока не взяли на штык.

Забавный факт… виноградарей и виноделов окрестные помещики давно выкупили у начальников лагерей — отогузов. Как и маслоделов с сыроделами. Нарушение содержания пленных налицо, но посовещавшись, мы с генералом решили оставить это без последствий. Так державе больше пользы. У помещиков за время войны из-за мобилизации оказался суровый дефицит не только в поденщиках, но и в основном персонале. А так они обязались кормить взятых под свою опеку пленных круглый год. Да и тем приятнее жить в отвязанном состоянии.

Когда списки рабочих специальностей были заготовлены, выстроили на плацу всех пленных изъявивших желание работать на заводах, которым я и толкнул краткую речь.

— Если кто из вас думает, что таким образом он избавился от тяжелой работы с землей и камнем на строительстве дорог, то тот зря на это надеется. Те, кто не подтвердят свою квалификацию на месте, будут немедленно расстреляны за саботаж и обман. Это гарантирую вам я — Кровавый Кобчик. Так что кто в себе не уверен, могут уйти из этого строя сейчас без последствий для себя. Разойдись.

На повторном построении после обеда недосчитались до трети 'добровольцев'.

Заново сверили списки, разбили всех по специальностям. От каждого взяли подписку о добровольном сотрудничестве и ответственности за саботаж. На этом отсеялось еще примерно процентов десять. Тех, кто не хотел себя связывать себя подпиской. Мало ли как она после войны аукнется?

Я не возражал. Колхоз — дело добровольное. Помощь врагу во время войны тем более.

Оставшихся — человек примерно сто двадцать, построили в колонну и под конвоем удетских кирасир отправили пешим ходом в Калугу, где для них заранее подготовили пересылку.

— Серьезный у тебя подход, — не то похвалил, не то осудил меня Бьеркфорт, который внимательно изучив мое наставление по гигиене лагерей, инспектировал эту сторону жизни пленных в

первую очередь. Он не желал войти в историю человеком у кого пленные мрут как мухи.

— Они мне, ваше превосходительство, будут детали к пулеметам точить. Так что отсеивал я возможных саботажников и бракоделов, — ответил я. — Чтобы потом мне с ними не мучиться и не брать на себя лишний грех на душу. Я ведь не блефовал когда говорил о расстрелах.

— Да. Конечно… — задумчиво проговорил Бьеркфорт. — После того как ты расстреливал своих интендантов… на врага рука не дрогнет. Только мне тяжело этих людей сейчас рассматривать как врагов. Враг на поле боя и с оружием в руках.

— И все же я не был бы столь благодушен к ним, ваше превосходительство. Условия содержания пленных должны быть человеческими. Но ничего даром. Их на нашу землю с оружием в руках никто не звал. Кстати, к вам прикрепили выездного судью военно — полевого суда. Так что всех нарушителей дисциплины и воров к нему отправляйте. Он найдет им место на каторге. Лет на десять. Каменоломен тут много. Но это будет уже не ваш приказ, а вступление в силу законного решения суда.

Бьеркфорт задумался.

Но сам я был доволен результатом. На такое количество квалифицированных рабочих с одного большого лагеря и не надеялся даже.

А как пленных рабочих использовать я уже продумал. Детали они и есть детали. Главное сборка, к которой их никто никогда не допустит. А простых деталей в любом изделии много. Остальных вполне можно задействовать на продукции гражданского назначения — тех же керогазов к примеру. Для стимула я даже зарплату платить им буду. Немного — как своим рецким ученикам платим. И лавку им с табаком, мыльно — рыльным и сладким поставлю. В другом месте они и этого не увидят.

Дальше наш путь наш лежал в горы. В старый феодальный замок, который герцог отвел под уединенное проживание пленным офицерам. Все пленные генералы содержались в императорском поместье под Химери. Поближе к генеральному штабу, который с ними часто консультировался по многим вопросам. Чего я откровенно не понимал. Допросить это одно, а вот консультироваться с врагом по вопросам ведения войны это… в голове у меня не укладывалось.

Бьеркфорт чувствовал себя несколько не в своей тарелке. Быть надсмотрщиком над пленными, хоть и самым главным, ему претило. Что поделать — он был человеком старой формации. Романтической. Любой узник, даже из прожженных уголовников вызывал у него сочувствие самим фактом своего нахождения в

узилище.

Даже охрану ему мы с герцогом просто навязали. Ох, он и возмущался тем, что в его охране сразу два ручных пулемета, которых на фронте не хватает у кавалерии.

* * *

Долина радовала глаз своим цветущим видом. Здесь весна полностью вступила в свои права. Цветами покрылись даже дикоросы на горных склонах. А воздух, настоянный на цветочных ароматах,… если была бы возможность его продавать, от покупателей отбоя бы не было. Просто кусочек рая.

Замок Гринель запирал вход в долину, венчая высокий холм.

Единственная дорога в долину проходила мимо него. Все другие места были непроходимы. Природно или с помощью людского труда этого по прошествии столетий уже не разобрать.

Дорожное полотно достаточной ширины, чтобы без проблем разъехались две телеги, состояло из плотно подогнанной каменной брусчатки и через многочисленные ручьи с гор перекинуты каменные мостики. Любит герцог свою долину. И предки его любили свой домен.

Сама фортификация была устроена так, что въездная дорога в замок огибала его полностью по спирали и круто разворачивалась перед самыми воротами. Даже нормального тарана на этой площадке не поставить. Не говоря о том, что практически к воротам его и не подтащить под постоянным обстрелом.

На въезде в долину стояло капитальное двухэтажное каменное КПП оборудованное шлагбаумом. Службу нес большой наряд. Примерно полвина взвода горных стрелков. Здесь у нас проверили документы и пропустили дальше. Пояснили что даже для жителей долины с начала войны въезд только по пропускам.

В начале ответвления дороги в сам замок стояло еще одно КПП. С полевым телефоном.

К самому замку наш поезд из трех колясок пропустили только после отданного распоряжения сверху и то дали провожатого, хотя, казалось бы, где тут можно заблудиться?

Снизу замок казался намного меньше, чем он есть на самом деле. Такой вот оптический обман и хитрость средневековых строителей.

Встречал нас в проеме открытых ворот перед внешним двором, в котором сконцентрировались все службы — конюшня, кузня, кордегардия, сам комендант замка и офицерского лагеря для военнопленных — полковник Бакфорт. Пожилой уже человек,

полностью выслуживший все пенсионные сроки, но еще бодрый такой живчик.

Сразу за нашим въездом ворота закрыли.

Полковник представился. Выразил нам свое удовольствие знакомством сразу с двумя имперскими рыцарями и повел нас в свой кабинет, откуда был виден внутренний двор замка. В окно хорошо просматривалось, как пленные офицеры совершают свой моцион.

Бьеркфорт был одет по полной форме. Я же со своей полевой формы снял погоны, так как выступал в качестве камергера герцога. Это чтобы не путать собеседников.

Полковник, кинув взгляд в окно и убедившись, что там все в порядке стал вводить нас в курс дела.

— Здесь у меня, ваши превосходительства, двести шестьдесят два подопечных. Из них штаб — офицеров девяносто два. Им оставлены для услужения их же денщики. Плюс республиканский фельдфебель с хозяйственной командой их пленных рядовых. Итого триста пятнадцать человек контингента. На охране и обороне рота горных стрелков.

— Что-то мало офицеров, — удивился я. — Мы на восточном фронте их гораздо больше в плен взяли.

— Здесь только те пленные офицеры, которых к нам изначально отправили с западного фронта еще в прошлом году. И с тех пор к нам прислали не больше двух десятков штаб — офицеров, которые до того отбывали свой плен в поместьях тех кто их пленил. Теперь такое запрещено. Но мы не единственный такой лагерь в замке. В империи еще есть десяток подобных. Просто у нас в Реции такой один.

— Не скучно им тут? — спросил Бьеркфорт.

— Плен, экселенц, вообще дело скучное, — отозвался полковник. — На себе испытал в прошлую войну. Но в замке неплохая библиотека и пленные дорожат возможностью ею пользоваться. Два раза в год, в теплое время у них есть возможность отослать или получить письмо от родных. Через Швиц. Даже посылки им присылают.

— Надеюсь, не со снастью для побега? — настороженно спросил генерал.

— Что вы, экселенц, из замка сбежать невозможно. Но даже если пленник и умудриться выбраться за стены, то на пути у него два КПП, которых не обойти, а в долине крестьяне только этого и ждут. Объявленная премия за поимку беглеца два золотых.

— И попыток побега не было? — спросил я.

— Нет, ваше превосходительство, — ответил он. — Не было. Тем более что контингент тут находится с начального периода

войны, когда еще не возникло окопное ожесточение сторон. Да и обращаемся мы с ними хорошо. Правда, не лучше чем обращались со мной в республиканском плену. Итак, пока готовят обед, я бы хотел узнать, что именно вас интересует в моем хозяйстве?

— Все, — ответил генерал. — Мне интересно все.

— А вам, ваше превосходительство, — повернулся полковник ко мне.

— Меня интересуют личные дела пленных офицеров. И после их просмотра я хотел бы поговорить с некоторыми из них, но так чтобы этого не увидели их товарищи.

— Такое тоже возможно, — кивнул полковник. — И если все предварительные пожелания высказаны все, то прошу пройти в мою трапезную. Похвалюсь, что личный повар у меня из лучшего ресторана Лютеца. Люблю республиканскую кухню. Слаб.

Полковник открыл дверь и сделал приглашающий жест рукой.

— Прошу.

* * *

Личные дела офицеров были тоненькими. Стандартная анкета. Описание обстоятельств попадания в плен. Замечания по соблюдения режима содержания. Наказания и поощрения. Жалобы и предложения, поступившие от самого пленного. Все.

Писарь, пожилой фельдфебель пояснил, что споры между собой пленные офицеры решают сами, устроив что-то вроде суда чести в составе трех полковников. И стараются к своим разборкам администрацию замка не привлекать.

— Нам же работы меньше, ваше превосходительство, — заключил писарь свою речь.

— И что совсем ничего примечательного не было? — поинтересовался я.

— Разве что поначалу некоторые офицеры любили пилить и колоть дрова, но как только появился их суд чести, то он им это запретил. Пришлось создавать хозяйственную команду из рядовых, переведя их сюда из полевого лагеря. На них все обслуживание господ офицеров. Еще денщики дневалят на кухне по очереди.

— Кухня у них общая?

— Так точно. Все и офицеры, и рядовые питаются из общего котла. Охрана питается отдельно, согласно инструкции. К ее кухне пленные не допускаются. Вино пленным выдается на общих

основаниях из замковых подвалов. Они тут обширные.

— А чем занят основной контингент?

— В основном спорят между собой о внутренней политике республики, но так… больше теоретически, потому как газеты мы выписываем только имперские и из Втуца.

Отложив в сторону дела инженеров и артиллеристов для более внимательного рассмотрения их потом, бегло листал укладки посвященные кавалеристам и пехотинцам пока не зацепился краем глаза за дело пехотного старшего лейтенанта, который закончил гражданский ВУЗ — Высшую инженерную школу. И гражданская профессия была указана — сталевар.

Инженеров и 'богов войны' прогнал просто конвейером. Мнения офицеров как под копирку написаны. Никакого сотрудничества с врагом, ибо это противно офицерской чести. Даже колка дров в их среде считается таковым. Но конвейер конвейером, а провозился я с ними до ужина.

За ужином Бьеркфорт пел дифирамбы коменданту о состоянии замка.

Полковник светился от удовольствия, получая заслуженные похвалы от нового непосредственного начальства.

— Савва, — сказал генерал, вытирая губы салфеткой, — мы здесь остаемся на ночь. Утром двинемся обратно, если ты свои дела завершил.

— Как скажете, ваше превосходительство, — откликнулся я, из вредности заменив 'прикажете' на 'скажете'. Показав тем самым даже не Бьеркфорту, а полковнику, что мы с генералом из разных ведомств. Но я уважаю его возраст и то, что он на чин выше меня по рангу.

Республиканская кухня меня не впечатлила. Простые рецкие блюда мне нравились больше. Но Бьеркфорт даже вызвал повара в трапезную, чтобы воздать хвалу его талантам. Даже не знаю, кто был больше этим польщен — сам повар или полковник, которого он постоянно кормил.

Повар этот, несмотря на то, что у себя дома он был столичной звездой люксового общепита, в армию его мобилизовали на общих основаниях и воевал не с поварешкой, а капралом в пехоте первым номером механического пулемета. Таким вот образом власти республики не давали забывать солдатской массе о всеобщем равенстве в республике.

Впрочем, вполне легально в республике можно было от призыва откупиться крупной суммой в Фонд обороны. И никого это там не удивляло и не вызывало сомнений в принципах демократии. Что лишний раз меня убедило, что демократия это способ власти богатых над бедными, а все остальное

пропагандистская трескотня.

Поблагодарив щедрого хозяина стола за ужин, я приказал привести ко мне этого пехотного сталевара в бильярдную. Чуйка подсказала мне, что переговоры в кабинете будут напоминать разделяющую нас фронтовую линию окопов, а канцелярский стол брустверь. Звали заинтересовавшего меня человека Эдмо Мартант

— Чем я обязан такой чести удостоиться внимания самого Кровавого Кобчика? — лейтенант разбил шары и пошел вокруг стола выглядывать выигрышную позицию.

Ершистый парень, — подумал я. — Он что, специально нарывается? Зайдем тогда с другой стороны.

Разлил я в бокалы коллекционное вино из герцогского подвала, отставил в сторону кувшин и переспросил.

— От известия, что их посетил Кровавый Кобчик, я надеюсь, среди контингента не случилось медвежьей болезни?

Лейтенант пригубил темно — красное почти черное вино, кивнул, причмокнул довольно и ответил.

— Вроде нет. Хотя догадки ходили самые фантастические. Кстати как оно?… Резать людей ножом? — и лейтенант коротким точным ударом забил шар в лузу.

— Также как и стрелять в них, — ответил я. — Никакой разницы. Разве что когда стреляешь, то не чуешь гнилого запаха изо рта врага. Результат один — Ты отнимаешь жизнь которую не ты дал. Легче всего убивать людей наверное корпусным артиллеристам. Они никогда не видят, как от их снарядов разрывает солдат на куски. Иногда даже своих… от 'дружественного' огня. На втором месте по легкости убийства стоят воздухоплаватели. Они видят, как от их бомб погибают, но люди сверху кажутся муравьями. Есть в той картине с неба что-то такого не настоящего. Стрелок в окопе хотя бы видит, как от его пули человек падает и больше не встает. Ближе кавалеристы, которые рубят врагов саблями. Так что, по моему мнению, убивать ножом намного честнее. Враг в состоянии тебе ответить тем же. Ты сам от него на расстоянии руки.

— Интересная философия… — покачал головой лейтенант. — Никогда о таком не задумывался. Тем более рассматривать вопрос с такой стороны… А вот то, что ваш граф погиб от нашей шрапнели, а резали вы царцев на другом конце страны. Это как соотноситься с вашей горской моралью? — лейтенант снова загнал шар в лузу.

— Союзники несут солидарную ответственность. — ответил я.

— Понятно, — пробормотал лейтенант и снова ударил кием по шару. И снова в лузу. Мне он так и не дал сделать ни одного

удара.

— Хорошо играете, — похвалил его я.

— А что тут еще делать? — пожал он плечами. — Год ежедневных тренировок кого угодно сделает мастером. Однако партия. Еще разочек? Дам фору в три шара и ваш первый удар, ваше превосходительство. Кстати, а каков ваш воинский чин. Судя по орденам, вы фронтовой офицер.

— Равный армейскому майору, — ответил я честно, но обтекаемо.

— То есть вы не армеец?

— Как сказать… Начинал в инженерных войсках, потом в артиллерии, а закончил свою военную карьеру я воздухоплавателем. Капитан — лейтенантом.

— Не всем так везет, — усмехнулся республиканец.

— Еще вина?

— Не откажусь от такого нектара. Это не та кислятина, которой нас тут потчуют постоянно.

— Разливайте. И присядем к камину. Играть больше с вами не буду… Я не люблю проигрывать, а выиграть не хватит умения. Так что лучше просто побеседуем. Итак,… обычный субалтерн республиканской пехоты имеет неполную среднюю школу и два года военного училища. У вас же за плечами Высшая инженерная школа с отличием, а вот военного образования в вашей анкете я не нашел. Не удовлетворите мое естественное любопытство.

— Вы случайно не в контрразведке служите?

— Для имперской контрразведки надо иметь окончание фамилии на — форт, — усмехнулся я припомнив как сам штурмовал контрразведку в Будвице. — а у меня только — верт. И то недавно. Я занимаюсь заводами, железной дорогой и строительством. Немного коневодством. Но это уже так… хобби. Немного наукой — я доктор химии.

— Какого университета?

— Швицкого горного института.

— Кажется, я про вас что-то читал…

— Это не суть важно. Если хотите, то курите, лейтенант.

— Я не курю, ваше превосходительство.

— Тем лучше. Я тоже. Но вы не ответили на мой вопрос.

— У меня за спиной только добровольные курсы офицеров национальной гвардии при инженерной школе. И курсы повышения квалификации офицера при поступлении на службу в армию.

— А почему пехота?

— Так получилось. В инженерные войска меня не хотели брать из-за скандальной репутации в инженерных кругах, а в

артиллерии у нас по традиции, как и в кавалерии, представители старых фамилий заправляют. Дореволюционных. Из недобитых в революцию аристократов. Я для них плебей. Остался для меня только самый демократичный род войск. Но и там я даже до ротного командира не дослужился. Хотел выйти в отставку и уехать в колонии, а тут война…

— А что случилось в такого в инженерных кругах?

— Вы понимаете в технике? Иди только в химии?

— У меня диплом техника — механика.

— Уже лучше. Значит, вы представляете себе процесс плавки стали.

— Более или менее.

— Так вот я изобрел новую печь, в которой можно получать сталь с заранее заданными свойствами.

Оба — на… Я весь превратился в одно ухо. И, чтобы проверить не прожектер ли он пустозвонный, кинул идейку.

— Конвертер с кислородным наддувом?

— Нет не конвертор. Его изобрели до меня. Правда, я не слышал никогда про кислородный наддув. Только про воздушный.

Кувшин опустел и я кликнул часового, который караулил биллиардную, чтобы нам никто не помешал и приказал доставить еще вина. Такого же…

Повернувшись к инженеру — пехотинцу пояснил.

— Как химик, я считаю, что наддув чистого кислорода будет продуктивней наддува просто воздухом. Участвует в реакции окисления только кислород.

Ну не говорить же ему что в моем мире кислородно — конверторный способ плавки сталей давно уже вытеснил все остальные, кроме совсем уж отсталых мест. Но вся проблема заключается в получении чистого кислорода в промышленных количествах. А это криогенная аппаратура совсем не доступная здесь по уровню технологий. В первую очередь из-за отсутствия магистрального электричества большой мощности.

— Интересная мысль, — поддакнул мне лейтенант.

— Но пока неосуществимая, — добавил я. — Это вам не баллон накачать для ацетиленовой сварки. Это сотни тонн. Так что представляет собой ваша печь? Она запатентована?

— Да, запатентована, — и лейтенант мне прочитал целую лекцию про способы плавки сталей, из которой я понял только одно — его печь чем-то смахивает на земной мартен.

— Вам дали построить такую печь?

— Только одну. Маленькую. Макетную. Для доказательства эксперимента за счет государства при защите патента. А потом ни

один фабрикант не пожелал со мной связываться, потому что они считали, что эксплуатация рабочего на путлинге им обходится дешевле новых капитальных вложений. Прибыль их кумир, а сверхприбыль — бог.

— И чем ваша печка отличается от тигельной плавки спецсталей?

— Количеством. Можно сразу получить две с половиной тонны стали за одну плавку в течение пяти часов. А футеровку днища печи заменять только через две сотни плавок. Тигель же если он не платиновый — одноразов. И у меня есть расчеты, здесь уже сделал, что возможно построить печь дающую пять тонн стали за одну плавку и объединить ее сразу с прокатным станом. Чтобы не нагревать снова болванку для прокатки.

— Так за что же вас подвергли остракизму?

— За то, что я стал фабрикантов клеймить позором в печати, что они не видят дальше своего носа. В ответ мне прилепили кличку социалиста, хотя я не считаю, что люди равны по своей природе. Мне просто везде дали от ворот поворот. Занесли в черный список неблагонадежных для существования конституционного строя республики. Государственная служба для меня также закрылась. Осталось только армия, где пока в пехоту берут всех. Но и тут я не пришелся ко двору. Пехотные офицеры, которые произошли от революционных солдат, быстро у нас превращаются в наследственную касту. Мне не раз давали понять, что я занимаю чье-то место, которое не мое 'по праву'. Вот я и собрался подать в отставку и уехать на южный континент в колонии. Конкретно в Габонию где есть хорошая железная руда и недалеко от нее известняк правильной породы, что, кстати, бывает не так уж часто. И построить свою печь там, чтобы не возить туда рельсы из метрополии — как раз собрались там железную дорогу строить. Даже списался с губернатором и получил его принципиальное согласие. Но тут война… плен… Я удовлетворил ваше любопытство, ваше превосходительство?

— Да, — согласился я. — Вполне.

Тут нам принесли новый кувшин с вином, и я разлил немного по фужерам.

Продегустировав новую партию и удостоверившись, что она идентична первой лейтенант задал несколько наглый вопрос.

— Кстати если вы армейский майор по рангу, то почему вас все титулуют превосходительством? Даже наш комендант.

— Я придворный генерал. Камергер его светлости герцога Ремидия, которому принадлежит этот замок и эта долина на правах домена. Вы все здесь его гости.

— Гостей можно было бы и лучше кормить, — усмехнулся

лейтенант.

— Ну, на то есть инструкция от императора. Вы не будете ни на грамм получать больше довольствия, чем получают у вас наши пленные. Принцип зеркальной справедливости.

— А если наши идиоты начнут ваших пленных морить голодом?

— Тогда в дело вступает другой принцип: кто не работает, тот не ест.

— Ваше превосходительство, мне кажется, что именно вы — социалист.

— Ни в коем разе. Я считаю умственный труд такой же работой как физический. Кого терпеть не могу, так это рантье.

— А кто их любит? — буркнул инженер.

— Вам тут, дорогой Эдмо, не надоело сидеть?

— Надоело, как и всем.

— Тогда у меня есть к вам предложение подкупающее своей новизной…

— Ну — с, с этого надо было и начинать… На врага я работать не буду. Пусть опухну со скуки здесь, — лейтенант поставил бокал на стол, встал с кресла и застегнул пуговицу у ворота. — Честь имею. Благодарю за приятную беседу. Позвольте откланяться.

И пошел к выходу четким шагом

— Стойте, Эдмо. Я не договорил.

Лейтенант развернулся у двери с кислой миной на лице, тапа перетерпим еще пару фраз и в люлю. Время как раз подошло к отбою.

— Если вам предложить построить свою печь, вы согласитесь?

— Для империи однозначно нет.

— А лично для меня? Как для человека.

— У вас есть лишние полмиллиона?

— На такое дело найду. Мне рельсы нужны. Двутавровые балки. Швеллеры. Листовой прокат. Ничего военного. Я город строю.

— Город? Во время войны? — удивился он.

— Именно. Война когда-нибудь закончится. А жизнь не кончается никогда.

— Где этот город?

— Здесь в Реции. В шестидесяти километрах от Втуца.

— Я могу подумать, ваше превосходительство?

— Не могу вам отказать в таком благом деле. Только с одним условием. Думайте до утра. После завтрака я уеду к себе на стройку с вами или без вас. И можете с собой забрать этот

кувшин, если он поможет вам думать, — показал я на столик у камина.

Когда дверь закрылась, я подбросил на ладони золотой и прихлопнул его второй рукой.

С ладони на меня смотрел профиль Отония Второго.

Значит, скорее он согласится на мое предложение, чем откажется.

Можно было и не гадать. Я еще не видел такого изобретателя, который отказался бы от внедрения в жизнь своего изобретения. Тем более за чужой счет.

* * *

Эдмо Мурант был очень недоволен. Куда там недоволен — возмущен.

— Ваше превосходительство, почему меня вызвали с вещами? Все уже решили за меня?

— Отнюдь, — улыбнулся я кА можно ласковее. — И вам доброго утра, дорогой Эдмо. Раздевайтесь, садитесь. Будем пить кофе. Вам в пайке такого, наверное, и не дают. Тогда и поговорим за ваше будущее.

Сталевар поставил на пол фибровый чемодан, большой кожаный саквояж и тубус, снял с плеч солдатский ранец и водрузил на них, затем снял шинель и кепи, повесил их на вешалку вместе с саблей в стальных никелированных ножнах. Я этому не удивился, так как меня уже просветили, что в первый год войны пленным офицерам оставляли их холодное оружие. Человек без оружия — человек без чести. Для меня такое слышать было дикостью, но в каждой избушке свои погремушки. Традиции…

На это раз лейтенант был в парадной форме. Черные сапоги трубой, красные шаровары, темно — синий мундир, на котором висели две каких-то медали и бронзовый крест с мечами на длинной ленте. К ленте были приколоты две миниатюрные дубовые веточки одна над другой. Ниже на винте знак Высшей инженерной школы.

Лейтенант присел к столу, и я налил ему черного кофе в маленькую фарфоровую чашку.

— Сахар, сливки?

— Только сахар. Два кусочка, — отозвался он, слегка остывая от возмущения.

— Так что вас так возмутило, дорогой Эдмо?

— Когда меня вызвали с вещами, то со мной в дортуаре все

попрощались уже, ваше превосходительство. И если я вернусь обратно с вещами то, как смогу объяснить такое?

— Если вы откажетесь со мной ехать, то скажете, что вам учинили обыск.

— Но это же будет ложь. — лейтенант поставил чашку на блюдце, даже не попробовав напиток..

— Вы так думаете? — усмехнулся я. — В таком случае вам действительно учинят обыск. И вам не придется лгать своим товарищам по несчастью.

— Я хочу узнать условия моего содержания, если я буду строить для вас свою печь?

— О! слышу разговор делового человека. Вариантов не много. Первый — вы остаетесь в статусе военнопленного и работаете под конвоем. На ночь вас будут отводить в соседний лагерь за колючую проволоку. Из удобств вам выделят отдельное помещение. Все. Второй вариант — вы подписываете документ о сотрудничестве, и вам присваивается статус добровольного помощника. В этом случае вы будете расконвоированным. Жить в городе. И даже получать заработную плату кроме вещевого и пищевого довольствия. Небольшую. Но все же.

— Негусто у вас с выбором. Тем более подписка о сотрудничестве есть предательство республики.

— Есть еще один вариант. Вы подаете прошение герцогу о вступлении в его подданство, я ходатайствую о нем перед герцогом, и вы перестаете вообще быть военнопленным. И даже республиканским гражданином. В этом случае вы будете таким же свободным как все остальные рецы с полной свободой передвижения. Получать солидное жалование сообразное вашему образованию, опыту и знаниям, а также роялти за свои изобретения. Только вот с обязательством отработать пять лет на рецких предприятиях. И учить нашу молодежь. Это тоже не бесплатно. Так что пейте кофе и не торопитесь со скоропалительным решением. У нас есть еще полчаса. Взвесьте все как следует. Кстати, вы завтракали?

— Благодарю, ваше превосходительно, поесть я успел.

— Печенье?

— Не откажусь. Так какую вы хотите печь?

— Самую большую, какую только вы сможете построить. И не одну. Но это в перспективе.

— Вы настолько богаты, ваше превосходительство?

— Деньги тлен. Люди — все. Если первая печь вам удастся. Сталь будет дешевле и лучше качеством чем при пудлинге, то, уверяю вас, от акционеров отбою не будет. Главным вопросом будет сохранение контрольного пакета в одних руках. Как быстро

вы можете построить печь?

— Если мощностью на две с половиной тонны, то за два месяца от фундамента до плавки. Это при наличии квалифицированной рабочей силы и готовых материалов. Если больше, то надо чертить и считать все заново.

— Меня это устраивает. Как быстро может быть готов проект?

— Чертежники будут?

— Все что запросите. В том числе и 'инженерные центры Кобчика'.

— Тогда только нормально перечертить бумаги из этого тубуса и пересчитать смету на ваши деньги и цены. Чертежи… в зависимости от того сколько будет чертежников… от двух недель до месяца. Но можно выдавать их и порционно. Можно мне еще кофе? Он великолепен. Давно такого не пил.

— На здоровье, — наполнил я его чашку.

Дождался пока он ее выпьет. Вынул часы, щелкнув крышкой.

— Однако время… Мне звать фельдфебеля для обыска?

— Не нужно, ваше превосходительство. Я еду с вами.

— Прекрасно. Надеюсь вы не пожалеете о своем решении. Только еще один вопрос. У вас крест и на его ленте еще две дубовые веточки. Что они означают?

— Повторное и третье награждение Военным крестом.

— В таком случае, дорогой Эдмо, мы с вами точно сработаемся.

* * *

Вернувшись из командировки домой в темном коридоре у лестницы неожиданно споткнулся о звеззовы костыли которые он почему-то не убрал куда подальше, после того как стал ходить на протезе с палочкой.

Вышел обратно в холл с ними в руках и первый раз внимательно на них взглянул. Мда… Мелькнула мысль, что костылики-то делались спецом под самого Зверзза. Под его рост конкретно.

Послал за Зверззем Ягра, который тенью ходил за мной.

Тот явился с хоздвора, по пути распекая за что-то одного из своих помогальников.

Усадил я Зверзза в кабинете за стол и расспросил. Все как было. А так и было — костыли под каждого раненого делались индивидуально, как костюм в ателье. При госпитале целый цех плотничий имелся. Ждать ему пришлось своей очереди две недели, с койки не вставая.

— И это еще быстро, ваша милость. Некоторые свои костылики по месяцу ждали, место в госпитале занимая. В санаторий только на костылях отправляли. Иначе там не принимали нас.

Вот такие пироги. Мечтаешь о металлургических гигантах, а для людей кровь за родину проливших тут простейшего приспособления нет. Как у нас в России была… сдвижная опора на три дырки с винтами на гайках. Под три самые распространенных человеческих роста. Стандарт. А выбивающихся из стандарта не так уж много остается. Вот к ним и нужен индивидуальный подход.

Сел за стол и вычертил костыли 'нового типа'. В двух экземплярах.

Вызвал опять Зверзза и дал задание найти плотника или столяра, который такую вещь сделает. Желательно из дешевого красного дерева, типа земного бука, что хорошо гнется в распаренном виде.

Отправил домоправителя выполнять задание и снова сел за стол — писать патентную заявку.

Отправил ее почтой в военное ведомство с припиской, что от премии за это изобретение я отказываюсь в пользу империи — на изготовление таких костылей для раненых.

А так как металлургическая программа развития Калуги получила одобрение от герцога, то у меня оставались свободные средства, которые я потратил на изготовление большой партии таких костылей — целое производство открыл во Втуце. Отправил ее частями в разные госпитали империи. И, конечно же, в Будвиц. С подробной технологической картой как такие приспособления изготавливать на месте. Ну и наш санитарный поезд 'Красный крест' не забыл.

На каждом костыле был выжженный штамп 'Дар герою пролившему кровь за родину от обладателя золотого знака 'За ранения' Саввы Кобчика'. Хороший пиар и в благородном деле не лишний. Особенно с моими-то отношениями с имперской камарильей.

А так как в костыльной мастерской процентов на восемьдесят работали инвалиды войны, то после исполнения моего благотворительного заказа я им эту мастерскую вместе со всем оборудованием подарил. Теперь это кооператив 'Рецкий инвалид'. С налоговыми льготами от герцога и города. И все возрастающим пакетом заказов.

Зверзз после этого перестал на меня дуться за то, что мы фактически заставили его жениться на няньке. Впрочем, та с отставного фельдфебеля только что пылинки не сдувала. Как

говорили на моей родине 'ноги ему мыла и юшку пила'.

* * *

Герцог, как только я ему подал меморандум о строительстве в Калуге мартена и прокатного стана, глянув только на исходную сумму проекта, очень разозлился и ругал меня, чуть ли не площадной бранью. Полмиллиона… это… это… очень много. Я понимаю.

Споткнулся Ремидий в ругани только когда услышал от меня волшебное слово 'рельсы'.

— Повтори, — упер он в меня свой фирменный зрак, которого так боялись все придворные.

— Рельсы, ваша светлость, — повторил я. — Свои рельсы, рецкие. Дешевые рельсы. А качеством лучше имперских будут.

Герцог внимательно на меня посмотрел, пожевал усами. Что-то прикинул в уме и только спросил.

— Когда будут?

— Не раньше осени, ваша светлость. Но и не позже. К будущему строительному сезону точно будет накоплен приличный их запас. А за зиму можно будет отсыпать приличный километраж насыпи. Шпалы заготовить.

Ремидий сел в кресло и на этот раз внимательно прочитал меморандум.

— Почему я должен верить этому твоему пленному офицеру? — недовольно спросил он, откладывая бумаги в сторону. — Вдруг он засланный вредитель?

Вот тут я, наконец-то дождавшись правильного вопроса от начальства, вынул из папки прошение Муранта о рецком подданстве.

— Так, значит… — герцог задумался слегка. — Садись, Савва, рассказывай все что задумал. А то тебя сейчас Молас в оборот возьмет, и останусь я опять не при делах.

— Молас во Втуце? — переспросил я.

— Вчера приехал. Успеешь еще с ним пображничать. Ты лучше мне скажи, наглец малолетний, почему я должен тебе дарить четверть акций этого металлургического завода? За красивые глазки?

Но к этому вопросу я был заранее готов.

— За йод, ваша светлость. И за то, что я делаю из крестьянского края индустриальную державу.

* * *

Второй квартирмейстер штаба Восточного фронта генерал — майор Молас выглядел устало. Казалось, что добавившийся на его шее Крест военных заслуг с венком оттягивал ее книзу. Даже парадная форма его не молодила, как обычно молодит военных.

Столкнулись мы в парадной анфиладе дворца после моей аудиенции у герцога.

— Вот тебя-то я и жду, — заявил мне он. — А то опять усвищешь куда-нибудь и лови тебя потом.

Здрасте — пожалста… Сейчас как начнет трясти меня как грушу, а я так ничего и не сделал по его просьбе нащупать надежную контрабандную тропку в Швиц. Замотался.

А генерал, уцепив пальцами мою пуговицу, продолжил.

— Я уже узнавал, что сегодня во Дворце день официально не приемный, так что кормить никого не будут. Едем в ресторан, там и поговорим.

Я, как камергер и воспитатель молодого графа, мог бы и оспорить его утверждение и приказать дворцовым служителям доставить нам обед с герцогской кухни ко мне в Иванов флигель, но… не хотел я, чтобы такая встреча стала предметом обсуждения придворных. Обо мне и так во дворце часто говорят такое… В общем я предложил поехать ко мне домой и отведать домашней кухни. Заодно и побеседовать там спокойно потому, как лишних ушей у меня дома не водится.

— А денщик? — ехидно спросил генерал, намекая на Тавора.

Знает, кому Тавор действительно служит, знает. Впрочем, ему по должности положено такое знать.

— Тавор в отъезде. Он больше не денщик у меня, а порученец. Денщик у меня теперь другой совсем. Настоящий горец. Даже имперского языка не знает.

Предложение было благосклонно принято. Но когда садились вдвоем в мою коляску с пафосными рысаками, то Молас как бы невзначай меня спросил.

— Что же ты больше не называешь меня 'экселенц'?

Денщик генерала сел на облучок рядом с моим кучером.

— Трогай, — постучал я кулаком в спину водителя меринов.

Коляска моей охраны тронулась за нами следом. А вот Молас как я посмотрю в отличие от меня гулял отвязанным, без бодигардов. Потом я повернулся к генералу в пол оборота и констатировал.

— Так я больше не нахожусь на военной службе. Даже погон не ношу.

— Резонно… — пробормотал генерал и тут же нашелся. — Ну не называть же мне тебя 'превосходительством'. Так что зови меня теперь Саем.

— А по батюшке? — непроизвольно вырвалось у меня, так как генерал намного меня старше.

— Отца Альгисом звали, — протянул Молас, видимо что-то вспоминая. — Он тоже любил, когда его именовали по отцу — Альгис Леонардович.

— Странное имя, — пожал я плечами притворно, но про себя отметил что отец генерала явно из прибалтов.

— Не более странное, чем твое, Савва, — парировал генерал. — Так что приватно давай общаться по именам.

Хорошо на брудершафт не предложил выпить. Или он этого предложения он ждал от меня? Перетопчется.

Втуц красив по весне. На бульварах цветут деревья и кусты. Вагоны конки отмыты от зимней грязи и заново покрашены. В экипажах лошади вычищены до блеска. Даже окна в домах традиционно отмыли по весне.

Некоторое время мы молча любовались городом.

— Красиво у вас тут. Тепло, — поменял генерал тему после краткого молчания. — А у нас все еще снег лежит. У меня, кстати, для тебя посылка от Гоча. Потом пришлю.

— Как он там?

— Все такой же. И живет по — прежнему в заводской мансарде. И, кажется, молодая жена ему в этом потакает.

— Она там уже привыкла, пока работала у него горничной. Помню, вы ее собирались проверять…

— Чиста, — кратко ответил разведчик. — Родственники тоже. Так что с этой стороны все в порядке. Завод работает ритмично. Выпуск продукции увеличивается. Но об этом ты сам все узнаешь из его письма.

— Как Щеттинпорт? Стоит? В газетах давно про него ничего не пишут.

— Нечего писать. Аршфорт изводит островитян демонстрациями штурма, но не штурмует. На испуг берет. Царцы тоже далеко не те стали. Чувствуется, что со смертью маршала Смиглы и нашего осеннего удара из них как хребет вынули. Не хотят воевать. Такое ощущение, что их устраивает сегодняшнее положение, когда между нами река, которая вот — вот вскроется ледоходом и можно будет ничего не делать на законных основаниях. Они даже свою бригаду из Щеттинпорта вывезли якобы на замену, но замены так и не поступило. Одни там теперь островитяне.

Мы проехали мост через реку и повернули ко мне на 'гору'. За капитальными заборами усадеб цвели сады, распространяя вокруг одуряющий запах жизни.

— Медкомиссию проходить будешь? — спросил генерал.

— Зачем? — пожал я плечами.

— Вернуться к воздухоплаванию. К разведке.

— Я в отставке. Саем, — все-таки я назвал его по имени. — Даже с имперским гражданством. Тем более как придворный в генеральских чинах повторному призыву не подлежу. Да и по линии Министерства промышленности у меня теперь бронь от армии. Железная. Как 'оружейному барону'.

Копыта меринов застучали по брусчатке нашей улицы.

— Заворачивай сразу на хоздвор, — приказал я кучеру.

— С размахом живешь, — с некоторой долей зависти констатировал Молас.

— Поэтому тут и живу, за рекой, а не в городе, — ответил я. — Да и воздух тут чище.

Разрешил Моласу курить на веранде и пошел распоряжаться по дому. Генерала проводить в ванную комнату и помочь привести себя в порядок с дороги. Накрыть нам обед на веранде на двоих. Вино подать самое лучшее и можжевеловки принести с ледника. Закуски соответствующие и все прочее. Сервиз серебряный поставить из трофеев.

Если уже с утра рабочий день не заладился, то и отдохнуть не грех раз уж есть хороший 'дипломатический повод'. Как же… самого второго квартирмейстера восточного фронта в своем доме принимаю. Как там мне случаем Ремидий обмолвился? Принимать у себя дома герцога будет круче получения ордена. В таком случае Молас тянет не меньше чем на медаль.

От огемской кухни генерал отказался и предпочел рецкую экзотику. Как вам сказать — экзотику… ничего необычного в рецкой кухне нет, разве что продукты всегда только наисвежайшие и несколько специфические пряности с упором на дары горного леса. Из вин он выбрал слабый яблочный сидр.

Мдя… слегка упало у меня настроение, значит, все же работать придется, раз Молас водки не пьет. А я-то уже губу раскатал…

Пока мы делили свое внимание между холодными закусками, генерал улучшил момент, когда перестали мелькать с сервировкой кухаркины дочки, и поблагодарил меня за бесшумный дерринджер.

— Это было именно то, что нам требовалось. Вы с Гочем превзошли сами себя.

— Осмелюсь спросить, Саем… вы перешли к индивидуальному террору?

— Скажем так… к исполнению приговора. Ликвидировали парочку высокопоставленных предателей, успевших опасаясь провала перед самой войной сбежать к противнику.

— Аристократия?

— Она самая. С ней очень трудно понять, когда кончаются родственные отношения и начинается измена родине. А родственные отношения среди них весьма разветвленные и практически во всех странах, которые участвуют в войне они всегда найдут, по крайней мере, седьмую воду на киселе, — вздохнул начальник разведчиков.

— Измена родине? — притворно сделал я круглые глаза. — Не императору?

Мне постоянно кажется, что Молас как сын попаданца все время меня проверяет на попаданчество, вставляя не свойственные этому месту и времени обороты и идиомы.

— Это выражение моего отца, — пояснил генерал и процитировал: 'Короли приходят и уходят, а родина и народ остаются всегда'.

— Если эту фразу широко толковать, то можно скатиться к сепаратизму, — заметил я. — Кровь и почва. Два понятия, которые разрушают многонациональные государства.

— Ты так думаешь?

— В соседних с нами республиках давно честную вассальную присягу сменили на национализм. Просто денежным мешкам, которые там имеют реальную власть больше нечем привязывать к себе народ. За банкиров никто воевать не пойдет, а вот за родину всегда. Кстати те листовки и брошюрки, которые ты мне давал на ознакомление… Этой… Лиги социального равенства. Я заметил что, выбрав острием свой борьбы национальную буржуазию, эти лигисты вводят под другими названиями старый добрый вассалитет.

— Дельное замечание, — отметил Молас и замолчал, так как нам принесли жаркое.

— И национализм для них просто ругательное слово. Национализм может быть по их теории только буржуазный, значит плохой, потому что все трудящиеся братья по определению.

— Что в этом ты видишь плохого?

— Только то, что трудящимися они признают только фабричных рабочих. Все кто имеет хоть какую-то собственность — буржуи, подлежащие ликвидации. Как и написано 'ликвидации как класса'. Так что жди большой крови.

— Что, и крестьяне для них не трудящиеся? — удивился генерал.

— Угу… Мелкая буржуазия, с узколобым мышлением не понимающая своего счастья в работе на пролетариат. Насколько я понял они готовят для крестьян повторное крепостное право, где

коллективным сеньором будет выступать вся их Лига целиком. Никакой персонификации, на которой стоит классический феодализм.

— Серьезно ты их писульки проштудировал, Савва. Не ожидал я от тебя такого.

— Неделю в поезде делать было нечего. Это чтение для меня было отдыхом от теоретической химии.

— Но в своих листовках они в основном обращаются к крестьянам.

— Только потому, что массовая армия в большинстве своем состоит из крестьян.

— По твоему мнению они нам страшны? В смысле подрыва устоев империи?

— Страшнее для нас тот, кто во время войны кто-то предложит земельную реформу. Причем в меньшей степени это касается Ольмюца и Реции, где не было крепостного права или оно было очень мягким. Где земельные отношения между владельцами земли и потомственными арендаторами давно устоялись к обоюдной выгоде. А вот в центральных, западных и серверных частях империи, где после эмансипации крестьян они остались без земли, которой владели до личного освобождения, то там легко можно поджечь старые обиды.

— И какой ты видишь выход?

— Такой, какой естественно произошел в Ольмюце — растущая промышленность поглотит лишних людей с села. Но для этого нужно хотя бы четверть века прожить без социальных потрясений. Но их не избежать потому как после войны фабриканты, лишившись военных заказов, временно выбросят лишних рабочих на улицы. И вот тут-то Лига порезвиться… устроит такие танцы с бубнами, как с факелом между пороховыми бочками. Причем при нашей победе будет как бы не хуже чем при поражении. 'За что боролись?!'. И не сказать, что наверху этого не понимают. Прекрасно понимают. Потому и продавливают программу привлечения пленных специалистов на частные предприятия. Чтобы когда мы их отпустим домой после нашей победы, образовался в империи некий недостаток рабочей силы, втягивающий на заводы демобилизованных фронтовиков. Промышленность все равно будет расти, а вот в этот промежуток между победой и начавшимся ростом производства не по заказам государства, а потребностям общества надо пережить. И тут главная роль опять-таки остается за государством. Строить дороги, каналы, тоннели… Тот же лесоповал организовать как следует. Словом то, на что частник пожадует тратить собственные деньги. Такие проекты, в которых занятость населения будет

главным фактором. Особенно занятость демобилизованных фронтовиков. А те будут с гонором 'за что кровь проливали?'. Вот тогда агитация Лиги найдет себе уже взрыхленную почву.

— А сейчас?

— Сейчас они никто и зовут их никак. Сейчас нам страшна старая аристократия, которую император медленно, но верно оттесняет от государственного управления.

— Вот — вот… — закивал Молас. — Наконец-то сам понял, почему тебя постоянно отодвигают от столицы.

— Ничего я в этом не понял.

— Был бы Кобчик просто буржуй, они бы все твои выходки стерпели. А Кобчик стал барон. Кобчик стал близок к королям. Кобчик вдруг получил ВЛАСТЬ и тут же стал 'кровавым'. Думаешь, мне баронство не предлагали?

— И?.. — я даже немного подался навстречу собеседнику.

— Даже графство, но я отказался. Как в свое время отказался от титула и мой отец, — генерал вынул трубку и стал набивать ее мидетерранским табаком.

Потом долго ее раскуривал, давая мне осознать эту информацию.

— Ну не республику же они хотят? — растерянно проговорил я.

— Не хотят, — подтвердил генерал. — Они хотят сами править, и чтобы император был просто ширмой их правления. Думаешь, почему император дозволил выборные сеймы на местах, но не дает имперского парламента? Потому что все проекты, которые подавались по этому вопросу, отдавали всю полноту власти старой аристократии — верхней палате. И правительство империи должно было стать ответственным перед парламентом, а не перед монархом.

— Как на Соленых островах?

— Внешне так, но не по существу. Основой политической системы объединенного королевства Соленых островов являются тайные общества. Именно они стоят за видимыми политическими партиями и выдвигают кандидатов депутаты на общинных выборах, таким образом, получая в парламенте большинство того или иного тайного общества. Депутат может говорить, о чем пожелает, может вообще не ходить на заседания палаты, но он обязан всегда солидарно голосовать так как решит руководство партии ибо в противном случае лишится своего места. А руководство партии приказывает только то, что ему уже приказало тайное общество. Король там вроде бы царствует, но не правит. Так знает весь мир, кроме одного… король там сам глава всех тайных обществ. Это называется истинной

демократией. А то, что в республике называется демократией — бардак по определению. Где тайные общества есть, но они как бы даже внешне без головы и постоянно между собой дерутся. На самом деле они подчинены островным тайным обществам и являются их филиалами. Самое главное в том, что в этих тайных обществах жесткая пирамидальная иерархия и беспрекословное подчинение низших высшим, вплоть до смертной казни за ослушание.

— То есть получается так, что политика республики подчинена островному королю?

— Именно, но об этом не принято говорить.

— Зачем тогда они резали своих аристократов в революцию.

— Резали, но не всех. Только тех, кто не состоял в тайных обществах. Эти государства всю историю были соперниками, а после революции вдруг стали союзниками. Не сразу, но…

— А наши аристократы?

— Частью состоят в тайных обществах. Частью нет.

Молас налил себе сидра, с удовольствием выпил и снова взялся за трубку. Его табак имел приятный запах. Не раздражал. Даже нравился.

— Выходит Лига… — задал я осенивший меня вопрос.

— …внешний отросток одного из таких тайных обществ. Иначе бы они давно загнулись без денег. Членские взносы у них копеечные, — договорил за меня Молас.

— Значит ли это, что у главного руководства тайными обществами со времен революции в республике поменялись приоритеты?

— Этого мы не знаем. Но по косвенным признакам выходит что так. Переваривай пока, Савва, эту информацию. Будут конкретные вопросы — еще поговорим. Я тут на неделю не меньше. Потом отъеду в Риест. И на обратном пути мы еще встретимся.

Принесли десерт — чай и сладкий пирог с начинкой из цитрусового ассорти, и на некоторое время интересная беседа прервалась. Были еще орехи в меду — так скажем в качестве потребительского теста. Моласу они настолько понравились, что я туту же дал команду приготовить генералу в дорогу горшочек этого лакомства.

— Прекрасный обед, дорогой Савва, — генерал с удовольствием вытирал салфеткой усы. — В гостиничном ресторане кормят намного хуже. Передай мое удовольствие своей кухарке. Да, кстати, за всем этим гастрономическим апофеозом я и забыл о том, что хотел тебя спросить в самом начале: что там у нас там с тропочками в Швиц?

— Ничего. Каюсь, Саем, но не было никакого времени этим заниматься. Стройка съедает все время да еще отрываться от нее приходилось как на химию, так и на сортировку пленных. Трактор еще сырой, также требует внимания.

— Что ж… — не скрыл своего огорчения Молас, — придется действовать старыми методами и прошерстить ваши тюрьмы, там контрабандисты точно должны быть. А про твою химию я читал и откровенно не понял, зачем тебе это нужно? Ты же человек дела, а не мышь, прописавшаяся в виварии? Ученый в наше время это человек, удовлетворяющий свое любопытство за чужой счет. Но насколько я понял, на свои исследования ты сам потратился.

— Ну — у-у — у… — захотел я дать отповедь таким инсинуациям, но не нашел ответа.

— Вот — вот… — генерал снова стал разжигать свою трубку.

Напыхтев облако ароматного дыма, которое ветер с гор быстро снес в сторону реки, генерал продолжил.

— Тщеславие есть грех. Если таким образом ты хотел стать для имперской аристократии если не своим, то хотя бы значащим, то ты в этом ты глубоко ошибся. Им плевать на науку, разве что за исключением редких чудаков как ваш покойный граф. Наука для них низкое занятие плебса. А инженеры так вообще обслуживающий персонал. Но вот в самой научной среде тебе достаточно было изобрести 'инженерный центр Кобчика' и тебе сразу накинули мантию почетного доктора, и это в то время, когда у тебя и среднего образования-то не было. Отметили и оценили.

— Еще чаю? — предложил я.

— Не откажусь, — кивнул Молас. — Но, продолжим,… Аристократию нашу по большому счету интересует только земля и власть. А еще больше видимый почет. Правда, в последние годы они с переменным успехом делают попытки подмять под себя промышленность — поняли, где сейчас главные деньги крутятся. Но тоже только в качестве хозяев, а не управленцев. Причем покрикивающих хозяев, требующих прибыли любой ценой. Что самой промышленности, как ты понимаешь, не идет на пользу. Отсюда все их попытки доить бюджет. К сожалению, война дала им такой повод. Ситуацию с концерном 'Лозе' ты и сам знаешь.

— Не знаю, но догадываюсь, — откликнулся я. — В части меня касаемой, когда нас с Гочем пытались нагнуть большие имперские чиновники в пользу этого 'Лозе'. Спасибо принцу — отстоял.

— Тогда, я думаю, ты догадываешься и о том, какая сейчас драка идет в столице.

— Схватка бульдогов под ковром, — хмыкнул я.

— Очень точно подмечено. Именно под ковром, потому как внешне тишь да глади и благорастворение в воздухе. Сплошные улыбки и реверансы.

— А причина такого поведения аристократии?

— Сельское хозяйство не дает прежних прибылей. Традиционного экспорта нет — война. На основную продукцию императорский мораторий на повышение цен до конца войны, при этом дешевую рабочую силу призвали в армию. В некоторые места в прошлом году привозили пленных собирать урожай, чтобы не остался на полях. Не в том суть… Суть в давнем сращивании высшего имперского чиновничества и имперской же аристократии. Чему приходит конец, так как через год заканчивается гражданская реформа и все места в государственном управлении должны занять граждане.

Молас поднял вверх палец.

— Мы, — и он снова сделал многозначительную паузу.

— А они этого естественно не хотят, — продолжил я.

— Точно. Не хотят это еще слабо сказано. Но если худо — бедно гражданское управление реформируется, то куда девать старпёров из генштаба я себе не представляю. Вот уж где тормоз всей империи. А тут у них фильтры… командный ценз… экзамены в академию генштаба, после успешного окончания которой не каждого-то офицера в этот самый генштаб берут. Да и доходит до выпуска только половина поступивших в нее офицеров. Селекция.

— А что получают выпускники академии генштаба, которых не взяли в генштаб?

— Ты будешь смеяться, но только вдвое сокращенную выслугу из майоров в подполковники. И все.

— В итоге сито проходят только те у которых фамилия заканчивается на ' — форт'?

— Не на сто процентов, но в большинстве.

— В таком случае если кто и сместит императора, то это будет генштаб, — заванговал я. — Но никак не Лига социального равенства. Лига придет на руины, которые генштаб оставит от империи. А если отправить всех стариков из генштаба на пенсию?

— Ничего не изменится, так как у них всегда готова себе смена. Из таких же. Армия требует реформ. Более гибкого управления. Ликвидации лишних ступеней иерархии — тех же бригад в дивизиях. Но… — генерал сделал скорбное лицо. — Это сколько же генеральских мест разом ликвидируется! И начальники дивизий станут генерал — майорами. Ты себе представляешь оппозицию?

Мне осталось только согласиться с Моласом. Против такого

восстанут все. От полковника, мечтающего стать комбригом и генералом до самих начальников дивизий. Считай вся армия.

— Так вот… твое место не у трона, где тебя продадут, купят и снова продадут по более низкой цене, несмотря на все возможное покровительство монарха, а здесь. Императору нужна равномерная децентрализация промышленности в империи. И Реция давно выбранный перспективный кластер. Так что понимаешь теперь, почему тебя все время попрекают поясами для чулок? Не тем чем надо занимаешься. И почему император так настойчиво тебя запихивал обратно на родину? Потому как в Будвице и так все хорошо, лучше всех, а здесь широкий простор для освоения. И в перспективе, когда построят железную дорогу прямой выход к южным морям.

— Саем, а зачем тебе нужны контрабандисты? Ну кроме того как закинуть тайно нужного человечка?

— Как тебе сказать? Есть вещи, которые мы не производим, но которые производятся в избытке в Республике. Швиц может их закупать, но только для себя, перепродать нам он уже не может. Таковы договора. Но контрабандные тропки есть не только от нас в Швиц, но и из Швица в Республику. Да и в самом Швице есть много вкусного, чего не хотелось бы отражать в статистике.

— Часы? — поднял я бровь.

— И часы тоже. Потому как не хотелось бы нам, чтобы стало заметно сокращение производства наших часов. Часы должны быть в продаже.

— Давай угадаю?

— Попробуй?

— В последнее время стал в дефиците магнит. Производство тротила увеличивается — у меня инсайдерская информация об этом, но в поставках этого не наблюдается. Так? По крайней мере, для своего гранатного производства я его не нашел.

— И что из этого? — сделал каменную рожу генерал.

— Кто у тебя такой умный, что изобрел тротиловую магнитную мину с часовым механизмом?

Молас раздраженно крякнул.

— Забрать бы тебя, Савва, к себе. Аналитиком.

— Поздно, Саем, поздно. Надо было суетиться, когда я был всего лишь фельдфебелем

— усмехнулся я. — Но Помахаса мне отдай. Тротил нужен как воздух. Тем более что он обещал мне его сделать из нефти.

* * *

Моя догадка оказалась верной.

Пока Молас пребывал в Риесте, в Ракове на товарной станции прибывший из глубин царства паровоз неожиданно взорвался ночью рядом эшелоном с боеприпасами для корпусной артиллерии. Снаряды в вагонах мгновенно сдетонировали и взрыв был такой мощности, что снесло верхний этаж пассажирского вокзала в нескольких десятках метров от эпицентра. А на вокзальную площадь через вокзал закинуло маневровый паровоз. Человеческих жертв такого апокалипсиса оказалось не так уж и много — всего полторы сотни военных и гражданских лиц, зато материальный ущерб оценивался миллионами. Это не считая затрат на восстановление основного железнодорожного узла в этой географии.

Практически одновременно на ходовых испытаниях при спокойной воде взорвался и, расколовшись пополам, в считанные минуты утонул новейший островитянский дредноут с чудовищными 14-дюймовыми орудиями. Никто из тысячи двухсот человек экипажа не выжил. Причина взрыва осталась неизвестной.

В республике непонятный взрыв уничтожил газгольдер рядом с эллингом, где строился новейший дирижабль. Вся наземная команда воздухоплавателей, инженеры и рабочие — триста двадцать человек — погибли. Погиб и главный конструктор республиканского воздухоплавания Эги Шербур. По этому поводу даже наш адмирал неба император Отоний держал однодневный траур. Во всех имперских газетах вышли некрологи и интервью с мастером Гурвинеком, который отдавал покойному Шербуру чуть ли не пальму первенства в идее дирижаблей жесткой конструкции.

Новый дирижабль Шербура, который уничтожил взрыв, должен был быть революционной цельнометаллической конструкции. С верхними пулеметными точками для обороны.

Были еще взрывы на шахтах в республике, но на них уже никто не обратил особого внимания. Шахты часто взрывались и в мирное время от скопленья метана. Но никелевую и вольфрамовою руду теперь республиканцам приходилось возить через половину глобуса из колоний.

Все эти взрывы общественность признала трагической случайностью.

Генерал Молас через месяц по совершенно другому поводу получил из рук императора Солдатский крест первого класса за заслуги в прошлом осеннем наступлении. Награждение прошло буднично. Без помпы.

А Помахаса генерал мне прислал. Чуть ли не бандеролью. И

чтобы унять буйное возмущение этого известного химика пришлось принять его в Рецкое политехническое общество членом-корреспондентом. Такое действует безотказно на любого ученого. Тем более что доклад Помахаса по проблемам и перспективам органической химии был принят общественностью с овациями на ура. Не то, что мой практически по той же теме — нефтянке.

Скажу только то, что к моменту запуска поточной линии минометных мин тол у меня был в потребных количествах из местного сырья. И после испытаний на полигоне 70-мм горный вьючный миномет был принят на вооружение рецкой армией в качестве батальонной артиллерии… По четырехорудийной батарее на батальон. Сам миномет разбирался на три части и легко грузился на одного стирха. Два других горбунка тащили носимый боезапас мин первой очереди — 56 штук. Остальной боезапас путешествовал по горам в обозе.

Кроме того минометы прочно прописались на стационарных блокпостах перевалов. И теперь обратные скаты и ущелья не могли быть использованы врагом для накопления живой силы перед штурмом.

А на полигоне Щолича появилась еще одна унтерская школа. Минометчиков. Капитан твердо решил стать полковником. Школе же принадлежал и рекорд стрельбы на дальность — два километра шестьсот тридцать два метра болванкой. Вполне прилично для этих времен.

Делалось это оружие на новом заводе в Калуге практически руками пленных, кроме самой бесшовной трубы, которую нам поставляли с севера империи. Как и хрупкий чугун для мин. И старые флотские взрыватели. Но так как запас старых взрывателей не вечен и имелся конкурент в виде воздушного флота, то постепенно их стали делать слесаря на 'Гочкизе', которых высвободили от прежних работ пленные. Зодно удалось сделать эти взрыватели меньше по размеру. Все же минометная мина не морской артснаряд.

Но не это привело в административный восторг имперское министерство промышленности, а то, что миномет обходился казне в двадцать шесть раз дешевле дивизионной трехдюймовки. И я был этому очень рад, так как себестоимость изделия была еще ниже раза в четыре от закупочной цены.

При этом прицелы на минометы казна закупала отдельно у 'Рецкого стекла'.

Чтобы иметь отмазку перед военным ведомством о своих тратах на НИОКР, еще до минометов я продал казне надкалиберные полупудовые бомбометы с оперенной бомбой-

ракетой, выстреливаемой из узкого стволика с помощью холостого охотничьего патрона 12-го калибра. Эти изделия были предельно дешевы и могли клепаться 'на коленке' в любой кроватной мастерской. Не были требовательны к качеству материалов. И начиняться такие бомбы могли чем угодно, лишь бы это взрывалось. Из недостатков были только большой вес станины и небольшая дальность — не более восьми сотен метров. А точность напрямую зависела от развитости интуиции наводчика.

Сам я сделал только установочную партию таких бомбометов для войсковых испытаний и отдал военному ведомству открытый патент. И сразу забыл про этого ублюдка. Но к моему удивлению окопникам западного фронта новое оружие пришлось по душе и к осени разновидности бомбометов в империи зашкалили все разумные пределы рационализации, и предложения по его улучшению от окопников не переставали поступать, зачастую дублируя друг друга.

Однако вундервафлей для преодоления позиционного тупика бомбометы так и не стали. Три наката ДЗОТа полупудовая бомба не брала. Не хватало ей пробивной силы. Но открытые пулеметные точки к середине лета у республиканцев исчезли. Траншеи их пехота перекопала 'лисьими норами'. А так как места для всех в этих норах не хватало, то все чаще при обстрелах республиканцы уводили основную часть пехоты на вторую линию траншей, куда бомбомет не добивал.

Забегая вперед, скажу, что и миномет в окопной войне не стал панацеей. Но вот на открытой местности это смертельное оружие, которого стали бояться больше всего. Особенно в горах, где часто мимо узкой тропочки другого пути и нет совсем.

* * *

Моя 'моторная группа', привезенная из Будвица несмотря на режим наибольшего благоприятствования за все это время так и не разродилась приличным двигателем внутреннего сгорания, годящегося хотя бы на мопед. Даже двухтактник у них постоянно утыкался в неразрешимые проблемы. Хотя ручное магнето и нормальные свечи зажигания уже были в наличии. Я постарался опылить инженеров идеями из будущего и вроде все они сделали как надо вплоть до получения патентов. Но не работало…

Плюнул я на возможность создать двигатель внутреннего сгорания на керосине и потребовал от Помахаса бензин, хотя бы с октановым числом не меньше шестидесяти. А инженерам

наванговал карбюратор и четыре такта в движении двух оппозитных цилиндров. Охлаждение по-прежнему оставалось воздушным. С радиаторами у 'Гочкиса' накопился большой опыт.

Болинтер от своего двигателя не захотел отрываться даже после того как моторный завод заработал. Особенно после того.

Городу постоянно требовались двигатели на разнообразные насосы. Даже заправка паровозов водой на железной дороге перешла на водопровод с насосом Болинтера. Для этого ему пришлось дефорсировать свой двигатель ради его экономичности. А еще пошли заказы на насосы от водопроводчиков из Втуца… И это были только первые ласточки.

Что вызывало постоянные жалобы так это танцы с бубнами при запуске его моторов. Паяльная лампа и медный шарик не нравились большинству заказчиков — муторно, мешкотно, небезопасно… И Болинтер как-то посетив мои посиделки в группой ДВС выпросил у меня лишнее магнето и через три недели выдал вполне приличную калильную свечу на основе платины в керамическом корпусе с запуском сопротивления электричеством от магнето. Что с него взять… гений.

И в то же время он строил мощные двигатели для самоходных барж.

Баржи мы клепали по одному проекту как американцы свои 'либерти' во время второй мировой войны. На сухопутном заводе делались взаимозаменяемые детали металлического каркаса, а в сухом доке только собирали его как детский конструктор с обильным применением газовой сварки. Обшивали досками с пилорамы и густо замазывали их горячим варом.

Они так и ходили по реке 'Калуга-1', 'Калуга-2' и 'Калуга-3'. Таскали нам муку, соль, уголь, известняк, кирпич, чугун, ферросплавы и металлический уголок с предприятий на Данубии, разгружая от этих поставок железную дорогу. Вместо них по 'железке' во все в возрастающем количестве в город шли трубы.

Речной порт работал все светлое время без простоев. Подтянулась частная инициатива с низовий реки. Маленькие колесные пароходики таскали по две-три баржи на чалке к нам вверх по течению. Город как проглот сжирал все, что не привезут. В том числе и рабочую силу, приплывающую к нам на этих пароходиках. Не говоря уже о всяких коробейниках — те просто челночили, поставляя в город тысячу потребных человеку мелочей до которых у нас не доходили руки.

'Калуга-4' стояла в полуготовности в сухом доке. А на складе скопилось набора еще на пару барж. Хоть второй сухой док копай.

А вот инженеры-двигателисты РДМ порадовали всех нас новой компактной паровой машиной замкнутого цикла весом

всего в 150 килограмм. Пригнали к нам его на испытания уже на новом рутьере. И если старые модели были больше похожи на сухопутный паровоз, то этот больше смахивал на классический трактор типа 'Владимирца' или 'Беларуси'. Выдавал новый двигатель 82 лошадиные силы. Назвали его 'Урс-82' по имени создателя.

Переставили такой же двигатель мне на трактор, и после первого дня испытаний на автодроме я понял, что с этим движком можно уже делать танк. В первом приближении… И выделил на этот проект отдельную группу инженеров и рабочих. Потребные материалы за счет денег имперского бюджета.

Нарисовал творческому коллективу что-то типа МС-1 на движителе от Т55 и оставил их разбираться с эскизом.

Ну если не получается тут никак с ДВС, то что поделать… будем работать на пару.

Кстати о бюджете. Если местные буржуи дотумкали о горизонтальной монополизации в виде трестов, ставя новые или поглощенные заводы в положение бесправных филиалов, то и бухгалтерия у них была одна — главная. И бюджет на всех один. В редком случае, имело место сращивание такого треста с каким-либо банком в форме концерна. Где вскоре банк начинал в таком оркестре играть первую скрипку.

Я же в отличие от имперских фабрикантов свои предприятия строил на принципах холдинга, в котором контролируется собственность, а не оперативное управление. Соответственно бухгалтерия и отчетность у них у каждого была своя. Поди, проверь всех разом. Да и мой 'Бадон-банк' организационно не входил ни в какие объединения с заводами, просто все работали только с ним. Ну, хочется нам так… это если для проверяющих. Но через кассово-расчетный центр банка все финансы моих предприятий были видны мне как на ладони в любой момент.

Временные трудовые коллективы разработчиков также получали свой бюджет. А уж как Альта умела бюджет проектный раздувать, если перед ней поставить такую задачу… Просто талант. Так что без черной бухгалтерии я уже не обходился. А куда деваться, если денег на все не хватает?

У меня еще динамо машина также буксует, как и ДВС.

А лампочку накаливания я запатентовал сразу же, как только увидел, что мне доступен из 'закромов родины' вольфрам.

Прекрасная получилась весна.

Все получалось и все ладилось. В основном.

Город рос.

Производства запускались и давали продукцию.

Прибыли росли.

Семья окружала заботой и лаской.

Чего еще желать?

Разве что неба…

* * *

Через два месяца ударной стройки огненная печь Муранта выдала первый двух с половиной тонный слиток инструментальной стали с заданными характеристиками.

К утру второй такой же.

Пять тонн в сутки.

Выбрал я этот сорт для первой плавки только потому, что он был в настоящий момент в страшном дефиците в империи. До войны определенная часть инструмента в империю просто завозилась из республики, и так считалось дешевле. А сейчас производитель инструмента готов был платить любые деньги за качественную инструментальную сталь. Ему же также кричали из министерства 'давай, давай!' и сулили всяческими карами, если не даст.

Вокруг в полутемном цеху сновали рабочие в грязных спецовках.

Несло жаром от печи, которую заново загружали сырьем.

Пыхтели паровые машины.

Крутились ремни.

Звякал металл о металл.

— А рельсы когда делать начнем? — спросил я инженера-ренегата.

Инструментальной сталью я был доволен. Мы ее хорошо продадим и со временем окупим хоть часть затрат. Но я обещал герцогу рельсы.

— Рельсы, ваша милость, будут, когда я здесь рельсопрокатный стан поставлю с блюмингом, — ответил мне гордый Мурант, выдержавший экзамен на профпригодность. — Но для него эта печь мала будет. Из этого слитка получиться всего шестьдесят пять — шестьдесят шесть метров рельса. А стан может прокатать в сутки больше километра.

— И какой ты видишь выход?

— Ставить еще печи. Мощнее.

— Где я тебе еще полмиллиона найду? — сплюнул я на грязный пол цеха.

— Так я их еще не истратил, ваша милость. — улыбнулся Мурант. — На еще одну печь мощностью в тридцать тон и на прокатный стан денег еще хватит. Но вот потом… Потом

придется еще печку ставить.

— Вымогатель, — только что и смог сказать я, скорее выхохнуть.

Ага… Завалил я Рецию рельсами. Километр в сутки. В год полторы сотни километров дороги однопутной. Всего. А еще рельсы для конки нужны.

— Зато, ваша милость, рельса будет литая, а не сварная как сейчас делают. С заданной заранее характеристикой стали. А это дорогого стоит. Такой рельс и служит дольше и делается быстрее.

— Рельсов надо много. Много.

— Не проблема, ваша милость. Поставить еще один прокатный стан.

Инженер был просто непробиваем. Казалось что он задумал тут мне второй Магнитогорск поставить.

— И еще одну печку? — покачал я головой.

— И еще одну печку, ваша милость, тут места хватит на десяток.

— Тогда и печку надо ставить на четверть миллиона тонн сразу.

— Надо считать… — протянул инженер. — В теории такое возможно, но на первый план вылезет ритмичность поставок топлива и сырья. Сможете обеспечить? Хотя бы чугуном?

Ты еще мне тут домну поставь, — буркнул я. — мне только такой коптилки тут и не хватает. Нет тут ни руды и угля рядом. Все возить надо.

Видно вид у меня был злой, раз Мурант резко сократился в желаниях.

— Можно и металлоломом… — осторожно произнес инженер, внимательно смотря на мою реакцию. — Для конверторов он бесполезен, а нам только дай.

Но вышел я из цеха относительно удовлетворенным. Есть чем отчитаться перед герцогом. И есть чем заманивать уже частных акционеров в миноритарии нового акционерного общества 'Рецметалл'.

Даже пять тон стали в сутки с заранее заданными характеристиками это… это… просто хай-тек какой-то. В конце мая на полигоне гусеничный трактор с двигателем Урс-82 бодро таскал шестидюймовое двусотпудовое орудие с бешеной для этого мира скоростью в 20 километров в час.

Сам тягач был оформлен для этих мест и времен очень необычно. Трехместная открытая кабина впереди (водитель за рычагами по центру), деревянный кузов с откидными бортами, где можно возить как орудийный расчет, так и боезапас в ящиках.

Тягач на глазах высокой комиссии из имперского ГАУ

объехал полигон и вывел пушку на боевую позицию, затолкав ее в орудийный дворик задним ходом. Расчету осталось только отцепить орудие и привести его в боевую готовность. Уложились в нормативное время, что никогда не получалось когда расчет двигался вслед за своей пушкой пешим ходом.

Князь Урагфорт выглядел потрясенным, но сдерживал эмоции, как и полагается очень большому начальнику. А вот его свита не удержалась от восхищенного свиста.

Еще бы… Восьмерка битюгов таскает такую пушку со скоростью пешехода. Они и стартовали одновременно с тягачом, но безнадежно отстали.

— Как, говоришь, называется этот аппарат? — повернулся генерал ко мне.

— Всепогодный вседорожный артиллерийский тягач производства компании 'Рецкие дородные машины' с новейшим паровым двигателем мощностью в восемьдесят две лошадиные силы, — ответил я. — Сокращенно РДМ-АТ.

— Тягач, значит… — протянул начальник ГАУ и тут же переспросил. — А восьмидюймовую мортиру он потянет?

— Потянет, — уверенно ответил я. — Только не так борзо. Она же в полтора раза тяжелее будет.

— Что скажешь? — повернулся князь к полковнику из своей свиты.

— Я просто в восхищении, экселенц, — ответил тот. — Это какой простор для маневра корпусной артиллерии открывается.

— Господа, стрельбы проводить будем? — обратился к комиссии целиком.

— Что мы не видели как стреляет шестидюймовка? — свысока так ответили мне.

— Да нет. Я хотел вам продемонстрировать новый бомбомет.

— Показывай, — разрешил князь.

Я махнул рукой, и на смотровое поле выехала четверка битюгов с большой фурой.

Расчет моментально высыпал на грунт, и стал вытаскивать детали станины. Через пять минут она была собрана. Направляющие закреплены. Бомбо-ракеты вставлены.

Залп.

Шесть дымных шлейфов прочертили в ясном небе свои параболы и упали в траншеи учебного городка.

На капитана Щолича было больно смотреть, как разрушают его детище. Однако товар надо было показать лицом. А окопы ему восстановят. Пленных дам на такое дело.

Дав три залпа, расчет также быстро разобрал установку залпового огня, сложил ее в фуру и уехал со смотрового поля.

— Пошли, посмотрим, что там они набедокурили, — позвал Урагфорт свою свиту.

Все стадо штаб-офицеров и генералов покорно пошли за вожаком на учебное поле.

— Молодец, Савва, не подвел, — шепнул мне герцог и сел в двуколку, которой правил его кучер, поехал за столичными гостями.

Когда генералы освободили наблюдательный пункт, подошел Щолич.

— Еще одну школу открываем? — спросил как бы невзначай.

— Как захочешь, — уклончиво ответил я.

— Конечно, хочу, — с жаром отозвался капитан. — Только инструкторов дай.

— Ох, Милютин, Милютин, — притворно выдохнул я. — Тебе дай мед, да еще и ложку…

Капитан обиделся.

Я поспешил успокоить.

— Да дадим тебе гражданских инструкторов из РДМ, но не навсегда. Своих растить будешь.

А сам подумал, что к водителям-испытателям из РДМ прикреплю я солдат местных, рецких, пусть они и становятся инструкторами на полигоне. Осталось только отобрать грамотных и со знанием имперского языка. Но спросил его другое совсем.

— Банкет приготовил?

— А то? — отозвался Щолич. — Повара из дворца с утра шустрят. Целой командой. Мне только солдат дать им в помощь и осталось. Герцог же здесь. Кстати, контрразведка что-то бегает у меня тут как наскипидаренная со вчерашнего. Конных стрелков нагнали. Всю округу прочесали…

— Не обращай внимания. Они у нас бароны свои. Рецкие. Не Тортфорты какие. Дел не шьют. Реально шпионов ловят. Даже успешно.

Капитан на минуту замолчал и предупредил.

— Возвращаются.

— Принять вид бравый и слегка придурковатый, чтобы умным видом не смущать высокое начальство, — скомандовал я.

Щолич задорно засмеялся. Не слыхал парень земных анекдотов. Когда комиссия ГАУ вернулась на наблюдательную площадку, князь Урагфорт недовольно сказал.

— Баловство все это. Бомбометы твои, Кобчик. Шуму много, толку нет. Только что заставить противника на время попрятаться по норам.

— Уже хорошо, ваше превосходительство, — ответил я, — Пока враги прячутся можно пустить пластунов с ножницами для

резки проволоки на нейтральную полосу.

— А в это время ваши бомбы, которые летят, как хотят, попадут по своим же, — высказал свое мнение седой майор, самый младший чин в комиссии.

— Зато их можно выпустить много, — возразил ему Щолич который обычно старшим по званию старался не возражать. — И стоят они копейки, по сравнению со снарядами. А еще ими можно ставить дымовую завесу.

— Капитан, покажите им миномет, — попросил я Щолича.

— Да видели мы ваш миномет, — недовольным тоном отозвался полковник из свиты князя.

— Видели, — подтвердил начальник ГАУ. — Когда на вооружение принимали. Вся его разница от настоящей мортиры только что дешев и легок. Но мортира стреляет точнее и ДЗОТ пробивает.

— Но вы же не сможете дать по мортире каждому батальону, ваше сиятельство? — сказал я несколько ехидным тоном.

— Не смогу, ваша милость, — вернул мне князь ехидную улыбку. — Поэтому вашу трубу и приняли на вооружение. Кстати концерн 'Лозе' включился в эту программу, только в калибре сто миллиметров.

— Лучше сто двадцать — непроизвольно вырвалось у меня.

— Поясните, — князь поднял правую бровь.

Я пояснил.

— Вес орудия примерно одинаковый, а мина будет мощнее. Только этот миномет уже полкового уровня. Средство усиления, а не непосредственной поддержки.

— Я им подскажу, — пообещал князь. — Вы сами такой калибр делать будете?

— Для рецкой горной армии такой мощный и тяжелый миномет без надобности. Но вот семидесятимиллиметровый распространить для обычной пехоты, почему нет. Как насытим горные войска, так и начну поставки. А пока все идет в те горнострелковые бригады, которые будут менять своих товарищей на южном фасе западного фронта.

— Это да… — вклинился в наш разговор герцог. — Тут моя рука первая, ваше сиятельство.

— Не смею с вами спорить, ваша светлость, — слегка склонил голову князь.

— Тогда пойдемте скромно перекусим, — примирительно предложил Ремидий. — Я так понял, что артиллерийский тягач на вооружение вы берете?

— Только вместе с обученными водителями, — уточнил Урагфорт.

— Ну, за этим дело не станет, — отмахнулся герцог. — Щолич?

— Я здесь, ваша светлость, — моментально отозвался капитан.

— Потянешь еще одну школу?

— Если прикажете, ваша светлость.

— А и прикажу. Кобчик…

— Я здесь, ваша светлость, — вытянулся я в струнку.

— Сколько машин можно выделить в такую унтер-офицерскую школу в качестве учебных пособий?

— В данный момент одну. И в ближайшее время еще пяток. А поток будет, когда новый двигатель запустим в линию в 'дорожных машинах'.

— Он может работать на угле? — спросил полковник из ГАУ.

— Нет. Только на керосине, — пояснил я.

— Плохо, — вырвалось у полковника.

— Уж керосина мы вам дадим, сколько сможете увезти, — хмыкнул герцог и как бы подвел черту под обсуждением. — Щолич, примите мое удовольствие вашим образцовым хозяйством. Поздравляю вас старшим лейтенантом моей гвардейской артиллерии. Вот за это сейчас следует выпить.

Потом герцог оглянулся на полигон, ничего не сказал и двинулся в сторону павильона, в котором накрыли столы.

Остальные с довольными улыбками потянулись за ним. Всем было известно, что герцог хлебосолен и щедр на угощение.

Только Щолич остался стоять на месте с пустыми глазами и дурацкой лыбой на лице.

— Майорские погоны тебе подарить или сам купишь, — подколол я его, но он даже не отреагировал и я оставил его на месте переживать свой звездный час.

Шел я в павильон последним и обдумывал осенившую меня идею. Следующая машина на базе тягача будет трелёвочник. Хватит за лес переплачивать. Пора и свои делянки в предгорьях осваивать. Вдобавок большой рутьер приспособить под лесовоз будет вообще просто. Бревен пятнадцать тот потянет запросто. А то и больше, если не по горкам. К тому же вполне возможен и такой гешефт — менять ценные породы дерева из Реции на северную сосну. Мы им эшелон, они нам десять. А если на месте лесозаготовок еще и пилораму с локомобилем поставить, то…

8

Урс в отличие от будвицких корифеев меня не подвел. Он сделал мне то, что я его просил в рекордные сроки — через месяц. Сначала форсировал свою паровую машину до 105 лошадиных сил, уменьшив ее вес до 107 килограмм. А потом и вовсе выдал 150 'лошадок' при весе в 85 кило. У него все давно было рассчитано, не было только соответствующих дефицитных материалов. Того же алюминия к примеру. Я же ему все потребное через имперское Министерство промышленности достал. И дело пошло быстро.

Особенно после того как я подсказал, что крайне необходим водяной фильтр потому как солдатики заливать воду будут из соседней лужи и хоть кол им на голове теши. Дистиллятор для воды не везде поставить можно, тем более на фронте. Водяной фильтр потянул за собой топливный и воздушный. После чего 150-сильную машину поставили на стенд работать непрерывно до полного ее выхода из строя. Я захотел определить ее реальный ресурс.

Сказать, что я ликовал, это не сказать ничего. Я получил пропуск в небо. Свой собственный. Не зависящий ни от кого.

И первым делом на аэродроме стали строить два больших ангара…

Но не буду забегать далеко. Расскажу по порядку.

Плотто прилетел в Калугу сам, как только мы соорудили в городе причальную мачту. Делал он обычную навигационную проверку нового маршрута, пока на восточном фронте затишье.

Встречали мы его торжественно с оркестром и флагами, реющими по ветру. Сам герцог выбрался на мероприятие из своих предгорий. С ним оба графа-наследника с Альтой и Эликой.

Огромный цеппелин, раза в полтора больший 'Черного дракона' завис над городом и стал медленно снижаться, периодически плеская водой на причальное поле. Балласт сбрасывал.

Скинули с гондолы причальный канат, который на земле быстро срастили с приемным, и стали этот гигантский пузырь вручную притягивать к мачте. Ага… На веревочке. Смотрелось смешно.

Размеры нового творения мастера Гурвинека поражали любое даже самое развитое воображение. А передняя гондола, казавшаяся такой маленькой в небе, вблизи оказалась больше двух железнодорожных вагонов. А еще кормовая гондола тоже была немаленькой.

Сюрпризом для нас Плотто привез с собой пассажирами не только ожидаемого давно уже в наших краях Вахрумку, но и самого мастера Гурвинека, который сильно заинтересовался паровой машиной Урса. А когда из гондолы вылезли Гоч и Шибз, я понял, что у меня сегодня будет праздник. Надо только быстрее это мероприятие свернуть.

Роту солдат с винтовками пришлось ставить в оцепление, чтобы сбежавшаяся восторженная толпа горожан — да-да, уже наших горожан, не повалила забор и не разнесла дирижабль на сувениры. Раньше они цеппелины видели только в небе, когда они пролетали над нами от Риеста до имперской столицы. Но там на высоте они казались маленькими.

Пришлось с тракторного завода подогнать артиллерийский тягач в качестве импровизированной трибуны и устроить незапланированный митинг.

— Зачем все это? — спросил недовольный герцог, любитель камерной обстановки, оглядывая восторженную толпу, сдерживаемую солдатами.

— Надо дать толпе выпустить пар, ваша светлость, — ответил я, — не то устроят давку вплоть до человеческих жертв. Воздушное судно поломают еще. А так послушают ораторов, успокоятся, устанут, проголодаются и разойдутся.

— Мне что делать-то, Савва? Стар я стал для таких мероприятий, — буркнул герцог.

— Вам надо, ваша светлость, первым сказать краткую речь. Приветственную. Такова сложилась структура момента. Надо, ваша светлость.

Припомнил я как герцог, тогда еще рецкий маркграф, напутствовал нас — добровольцев на присяге на главной площади Втуца и понял, что за прошедшие три года Ремидий сильно сдал, что тщательно скрывал даже от своего ближайшего окружения. Даже его седые усы, ранее так задорно торчащие вверх опустились ниже губ. Перестал герцог за ними следить.

Пока адъютанты подсаживали своего монарха в кузов тягача, я подозвал к себе начальника калужской полиции и пригрозил с глазу на глаз.

— Если хоть одна сволочь будет в толпе торговать напитками и едой, виноватым будешь ты. С оргвыводами. А если, не дай ушедшие боги, кто-то станет торговать пивом или вином, то минимум что тебе светит — штрафная рота на западном фронте. Рядовым. Понятно?

Суперинтендант полиции был опытным чиновником. Одним из первых имперских граждан в Реции и карьеру сделал в столичном Втуце. Хоть и был он несколько медлителен и

патриархален, но два раза ему объяснять не пришлось.

— Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство, — заверил меня начальник городской полиции и с легкостью молодого гиппопотама побежал исполнять поручение, на ходу нахлобучивая фуражку на белобрысую голову.

Раздобрел он вширь, с тех пор на пост суперинтенданта заступил в Калуге. Администратор он был неплохой и криминальную полицию в городе наладил просто образцово. Не говоря уже о патрульно-постовой и участковой службе. Я лично считал, что для такой огромной стройки уровень преступности у нас был очень низкий. Хотя тюрьма уже имелась.

Никаких организованных сообществ типа Ночной гильдии Будвица у нас не было. Давили их в зародыше на уровне создания банд. Даже рэкета в городе не было после того как первых залетных имперских рэкетиров публично повесили на вокзале.

А 'красную крышу' я превентивно заменил прозрачным официальным 'Фондом содействия калужской полиции'. И сам сделал в него первый взнос. На средства этого фонда мы закупали оборудование и снаряжение, которое не было предусмотрено бюджетом герцогства. В том числе и выдавали денежные премии самим полицейским за разгром банд.

Но тут мероприятие случилось знаковое, хоть и спонтанное, но политическое, по сути.

Эх, репортеров мало… Только от нашей городской газеты 'Калужская правда'.

И фотограф только со штаба строительства крутится тут с помощником.

Дальше были речи в медный рупор. И все равно слова, произнесенные с импровизированной трибуны, ветер относил в сторону подрагивающего на расчалках воздушного судна.

Залез я и сам на эту трибуну дирижировать действом.

Наш препод по философии в академии рассказывал как он во время перестройки, еще студентом, подрабатывал он ночным экскурсоводом у трех вокзалов в Москве. На автобусах. Поначалу он ставил 'весь автобус' посередине Красной площади и долго, часа полтора, рассказывал им разные вещи, которые они не могли знать из-за только что отмененной коммунистической цензуры. Но экскурсанты постоянно уходили чем-то недовольные. И вот как-то он провел эксперимент. Водил всю толпу по кругу, останавливал у каждой башни и давал кратенькую, не больше пяти минут, характеристику места. Времени и сил на это уходило меньше, а народ был доволен — им показали все!

Так и тут. Речь должен толкнуть каждый. Пусть даже все говорят одно и то же. Так даже лучше. Нам толпу не зажигать

надо, а успокаивать. Она и так взбудоражена видом небывалого воздушного судна.

Все прошло, слава богу, прилично. Без эксцессов. Я держал речь последним, и она состояла из одних лозунгов как у Остапа Бендера в городе Удоеве. После моей последней фразы, что 'каждый имеет право не только на труд, но и на отдых' и что в городском саду сегодня весь день будет играть духовой оркестр горнострелковой бригады, толпа потянулась за новыми развлечениями в новое место. Тем более что там торговать едой и напитками никто не запрещал.

* * *

Официальный банкет провели в ресторане только отстроенной четырехэтажной железнодорожной гостиницы 'Экспресс'. Стояла она напротив недостроенного железнодорожного вокзала Калуги, через привокзальную площадь на 'благородной' стороне и была оформлена с ним в единый архитектурный ансамбль, в котором главной фишкой стали узоры из красного кирпича, как в здании Исторического музея на Красной площади земной Москвы. В перспективе как задумали мои архитекторы, так должны выглядеть все здания на этой площади.

Собственником 'Экспресса' выступала моя железнодорожная компания. Проект был стандартным для отелей моего мира уровня трех звезд, но здесь такая обстановка временного жилья была в новинку. Помноженная же на традиционную услужливость местного сервиса она давала просто великолепный эффект. Особенно при дефиците в городе любого жилья люксового класса. А тут даже швейцар на входе выглядел как камергер в парадном обличии. Весь в бороде и золотых галунах.

Рядом строили льготную гостиницу квартирного типа для инженеров-путейцев как в Будвице — 'Колесо'. Но ее уже в складчину со всех заинтересованных компаний, живущих с рельса. Внешне ее фасад ничем не будет отличаться от 'Экспресса', а вот внутри это обычный многоквартирный дом со всеми удобствами на четыре подъезда и закрытым чугунной решеткой двором с суровым дворником. Я помнил, как Элику раздражал проходной двор такой гостиницы в Будвице. Первый этаж на внешнем фасаде будет отдан магазинам, арендная плата с которых позволит уменьшить квартплату самим железнодорожникам. А дальше, кто захочет, тот сможет себе построить домик в поселке у разъезда, место на генплане для

такого расширения мы оставили.

Герцог, когда я его попросил перерезать красную ленточку на входе, очень удивился такому обряду.

— Новый город, ваша светлость, новые обряды, — улыбнулся я, подавая ему золотые ножницы.

Обстановка была для герцога камерной. Гостей не более сотни. Никого 'с улицы'. Его свита, офицеры дирижабля, гости из Будвица и наш городской бомонд.

— Все речи мы уже сказали там. На летном поле, — заявил герцог, когда все расселись за большим столом поставленным 'покоем'. — Так что давайте просто выпьем за то, что наш новый город Калуга действительно стал портом всех трех транспортных стихий. За то, что благодаря энергии барона Бадонверта этот город становится не только нужным нашему герцогству промышленным центром, но еще и просто красивым местом. За тебя, Кобчик.

И герцог с удовольствием выпил им же привезенного с собственных виноградников зеленого вина.

Затем все проголодавшиеся сдерживая жадность, приступили к трапезе под журчащие звуки арфы.

Арфистку я выписал из Отогузии. Давно еще где-то вычитал, что в самых классных ресторанах Европы играет арфа, вместо пошлого вокально-инструментального ансамбля лабухов только давящего уши запредельной громкостью и собирающего мзду с захмелевших 'продолжателей банкета'.

Нет… Это место в моем городе будет особым. Кухня народов мира по дням. Столько классных кулинаров оказалось среди пленных. Грех было не воспользоваться. Надеюсь, что после войны хотя бы половина их останется здесь на постоянное жительство.

Ресторан рангом пониже планируется открыть и на самом вокзале. Зато круглосуточный.

Кроме герцога со свитой, которые ушли ночевать в свой поезд, всех разместили в отеле, благо места пока хоть отбавляй.

* * *

Проснулся среди ночи и вспомнил, что вот также я, после презентации 82-сильной паровой машины Урса вскочил под утро, вспомнив во сне, что читал как-то в интернете о самолете с паровым двигателем. Который летал!!!

И все срослось… Зря что ли заставлял я пленных с самого начала взлетно-посадочную полосу равнять.

На следующее утро первым делом, обобрав всех кого можно на рельсы, отдал приказ протянуть железнодорожную ветку до будущего аэродрома.

Одновременно построили там два ангара и ремонтную мастерскую.

Для большого ангара, куда предполагалось заталкивать ночевать дирижабль, место я также выделил, но к строительству его так и не приступали пока. Дирижабли — это уже вчерашний день. Хотя с двигателями Урса они могут получить здесь второе рождение.

Я не шибкий авиастроитель, но кое-что знаю, кое-что видел, до чего местным придется догадываться методом проб и ошибок, хуже того — катастроф.

Той ночь. Я, заботливо укрыв одеялом спящую Элику, пошел к себе на первый этаж в кабинет — чертить.

На эскизе получилось что-то похожее на самолет из кинофильма 'Служили два товарища'.

Сварная ферма из стальных труб с открытой гондолой. Двигательная группа по центру с толкающим винтом. Кабина впереди. Большие неубирающиеся колеса шасси. На хвосте скользящий костыль.

Биплан с двумя стойками с каждой стороны. Расчалки. Элероны из дерева. Обшивка — тонкая и прочная перкаль. Лак бы еще подобрать подходящий, чтоб не мокла.

В кабине речка управления костылем. Вправо-влево, вверх-вниз. Педали с тягами на хвост — к горизонтальному рулю. Тяги все из проволоки.

Из приборов только 'горизонт' есть. На дирижаблях такой стоит на вертикальном штурвале. И высотомер.

Жестко закрепленный 11-мм гочкизовский ручник по правую сторону от кресла. По левую — держатели для дисков. Наводить всем телом самолета придется. 11 миллиметров только потому, что только к нему есть у нас трассируще-зажигательные боеприпасы.

Прицел простой коллиматор, просто нарисованный на прозрачном стеклянном ветроотражающем козырьке. Пристреливаться придется заранее на земле на определенное расстояние.

Поглядел еще раз на эскиз. А что… в первую мировую таких аппаратов летали сотни. И у меня полетит. Не может не полететь.

Вот и все. На следующий день я создал группу энтузиастов на проект 'Уничтожителя дирижаблей'. Ребята все молодые, образованные идеей загорелись и пахали как проклятые.

Завтра повезу Плотто знакомить с его смертью. Дурацкая

шутка. Не приведи ушедшие боги.

Хорошо, что он Шибза с собой прихватил — будет кому для истории запечатлеть первый полет аппарата тяжелее воздуха. Ну как первый… Первый публичный. Пяток невысоких подлетов на аэродроме мы уже сделали. Даже сфотографировали. А у Шибза кинокамера есть на дирижабле.

Самое смешное, что летает такой паровой самолет практически бесшумно. Только шорох от винта стоит, типа как от вентилятора.

— Что это, Савва? — спросил командор, когда солдаты открыли двери ангара, в котором в затемнении стояла ажурная сварная конструкция на колесах.

— Это, Вит, пионер заката эпохи воздухоплавания, — гордо заявил я — Летательный аппарат тяжелее воздуха. Плоскости только перкалью обшить, да кокпит жестью обтянуть для лучшей обтекаемости воздуха. И можно лететь. Вон у стены пропеллер стоит.

— Паровая машина Урса, как я понял? — Плотто обошел недостроенный самолет со всех сторон.

— Она самая.

— Работает на чем? Керосине?

— Именно так.

— Сколько ест горючего?

— Точно не знаем. Могу сказать только, сколько эта машина потребила на стенде.

— Меня интересует расход топлива в полете, — Плотто снял кепи и, не выпуская его из руки, почесал затылок.

— Полечу — узнаем, — пожал я плечами.

— Сам собрался лететь?

— Ну а кто же?

— Не-е-е-ет, Савва, так дело не пойдет. Я запрещаю тебе летать. Разобьешься, кто машину доделает с учетом ошибок? Я тебе парочку мичманцов пришлю. Как ты говоришь, безбашенных. Они станут твоими испытателями, тем более все свободное время только и спорят о возможности летательных аппаратов тяжелее воздуха.

— Я думал, ты вообще эту идею зарубишь, — ухмыльнулся я.

— Какая скорость у него будет? — не обратил командор на мою сентенцию.

— Километров сто тридцать-сто сорок в час где-то по расчетам. Но если сделать планер более обтекаемым, то еще прибавить можно, движок потянет.

— Годится.

— А что случилось?

— Завтра, наверное, уже будет во всех газетах. Островитяне тремя дирижаблями бомбили нашу базу флота на северном море. Никого не утопили, но сам факт. Зенитки оказались слабо эффективные. Там либо все баллистические расчеты надо менять, либо другие снаряды применять, а не шрапнель. А такой истребитель дирижаблей будет в самый раз. Главное догонит. Не маловато будет иметь один пулемет?

— Больше планер не потянет. Нужна совсем другая конструкция.

— Вот и делай другую конструкцию, а сам летать не смей. Приказываю тебе именем императора.

— А в бой? — спросил я с надеждой.

— В бой пойдешь только тогда, когда самолет испытают и докажут что он может летать. Летчиков мы найдем и обучим. А вот такую голову, что придумывает такие штуки вряд ли. Понял, Савва?

— Что уж тут не понять… — шмыгнул я носом. — Обидно только.

— Кобчик, вы капитан-лейтенант воздушного флота или кто? — прикрикнул на меня командор.

— Отставной капитан, — буркнул я.

— Ну, так марш на медкомиссию, — рявкнул Плотто. — Развел тут, понимаешь, студенческий салон с барышнями.

— Знаешь что, капитан-командор, — упер я руки в боки. — Потрудитесь для начала правильно титуловать камергера его светлости и коммерции советника. И так как я в данный момент старше вас не только по рангу, но и по чину, то ваш приказ вынужден игнорировать. Аппарат — моя собственность, построен на мои деньги и я буду делать с ним что хочу и как хочу. Тем более на первом прототипе мною уже совершены рулёжки по полю и подлеты. То есть взлет и посадка таким аппаратом под моим управлением произведены. Неоднократно, что характерно. Подняться выше двадцати метров помешало только то, что укороченный дирижаблевый винт совершенно не подходит к моему аппарату, в данный момент его заново обсчитали и вытачивают новый.

Я повел Плотто в соседний ангар и показал ему биплан на четырехколесном шасси, очень похожий на британский 'Вуазен' времен первой мировой войны. Он был полностью готов, но стоял без винта. Он также сделан по толкающей схеме, а поднят на высокое шасси только потому, что винт от дирижабля был очень большой, больше чем нужно.

— Вот на этом я уже летал. Низенько, правда, но летал. Так что первый летчик империи — я, Кобчик. И это

задокументировано. В том числе на фотографиях. Газетчиков только не звали из соображений секретности.

Плотто молчал, сжав губы.

А я продолжал.

— Хочу летать и буду летать. И никто мне в этом не указ. Так каков будет твой положительный ответ?

— Делайте что хотите, ваше превосходительство, — сказал Плотто и, не прощаясь, повернулся и ушел по полю к дирижаблю пешком широким шагом, отмахивая здоровой рукой.

Ушел и даже не обернулся.

Мне показалось, что я потерял друга. Но маршировать у себя на голове никому больше не дам. Хватит.

* * *

На следующий день все офицеры-воздухоплаватели теснились у меня в ангаре. Ощупали все что можно. Спорили до хрипоты с моими инженерами-авиастроителями. Сравнивали плюсы и минусы воздухоплавания и авиации, представленной пока что двумя аэропланами из которых один калека, а второй вообще не готов.

Показывал им фотографии подлетов над аэродромом. Журнал испытаний с подписями всех свидетелей.

Только Плотто не пришел.

Обиделся на меня.

Мне об этом Шибз рассказал. Он притащил свой фотоаппарат и снимал меня на фоне первого прототипа, который для этого выкатили под солнышко. Он внешне больше смотрелся карикатурой на самолет, если не знать что он уже отрывался от земли.

— Иной раз мне кажется, Савва, — сокрушенно сказал Данко когда все убрались из ангара и мы, сидя на ящиках, вдвоем пили водку под керосиновой лампой, — что ты желаешь быть на каждой свадьбе невестой и на каждых похоронах покойником. Шарахает тебя из стороны в сторону. То ты оружейник. То ты боронемастер. То ты химик. То ты самолетостроитель. Я уже не говорю о том, что каждой этой области ты еще и фабрикант.

Шибз был в партикулярном костюме, но я провокационно спросил, проигнорировав его вопрос.

— Данко, а ты чьи погоны носишь? Моласа или Плотто?

— Ты и со мной хочешь поссориться. Савва? — оторопел фотограф.

— Не хочу. Но мне интересно.

— Не ношу я погон, Савва. Я придворный служитель, королевский фотограф. Мне этого достаточно. Если его величество, как командующий фронтом, не отказывает тому же Моласу использовать меня в воздушной разведке, кстати, с твоей же подачи, то я как патриот своего королевства от этой работы не отказываюсь. Я принципиально гражданский человек и в имперские граждане не рвусь. Я вообще в жизни люблю только фотографировать.

— Когда война закончиться, покажи свои пленки людям. Я уверен, что им будет настолько интересно, как выглядит планета с высоты птичьего полета, что они даже деньги платить за это станут. Или спектакль с актерами сними.

— Что толку с того спектакля если люди не услышат что актеры говорят? А главное как они это говорят.

— Напиши титры и врежь. А еще лучше для начала сними балет.

— Ага… без музыки. Это не балет уже, а даже не знаю, как сказать…

— Оркестр конечно в маленький зал ты не запихнешь, но пианиста запросто. Зато представь себе, что будет лет через тридцать. Мы сейчас о великих балеринах прошлого имеем только рассказы от тех, кто видел их танец и имел талант рассказчика. А что там, на самом деле, правда… Вопрос веры. А у тебя будет документ. Документ эпохи.

— Ну… не знаю… — не поверил мне Шибз.

— Хороший ты фотохудожник, Данко. Но вот нет у тебя полета мысли…

— Зато у тебя, Савва, все мысли только летают. Хотя город ты построил. Я его, кстати, на пленку снял с высоты.

— Вот видишь…. один документ эпохи у тебя уже есть. Спустя полвека, когда здесь встанет город-сад люди с удивлением увидят из какой грязи и мусора возникла та красота, в которой они живут.

— Да, пока у тебя тут грязновато и пыльно, — согласился Шибз.

— Любая стройка — грязь, — высказал я философскую мысль. — Человек и тот рождается в крови и слизи. А где Гоч? Я его сегодня не видел.

— Во Втуц поехал. На ваш завод.

— Вот жизнь пошла… С партнером и другом повидаться некогда.

— Все-таки ты зря, Савва, Плотто обидел. Он о тебе всегда заботился.

Водка уже ударила по мозгам и меня несло.

— Сначала он обидел меня. Я всего лишь поставил его на место. Ишь, раскомандовался тут… Я ему не подчиненный. И чином повыше буду. Я имперский рыцарь, а не его матрос.

— Понятно. Пиписьками, значит, тут мерялись, — усмехнулся Шибз. — Как дети, право слово. А тебя еще водка есть?

— Чтобы у меня, да не было? Все есть. Особенно для тебя. Ты настоящий друг. Я помню какую ты компанию в газетах организовал пока я в камере у контрразведке раненый сидел. Все у меня есть, только не здесь. Поехали в отель, там для тебя будет все что пожелаешь. Нет, ты вот мне скажи… Я поднял в воздух аппарат тяжелее воздуха. Первый в мире. А этот солдафон мне рычит 'запрещаю'. Ну, не гад же?

Поднялся. Вышел в створ ангара и крикнул в темноту.

— Эй, там… есть кто живой. Коляску к подъезду.

— Совсем забыл, — поднялся Шибз с ящика. — Тебе большой привет от Маары.

На следующий день все офицеры-воздухоплаватели теснились у меня в ангаре.

Ощупали все что можно.

Спорили до хрипоты с моими инженерами-авиастроителями. Сравнивали плюсы и минусы воздухоплавания и авиации, представленной пока что двумя аэропланами из которых один калека, а второй вообще не готов.

Показывал им фотографии подлетов над аэродромом. Журнал испытаний с подписями всех свидетелей.

Только Плотто не пришел.

Обиделся на меня.

Мне об этом Шибз рассказал. Он притащил свой фотоаппарат и снимал меня в разных ракурсах на фоне первого прототипа самолета, который для этого выкатили под солнышко. Он внешне больше смотрелся карикатурой на самолет, если не знать что он уже отрывался от земли.

— Иной раз мне кажется, Савва, — сокрушенно сказал Данко когда все убрались из ангара и мы, сидя на ящиках, вдвоем пили водку под керосиновой лампой, закусывая остатками моего 'полевого' обеда, — что ты желаешь быть на каждой свадьбе невестой и на каждых похоронах покойником. Шарахает тебя из стороны в сторону. То ты оружейник. То ты бронемастер. То ты химик. То ты самолетостроитель. Я уже не говорю о том, что каждой этой области ты еще и фабрикант, — и засмеялся обидно.

Шибз был в партикулярном костюме, но я провокационно спросил, проигнорировав его вопрос.

— Данко, а ты сам-то, чьи погоны носишь? Моласа или

Плотто?

— Ты и со мной хочешь поссориться. Савва? — оторопел фотограф.

— Не хочу. Но мне просто интересно с кем я водку пью.

Шибз ответил серьезным тоном.

— Не ношу я погон, Савва. Я придворный служитель, королевский фотограф. Мне этого достаточно. Если его величество, как командующий фронтом, не отказывает тому же Моласу использовать меня в воздушной разведке, кстати, с твоей же подачи, то я как патриот своего королевства от этой работы не отказываюсь. Я принципиально гражданский человек и в имперские граждане не рвусь. Я вообще в жизни люблю только фотографировать или на движущуюся пленку снимать, что по большому счету одно и то же. Я художник света и тени.

— Когда война закончиться, покажи свои пленки людям, — предложил я ему. — Я уверен, что им будет настолько интересно, как выглядит планета с высоты птичьего полета, что они даже деньги платить за это станут. Или спектакль с актерами сними.

— Что толку с того спектакля если люди не услышат что актеры говорят? А главное как они это говорят, — возразил он мне.

— Напиши титры и врежь. А еще лучше для начала сними балет.

В отличие от него я знал, что кино ждет блестящая перспектива. Шибз ничем не хуже братьев Люмьер подходит на первопроходца кинематографа.

— Ага… без музыки. Это не балет уже, а даже не знаю, как сказать… — развел он руками.

— Оркестр конечно в маленький зал ты не запихнешь, — убеждал я его, — но пианиста запросто. Зато представь себе, что будет лет через тридцать. Мы сейчас о великих балеринах прошлого имеем только рассказы от тех, кто видел их танец и имел талант рассказчика, чтобы донести до нас свой восторг. А что там, на самом деле, правда… Вопрос веры. А у тебя будет документ. Документ эпохи. С которым не поспоришь.

— Ну… не знаю… — не поверил мне Шибз.

— Хороший ты фотохудожник, Данко. Но вот нет у тебя полета мысли… — заметил я.

— Зато у тебя, Савва, все мысли только летают, — усмехнулся он. — Хотя город ты построил. Я его, кстати, на пленку снял с высоты. Панорама — блеск.

— Вот видишь, — я поднял указательный палец к потолку ангара. — Один документ эпохи у тебя уже есть. Спустя полвека, когда здесь встанет прекрасный город-сад люди с удивлением

увидят из какой грязи и мусора возникла та красота, среди которой они живут.

— Да, пока у тебя тут грязновато и пыльно, — согласился Шибз.

— Любая стройка — грязь, — высказал я философскую мысль. — Человек и тот рождается в крови и слизи. А где Гоч? Я его сегодня не видел.

Действительно Гоч в эту встречу что-то скромно прятался за спины высокопоставленных гостей, у которых я был нарасхват.

— Во Втуц поехал. На ваш завод.

— Вот жизнь пошла… — огорчился я. — С партнером и другом повидаться некогда.

— Все-таки ты зря, Савва, Плотто обидел, — вернулся Шибз к первоначальной теме разговора. — Он о тебе всегда заботился.

Водка уже ударила по мозгам и меня несло.

— Уж не-е-е-ет… Сначала это он обидел меня. Я всего лишь поставил его на место. Ишь, раскомандовался он тут… Я ему не подчиненный. И чином повыше буду. Я имперский рыцарь, а не его матрос, — возвысил я голос.

— Понятно. Пиписьками, значит, тут мерялись, — усмехнулся Шибз. — Как дети, право слово. А тебя еще водка есть?

Фотограф в отличие от меня выглядел совсем трезвым, хотя пили мы на равных.

— Чтобы у меня, да не было? — втянул я воздух ноздрями. — Все есть. Особенно для тебя. Ты настоящий друг, Данко. Я помню, какую ты компанию в газетах организовал, пока я в камере контрразведки раненый загибался. Все у меня для тебя есть, только не здесь. Поехали в отель, там тебе будет все, что пожелаешь и даже больше. Нет, ты вот мне скажи… Я поднял в воздух аппарат тяжелее воздуха. Первый в мире. А этот солдафон мне рычит 'запрещаю'. Ну, не гад же?

Поднялся. Вышел в створ ангара и крикнул в темноту.

— Эй, там… есть кто живой. Коляску к подъезду.

— Совсем забыл, — поднялся Шибз с ящика. — Тебе большой привет от Маары.

— Как она там? — спросил я ради приличия. Я про нее давно и думать забыл.

— Ходит как уточка, живот в руках держит. А кто отец молчит. Заявила что это ее последний шанс стать матерью.

Тут нам и коляску подали.

9

Аршфорт таки взял Щеттинпорт на штык.

На двадцать шестой демонстрации штурма.

Островитяне расслабились и принялись ждать, запасаясь попкорном, когда закончится очередное субботнее представление, называемое 'штурм города'. Но тут сразу в нескольких местах вслед за огненным валом артиллерийских разрывов вклинились в их оборону штурмовые саперные батальоны, снявшие заграждения еще до окончания артподготовки и растекшиеся по траншеям, как только артиллеристы перенесли огонь вглубь обороны. За ними в прорывы лавой потекла огемская пехота, рванувшая вглубь городских кварталов и заходя в тыл обороне.

И понеслась кровавая потеха…

Оборона островитян очень сильная в инженерном отношении с фронта совершенно не была рассчитана на удары с тыла. Тем более что расположение вражеской артиллерии давно уже было выявлено разведкой боем, которой и являлись, по сути, все эти демонстрации штурмов.

Начался штурм с рассветом и уже к полудню над портом, на единственном сохранившемся кране затрепывало на ветру знамя Ольмюцкого королевства.

Империя ликовала.

Одних пушек и гаубиц затрофеили больше сотни.

Сто восемьдесят пулеметов.

Пятнадцать паровозов, стоящих в депо и отстойниках вокзала.

И даже один двухтрубный пароход, который не успел развести пары и удрать по примеру более удачливых экипажей.

Форты береговой обороны к вечеру сдались сами без единого выстрела, потому как их пушки могли стрелять только в сторону моря.

Пленных считают до сих пор.

Потери ольмюцкой армии при штурме оказались вполне приемлемыми для такой операции и гораздо меньшими, чем положено расчетами генштаба для таких случаев.

Фактор давно ожидаемой неожиданности и новые тактические приемы командарма сыграли здесь главную роль. А инструментом победы стал созданный Аршфортом новый род войск — саперы-штурмовики, которых после взятия города король свел в особую бригаду главного командования.

На победителей посыпался двойной дождь наград и от короля и от императора.

Сам Аршфорт стал графом и фельдмаршалом. На плечо его упала широкая лента Имперского креста. Его большие портреты украшали первые страницы всех газет. (Шибз в одночасье стал богатым человеком).

Царцы на огемском фасе восточного фронта никакой активности не предприняли и спокойно наблюдали избиением островитян в городе. Чего не сказать об отогузком фасе фронта, где царцы повторили нечто похожее на осенний прорыв огемцев, отбросив отогузские части обратно к подножию гор. Только бронепоезда не дали захватить им обратно главный перевал.

Через две недели боев фронт снова впал в стабильно летаргическое состояние, уже на новом месте, разве что с бешеной скоростью оплетаясь колючей проволокой и закапываясь в каменистую землю цугульских предгорий.

Знакомый мне уже Куявски стал дивизионным генералом и командиром армейского корпуса. Похоже на царском небосклоне восходила новая полководческая звезда. В один голос все говорили, что вся разработка этого наступления была сделана именно им как начальником оперативного отдела штаба фронта. Его портреты также тиражировали по миру все газетчики.

На западном фронте все обстояло без перемен, если не считать, сколько пехоты клали в землю без пользы обе стороны в беспрерывных бесплодных лобовых атаках.

Но и там выделялся предгорный участок пограничный со Швицем. Командир отдельного рецкого горно-стрелкового корпуса завил, что горы не равнина, здесь так, как воюют имперцы воевать нельзя и запретил своим подчиненным все дурацкие атаки в лоб.

Ремидий на жалобы имперского генштаба отвечал, что его командующий все делает правильно, а вот генштабисты совсем не знают что такое горы. А генерал барон Сарфорт в отличие от генштаба уже выиграл одну войну с Винетией.

По крестьянской привычке я всегда встаю рано. Таким, говорят, бог подает. Пока этого со мной не случалось, не подавал мне ничего бог, но сделать за день удается больше засонь.

Сижу в самом люксовом трехкомнатном номере отеля и пивом опаиваюсь. Похмеляюсь. Заодно газеты читаю.

Шибз дрыхнет во второй спальне без задних ног. А я вот не могу… Голова трещит. Местный кислый пивасик не оттягивает. А кондово похмеляться подобным вчерашнему пойлу одному не положено — так только законченные алкоголики поступают.

Чего я на Плотто-то вчера наехал?

А вот чтобы не разыгрывал из себя моего папика.

Развелось папиков… Всем Кобчик нужен, все хотят Кобчика

попользовать, а вот что надо самому Кобчику, даже спросить не подумают. Эксплуататоры. Кровопийцы.

Денщик притащил еще пива. Другого сорта. Красного, крепкого из новой пивоварни. Горячий бульон и вареные яйца.

Блин, как ни планируй город, а всякие пивоварни, рюмочные, бордели, обжорки с подачей спиртного из-под полы появляются в городе сами как грибы после дождя.

Новое пиво оттянуло, не то, что та моча, которую пил до него.

Вызвал зевающего спросонья секретаря и приказал закрыть первую пивоварню. А если здание построено без разрешения, то снести к чертям собачьим бульдозером. Нечего гадость производить. А вот второму пивовару оформить правильную лицензию. И вообще. Все спиртное, как производство, так и продажу в городе лицензировать. Надо расширять поступления в бюджет.

И вообще пора создавать санитарную службу в Калуге. Напрягу градоначальника. Нечего ему груши околачивать — работать надо.

Не понял…

В распахнутых дверях номера стояла Элика. Платье из полупрозрачной материи просвечивало в лучах утреннего солнца. Зонтик еще… такой же расцветки. В Гоблинце покупали в прошлом году.

Красивая у меня жена…

— Опять пьешь? — Элика крутанула зонт, сложила его и вошла в номер.

Денщик просочился мимо нее в коридор и закрыл за ней дверь. От греха подальше.

— Нет, я не пью. Я похмеляюсь, — ответил я. — Пил я вчера. Ты-то здесь каким ветром? И где Митя?

Элика подошла к столу, положила на него сложенный зонт и сумочку, села ко мне на колени.

— Митя с Альтой дома. А я соскучилась. Села в пригородный поезд и приехала. Скажи, Савва, зачем мне муж, который со мной не живет? Даже с ясыркой нашей не живет? Я еще понимаю, когда ты на фронте был. Там война. Но ты и здесь от нас удрал под предлогом того что строишь этот дурацкий город. Нам нужен этот город? Именно нам. Нашей семье? Или ты нас больше не любишь?

Тут хлопнула дверь спальни. Вывалился всклоченный Шибз в одном исподнем.

— О, простите, мадам, не знал что вы здесь, — бросился он обратно.

— Данко, одевайся и приходи. Тут я тебе пиво припас на опохмел.

— Пиво это просто замечательно, — раздалось из-за прикрытой двери. — Я всегда знал что ты настоящий друг.

Фотограф появился через пять минут полностью одетый, даже свой мягкий зеленый бант, который он носил вместо галстука, успел нацепить и расправить.

— Я рада вас видеть, Данко, — сказала Элика, не делая даже попыток слезть с моих коленей, — Но было бы еще лучше, если бы вы не спаивали моего мужа.

— Баронесса, вы как всегда ослепительно выглядите. Я в восхищении, — фотограф неуклюже поцеловал Элике руку. — А что касается пьянки, то мужчинам иногда нужно так оторваться. Залить себя, чтобы, чтобы не сгореть на работе. Позвольте вас ненадолго покинуть и привести себя в порядок.

Мда… Данко был похож на инопланетянина. Весь зеленый, глаза оранжевые, нос красный, прическа — взрыв на макаронной фабрике. Отходя от стола, он ловко стянул с него бутылку пива, повернулся и быстрым шагом вышел из номера.

— Я, кстати, приехала за тобой, — заявила жена. — Мало того что ты меня еще ни разу не вывез в наше поместье, так еще кому-то пел мою песню. Этого я тебе никогда не прощу.

Действительно сердится. Взгляды молнии мечут.

— Никому я ее не пел, — понял я, что речь имеет о 'Вечной любви'. — Даже не пытался.

— Не рассказывай мне сказок, Савва, — посуровела жена. — На вокзале во Втуце ее поют бродячие музыканты на площади. Как и 'Черного ворона'.

— И че… им за это подают? — спросил я.

— Еще как… Но ты гадкий мальчик. Это была только моя песня, — в уголках глаз жены блеснули набухающие слезы.

Обиделась. Хотя я тут совсем не при делах. Но как ей докажешь?

— Когда ты хочешь поехать в имение? — поменял я тему разговора.

— Сейчас. Пока лето не кончилось.

— Сейчас я не смогу. Надо дирижабль отправить. Управляющих собрать. Распоряжения оставить… — начал я называть ей причины.

— Учти, Савва, я останусь здесь до тех пор, пока ты не увезешь меня отсюда в горы. И всем буду говорить, что ты занят мной. Пусть придут попозже.

— Это шантаж? — поднял я правую бровь.

— Да, — мило улыбнулась Элика. — Еще какой.

И нежно поцеловала меня в губы.

* * *

Весь день жена таскалась за мной хвостиком.

Конечно, приятно видеть завистливые взгляды на твою женщину, но все хорошо в меру.

Семейных пока в городе мало. Шлюх в борделях и тех на всех не хватает. А пленные так вообще некоторые третий год от спермотоксикоза за колючей проволокой опухают. Так что усиленная охрана была не лишней.

Показал жене дирижабль, свои самолеты, двигательный стенд, на котором все еще работал на отказ паровик Урса. Неделю уже пашет, успевай только керосин и воду доливать, да маслом шприцевать.

А Урс еще один стенд ладит, проверочный — как себя двигатель поведет на виражах. Крутить новый стенд будет та машина, которая работает на первом стенде.

— Это хорошая инициатива, — похвалил я его. — Надо еще проверить будет ли твой паровик работать 'вверх ногами'.

— А разве так надо? — удивился он.

— В воздухе везде опора, — ответил я ему словами русского героя Нестерова.

— Ты такой умный, — шепнула Элика, прижимаясь к моему плечу.

— Не подлизывайся, — улыбнулся я и снова повернулся к Урсу. — Завтра к обеду, жду от вас план испытаний на следующий месяц. В мое отсутствие вы руководитель проекта 'Авиа'.

* * *

Озадачив своих авиастроителей, я с Эликой покатил на полигон к Щоличу, обедать.

Заодно посмотреть, как идет испытание платформ, которые я задумал под будущие броневики для прорыва западного фронта. А они отличались несколько от тракторов и тягачей компоновкой. Общим у них только паровая машина Урса и движетельная гусеничная группа на основе ДТ-75.

Выделялся особо прототип бронетранспортера, который задумывался по полугусеничной схеме, типа американского 'скаута' времен второй мировой. Все остальные проекты были

чисто гусеничные.

Классического танка с пушечной башней кругового вращения я даже не задумывал — помнил об их весе еще по бронепоездам. В основном были разной компоновки штурмовые самоходные артиллерийские орудия и пулеметные бронетранспортеры.

— Что ж, более-менее мне все понятно, выглядит все неплохо, бегают машинки задорно, — поглядел я поочередно в глаза группе инженеров 'танкового проекта'. — Когда мне ждать от вас прототипы в броне?

— К осени, вряд ли раньше, ваша милость, — ответил за всех руководитель проекта инженер Хорн. — Есть проблемы с газовой сваркой броневых листов. Особенно гнутых.

— Бросайте вы эти эксперименты с гнутьем брони, — вот упертые, все подавай им округлое, эстеты. — Делайте все угловатое, только учитывайте рациональные углы наклона брони по отношению к нормали, — отозвался я на жалобу. — Чтобы рикошетило.

Повернулся к Щоличу.

— Милютин, у тебя с артиллерией все в порядке на полигоне?

Майор только пожал плечами.

— Пушки только до трех дюймов есть. Минометы в семьдесят миллиметров. Всё. Снарядов полная линейка.

— А больше и не надо. Гоните испытания броневых листов имеющимися снарядами под разными углами. И бронебойными одиннадцатимиллиметровыми пулями от 'гочкизов'.

— Этого нет в смете, Савва, — покачал головой майор.

— Нет, так будет, — ответил я. — А пока дам тебе записку, Альта выделит средства. А потом проведем взаимозачетом с ГАУ.

— Как скажешь… — согласился Щолич. Он давно уверовал, что когда я говорю про деньги, то ко мне надо прислушиваться.

Кстати мы и счет полигона открыли в 'Бадон банке'. Для удобства.

— Как ведут себя новые гусеницы? — снова развернулся я к инженерам.

Хорн почесал затылок…

— Смелее, — подхлестнул его я.

— Лучше, чем те, что были на тракторах. Но все же не фонтан.

— Сколько ходят?

— Где-то триста километров до замены. К этому времени 'лысеют'.

Я подумал, что если до фронта доставлять броневые коробочки железной дорогой, то трехсот километров для

фронтовой операции хватит. А если еще и запасную гусянку взять, то…

— К паровым машинам претензии есть?

— Нет, — отозвался Апин главный инженер по моторам один из немногих рецких горцев ставший инженером. — Котлы и машины уже отработаны в производстве. Детские болезни все выявлены.

— Какой образец, по вашему мнению, фаворит? Вы все же с ними круглые сутки тут.

— Я бы вообще исключил из программы полугусеничный объект, — заявил Хорн.

— Обоснуй.

— Там где по дорогам пройдет простой колесный рутьер, там он не нужен будет только дороги портить. А по бездорожью он сильно уступает просто гусеничным образцам. И к тому же он выходит дороже в производстве. Дороже его делать и дольше.

— Это существенный аргумент, — откликнулся я. — Боевая машина должна быть недорогой, простой в производстве, понятной в эксплуатации и ремонтопригодной в поле,

— Может, все же перейдем к обеду, — напомнил нам Щолич, — А то уже один раз его подогревали.

Элика, скучавшая все это время, глядя на игрушки больших мальчиков, наконец-то за обеденным столом получила свою порцию заслуженных комплиментов.

А после обеда жена изъявила желание пострелять из пулеметов, что и проделала, переодевшись в чистый комбинезон механика, незамедлительно доставленный ей инженерами. Постреляла от души, чем посрамила многих курсантов пулеметной школы. Особенно в стрельбе из ручника. Моя школа.

К вечеру, вернувшись в отель, жена терпеливо отсидела рядом со мной на совещании руководителей городских служб, обсуждавших скучные вопросы водоснабжения и канализации.

— И вот так каждый день, — заметил я ей, когда мы собирались ко сну.

— А завтра что?

— А на завтра я созвал управляющих всеми моими предприятиями сюда. Отдам ценные указания и увезу тебя в Отрадное.

— Правда?

— Нет. Неправда, милая. Совсем из головы вылетело, что завтра во второй половине дня еще проводы дирижабля. Мероприятие, которое мне пропустить никак нельзя. Дипломатия…

А сам подумал, что неплохо было бы с Плотто помириться.

* * *

А утром мне привезли долгожданный пропеллер. Да еще в трех экземплярах.

Так что я еле-еле усидел все совещание с управляющими. Утвердил их планы вперед на квартал. Насчет денег только указал на юг — в сторону нахождения Альты и ее банка.

— Она наш финансовый управляющий, так что лишнюю монетку не разбазарит, — закруглил я совещание.

В ответ на потуги некоторых моих наемных вип-персон пообщаться 'с самим' так сказать персонально, отрезал.

— Все остальное после моего приезда. Подождет. Если вы все запамятовали, так я напомню, что у меня идет отпуск по ранению. Мне лечиться надо.

Вроде пристыдил.

И откинулся на спинку кресла, пережидая, когда управляющие освободят помещение.

Все же неплохой зал совещаний получился в моем отеле. Длинный овальный стол на двадцать четыре персоны. Вдоль окон рядок стульев для референтов. Филенчатые деревянные панели в рост человека красного дерева, одним дизайном с распашными дверями. Выше них побелка с росписью рецкими национальными узорами. Две люстры гнутой бронзы, висящие на деревянных декоративных балках.

Отдельно надо упомянуть водяное отопление. Котельная к зданию отеля пристроена с бойлером.

А еще проект отеля предусматривал настоящий конференц-зал. Там сейчас заканчивается чистовая отделка.

Как я помнил по жизни на Земле, то конференции национального уровня это весьма неплохой бизнес для того кто их принимает. А тут есть, где поселить людей в человеческие условия. Есть, где накормить. Есть, где пленарное заседание провести. А для кулуаров достаточно предусмотрено на этажах рекреаций с декоративными растениями и отдельно комфортабельных курилок.

В зале остались только Гоч и управляющий заводом 'Гочкиз' во Втуце.

— Дорогая, прикажи нам подать чаю покрепче. С лимоном, — попросил я Элику которая по-прежнему терпеливо высиживала все мои заседания.

А пусть… Пусть попробует мой хлебушек, как он достается.

Жестом подозвал партнеров присаживаться поближе. Управляющий заводом нам тоже партнер — у него три процента долей в заводе.

— Что там у вас такого срочного, что вы мне на лбу взглядами дырки провертели?

— Думаю, он это так ради понта из себя большого мальчика корчит, — усмехнулся Гоч, — открывая свой кофр. — А сейчас он у нас плясать будет.

— С чего мне плясать? — возразил я.

— А вот с этого.

Гоч достал их кофра деревянную кобуру своего знаменитого пистолета, вынул его оттуда и положил на стол.

Пистолет как пистолет, разве что ствол длиннее в полтора раза, да толще немного и на первой трети оребрён.

Вслед за пистолетом из кофра появились длинные магазины, которые Гоч ловко вставил в ствольную коробку снизу и, прикрепив к рукоятке деревянную кобуру, подал сей аппарат мне.

— Хотела, ваша милость, пистолет-пулемет, распишитесь в получении.

И лыбятся на меня довольными мордами.

Взял я в руки машинку, повертел. Увидел переводчик огня и спросил заинтересованно.

— Калибр одиннадцать миллиметров?

— Этот — да, — ответил Гоч, — но есть и на шесть с половиной.

— Скорострельность какая?

— Вот тут пока незадача, почти тысяча выстрелов в минуту.

— Понятно… — улыбнулся я в ответ. — Машинка получилась у тебя, твоя милость оружейный барон империи, только для спецопераций. Моласу показывал?

— Савва, ты про меня плохо думаешь. Первому тебе. Даже Гвиндо не показал, — кивнул он на управляющего заводом. — Хотя у него к тебе также есть сюрприз.

Управляющий полез под стол, вынул оттуда самый обычный чемодан, взгромоздил на стол и открыл, разворачивая ко мне.

В углублениях чемодана на черном бархате лежал явно автомат с деревянными прикладом и ложей, вороненым дырчатым кожухом ствола и прямым магазином на левую сторону, как в старых фильмах про Фантомаса. Еще три магазина покоились в отдельных углублениях.

— А теперь плясать будете, ваша светлость? — хитро улыбнулся управляющий.

— Сначала Гвиндо пояснения? — потребовал я.

Управляющий прокашлялся, налил себе в хрустальный стакан воды из графина, вкусно ее выпил и пояснил.

— Эта машинка — одиннадцатимиллиметровый пистолет-пулемет под патрон Гоча с проточкой. Магазин на тридцать

патронов. Кстати у самого Гоча только на двадцать. Затвор свободный. Огонь только автоматический. Скорострельность шестьсот двадцать выстрелов в минуту. Вес пять килограмм со снаряженным магазином.

Взял его в руки. Тяжеловат, конечно, но как писали финский 'Суоми' вообще семь килограмм весил. Однако приемистый получился автомат и разворотистый.

— Ну как вам? — спросил, ожидающий похвалы Гвиндо.

— Постреляю, тогда все выскажу, — ответил я. — Кто конструктор?

— Ваш покорный слуга, — скромно потупил взгляд Гвиндо. — Когда все от этого проекта отказались. Я просто внимательно прочел техническое задание… И вспомнил про свободный затвор который стоял на первых вариантах пулемета 'Гочкиз'. А дальше так, чертил вечерами, но после того как вы прислали нам сначала инструментальную, а потом и пружинную сталь, то все срослось. Плясать будете?

— Что вам сплясать?

— Энгу пляши на столе, — ухмыльнулся Гоч глумливо. — А мы похлопаем.

Горская энга это что-то типа земной джиги.

Когда Элика вернулась с горничной, в руках которой был поднос с чайным сервизом, то обе женщины встали в дверях с круглыми от удивления глазами и открытыми ртами.

А посмотреть было на что. Первый человек города, академик и имперский рыцарь, отплясывал на столе энгу, а два управляющих знаменитой на весь мир оружейной фирмы хлопали ему в такт и подбадривали выкриками

* * *

Отстрелявшись, я вынул магазин из автомата, осмотрел его и спросил Гвиндо.

— Патроны в магазине в один ряд?

— Именно так, ваша милость, — отозвался он.

По полигону еще отдавалось эхо моих очередей. Вокруг нас толпились все офицеры полигона. Интересно же — новое оружие испытывают.

— Сделай их расположение в шахматном порядке. Как в пистолете Гоча. Магазин станет короче и сам автомат приемистей.

— Но в пистолете-пулемете у Гоча также в один ряд патроны в магазине, — возразил мне инженер.

— Это потому что он вставляет свой приставной магазин в бывший неотъемный. А у тебя такого ограничения нет. Ты же не переделкой занимаешься. А делаешь новое оружие с нуля. Простор необычайный. Кстати, ствольная коробка у тебя фрезерованная?

— А как иначе? — удивился Гвидо.

Да… как же иначе, если холодной штамповки у нас еще нет. Только горячая. Но выход всегда есть.

— На заводе хозбыта где делают минометы валяются пятисантиметровые трубы. Для минометов они мне не подошли из-за малой мощности мины, но вот для тебя будут в самый раз. С торца ее нарежешь резьбу под крышку и отфрезеруешь нужные отверстия — вот тебе и готовая ствольная коробка, продолжением которой будет кожух ствола. А вот на срезе кожуха надо замутить какой-либо компенсатор, а то ствол задирает вверх и вправо при длинных очередях. Или сделать отсечку на три патрона. Вижу я. Вижу, что ты делал свою машинку для умного человека. А в армии любое оружие надо делать на дурака, чтобы он его не сломал ненароком…

Дальше мою речь заглушила Элика, с упоением стрелявшая уже из второй машинки Гоча, сразу сделанной как неразборный пистолет-пулемет. Со скелетным прикладом и деревянным цевьем и даже полуторакратным оптическим прицелом. Ствол у этого пистолета-пулемета был еще длиннее, чем у разборной модели. — Имрич, а 'щеку' зачем на прикладе сделал? Снайперской стрельбы все равно не добиться, — помотал я задумчиво головой.

— Так целиться с оптикой удобнее, да и в лоб не получишь затвором. — ответил он.

— Наши генералы оптику сочтут лишней. Давно ли они у нас даже винтовку рассматривали не иначе, как стреляющее копье, — засомневался я. — Если кто и оценит, так все тот же Молас. Он у нас продвинутый. Да и люди у него подготовленные. Не вижу я перспектив большой серии. Патентуй как гражданский карабин для охоты, пока без переводчика на автоматический огонь. — подмигнул я ему.

— Уже… — сознался Гоч. — Я сейчас все сначала в гражданском патентном бюро оформляю и только потом предлагаю военным. Кроме пулеметов.

— Кстати о пулеметах, вернемся на аэродром. Покажу тебе мою потребность в специальном авиационном пулемете, облегченном с большой емкостью магазина.

Элика оставила игрушки Гоча и стоя уверенно расстреливала магазин за магазином из автомата Гвиндо. Хоть картину пиши. Даже от нас было видно, как от мишеней летят щепки.

— Воительница… — восхищенно прошептал Щолич за моей спиной.

— Ты когда последний раз в отпуске был? — обернулся я к нему.

— Давно, — пожал он плечами.

— Тогда поехали с нами в горы. Если не девицу с хорошим приданым, то вдовушку с поместьем мы тебе обязательно найдем. Такую же воительницу. Нельзя жить бирюком. Есть на кого оставить полигон на месяц?

— Ничего не делай сам, если есть хороший зам, — ответил мне майор армейской мудростью. — Кто меня в отпуск отпустит?

— Ремидий, — ответил я. — А то и без него обойдется. Мимо Втуца мы не проедем.

А по поводу вдовушек, прикинул я, надо Альту пораспрашивать. Она там всех в округе знает. Дочка Вальда отпадает сразу, потому как ему нужно приращение земель, а не облагодетельствование нищего майора. Заодно нанесем соседям визиты вежливости, которыми я манкировал в прошлый раз.

— Ваша милость, позвольте получить замечания по конструкции, — вытянулся Гвиндо рядом со столом, на котором лежал его разобранный автомат.

— Ну, держи, — улыбнулся я. — Сам напросился. Для начала поставь простой перекидной целик на сто и двести метров. Этого достаточно, потому что придется укоротить ствол до тридцати сантиметров. На больших дистанциях у этой машинки целей нет. Это 'траншейная метла' и средство ближнего городского боя. Наш потребитель саперы-штурмовики и экипажи броневых машин. Может еще бронепоездов. Для всех остальных это оружие, во-первых, дорогое, во-вторых, прожорливое, в третьих недостаточно дальнобойное и прицельное. Ударно-спусковой механизм надо сделать единым блоком, как у Гоча, чтобы в поле от него детальки не терять.

Гриндо все подробно записывал.

— И это… почему у тебя магазин крепиться сбоку?

— Это чтобы удобнее было с бруствера стрелять, — гордо ответил конструктор. — Уменьшает силуэт стрелка.

— Может что-нибудь подскажут господа офицеры? — обратился я к полигонной свите Щолича.

— Штык добавить, — отозвался саперный лейтенант школы штурмовиков с ленточкой 'Креста военных заслуг' в петлице. — Короткий стилет только на укол. И чтобы крепился постоянно. Не нужен — сложить, нужен — примкнуть. В траншейном бою всякое бывает. Патроны в магазине часто неожиданно кончаются, а перезарядится враг и секунды не даст.

— Предельно упростить неполную разборку. И добавить шомпол для чистки. — добавил незнакомый мне капитан.

— Разбирайся, записывай, учитывай, — похлопал я по плечу Гвиндо. — Ты думал, будет легко? Шпрок несколько лет свою совершенную роторную винтовку пробивал.

— Полегче бы сделать его, хотя бы на килограмм, — пожаловалась подошедшая с рубежа стрельбы Элика, кладя второй автомат на стол и тут же глазками похлопала. — Можно я не буду его чистить?

10

Отпуск Щоличу оформили без напрягов в штабе Рецкой армии. Написал он рапорт. Я приложил свое ходатайство о том, что он с начала войны не был в отпуске. Составили приказ о назначении врио начальника полигона. Шлепнули печати и направили майора в кассу отпускные получать.

Отправил в отпуск также экипаж моего персонального поезда. Машинист был очень доволен. Как раз собирался на своем участке в Калуге домик ставить, так как хозяйку в него он уже присмотрел себе на первом разъезде.

Только стюарду моего салон-вагона некуда было приткнуться. Он у меня все время так и жил в поезде. Его я забрал с собой — пусть хромает теперь по Отрадному. Интригует деревенских девок морской формой и медалью.

Альта оставалась в городе на хозяйстве, а обоим ее сыновьям я с разрешения Ремидия устроил каникулы в привычном для них поместье, где остались у них друзья детства. Воспитатель старшего графа также рад был отдохнуть немного от подопечного. А уж как сам подопечный был этому рад…

Элика, Митя, собака, денщик… няньку оставили с мужем в доме. Найдется в поместье кому с ребенком понянчиться. Путь и она отдохнет от моего спиногрыза.

Пусть все отдохнут!

Тавора отправил с крайним эшелоном в Будвиц, провести отпуск дома. Так что месяц проведем без бисеровых соглядатаев. Хотя Тавор давно перековался из стукача генерал-адъютанта Онкена в моего доверенного экспедитора-челнока по маршруту Будвиц — Втуц. Так ему было денежней. Отвезет эшелон, сдаст груз на дворцовый аукцион, закупит все по выданному ему списку и обратно. Так он уже полгода живет на колесах. Нехило живет, скажу. Персональный почтовый вагон имеет с очень симпатичной проводницей. Обратно в Гоблинце закупается шелковыми чулками и поясами для них и толкает этот товар контрабандистам в обмен на часы. Часы сдает оптом ночной гильдии. Все довольны. Главным образом компактностью и ценой груза.

Охрана, конечно со мной… Но у них служба посуточная, отдохнут. К тому обещал им по скользящему графику на пару недель отпустить в родные хутора. На побывку.

Так что обоз собирали все в приподнятом настроении.

Дорога на восток удивила. Внял герцог моим жалобам. Целых шестьдесят километров было замощено базальтовой брусчаткой,

и кюветы по краям шоссе по инженерной науке выкопаны.

Мостки каменные через ручьи переброшены с учетом глубины и ширины весеннего паводка.

Деревянные мосты через реки. Как пояснили они пока временные. Недовольными остались только паромщики. Перед мостами табличка '20 тонн'. Так что им остались только негабаритные и тяжелые грузы. А как каменный мост сладят грузоподъемностью в 40 тонн, то совсем они без работы останутся.

На шестьдесят втором километре временный лагерь военнопленных и штабеля брусчатки, за кучами песка и щебня. Профиль дороги в глубину метр двадцать. У нас так даже в самые суровые зимы грунт не промерзает.

— Откуда брусчатка, — спросил я инженер-лейтенанта, который руководил строительством. — Да еще базальтовая?

— Каторга тут рядом в ущелье. Там камень и добывают и обтесывают по нашему шаблону. Закончим мы дорогу, станут ее на сторону продавать.

— А как пленные себя ведут?

— После того как по очереди мы показали им каторгу, смирно и трудолюбиво. Некоторые даже рады, что получили в руки такую специальность. Слыхал, что после войны хотят они у себя в царстве артель сколотить и дальше уже там брусчаткой улицы мостить по подрядам. Селянский хлеб в Цугулии трудный.

— Выходит ты для них вроде как благодетель. Профессию в руки дал.

— Выходит что так. Человек десять у меня уже готовые мастера. Можно самостоятельные участки доверять. На века эту дорогу строим.

А вот дальше все было как в прошлый раз. С ухабами и ночевкой под открытым небом.

Не спалось мне. Проверил посты, подсел к затухшему костерку, возле которого курил Щолич.

— Как тебе моя страна, Милютин? — спросил я его подсаживаясь к рдеющим углям.

— Красивая. А небо такое высокое и звезды цветные. У нас они бледные.

— Ты еще в горах неба не видел.

— А это тогда что? — удивился он. Последние полдня мы только и катались вверх вниз по дороге.

— Это предгорья. Самые благодатные места во всей Реции.

— У тебя еще гора есть в собственности, как я слышал.

— Не в собственности, Милютин, а вассальном феоде. Баронский лен. Там у меня предгорий почти нет.

— А поместье?

— Поместье в собственности. У меня, кстати, гвардейский майор Вальд в соседях. Ты его знаешь. Увидишься там, если он приедет. Оторвемся, оттопыримся… Все вино только своего производства. Может, еще уборку раннего винограда застанем, если солнышко попустит. Тогда молодым вином упьемся. Трезвый человек на празднике первого вина — оскорбление для всех. В кустах пели какие-то местные сверчки, настраивая на умиротворение. Будто и нет войны совсем.

— И еще меня гложет, Савва, что когда спросят после войны: а скольких ты врагов убил? Что я отвечу? — проговорил майор, не выпуская травинку из зубов.

— Скажешь, что убил врагов больше всех, — ответил ему я. — Потому как научил драться не одну роту штурмовиков и сотни пулеметчиков. Вот они врагов и убивали твоей наукой. Так что не мучайся совестью. Нет у тебя Солдатских крестов, но и ран многочисленных тоже нет. Меня вот перед каждым дождем выкручивает как прачка белье до первых капель с неба. Думаешь, приятное ощущение?

Щаолич в ответ вздохнул.

— Выходит меня тут на племя оставили?

— А что? Производитель из тебя хоть куда. Любую людскую породу улучшишь, — усмехнулся я и поворошил угля веточкой, которая моментально вспыхнула.

— Ну, ты же в бой сам рвался. Я помню, — не отставал от меня майор.

— Я особ статья, Милютин. Я — оружейный барон, 'пьющий кровь пушечного мяса, и зарабатывающий свое грязное золото на поставках оружия'. Так нас — оружейников, обзывает Лига социальной справедливости. И единственная отмазка от такого клейма — самому пролить кровь на фронте. Потом, что пулемет, что бронепоезд мне надо было самому проверить в деле. Не напортачил ли я где? А ты толковый педагог. Таких мало. Таких, как ты, беречь надо. Офицера худо-бедно в училище слепят, но он без хороших унтеров в роте никто. А унтеров ты делаешь. Так что не майся дурью. Кстати, не у каждого офицера на фронте есть Солдатский крест, тем более Рыцарский. И дело не в том, что он их недостоин, а в том, что он вовремя начальству на глаза не попался.

Ордена дают не там где совершаются подвиги, а там где их раздают.

— Тебе-то грех жаловаться, — заметил Щолич.

— А я и не про себя.

Помолчали.

Душевно так помолчали.

Содержательно.

— Когда у тебя первый выпуск механиков-водителей тягачей? — нарушил я тишину.

— Да вот к сентябрю, наверное. Не простое это дело оказалось. Отсев большой. Не вижу в солдатах заинтересованности, хотя вроде грамотные, читать-писать умеют.

— Возьми плуг и покажи им как на тягаче пахать можно. Враз заинтересованность появиться. Курсанты же у тебя все из крестьян.

— Из крестьян. По двадцать раз все объясняешь. Сам уже наизусть запомнил, — усмехнулся начальник полигона.

— Наставление пиши.

— А разве ты сам его писать не будешь? — удивился майор.

— Некогда мне, — пояснил свою позицию. — Бронеходы ваять надо на базе тягачей.

— Я бы с радостью, но сам-то я как-то в моторах не очень…

— А ты раздели. Одно наставление по тактическому применению тягачей. А второе по регламенту, ремонту и эксплуатации. Первое напишешь сам, а второе дашь написать инструкторам с завода. Только проследи, чтобы было поменьше терминов и написано простыми понятными словами.

— Умеешь, ты Савва, все по полочкам разложить. Аж, завидно, — Щолич выкатил из костра уголек и прикурил от него следующую папиросу.

— А ты не завидуй тому, что не твое. У тебя своего таланта на десять завистников хватит. По гранатам же ручным новое наставление написал. Толковое. У меня бы так четко и ясно не получилось бы.

— Скажешь тоже, куда мне до тебя. Академика.

— Вот опять завидуешь не тому, чему не надо завидовать. Завидуй методистам и педагогам, которые учат лучше тебя. А химия и механика это не твое. И вообще кроме бронеходов я больше наставлений писать не буду. Все на тебе. Кончиться война, а у тебя такая пачка наставлений будет за твоим авторством, что в Академии генштаба не устоят и примут тебя без экзаменов — сразу в ней преподавать, — нарисовал я ему перспективу.

— Я бы за такое выпил… — протянул Щолич.

— Так, только тихо… как сам разведчиков учил… В коляске. Под передним сидением корзинка, а в ней бутылка можжевеловки от Эллпе… Смотри никого не разбуди.

* * *

Что можно рассказывать о семейном отдыхе? Обычно ничего особенного. Все размеренно и монотонно. Развлечения кроме ночного секса только внешние, на концерт там сходить или на пляж. Детей пасти…

Но у нас было кому пасти детей, и я вот заново знакомился с женой. Да-да…

Когда я в армию ушел, она была еще девчонка.

Приехал на побывку — уже мать. И что там той побывки.

В семейной нашей жизни по пальцам можно пересчитать несколько дней подряд, когда мы провели их вместе, да и те в поезде. А тут целый месяц постоянно вдвоем. Везде.

И в лесу на прогулке с детьми.

И в горах вдвоем, где я учил ее мыть золото, а она мне показывала полезные растения.

И на конном заводе, где почти все матки ходили жеребые, радуя глаз хозяина.

И инспектируя многочисленные службы поместья, где моя жена мне дала сто очков форы в ведении хозяйства.

А еще пока я лазил по своим стройкам, Альта научила Элику счетоводству. Вздумалось мне как-то книги проверить, а оказалось жена уже этим занимается и управляющий стоит перед ней красный как помидор и потеет обильно. Для меня это стало откровением.

После этого я взял за обычай с ней на прогулках беседовать на отвлеченные темы. И, оказалось, есть о чем кроме детей и хозяйства… Я всегда видел, что жена моя красавица, да еще и блондинка и заранее был снисходительно настроен к ее интеллектуальным способностям. Тем радостнее пришло осознание в собственной ошибке.

И еще мы ездили с визитами по соседям. Устраивали смотрины Щоличу. Только из этого ничего путного не вышло. Запал он на нашу соседку — бездетную вдову. Симпатичную. Блондинистую. Глаза льдистые. Косы до попы. Фигура той приятной пикантной полноты, что радует глаз, но не перешла еще в тучность. И вроде все у них сладилось, та даже за нами стала с визитами наезжать в те же поместья что и мы, но вот с червонным интересом у майора вышел облом, при полном выпадении марьяжа.

Правда вдовушка таилась, блюла репутацию и соблюдала конспирацию. Но глядя на их сияющие морды после конной прогулки по ореховому лесу хотелось завистливо им подарить по лимону. Однако внешние приличия были соблюдены, и соседям осуждать молодую вдову было не с руки.

Но вот замуж Тисия повторно не стремилась. Почувствовала

уже вкус к жизни полной хозяйкой. И поместьем своим руководила твердой рукой.

Сам же майор запал на нее так, что на других претенденток на его руку и сердце в нашем захолустье даже не смотрел, а там приданое было зачастую получше, чем все хозяйство вдовушки. И желание захолустных помещиков породниться с молодым майором было в наличии. Но… Не все в наших силах.

Утешило меня, отчаявшегося пристроить Щолича в хорошие руки интерес Тисии к строительству дома в Калуге. Знать, не все еще потеряно в этом раскладе. К тому же Щолич, как любой крутой военный, привыкший на службе нагибать и строить личный состав, давно созрел до домашнего подкоблучнечества. Песенка была у нас на пластинке старого пружинного патефона на хуторе, дед любил этот винтаж слушать. 'Раньше я командовал тобой, а теперь я вроде рядовой…' Думаю, это про них.

* * *

Праздник первого вина мы все же застали. Потому в обратную дорогу все ехали веселые и похмельные, добавляя по чуть-чуть.

Вдовушка предсказуемо увязалась за нами в столицу. У нее там дела неожиданно образовались.

Так что обоз наш выглядел солидно, растянувшись чуть ли не на версту. Не только мои, но и вальдовские телеги тянулись за нами и вдовушкины. Она особа хозяйственная и не упустила возможности упасть нам на хвост в реализации сельхозпродукции. Я не препятствовал. Вагоном больше, вагоном меньше… Добрососедские отношения дороже.

Настроения предгорных помещиков было благостное, особенно в тех семьях, которые в войне не понесли потерь. Спрос на их продукцию только рос, особенно на технические культуры и тормозила этот рост только неразвитость логистической инфраструктуры.

К моей идее организовать в районе сбытовой кооператив отнеслись благосклонно, но, как водится в глухой провинции, не побежали вприпрыжку, а сели думать. На первом этапе расходы предстояли. На промежуточные склады, на транспорт, на наем кладовщиков и возниц… Обозы должны быть постоянные. Поставки ритмичные. А вот к этому привычки не было. Если рецкий горец обещает, что какое-либо дело займет два часа, то он сделает его четко за два часа, но вот сегодня или послезавтра… тут возможны любые варианты.

Тисия ехала в коляске с Эликой. Я с Щоличем, который мне жаловался на жизнь, что встретил женщину своей мечты, а та за него замуж не хочет. Мне оставалось только поддакивать. Майору сейчас не собеседник был нужен, а жилетка, в которую можно пустить скупую мужскую слезу. И то, что вдовушка за ним увязалась в город, для него не значило ровным счетом ничего. Милютин желал определенности и четкости, перспектив домашних обедов, а вдовушка попой вертела до самозабвения. По личному опыту знала, что этот период отношений между мужчиной и женщиной краток. Но тем он и слаще… Сдали с обоза всю продукцию на мой оптовый склад во Втуце. Он у меня за заводом 'Точкиз' сразу стоит, так что добавить немного железной колеи труда не составило.

Выписали всем сдатчикам счет-фактуру о принятии товара на реализацию. Не фиг баловать. Хотят деньги сразу — вон там, ближе к реке есть фактория имперских посредников. Ну а коли хотят денег побольше, то пусть ждут, когда Тавор все продаст. Тогда вычтем накладные и транспортные расходы и поделим остаток на кучки в соответствии со сданным на склад товаром. Все? Да нет, еще десять процентов вычтем за услуги. Иначе меня просто не поймут с такой благотворительностью. Все равно им выйдет в полтора раза больше чем напрямую имперцам сдавать.

Кстати тут имперцы попробовали как-то раз на Тавора наехать, типа 'пасан, ты тему попутал, тут все куплено' и пальцы веером. Пока Тавор на стрелке пальцы гнул, со склада позвонили на завод. С завода прибежала группа быстрого реагирования положила всех находников мордой в грязную брусчатку. Отпинала по ребрам от души. Отняли дубинки и кастеты и предупредили, что второй раз так легко они не отделаются — каменоломен в Реции много. И рэкет имперских посредников как-то сам собою увял.

Но рынок по умолчанию мы поделили — им коренная империя, нам Ольмюцкое королевство. По большому счету криминальная война никому пока не нужна.

А расширять торговлю сельхозпродукцией мне как-то не с руки в данный момент. И Тавору не разорваться. И так хорошо парень в армии служит… Считай без выходных…

* * *

На аэродроме меня ждал новый паролет. Тот, на котором я сделал рулежки и первый подлет поставили в ангар и сказали что это первый экспонат Калужского политехнического музея —

первый в мире летательный аппарат тяжелее воздуха конструкции Кобчика.

Для здания музея, кстати, уже успели подобрать площадку в центре города. С размахом. Не только три экспозиционных корпуса в два этажа запроектировали, но открытые площадки. В том числе с рельсами для железнодорожной техники. И общественный детский парк между ними предусмотрен. Совет директоров 'Рецких дорожных машин', Рецкое политехническое общество и Департамент промышленного развития герцогства выступили инициаторами этого учреждения, посчитав, что делать частный музей только на тракторном заводе излишнее роскошество для города.

Мой броневагон стал экспонатом номер один. По его образцу в депо Втуца сваяли новый, у которого корпус стал сварной. С новейшим сорокасильным движком Болинтера.

Двигатель Болинтера — экспонат номер два.

Мой паролет будет номер три. Его планировали подвесить под стеклянным куполом главного фойе музея над головами экскурсантов.

А там и 'Рецкое стекло' экспонаты уже отбирает, и нефтяники решили макет качалки в парке поставить… Ждали только меня чтобы заполучить в музей царь-самовар на шесть ведер объемом — одновременно и экспонат, и оборудование для буфета. И чтобы обязательно он был творением моих рук. Не иначе.

Размах волны патриотизма рецких предпринимателей поражал…

Один энтузиаст из купцов скобяным товаром готов был пожертвовать такому музею свою обширную коллекцию кованых изделий рецких кузнецов собранную им за тридцать лет.

— Детям и внукам, — заявил он, — мое собрание без надобности. Не хочу, чтобы труд всей моей жизни пропал.

А ведь в этой коллекции были изделия практически с каждой горы нашего маркграфства. С указанием конкретного авторства кузнецов. Готовая экспозиция ремесленного творчества горцев.

Забегая вперед, скажу, что он стал первым хранителем музейного собрания к радости наследников основного бизнеса.

Новый паролет меня поразил. Не пропали втуне мои почеркушки и невнятные пояснения для инженеров, теперь уже с полным основанием можно сказать — авиастроителей. Для начала надо особо отметить, что это был моноплан, парасоль с подкосом. Расположение двигателя и котла переднее с тянущим винтом. Планер деревянный с обтяжкой перкалью. Стальные трубы только под моторной группой, на шасси и откосах крыла. Два места. Летчика спереди, наблюдателя сзади. Плюс сто кило

груза. Никакого вооружения. Похож он был на предка 'сесны' времен динозавров. Такой же корявый как 'пайпер каб' только размером больше.

— Летали? — грозно спросил я, оглядывая свой инженерный состав.

— Как можно без вас, господин барон, — ответил конструктор и сознался. — Так по полю порулили, реверс проверили.

Конструктор был совсем из молодых. Прошлогоднего выпуска Будвицкого политеха. Помню я его еще брать в команду не хотел потому что тот из старой аристократической семьи, барон из '-фортов'. Конкретно из Гоблинца. Как его?.. Лайфорт.

— Деньги на постройку откуда взяли? — спросил я. — С постройки моего аппарата?

— Не беспокойтесь, господин барон, этот паролет я постоит своим коштом. Ваши идеи конструкция моя. А ваш аппарат скоро доделают, — пообещал он.

— Назначение твоего паролета? — голос мой посуровел. — Девочек катать? Куда оружие ставить будем? Или на нем дирижабли таранить станем? Добровольцы есть?

— Изначально я ориентировался на создание курьерского и почтового образца. Не все можно доверить телеграфу. Да и срочность он обеспечивает приличную. Уменьшение лобового сопротивления при такой схеме планера даст прирост скорости при использовании того же двигателя в полтора раза. Вот расчеты, — протянул он мне папку. — И война не вечна, господин барон. Я считаю, что будущее за пассажирской авиацией.

— Когда аппарат начинает отрывать от земли? — подвинул я к нему план аэродрома.

Лайфорт показал мне место на плане.

— Вот здесь, почти на краю, но мы сразу включили реверс винта.

Разбег получался в два раза длиннее, чем у моей корявой подделке под 'фарман'.

— То есть хвост не поднялся, раз реверс отработал? — уточнил я.

— Точно так.

— Вот что… Ставь свой аппарат на поплавки вместо колес, — вынес я свой вердикт. — Влетать будем с реки.

Читал я как-то в юности, что обилие систем гидросамолетов в начальный перил авиации был обусловлен именно большой линией разбега до взлета. А на воде она практически бесконечная.

В глазах инженеров праздничный блеск сменила тоска.

— А кто вам сказал, что будет легко? — обвел я их взглядом. — Воздух еще не изученная субстанция. Все наши знания о нем приблизительны и эмпирические.

* * *

Плотто, как и обещал, прислал мне трех мичманов, желающих переквалифицироваться из воздухоплавателей в летчики. Энтузиастов. Прибыли они на третий день как я вышел из отпуска. Как подгадали.

Мичманцов этих к их глубокому разочарованию я поставил младшими техниками к самолетам, заявив, что пока они не будут знать матчасть аэропланов назубок, к полетам я их не допущу.

— Это вам не пузырь с газом, который сам по себе летает. И заодно, как бывшие моряки, рассчитайте и сконструируйте поплавки для нового паролета Лайфорта, чтобы он мог взлетать и садиться на воду.

Мичмана же привезли посылку от Моласа. Огромный ящик на железнодорожной платформе. С охраной, что бдела за целостностью пломб на каждой станции.

В ящике находился целый двигатель внутреннего сгорания республиканского конструктора……. Нерабочий. И еще куча всяких железок неясного генеза.

В сопроводительном письме главный разведчик ольмюцкого короля отметил, что данный мой заказ совершил почти кругосветное путешествие через Португейзе и Мидетерранию и стоил жизни двух его агентов, которые воровали эти детали с воздухоплавательного завода 'на металлолом'. Мелкое уголовное преступление, но, несмотря на то, что для прикрытия эти агенты действительно занимались сбором металлолома и имели для этого легальную фирму, республиканский суд постановил их повесить.

И не потому что… а чтобы не…

В ящик Молас заколотил все, что они успели украсть и заранее переправить. В том числе и один двигатель внутреннего сгорания с погибшего дирижабля. Со вторым двигателем их поймала полиция. Как говориться 'с поличным'.

'Большего для тебя по этой теме я ничего сделать не могу, — писал генерал. — Никаких бумаг выкрасть не удалось. Там все так тщательно охраняется после катастрофы, что нет смысла терять людей.

Но и за это ты мне должен. Мне нужен маленький компактный пистолет-пулемет бесшумной стрельбы. Такой, чтобы

его можно было спрятать под плащом. Пистолет Гоча с глушителем слишком громоздкий и неуклюжий для наших задач. И калибр его маловат. А тот автомат, что ты мне недавно прислал, с деревянным прикладом, слишком большой. А если на него еще и глушитель напялить, то…'.

Вот так вот. Опять навьючили. Что я ему механик Джеймса Бонда, что ли? Так там кино…

Отдав все это шпионское железо для изучения своей группе двигателистов внутреннего сгорания, взял со всех их подписку о неразглашении.

Дополнительно нарисовал им пятицилиндровую 'звезду' с По-2, заявив, что этот эскиз так же получен нашей разведкой.

— Подробности неизвестны, гсопода. Знаю только что оребрение цилиндров для воздушного охлаждения лучше делать из алюминия, чем из чугуна. И металл легче и теплопроводность выше. Так что думайте, господа, думайте. Вражеский двигатель раскручивает сами цилиндры, мне же кажется, что будущее за неподвижными блоками цилиндров которые вращают коленчатый вал. И если у вас и на этот раз ничего не получится, то я не знаю даже что с вами сделать. Разве что на фронт вас всех отправить механиками-водителями паровых тягачей. Пушки возить, раз вы двигатель к боевой машине сделать не можете.

Вроде вняли.

Пошел за отсутствием Гоча во Втуце вьючить проблемой разведки инженеров с завода 'Гочкиз'. Поразмыслив, я понял, что Гоча Молас уже припахивал, но тот уперся в пистолет-пулемет на основе своей первой модели автоматического пистолета и ни шагу в сторону. Это с ним бывает.

Идеи, которыми я осеменил конструкторов, были просты и давно отработаны в моем мире. Во-первых, магазин вставляется в рукоятку, как на гочевом 'миротворце'. Во-вторых, затворная рама надвигается на ствол и, наконец, сам ствол имеет интегрированный несъемный многокамерный глушитель. Ну и еще тактическая рукоятка под стволом для удобства управления огнем. И приклад из толстой проволоки, складываемый сверху как на чешском 'скорпионе'. Патрон пистолетный. Калибр 11 мм. Вдаль из такого оружия не стреляют. Максимум на тридцать метров.

* * *

Тисия поселилась в отеле 'Экспресс' заняв не самый дорогой, но и не самый дешевый номер — полулюкс. Удобства,

предоставляемые отелем, ее просто потрясли. Ванна в номере, душ, ватерклозет и… горячая вода в любой момент из крана.

Щолич теперь каждый вечер после службы гонял в город на ручной дрезине. Тайком, как ему казалось, просачивался в ее номер, а утром таким же макаром утекал обратно на полигон. Как юнкер в самоволке право слово.

В промежутках между свиданиями помещица, пользуясь моим неосторожным обещанием, объехала весь будущий участок 'аристократического' квартала на набережной и вынесла мозги городским архитекторам, выбирая себе место для строительства новой городской усадьбы.

Лиха беда начало… За ней потянулись и другие люди из 'верхнего общества'. Сначала в ресторан при отеле, почтить своим вниманием роскошную свободную женщину, а затем, оглядевшись, и к городской недвижимости проявили склонность.

Калуга потихоньку становилась модным местом, и земля под строительство потихонечку стала дорожать. Быстрее чем строились новые дома и магазины.

Воспользовавшись своим правом, я часть участков законсервировал, а остальные стал продавать на аукционе. Строго поквартально. То есть пока не выкупят один квартал, другой не продается.

Набережную западнее железнодорожного моста пока специально не облагораживал, чтобы не впадали в соблазн. Да и участки там давно уже были распределены между своими.

Свою усадьбу я там строил с таким расчетом, чтобы видеть мост, но не слышать железной дороги. Ну, как строил…. забор поставил капитальный… и пока все.

11

В середине сентября в Калугу вернулся Вахрумка из инспекции работ изыскателей по будущей трассе железной дороги. Судя по его сияющему виду, тем что он увидел, остался доволен.

По устоявшейся привычке он попытался найти себе в городе жилье поскромнее, но будучи отловленный предупрежденными мною жандармами на вокзале, препровожден ими 'под конвоем' в отель. В номер 'люкс'.

Когда я его посетил с визитом, подполковник меня извел попреками, что он не такое большое жалование получает, чтобы так роскошно жить.

— Успокойся. В данный момент ты живешь здесь за счет программы строительства. Это не только твоя спальня, но и рабочий кабинет, — открыл я дверь в смежную с гостиной комнату.

Там все было приспособлено для бумажной работы. В том числе и 'инженерный центр Кобчика' — кульман, то бишь. И вся канцелярщина по полной программе. Садись и работай.

И пошел проводить экскурсию по номеру. Ох, и горд же я был в этот момент. Лучший отель в империи как-никак.

— В большой гостиной, — а она действительно была большой метров сорок квадратных, — можешь проводить совещания и приватные банкеты. Вход в спальню через холл, где санузел. Телефон проведут сюда через неделю, как запустят станцию. Завтрак, обед, ужин могут подать в номер, а можешь, и сам спустится в ресторан. По желанию. Также к твоим услугам Зал совещаний в отеле, Малый каминный зал и через неделю откроется большой конференц-зал. Большим концертом. Будут столичные знаменитости.

— Непривычно как-то… — гнул Вахрумка свою линию. — Неуютно. И убираться много.

— Убирать и менять постельное белье тебе будет горничная ежедневно. Денщик твой может спать в гостиной на диване, — пояснил я ситуацию.

— У меня вместо денщика чертежник, — ответил Вахрумка.

— Тем более.

Тут постучали в дверь, и подросток-рассыльный в форменной куртке отеля вкатил сервировочный столик.

— Садись, полковник, соловья баснями не кормят.

— Какого соловья? — не понял меня Вахрумка, глядя, как ловко пацанчик сервирует край большого стола гостиной.

— Птичка есть такая. Певчая, — пояснил я, готовый провалиться сквозь землю. Чуть не спалился. — Обувь, кстати, на ночь выставляй в коридор. Почистят. Входит в стоимость проживания.

Поднял себе настроение, глядя, как Вахрумка озадаченно таращится на трехспальное ложе под девизом 'Ленин с нами' в спальной комнате. Даже прогрессивный санузел не произвел на него такого впечатления.

— Ну, с приехалом… — поднял я бутылку с коньяком, после того как закрылась дверь за стюардом и разлил этот нектар десятилетней выдержки. — Рассказывай. Я не зря рельсы тут катаю?

— Не зря. Насыпь пленные положили хорошо, грамотно, не размоет дождями. Но почему она такая кривая? То туда, то сюда. Тех же рельс потребуется больше.

— На этой насыпи был всего один грейдер, два бульдозера и один скрепер. Больше выделить не могли. Все остальное пленные делали ручками, топая везде ножками. Посчитали, и оказалось, что вскрышные работы по равнению холмов да засыпка низин обойдется намного дороже. Это не считая фактора времени. Зато до предгорий нет ни одного участка уклоном больше трех градусов.

— Это я уже отметил, — ответил Вахрумка с набитым ртом. Рыбка, копченная уже в Калуге, была очень вкусна. Местный специалитет.

Две артели рыбаков из низовий поселились у нас на противоположном берегу. С утра они торговали на территории будущего Речного вокзала свежей рыбой, а после обеда уплывали на свой берег коптить то, что не распродали живьем и еще соревновались, у кого рыба будет вкуснее.

Архитекторы уже выходили ко мне с предложением часть территории около Речного вокзала отдать под крытый рыбный рынок. Я одобрил. Хоть ветеринарный контроль там будет, какой-никакой, и санитарный врач. Санитарную службу в городе мы сразу поставили 'на вырост'.

— Прокатный стан свой покажешь? — спросил Вахрумка. — А то про него все только говорят, но никто его еще не видел.

— Конечно. Как только так сразу. Пока там еще нечего смотреть. Монтируют люди большие железки с чугунными катками.

— Это правда, что твои рельсы будут целиком из литой стали?

— Правда.

— Но для гор нужен особый металл. Там климатические

условия эксплуатации иные. Сварные рельсы можно было комбинировать как надо…

— Какой скажешь, такой металл тебе и отольем.

— Не может такого быть?

— Очень даже может. Шестьдесят тонн в сутки… пока.

— Почему пока?

— Потому что к Новому году запустим еще одну сталеварную печь. На тридцать тонн разовой плавки.

— А стрелки?

— Стрелки пока будешь брать в империи. Научимся их отливать здесь — будут местные. Так что считай, рассчитывай свои потребности. Стрелок, кстати, тебе потребуется меньше, потому, как насыпь сразу строили с расчетом на двупутку. До нефтеносного района. А там сам на месте покажешь, где ответвление в горы проводить будешь.

Вахрумка вытер губы салфеткой.

— Спасибо. Савва, все было вкусно. Давно так не ел.

— Небось, все сухомяткой перебивался в этой своей Отогузии?

— Нет. Питался из солдатского котла. С полевой кухни. У нас отдельного офицерского питания не было — излишняя роскошь. В горах немного свободного места. Тем более в таких диких как отогузские.

— Поел? Пошли на другой конец стола. Я тебе там сюрприз приготовил.

— Что это, — спросил Вахрумка, когда я перед ним раскатал чертеж.

— Рельсоукладчик. На платформе штабелем лежат готовые секции рельс, прикрепленных к шпалам на заводе. Над платформой горизонтальный кран, который берет готовую секцию с платформы и выносит ее вперед и опускает на насыпь. Остается только скрепить ее с уже уложенной секцией, проехать по ней вперед и вынести новую секцию.

— Занятно… — протянул Вахрумка. — а где будут монтировать такие секции?

— У меня на заводе, — улыбнулся я и поменял тему. — Я слышал, что тебе за горно-отогузскую дорогу дали Имперский крест.

— Я тоже слышал, — улыбнулся Вахрумка. — Только не торопятся что-то его мне давать. Звездочку на погон кинули и все. И вообще… первый раз, что ли меня к Имперскому кресту представляют?

* * *

И пошла опять бесконечная круговерть — совещания, заседания, инспекции по заводам, протокольные мероприятия во Дворце. Только я взял уже за правило воскресенья проводить дома. Во Втуце на горной стороне.

Всех дел не переделаешь.

Всех собой не заменишь.

Свою голову никому не приставишь.

Меньше стал уделять времени налаженным производствам и больше НИОКРу. На производствах управляющие на то и поставлены, чтобы управлять. Причем это у них даже лучше получается, чем у меня. Все же они специалисты в своем деле. За мной остался только контроль. Больше плановый и финансовый, нежели производственный.

Калуга с каждым днем все больше стала походить на город, а не на гигантскую стройплощадку. Мне как-то положили на стол статистику. Только зарегистрированных жителей, не считая пленных, в городе уже восемнадцать тысяч. Из них семейных тысяч пять уже. И две дюжины борделей на разный вкус и кошелек.

Отдел регистраций гражданского состояния ратуши уже клянчил увеличение штата и обустройства филиалов в районах. Свадьбы шли потоком.

И еще в городе родился первый его коренной житель. Девочка в рабочей семье с тракторного завода. Ей город (то бишь я, который в это вложился финансово) подарил красивую грамоту в рамке, именную медаль на шею и дом в рабочей слободе. Родители назвали ее Калужей.

Достроили железнодорожный вокзал в три этажа. На третий этаж поселили всю рабочую группу строительства новой горной железной дороги. Штаб Вахрумки, если короче. На втором рассадили местное железнодорожное начальство и управление моей дорожной компании. Первый полностью отдали пассажирам, включая туалеты, буфеты, круглосуточный ресторан, кассы, залы ожиданий по классности вагонов, камеру хранения багажа, жандармский участок и даже такое нововведение для этого мира как 'комната матери и ребенка'.

Речной вокзал также подвели под крышу с бельведером и начали внутреннюю отделку. Длинный бетонный пирс, проложенный вдоль берега, вполне мог принимать сразу по три пассажирских парохода.

Рядом с ним разметили площадку для крытого рыбного рынка, который решили построить в едином архитектурном стиле с Речным вокзалом из белого известняка. Думаю, как его построим, то рыбацких артелей в округе станет не две, а двадцать

две.

Речной порт обрел свои плановые очертания, но как было зримо, просчитались мы с его размерами и вскоре придется строить еще один, ниже по течению за сухими доками.

Бывший царский мичман достраивал второй сухой док на Речном заводе и уже разметили место для строительства третьего. Нам страшно не хватало транспорта.

Мартеновские печи оказались еще теми проглотами. Да и остальные производства требовали все большего потока грузов.

А еще город надо было кормить. По реке выходило дешевле, чем по железной дороге.

Нас еще выручало то, что пастухи весной, отобрав элитных баранов на горные пастбища, выбракованных оставили на лето в степи, постепенно продавая их нам на мясо живым весом. А кто-то из предприимчивых предгорных помещиков стал гонять ближе к городу небольшие пока стада коров. Птица, овощи и фрукты в основном поступали по реке из низовий.

Так что когда мне объявили, что канцлер князь Лоефорт назначил местом очередного общеимперского совещания правительства с фабрикантами в Калуге, я остался спокойным.

Конференц-зал в отеле в строй уже пустили. Его открытие прошло с аншлагом. На концерт заезжих знаменитостей билетов не хватило. Пришлось их еще тормознуть на пять дней. Они не возражали, им со сборов сорок процентов причиталось.

Единственно о чем я распорядился, так это не селить в отель новых гостей — забронировать все номера под делегатов съезда. И ускорить отделочные работа в железнодорожной гостинице 'Колесо'. Путейцев туда заселим после имперского мероприятия.

И пора думать о том, что отелей в городе недостаточно. Особенно среднего и нижнего ценового сегментов.

Вот так оно все… одно цепляет за собой другое, а у того уже на пристяжке третье…

* * *

Длинный блюм откатился обратно, и его опять сжало с боков, удлинив еще немного и придавая в разрезе форму прямоугольника, снова подало вперед на роликах, выплюнув в подогревательную печь.

Князь Лоефлорт тщательно выбритый от седины по всей голове, кроме кустистых седых бровей, прикрыл глаза ладонью, когда на блюминг подали очередной раскаленный слиток металла, который тут же принялись вертеть и со всех сторон мять

мощные 'губки' блюминга, протаскивая вперед-назад.

Первый слиток тем временем снова нагрели до красноты и полторы дюжины рабочих, зацепив его длинными клещами, потащили на прокатный стан. Уронили на катки, высекая оранжевые искры. Прокатный стан, завертев катками, потащил блюм через фигурные формы. Туда-сюда… туда сюда… Все сильнее вжимая его в матрицы. И вот, наконец, готовый рельс, после обрезки его большой циркулярной пилой упал на пандус и покатился, остывая, на площадку готовой продукции.

Канцлер империи покачал головой и сказал мне, стараясь перекричать звон и грохот цеха.

— Поздравляю вас, молодой человек, вам удалось меня удивить. Так быстро и готовый рельс.

— Это еще не все, ваша светлость, — поправил его я. — В этом рельсе надо еще шесть отверстий просверлить. Но это уже на холодную.

— Какие мелочи, право слово… — отмахнулся от меня глава имперского правительства. — Вы даже не представляете что вы сделали для империи. Империя — это дороги. Главные дороги — железные, так как они круглогодичные и всепогодные. Ваш завод резко приближает нас к будущему. К индустриальному укладу экономики. Вы понимаете, о чем я говорю?

И развернувшись, пошел к выходу, ни на секунду не усомнившись, что все мы обязательно последуем за ним.

— Понимаю, ваша светлость, — крикнул я уже в спину всесильному князю, сквозь звон нового блюма уроненного на катки прокатного стана. — Но и нас и на реке навигация круглогодичная.

— В империи есть еще и север, молодой человек. Впрочем, кому я это говорю, вы там воевали.

Вся свита и князя и моя вышли на осеннее солнце после полутемного цеха. Глазам стало больно и все дружно зажмурились.

— Хорошо тут у вас, — князь протер лысую голову клетчатым платком. — А у нас в Химери уже желтый лист падает. Дожди противные. Когда вы сможете распространить это ваш опыт на всю империю?

— Только после того как я поставлю здесь десятую печь. Но для этого требуется, чтобы весь уголь с Тевакуля и весь известняк из Шора шел только к нам. Тогда я смогу дать шестьсот тонн стали в сутки. А вот после того я буду готов строить такие печи по заказам, ваша светлость. На коммерческой основе.

— Губа у вас не дура, молодой человек, — повернулся ко мне князь и почесал верхнюю губу большим пальцем правой руки. —

Но так и быть. Тевакуль и Шор ваши. На коммерческой основе поставок.

И ехидно усмехнулся.

— Я на другое и не рассчитывал, ваше сиятельство, — ответил я и соврал.

Рассчитывал, еще как рассчитывал. Но язык мой — враг мой. Ну что мне стоило просто пообещать… Пока… Не оговаривая окончательных условий. Глядишь и угольный разрез бы упал мне, по крайней мере, в концессию. Впрочем, и так хорошо. В Тевакуле на открытых карьерах уголь и так самый дешевый в стране. А баржи у меня свои. Была бы концессия я бы туда еще и техники подбросил бы. А теперь бульдозеры и экскаваторы им пойдут только на коммерческих условиях. Хотя есть идея пропихнуть лизинг через 'Бадон банк'. Здесь такого еще не знают.

— Прекрасно видеть такого молодого, но уже все понимающего человека. Побольше бы нам таких, — похвалил меня князь и вынув новомодные золотые часы плоской луковичкой с циферблатом под стеклом без крышки, напомнил. — Однако, пока бы нам и пообедать. Где кормить нас будете?

Это уже персонально ко мне как к принимающей стороне.

— В ресторане отеля 'Экспресс' только вас и ждут, ваше сиятельство. Но можно накрыть и в Малом каминном зале, если вы желаете обедать в узком кругу.

— Тогда пусть накроют у камина. В большом зале поесть спокойно не дадут. Надеюсь, вы обедаете со мной, ваше превосходительство?

— Как прикажете, ваше сиятельство, — поклонился я.

Тут подали коляски и, рассевшись в них по чинам, покатили на вокзальную площадь. Фотографы и корреспонденты газет остались ждать своей очереди у цеховых ворот.

Сегодня мы все говорили речи, резали красную ленточку и пускали 'первый слиток' через блюминг и рельсопрокатный стан. На самом деле рельсы мы катали уже неделю, но первые четыре дня ушли на отладку оборудования и выверку режимов подогревательной печи. А первому дню Промышленного съезда империи я специально подгадал 'пуск' рельсопрокатного стана. Начальство это любит.

Так что торжественная часть открытия основного мероприятия не запланировано для высоких гостей переместилась на послеобеденное время.

Ремидий в первые ряды на заводе не лез. Разве что одновременно со мной и Лоефортом перерезал ленточку. А теперь на обед я ехал в герцогской карете.

— Пора тебя, Савва, официально на город ставить, — сказал герцог, когда карета тронулась.

— Только не это, ваша светлость. Только не градоначальником, — взмолился я.

— Каким градоначальником? — удивился Ремидий. — Градоначальника ты здесь сам будешь ставить. Отныне ты в Калуге мой наместник, — заявил герцог и передал мне кожаный тубус.

Внутри была хартия о наделении меня в городе Калуге и принадлежащем ему округе полноправным наместником герцога. В конце рескрипта звучала самая главная фраза 'и все распоряжения наместника исполняются так, как будто бы это я сказал'.

— Прокурор подчиняется мне? — только и спросил.

— И прокурор, и судья, и полиция, и все остальные гражданские и военные чиновники в городе Калуге и его округе, — заверил меня герцог. — Так что поздравляю тебя действительным статским советником.

— А чин-то зачем? — удивился я. — Я, конечно, польщен, но…

— Это чтобы тебя князь к себе в Химери не переманил, — усмехнулся герцог в свои седые 'буденовские' усы.

Герцог помолчал немного, глядя в окно кареты на проплывающий индустриальный пейзаж, потом сказал то, что его видно занимало последнее время.

— Ты опять на войну собрался, я погляжу, — не столько спросил, сколько утвердил Ремидий.

— Вроде нет.

— Ты не виляй… Был я и на аэродроме, и на тракторном заводе. Ты сразу скажи, на чем воевать собрался: на бронеходах своих или на этих аппаратах летательных тяжелее воздуха?

— Аэропланы еще только в зародыше, ваша светлость. Я только приоритет Реции в мире застолбил. А так чтобы сделать боевой самолет нужны, наверное, годы.

— Значит на бронеходах… — выдал герцог. — И как понимаю удерживать тебя бесполезно. Сбежишь сам. И бронеходы у тебя в этом случае будут твои собственные. Я верно излагаю?

— Под нынешним генштабом я воевать не собираюсь, ваша светлость. Только людей зря класть.

— А под Аршфортом воевать будешь?

— Под фельдмаршалом Аршфортом буду, — честно ответил я. — Он солдат бережет.

— Я так и думал. Третьего дня император назначил Аршфорта командующим западным фронтом.

— Вот это новость… — удивился я. — У них там, в Химери, небось, в лесу все медведи сдохли.

— Сколько собираешься своих бронеходов наклепать?

— Машин сорок. Меньше смысла нет.

— Полк?

— Лучше бригаду. Двухбатальонного состава пока. И минимум роту, а то и батальон штурмовиков к ней в усиление. Ремонтная рота. Рота снабжения. Полк же не будет иметь никакой самостоятельности на фронте.

— Добро, — согласился Ремидий. — На посту комбрига у тебя будет меньше возможностей сгинуть сдуру. Так что поздравляю тебя майором рецкой гвардии. Формируй свою бригаду. Рецкую гвардейскую броневую бригаду, — прокатал герцог эти слова на языке как гурман. — Нет. Рецкая гвардейская железная бригада. Так будет лучше звучать. Вальда тебе отдам с его ротой. На ее базе развернете батальон. Еще Бисер отдает, но только под тебя, свою саперно-штурмовую бригаду. Войдете все вместе в ударный корпус Бьеркфорта, который будет формироваться здесь, в Калуге. На охране пленных его меняют.

— А что восточный фронт? Оголяется?

— Там затишье. Теперь надолго. Молас гарантирует, что надолго. Туда перебросят уставшие войска с западного фронта на отдых. Но в достаточных количествах чтобы у царцев не было соблазна ударить исподтишка.

— Когда? — только и спросил я.

— К новому году, — поделился со мной герцог сроками. — Но это тайна. Даже от генштаба. Даже от императора. Точнее от его доверенного окружения.

— Еще тягачи потребуются, — сказал я. — Корпусная артиллерия, как я понял, будет усилена?

— Обязательно.

— Финансирование?

— Любое, но все же в разумных пределах. Но на новое вооружение будет без ограничений как на войсковые испытания. С Лоефортом я уже все обговорил… в части его касаемой, — усмехнулся герцог, показывая мне, что и всемогущий канцлер не имеет полной информации.

— Даже так? Ваша светлость, вы с Аршфортом решили разом выиграть войну одним корпусом?

— Не совсем так. Скоро фельдмаршал приедет ко мне в горы на отдых. У тебя будет время пообщаться с ним напрямую. Тем боле, что он и сам этого хочет.

— А что Молас?

— Молас стал генерал-лейтенантом и возглавил военную

разведку империи. Как и его отец когда-то.

Тут мы подъехали к отелю. Пора обедать как самым обычным людям. Силы еще потребуются впереди пара-тройка дней сплошной говорильни. И это требуется выдержать.

Для меня этот съезд важен не пленарными заседаниями, а кулуарами. Возможностью завести нужные связи среди промышленников. Я теперь не просто Савва с горы… За мной десяток труб зримо небо коптят. Промышленная империя из дюжины заводов.

С этими мыслями я вслед за Ремидием вошел в холл отеля.

* * *

Два дня в конференц-зале отеля 'Экспресс' кукушки хвалили петуха, а петух раздавал комплименты кукушкам.

Если послушать патриотически-настроенных ораторов не вдумываясь, так получается все у нас в империи безоблачно и гладко, несмотря на войну. Наоборот война подстегнула развитие индустриализации и нивелировала многие связанные с ней социальные проблемы. Безработицу в городах и 'лишних людей' на селе 'съела' мобилизация. Наметился даже некоторый дефицит рабочих рук.

По сравнению с первым таким совещанием в оперном театре Будвица самые животрепещущие проблемы с пленарных заседаний ушли в кулуары. Каждый из фабрикантов предпочитал сам напрямую договариваться с правительством по расшивке узких мест своего бизнеса. Как показал опыт так результативней. Да и решающие вопросы чиновники предпочитали теперь не уголовно наказуемые денежные откаты, в прямое свое вхождение в акционированный бизнес с анонимными акциями.

Меня также осторожно прощупывали на предмет такого 'сотрудничества', но отмазка у меня была железная — два электора в пайщиках. Договаривайтесь, ребята, сначала с ними. Решалы быстро поняли, что поляна занята большой рыбой и ушли в тень.

Наметился также некоторый тренд к сращиванию банковского капитала с промышленным и образование вокруг такого 'материнского' банка разнопрофильных концернов. Горизонтальная интеграция, к которой стремились акулы имперского капитализма до войны, не оправдала себя. Трест оказался очень неуклюжей и малоповоротливой деловой машиной. А сил, чтобы полностью монополизировать какую-либо отрасль промышленности в размерах всей империи и диктовать

рынку свои цены ни у кого еще не было.

Так что кулуарные разговоры, если и давали пищу для ума, то не такую уж питательную. Но заседания в зале не давали этого. Разве что там довели до бизнес-сообщества экономическую политику имперского правительства в условиях военного времени.

Гораздо интересней был статистический справочник, который был издан малым тиражом специально под этот съезд и роздан делегатам. Инфляция пока не зашкаливала, в среднем была семь процентов в год. И далеко неравномерно распределялась по группам товаров. В основном дорожал импорт, большая часть которого попадала на рынок контрабандой. Понемногу дорожало продовольствие, но плавно и не настолько, чтобы вызывать раздражение. Все больше посевных площадей отдавалось под технические культуры. В области товаров народного потребления стало заметно оскудение ассортимента в текстильной промышленности, но не настолько, чтобы нечего было носить. Все больше увеличивалась доля готового фабричного платья и обуви. Фабрики по производству военной формы первыми освоили этот бизнес для тыла.

Население империи стало больше пить. Но тут, скорее всего, сказалось обязательная выдача 'наркомовских' в окопах. Продажи спиртного в тылу выросли всего на двенадцать процентов. Проблема самогоноварения не остро стояла. Гнать самогон в империи мог любой, но только для себя. Продавать же не имел права без лицензии. Виноградного вина такое не касалось. Под раздачу попала разве только виноградная водка — чача, ракия или граппа, как ее не назови. И если в старые добрые времена гнали ее из излишков сухого вина, то с началом войны, особенно с момента армейских закупок крепких напитков, гнать виноградную водку стали из жмыха и прочих отходов виноделия. Так выходило дешевле по себестоимости, но страдало качество. Интендантов качество интересовало мало, им бы числом поболее да ценою подешевле. В окопах все сойдет за первый сорт.

Ударный труд военнопленных не давал задирать заработную плату, но и здесь, несмотря на всю централизованную заморозку цен и тарифов 'до конца войны' стоимость квалифицированного труда неуклонно росла. За счет премий, которые не относились напрямую к тарифам. К тому же премии позволяли фабрикантам меньше развлекаться раздражающими рабочих штрафами. Лишение премии не рассматривалось еще рабочими как покушение капиталиста на их законный заработок. Премия — это награда.

Женский труд уже не вызывал такого активного морально-

патриархального отторжения у фабрикантов, единственно что они хотели, так это за право платить женщине меньше за одинаковый ее труд с мужчинами. Тут в ход шло все… и то, что женщина физически слабее мужчины, менее образована в массе своей и даже их пресловутые критические дни.

Народонаселение империи немного сократилось за счет военных потерь, абсолютная цифра которых не раскрывалась. Но рождаемость от этого в целом по стране не упала, хотя основной ее удельный вес приходился на село.

Правительство и фабриканты пели в унисон, что 'жить стало лучше, жить стало веселее'. Возрос процент промышленных инноваций, а уж как возросли прибыли…

Прибыли возросли, я это заметил по себе. Но из обращения постепенно стала исчезать золотая монета. Внутри своей промышленной империи я уже полгода как пользовался расчетными чеками 'Бадон банка' между предприятиями (не видели пока тут люди денежности простой записи на счет) и банкнотами того же банка между работниками моих предприятий. Наш отдел рабочего снабжения работал с этими денежными суррогатами очень активно. Вплоть до того, что в лавках, торгующих некоторым дефицитом, брали только банкноты 'Бадон банка', как в советской 'Березке'.

Для ударно работающих военнопленных мы с Альтой выпускали особые боны, которые можно было отоварить только в лагерных лавках.

В Калуге банкноты нашего банка в номинации 1, 3, 5, 10, 20 и 50 серебряных кройцеров спокойно ходили по рукам, потому как в любой момент мы их меняли на реальное серебро по желанию, что не давало нам самим борзеть с печатным станком. Ибо банкнота это не казначейский билет, а всего лишь фиксированное анонимное обязательство банка. Такая финансовая политика высвобождала нам много наличного серебра для расчетов со сторонними партнерами. Опыт показал, что для свободного обмена достаточно держать десять-пятнадцать процентов серебряной монеты от выпуска бумажной эмиссии.

Оборудование для печати банковских чеков и нот, дало дополнительный заработок в виде векселей, акций и других ценных бумаг с тройной степенью защиты: металлографическим 'паркетом', особыми красками и бумагой. Тут активно порезвился Помахас, который увлеченно каждый месяц изобретал в этой области что-то новенькое.

Так в моей промышленной империи появилась своя фабрика 'госзнака' во Втуце и бумажная фабрика в Калуге. Отходы от спецбумаги шли на производство тонких школьных тетрадок в

клеточку. Их у нас моментально забирали прямо со склада и просили еще.

Но в разговорах с чиновниками я активно жаловался на нехватку звонкой монеты. Они в свою очередь жаловались мне на истощение золотых рудников и слабое поступление серебра из-за границы. Ритуальный обмен жалобами позволял оставить все как есть 'до после войны'.

Но Имперский банк признал мой опыт положительным и стал выпускать свои банкноты на крупные суммы в 1000, 5000 и 10000 серебряных кройцеров, что сильно облегчало расчеты между фабрикантами. Только вот подделывать их стали практически сразу, ибо такой защиты, как у меня у них не было.

Несмотря на все трудности среди деловой части общества царила, можно сказать, эйфория. И казалось, закончись завтра война они этим очень сильно огорчатся.

Я же заранее планировал перестройку своих заводов на мирную продукцию. Специальная группа инженеров-технологов готовила для этого разнообразные технологические карты в зависимости от оборудования каждого завода. Война не вечна.

12

Падал с неба редкий пушистый снежок. Рождественский такой. Красивый и нарядный. Елки в лесу превращались в сказку.

Наконец-то забортная температура показала небольшой минус, и морозец сковал фронтовую грязь.

'Железная' бригада расположилась в редком смешанном березо-еловом слегка заболоченном лесу, рассредоточившись и замаскировавшись еловыми ветками. Далеко мы забрались от Реции волей императора, своего герцога и фельдмаршала графа Аршфорта. И не в самые благодатные края.

В обшитых кожей бурках, ватных штанах под грудь на лямках и коротком ватнике мне было тепло. Колени, зад и локти были обшиты кожей. А форменный головной убор нам — бронеходам, давно заменили ребристые кожаные шлемы с амортизаторами из резины (очередного подарка неутомимого Помахаса, после того как он сделал мне гусматик для колес). Никаких знаков различий на боевой форме не было, и не сказать, что она была красивой, зато в ней мы не мерзли в выстуженных броневых коробках самоходных орудий. Опыт не пропьешь. Я хорошо помнил свои ощущения от российского бронетранспортера, как в нем по зиме давал дуба. Вот и постарался для личного состава, благо выделенные финансы позволяли.

Я сидел на броне 'артштурма' и ел кашу, приготовленную полевой кухней роты управления. Вкусная каша получилась. А то! Хороший ресторан во Втуце на повара обездолили… по мобилизации. Вальд постарался. Все же у него опыта фронтового быта побольше чем у меня.

Сёрбал себе ложкой по стенкам медного котелка и жмурился от тройного удовольствия: вкусной еды, прекрасной погоды и окончания 'грязевого похода' от железной дороги к указанному фельдмаршалом месту сосредоточения бригады перед наступлением.

Мимо проезжали верхом два офицера в плащ-накидках, закрывающих не только их самих, но и крупы коней. То, что всадники офицеры можно было распознать только по форменным кепи, отнюдь не полевым, которые от солдатских ничем не отличались.

Остановились они у моей командирской машины с тактическим номером 001 на борту. Их денщики, влекущие за собой еще по одной нагруженной вьюками лошади, остановились чуть в стороне.

— Черте что, никакой дисциплины у этих новых войск, —

заявил тот, что выглядел старше своему собеседнику и, повысив голос, обратился уже ко мне. — Эй, военный, где тут блиндаж командира бригады?

— Нет у него блиндажа, — ответил я, не прекращая есть. — У нас соединение подвижное.

— А ну встань, как следует, когда говоришь с офицером. Честь отдай, — прикрикнул младший из их компании на меня.

— Воинская честь отдается погонам, а не морде, — ответил я равнодушно и продолжил сёрбать ложкой по стенкам котелка с противным скрежетом.

— Да я тебя сгною! — прикрикнул тот, кто постарше.

Поглядел я на него. Ба! Знакомые все лица. Барон Тортфорт собственной персоной. Давно не виделись.

— Мда? — ехидно переспросил я, хохотнув. — И каким же таким образом?

Поставил на броню котелок и переложил себе на колени автомат. Душа мстительно ликовала, глядя на пунцовеющую рожу моего бывшего ротного. Но все развлечение мне испортил появившийся из-за елок Вальд.

Приблудные офицеры сразу переключились на него. Благо тот рассекал по расположению в короткой шинели, большей похожей на морской бушлат с явно зримыми полевыми полковничьими погонами. Ворот бушлата был распахнут, чтобы все видели висящий у него на шее Рыцарский крест.

— С кем имею честь? — козырнул ему Тортфорт, не слезая с седла.

— Заместитель командира 'Железной' бригады гвардии майор Вальд, — возвращая ему воинское приветствие, ответил мой зам по мобильной пехоте. Или как я их сам неофициально называл — панцергренадеры.

— Командир шестого Оногурского саперного батальона майор барон Тортфорт. Прибыли в ваше распоряжение приказанием начальника штаба фронта для обеспечения прорыва, — доложился он.

— Всем батальоном? — переспросил Вальд.

— Пока только передовым отрядом. Батальон еще на марше, господин майор.

— Гвардии майор, — поправил его Вальд, всегда ревниво относившийся к своему рангу. Но то что прибыли это хорошо. Своих саперов нам для выполнения поставленной задачи не хватает. Все заняты на маскировке. И еще взлетную полосу готовят. Так что вы нам в самый раз.

— Дисциплина у вас в части хромает, как я заметил, — не удержался от шпильки Тортфорт, слезая с седла и обмениваясь с

Вальдом рукопожатием. — Прошу доложить о нас комбригу.

— Нет ничего проще, — Вальд пропустил мимо ушей замечание комбата о дициплине и развернулся ко мне.

— Господин комбриг, — зам повернулся ко мне по-уставному, — запрошенный вами саперный батальон прибыл в ваше распоряжение. Как прикажете его использовать?

Вальд всегда обращался ко мне по должности, так как в воинских чинах мы были равны.

На офигевшие вытаращенные глаза Тортфорта стоило посмотреть и насладиться. Не ожидал я от себя, что я такой мстительный.

— Карту, — приказал я, спрыгивая с брони на землю.

Вальд потянулся к полевой сумке.

Я отрицательно покачал головой.

— Вашу карту, майор, — посмотрел я на Тортфорта.

Тот вынул из своего планшета карту и расстелил ее на гусеничной полке самоходки. Меня он не узнал. И не только из-за бородки, которую я, служа в военных строителях, не носил. Думаю, ему и в кошмарном сне не могло присниться, что я буду его командиром, пусть временным.

— Вот здесь, здесь и здесь в тылу наших траншей, — отметил я карандашом, который подал мне как из-под земли появившейся Ягр, — должны быть построены мосты через речку грузоподъемностью до тринадцати тонн, лучше пятнадцати. Сроку вам трое суток, начиная с завтрашнего дня.

— Простите, господин комбриг, но это невозможно.

— А мне возможно одной бригадой прорывать пять рядов проволоки и четыре ряда траншей, которые укрепляли больше двух лет? Трое суток и не часом больше. Не справитесь — расстреляю перед строем как пособника врага.

— Да как вы смеете?

— Смею, еще как смею, — ухмыльнулся я плотоядно. — Трое суток и ни часом больше. Каждая минута простоя бригады неизбежно приводит к обнаружению нас разведкой противника.

— Я буду жаловаться, — пригрозил мне Тортфорт…

— Хоть сто порций, — ответил я, — но только после расстрела. Перед фельдмаршалом я как-нибудь отвечу, как отвечаю за всю операцию.

— Разрешите узнать, с кем я имею честь беседовать? — глаза Тортфорта побелели от злости.

— Гвардии майор, действительный статский советник и камергер барон Бадонверт, — и, выдержав небольшую паузу, добавил. — Кобчик. Савва Кобчик. Если хотите Кровавый Кобчик.

Расстегнулся я ватник и показал свой шейный Рыцарский

крест. Дал ему переварить эту информацию и продолжил.

— До сих пор мои приказы исполнялись всегда беспрекословно, точно и в срок. Не думаю, что вы, барон, будете исключением. Либо по мостам пойдут мои броневые коробочки на рассвете четвертых суток, либо вы будете расстреляны перед строем. И не дай вам ушедшие боги, если под этими машинами, — похлопал рукой по броне, — подломится хоть одно бревно на мосту. В этом случае вас также ждут двенадцать ружей без суда, но уже вместе с вашим инженером. Я все сказал. Свободны.

Повернулся к заместителю.

— Вальд, укажи им место дислокации и пусть приготовят им с марша горячее питание за наш кошт. Солдатики ни в чем не виноваты, раз попали в такую погоду.

И не обращая больше никакого внимания на офицеров, залез обратно к себе на броню и снова засёрбал ложкой по котелку, жалуясь.

— Ну вот, остыло все.

Ягр снизу держал термос с кофе и терпеливо ждал, когда у меня закончиться приступ ипохондрии.

На душе было пусто. Никакого удовольствия, послевкусия от моей маленькой мести Тортфорту не было.

* * *

Прогулялся по лесочку. Хозяйским глазом посматривая, как расположились роты и батареи, и в очередной раз порадовался, что не поддался искушению свалить снабжение бригады на имперских интендантов, а создал в бригаде полноценные тыловые подразделения, хотя они и съедали четверть всего личного состава. Зато у моих тыловиков имелся собственный транспорт позволявший снабжаться с армейских, а то и фронтовых складов. Все мы соединение фронтового подчинения. Можно сказать резерва главного командования. Вспомнил, как железно отстаивал эту идею у Аршфорта и с трудом находил понимание.

В горном замке герцога, о котом я не имел даже малейшего представления пока в него не попал, собрались тогда сам хозяин владения, граф Аршфорт, генерал Молас и ольмюцкий кронпринц. Это уже после того как они отсмотрели на калужском полигоне учения с применением бронеходов поддержанных штурмовой пехотой в атаке на укрепленные полевые позиции противника.

Генералы впечатлились. Особенно Бисер, который еще с первых бронепоездов так бредил полевой самоходной броней, но в Будвице ему ничего толкового сделать не смогли. А то, что сделали, было тяжелым, малоподвижным плохо проходимым на пересеченной местности, хоть и имели вращающуюся башню с 37-мм револьверной пушкой. Так… броневичок на базе колесного рутьера. Как я и предсказывал ему, вне проселочной дороги такой бронеход был неприменим. А из-за двухметрового маховика высота этот бронепаромобиля превысила три с половиной метра.

Калужский тракторный завод выпустил к тому времени три вида самоходных орудий. Две модели под трехдюймовые пушки и одну модель под четырехдюймовую гаубицу. Пушки на них пока были только горные, на мой вкус слишком короткие. Всего метр длинной или, как говорят артиллеристы, одиннадцатикалиберные стволы. Для артиллерийского штурмового самоходного орудия непосредственной поддержки атакующей пехоты или сокращенно 'артштурм' они вполне подходили как по дальности выстрела, так и по низкой баллистике ствола при том же унитарном патроне.

'Артштурм' получился очень приземистый не выше двух метров, если не считать командирской башенки спятью перископами от 'Рецкого стекла'. Двигательная группа — четырехцилиндровая V-образная паровая машина…., котел и топливные баки располагались в корме, а экипаж в носовой части, в просторной неподвижной рубке. Малый вес орудия позволил усилить лобовую броню до 25 мм. Бортовая 15 мм и 5 мм крыша. Кроме того, спереди на самоходку навешивался V-образный бульдозерный отвал углом вперед для быстрого разграждения колючей проволоки. Ну и дополнительной броневой защиты гусениц в лобовой проекции. Ходовая часть от прототипа — трактора ДТ, увеличилась на еще одну спаренную тележку опорных катков. Ведущие колеса увеличили в диаметре. Экраны по бортам навешивать не стали. И так вес с полным боекомплектом в 40 снарядов и со всеми технологическими жидкостями составил почти 12 тонн.

Кроме пушки 'артштурм' был вооружен 6,5 мм спаренным пулеметом 'гочкиза' и 11-мм пулеметом той же фирмы на вращающейся турели командирской башенки. Из за чего это люк пришлось делать из двух половинок, чтобы защитить стрелка с флангов.

Экипаж четыре человека. Командир, механик-водитель, наводчик и заряжающий. Личное оружие экипажа пистолеты и автоматы под пистолетный патрон.

Новые автоматы. Делали для Моласа, а получилось для себя

любимых. Не добившись нормальной стрельбы очередями с глушителем, просто уменьшили калибр до стандартного армейского патрона 6,5х25 мм и получили на выходе машинку чем-то похожую на китайский 'Тип-85' с проволочным гнутым прикладом от чешского 'скорпиона'. Больше всего намучились со штамповкой секторного магазина. Но к выходу бригады успели этими пистолетами-пулеметами вооружить все экипажи бронеходов.

Автомат для штурмовой пехоты ГАУ приказало также переделать на стандартный армейский калибр в 6,5 мм, иначе отказывалось принимать его на вооружение. И стал он похож чем-то на ППШ образца 1943 года. Деревянный приклад остался, а магазин с левого боку переехал вниз.

По той же схеме переделали и 11 мм пистолет-пулемет……, которым на свой страх и риск я вооружил саперов-штурмовиков первой линии из рецкого батальона 'кровавой тризны'. Все же в траншеях бой идет накоротке, а останавливающее действие крупной пули намного выше. Да и прямых магазинов можно закрепить на разгрузке намного больше, чем секторных. Их даже за голенище сапога засунуть удобно, что часто штурмовики и делали.

Все различие состояло в том, что у 11 мм модели магазин остался прямой, а не секторный. А вот автоматика у всех трех пистолетов-пулеметов была одинаковой и при большом желании взаимозаменяемой.

Таким образом, вся моя бригада состояла из автоматчиков. И по одному ручному пулемету на отделение. Карабины Шпрока остались только у тыловых подразделений и… снайперов. Но последних было немного.

Но я отвлекся от бронеходов. Для самоходок второй линии горные пушки были откровенно коротковаты для заявленных тактических целей. Надо бы минимум калибров двадцать-двадцать четыре длиной, чтобы скорость снаряда повысить для лучшей пробиваемости препятствий в полевой фортификации врага. Стоящие на вооружении рецкой армии немногочисленные тридцатикалиберные дивизионные трехдюймовки подходили нам мало из-за поршневого затвора и отсутствия каких-либо амортизаторов ствола.

Принц Бисер сразу въехал в проблему и, не откладывая ее в долгий ящик, отбил телеграмму в Будвиц, откуда на шестой день пришел эшелон с качающими частями новых огемских дивизионок, которые имперское ГАУ по каким-то своим соображениям не приняло на вооружение. И большое количество снарядов к ним.

— Чтобы зря паровоз не гонять, — пояснил нам принц этот подарок.

Впрочем, этот унитарный выстрел был стандартным, что облегчало нам снабжение. Опять повторялась та же история что и с вооружением бронепоездов. По остаточному принципу 'на те боже, что нам не гоже…'. Но на этот раз все получилось гоже и в кассу.

Длинный сорока калиберный ствол с двухкамерным дульным тормозом и новейшей гидравлической системой гашения отката и полуавтоматическим клиновым затвором меня привел в восторг, несмотря на то, что под него пришлось полностью поменять всю компоновку самоходки. Она стала чем-то напоминать мне 'голожопый Фердинанд' времен Великой Отечественной войны в СССР — СУ-76. Все из-за того, чтобы длинный ствол на крутых углах не утыкался в землю. Двигатель спереди, полуоткрытое боевое отделение сзади. Экипаж шесть человек. Из дополнительного вооружения один ручной 6,5 мм пулемет 'гочкиза' к которому на каждом борту привалили шкворневую установку. Назвали ее 'коломбиной'. Первоначальное название было 'Альта', но та отказалось наотрез. До скандала.

Последним моим шедевром стала двадцатикалиберная четырехдюймовая самоходная гаубица. Та же компоновка, что у 'Коломбины', но на стандартной тракторной ходовой из двух двухколесных опорных тележек. Все равно ей стрелять, кроме редких случаев использования прямой наводки, только с места и, как правило, с закрытых позиций. На этот случай выдвигался назад дополнительный полик и вытыкались в грунт два сошника для устойчивости. Все же отдача от 107 мм снаряда суровая. Рубка полуоткрытая. Бронирование тонкое, противопульное. Экипаж шесть человек. Эта установку звали 'Эликой'.

Таким образом, механизация бригады разделялась так.

Первый дивизион 'артштурмов' из двух батарей — 19 машин.

Второй дивизион 'коломбин' из двух батарей — 17 машин. На большее просто новых пушек не хватило.

Отдельная батарея 'элик' — 9 машин.

Батарея обеспечения — 10 гусеничных тягачей с прицепами. На них снабжение боевых машин водой, керосином и запасным боекомплектом.

Ремонтный парк. У них еще пара 'артштурмов', только без пушек. Вместо нее пулемет торчит, зато с краном и лебедками — подбитые машины из-под огня вытаскивать…

Обоз. Как на рутьерах с колесами на новомодном гусматике, так гужевой на стерхах.

Рецкий гвардейский штурмовой батальон 'кровавой тризны'.

Две роты. Его мы просто размножили почкованием, разделив взвода, и разбавили претендентами старый состав. Комбатом поставили бывшего замкомроты, а Вальда я забрал к себе заместителем командира бригады по всем пешим войскам. И на случай мало ли чего просто заместителем.

Два отдельных батальона ольмюцких саперов-штурмовиков, ветеранов взятия Щеттинпорта. Король Бисер оставил комбрига у себя, двинув на повышение, а штаб его бригады стал моим штабом.

Саперно-маскировочная рота. Она же понтонный парк.

Отдельная рота разведки из рецких горных егерей и конный взвод полевых жандармов. Плюс четыре офицера в штабе от Моласа разведкой и контрразведкой ведают.

Рота связи из трех взводов артиллерийских корректировщиков с телефонами, конного взвода связи из сорока посыльных полевых адъютантов и пеший взвод связи телефонистов обслуживающих штаб.

Рота охраны техники.

По бригаде все. Дальше только привлеченные части типа прибывшего сегодня оногурского саперного батальона и затихарившихся в окрестных лесах пары драгунских полков из корпуса Бьеркфорта. И полк линейной пехоты также на лесной даче загорает. Ждет времени 'Ч'.

У драгун нововведение — в полк добавился пятый эскадрон — пулеметный. Из десяти тачанок со станковыми пулеметами. Бьеркфорт до них практически сам додумался во время своего 'ледяного рейда' по царским тылам. Осталось только чуть-чуть подсказать как правильнее.

Сквозь наше расположения все тянулись и тянулись усталые голодные саперы, которым с завтрашнего утра нам мосты строить. Дядьки все в летах. Призывники второй очереди. Жалко на людей смотреть до чего их довел Тортфорт. Но как только солдаты въезжали, что ароматная каша с мясом готовится в этом лесу для них, веселели. И откуда, только у них силы брались ускорить шаг.

— Савва, ты что ли это, змей каленый? — окрикнули меня с фуры, запряженной двумя исхудалыми стирхами.

— Гоц? Живой! Демон подземный… — обрадовался я знакомому лицу.

— А то? — соскочил он с облучка и полез обниматься. — Меня ничто не берет. Что мне сделается?

— А как ты у оногуров оказался?

— И не говори. Я от нашего барона сбежал в унтерскую школу почти сразу за тобой. Попал к оногурам по распределению

— теперь кузнецов в каждом саперном батальоне полувзод. И надо же — ты не поверишь. Новым комбатом приходит опять этот индюк надутый, Тортфорт. Что такое не везет и как с этим бороться? Закурить есть?

— Ты же знаешь, что я не курю. Вот выпить есть, — отцепил я от пояса флягу с водкой и протянул ему.

— Ну, ты настоящий друг, Савва.

— Гони свою колымагу вот к тому бронеходу с номером 001, - указал я направление. — Я скоро подойду. Табачка только тебе позычу у народа.

— А пожрать есть? — Гоц поглядел на меня с выражением уличного пса.

— Найду. Для друга всегда найду, — заверил я его.

Надо же… Просто день встречи выпускников какой-то.

* * *

Ну и гнилое же это место Вакалония. Вроде как минус за бортом, а сыро и промозгло. Да еще похмелье…

Хорошо вчера с Гоцем накатили. Душевно. А главное он там и не понял с кем пил. Точнее догадался, но не полностью. По Рыцарскому кресту (куда его спрячешь?) унтер решил, что я выбился в офицеры, но он даже представить себе не мог, что я поднялся выше лейтенанта. Я не стал его разубеждать, иначе рисковал потерять очень важный для меня источник информации.

Ягр, по моему приказу, заворачивал всех с любым вопросом от командирской машины к Вальду. Комбриг занят. Так что под тентом, натянутым за бронеходом между вековых елей нам с унтером было комфортно у аккуратного костерка, на котором мы жарили хлеб на прутиках и мазали эти тосты тушенкой. А что? Хорошая закусь. С такой не развезет. Особенно после плотного ужина.

Вспомнили, как водится, всех знакомых по стройбату. Я ему про Зверзза и Вахрумку что знал, рассказал. Он мне как Страшлипка погиб по глупости. В болоте утоп, там же где Зверзз ногу себе отдавил.

Я припомнил, как воевал со снайперами на нами же построенном укрепрайоне, и как меня там ранило в руку. Гоц мне про штурм Щеттинпорта поведал. Гоц вообще счастливчик — за всю войну ни царапинки, хотя под артобстрел попадал раз девять или десять.

Но главное в этой беседе для меня не столько приятное общение со старым приятелем, это тоже… главное я вживую

прощупал настроение солдат на фронте. Кто же из солдат майору, а тем паче полковнику все расскажет как есть? И сведения эти были для меня неутешительными. Фронт потихонечку разлагался…

— Война, Савва, всем надоела хуже горькой редьки, — вещал мне унтер, пыхтя папиросами, которые я, походя, отнял у Вальда, поймав его у полевой кухни. — Ладно, мы, саперы, нас часто с места на место перебрасывают, хоть какое-никакое да разнообразие. Тоже не сахар. Сам видел. А ты представь, как это месяцами в окопах в грязи сидеть? Чуть отпустило, когда стали всех подряд в отпуска отправлять домой. Но теперь и это не греет. Что там того отпуска? Некоторым лучше вообще было бы в отпуск не ездить… Там оказалось такое…

— Я был батальонный разведчик, а он писаришка штабной. Я был за отчизну ответчик, а он спал с моею женой… Так? — усмехнулся я.

— И так… и хуже… По разному. Мой напарник, уже после унтерской школы, с отпуска вообще не вернулся. И жену порешил, и любовника ее… теперь на каторге кукует… Не имел бы он Солдатского креста, вообще бы повесили.

— А что враг? Каков он здесь?

— Враг? Как сказать? Республиканцы они, конечно, пожиже будут царцев. Но тоже храбры, не отнять. Только дурость это в атаку на пулеметы в полный рост бегать. Сам увидишь, точнее, учуешь, как трупным запахом несет с нейтральной полосы. От этой вони порой с ума сходишь. А главное никто уже понять не может, за каким таким подземным демоном он воюет? Не мы, ни они, — махнул Гоц рукой в сторону фронта. — Война только Тортфортам мила. И то офицеры в своих блиндажах поголовно пьянствуют и в трикото играют. Солдаты в атаку уже только по приказу идут, да и то с неохотой. Когда только эта бойня кончится? Я вот тебе как на духу скажу. Лучших на этой войне поубивают, а племя останутся только худшие, те, кто по щелям в тылу попрятался. Вот тогда и настанут для нас плохие времена.

— Спасибо. Успокоил. Мне вот на днях в бой идти. Как с таким настроением?

— Есть еще выпить? — Гоц пристально смотрел, как играет огонек костерка, слизывая подбрасываемые мной веточки.

— А не попалишься? — проявил я заботу.

— С чего тут палиться? — закурил унтер последнюю папиросу и бросил пустую картонную пачку в огонь. — Все офицеры в батальоне уже сами крепко поддали, так что запаха от меня не учуют. Вот то, что я с тобой, не заметив весь табак отсмолил… Вот это беда.

Я встал, подозвал Ягра и попросил его найти еще табаку. Денщик мой сам не курил, как и я.

Из рубки 'артштурма' достал еще фляжку с водкой из НЗ.

— Я что-то слышал о братаниях на фронте… — протянул я флягу унтеру. — Что это за зверь такой?

Гоц сделал хороший глоток, занюхал его рукавом бушлата. Оглянулся по сторонам и рассказал, понизив голос.

— Бывает такое… особенно по общим праздникам… выходят разом на нейтралку без оружия и говорят о том, что войну надо кончать, песни хором поют… Сначала начальники растерялись, не знали, что с этим делать, а потом полковники сами встали у пулеметов и долбанули по своим и чужим без разбора. Что с той, что с этой стороны. Братания пока попритихли, но офицерам в траншеях, особенно тем, кто драконствовать над солдатами любит надо теперь с опаской ходить. До того, что полевая жандармерия по каждому случаю смерти офицера теперь следствие проводит. Свои его убили или чужие? Листовки еще появились от этой Лиги. Многие верят тому, что там написано. Но это от отчаяния, от того что жить в окопной грязи надоело до смерти. Потница, чесотка, гибок на ногах… Скука. А тут еще в ближнем тылу солдатский бордель расстреляли в полном составе. С месяц назад.

— За что? — искренне удивился я.

— За сифилис.

Мда… Вот она война во всей своей красе. Заразили девчат постыдной болезнью и их же за нее и порешили. Нет тела — нет дела.

— Ладно, — поднялся Гоц с бревнышка. — Хорошо с тобой, однако пора и честь знать. Смеркается скоро, а мне еще место искать, где приткнуться.

— Я распоряжусь, тебя проводят.

— Хороший ты мужик, Савва. Настоящий горец. В лейтенанты выбился, а человеком остался.

— Увидимся еще, — пообещал я. — Флягу с собой забери. Пригодится.

* * *

На следующее утро лес огласился стуком топоров по деревьям. Саперы начали валить лес для мостов.

Приказал выдать им трелёвочник из обоза, заодно и проверим эту конструкцию в деле.

Началось…

В душе сцыкотно как-то…

А ну как все пойдет не так?

Не так как мы планировали с фельдмаршалом и Моласом, когда специально выбрали самый слабый участок республиканской обороны. Самая сильна оборона у них возле линий железных дорог, где уже отметились наши бронепоезда, проведя разведку боем. Молас клялся и 'зуб давал' что основная масса артиллерии у врага именно там, где они ждут нашего наступления по анализу действий Аршфорта на восточном фронте.

— Дурных там нема, — закончил тогда Молас свою страстную речь. — Но и пушки у них не бесконечны. А вот пулеметов на выбранном участке у них даже избыток. И станки их они предельно облегчили.

Ягр подвел мне коня, я отвлекся от воспоминаний и в сопровождении своей охраны и адъютанта поскакал к реке. На этот раз я был одет по-кавалерийски. В длинной шинели с полевыми полковничьими погонами и меховой шапке с кожаным козырьком.

На берегу неширокой, но глубокой лесной речушки с топкими берегами проверил батальонного инженера саперов на предмет предельных углов выходов с мостов. Посоветовал в одном месте срыть увал взрывчаткой. Иначе бронеходы там не пройдут.

— Услышат же такой взрыв на переднем крае, ваша милость, — возразил он мне. — Вся секретность побоку.

Вот Тортфорт жук, всех у себя приучил титуловать не по чину, а по титулу, сноб проклятый.

— Не страшно, капитан. Сейчас там артиллерия голосить начнет, — заверил его я и поскакал искать комбата.

А саперы по колено в студеной зимней воде уже забивали под мост первые сваи примитивными 'бабами'.

— Капитан, — сказал я напоследок, — не забудьте мне составить особый список тех солдат, кто работал в воде.

А про себя подумал, что обязательно выбью для них у Аршфорта медали 'За боевые заслуги'. Саперу — труженику войны часто доставалась самая тяжелая работа и почти никаких наград. Вчера от Гоца я узнал, что совершившие подвиг саперы, создавшие гать в непроходимых болотах Огемии, и облегчившие этим нам победу над Куявски, не были вообще ничем награждены. Никто.

Тортфорта нашел минут через двадцать в соседнем лесочке, наблюдающего за валкой леса. Рядом на костре его денщик варил кофе. Запах шел просто одуряющий. Захотелось напроситься на

чашечку, но задача, стоящая передо мной была важнее.

— Майор, вы всегда находитесь вдалеке от основного фронта работ? — поддел я его.

— Мое дело обеспечить работу, господин барон, а для непосредственного руководства ею в батальоне есть инженер, — гордо вскинул он подбородок.

— Ну как скажете… — примирительным тоном отозвался я. — Тогда пусть мои повара займутся чем-нибудь другим, если вы своих саперов сами всем прекрасно обеспечиваете.

И повернул коня.

— Господин барон, вы меня не так поняли, — крикнул он мне в спину.

Я повернулся вместе с конем, натягивая повод влево, и вопросительно посмотрел на комбата.

— Наш обоз еще полностью не подтянулся… — начал он оправдываться, разведя руками.

Но я его перебил.

— Ясно-понятно. Плохо обеспечиваете, майор. Любой мой комбат, — сделал я акцент на слове 'мой', - давно бы уже получил за такое обеспечение неполное служебное соответствие. Ну да ладно. Так и быть. Сегодня мы ваших саперов кормим — пусть только работают в полную силу. Но только сегодня.

Попался мне на этом объезде и Гоц, который со своими кузнецами развернулся вовсю и ковал большие скобы. Бревенчатые мосты потребуют их много. Я не стал его отвлекать от работы, поскакал дальше.

Саперы тягали бревна, матерясь по-оногурски. Иногда слышалась и имперская речь с диким акцентом.

— Куда тягай? Туда тягай! Совсем туда тягай. Бревно силой не взять. Хытрость нада, хытрость.

Улыбнуло. Даже подняло настроение.

Объехал все батареи, принял рапорты о состоянии техники. Ничего экстраординарного. Марш прошел как на полигоне без поломок.

Только к обеду добрался до расположения штаба своей бригады. Там меня ждал с докладом начальник разведки капитан Гарос, сосватанный мне Моласом. На мой молчаливый вопрос он ответил кратко.

— Пока ничего нового, господин гвардии майор. Поиск вражеская фронтовая разведка ведет в обычном режиме. Никаких признаков особости.

Я склонен был ему верить. Он на этом участке уже две недели торчит. А мы только подъехали.

Тут грянул взрыв от реки. Саперный инженер явно

перестарался с закладкой.

— Вот теперь, капитан, гляди в оба, — напутствовал я своего главного разведчика и пошел к ближайшей полевой кухне. Обедать. Я уже приучил всех поваров в бригаде, что могу вот так вот неожиданно появиться и подкормиться из солдатского котла. А по результатам или похвалить или выписать суровых люлей. Эффективная метода. Главное чтобы в ней не было системы, к которой можно привыкнуть.

13

Разведчики уходили в поиск. Горные егеря, прошедшие не только войну в горах с Винетией, но и восточный фронт, обвыкшиеся к болотам и равнинным лесам. Девять групп. Все вооружены ППГС и парой ручных гранат. Бинокли и перископы разведчика. Одеты в камуфлированные маскхалаты двойные с одной стороны белые, с другой пятнистые с белыми пятнами, как раз под сезон снегопада с оттепелями.

Вышел я к ним вместе с начальником разведки из штабной палатки. Осмотрел. Заставил попрыгать. Все в порядке, ничего не звякнуло.

— Еще раз повторяю, бойцы, никакой самодеятельности. Только наблюдать. Режим тишины. Языка брать, если только сам в руки попадется. Нам нужна полная картина их огневых точек.

— Разреши идти, вождь? — спросил командир первой четверки по-рецки.

— Идите, — разрешил я на том же языке. — И помните начало активных действий только тогда, когда в небе появится дирижабль.

— Да хранят вас ушедшие боги, — только и добавил начальник разведки, тоже по-рецки.

Егеря тихо по одному растворились среди елей.

— Что нового у нас? — повернулся я к капитану.

— На удивление тихо, господин гвардии майор, — ответил начальник разведки. — Так помаячили две поисковые группы с интервалом в четыре часа. Все на строительство мостов пялились. Взрыв их привлек, переусердствовал саперный инженер. Ничего неожиданного и экстраординарного.

— Как оцениваешь подготовку их фронтовых разведчиков?

— Как высокую, господин комбриг.

— Не спугнули?

— Никак нет. Я даже жандармов в тыловое охранение услал. От греха подальше.

— Что ж… Ждем еще, — только и ответил я. — Время есть.

— А?..

— Рано еще, — ответил я и снова посмотрел на часы, щелкнув крышкой.

Эти часы, подаренные мне Вахрумкой, напомнили те первые мои часы в этом мире. Трофейные. Которые отобрал Тортфорт. Да еще обвинил меня в мародерстве…

* * *

Сидели в штабной палате, в который раз измеряя карту циркулем.

Начальник штаба протер уставшие глаза и промолвил устало.

— Ничего нового мы не придумаем, комбриг. Лег бы, поспал часа четыре. Нельзя так себя выматывать перед боем. На бой ничего не останется.

— Что жандармы? — поднял я взгляд на начальника разведки, простите, на второго квартирмейстера бригады.

— Отловили пяток каких-то совсем левых людей. Вроде как местные. Но до войны это республиканская территория была, так что…

— Допросили?

— Как водится. От них только: 'знать, ничего не знаем, хворост собирали'. А бить их вы запретили.

— Изолировали?

— Так точно. Специально блиндаж особый заранее выкопали.

— Завтра отпусти их с извинениями.

— Но…

— Вот именно… — ответил я. — Где зампотех?

— Простите? — переспросил начальник штаба.

— Бригадный инженер где? — поправился я.

— Фары проверяет на наличие карбида.

— После победы отдохнем, — отмахнулся я.

* * *

Паролет стоял на лугу, сливаясь осенним камуфляжем с ближайшей рощицей. Снизу его покрасили в 'голубое небо'. Точная копия моей первой модели, только двухместная.

— Ну что, мичман, птичка к полету готова? — спросил я летчика, который ходил и пинал гусматик на высоких колесах.

Слез с седла и отдал повод денщику.

— Так точно, командир, только что по второму разу все проверил.

— Тогда полетели, ты за штурвалом, а я сегодня за наблюдателя.

Лицо мичмана украсила дурацкая улыбка.

— Да, да… ты за штурвалом. Доверяю.

Мичман мазнул рукой и к нам подбежали штатные заводские механики. А я полез в гондолу. Кабиной это сооружение назвать было трудно. Прям самолетик на качелях в детском парке.

— Контакт! — крикнул мичман, закрепляя у себя в кабине автомат.

Пропеллер с легким скрипом повернулся.

— Есть контакт, — крикнул механик.

— От винта!

— Есть от винта.

Пропеллер закрутился с шуршащим шумом большого вентилятора. Рева мотора как на двигателях внутреннего сгорания не было. Не ощутил я и сильной вибрации.

— Колодки убрать.

Механики потянули веревки, освобождая колеса от тормозных колодок.

Самолет двинулся вперед, слегка подпрыгивая на кочках. Набрал скорость на лугу и легко оторвался от земли.

Когда набрали первую сотню метров высоты на пологой глиссаде и пошли на разворот с легким креном, я похвалил летуна.

— Молодец, мичман, хорошо взлетел. Который полет?

— Двадцать девятый сегодня будет, командир.

— Обогнал меня уже, — вздохнул я.

Мне самому хотелось сидеть за штурвалом, но… мое дело сейчас наблюдать.

— Все равно командир вы — первый, — проявил мичман легкий подхалимаж.

— Аэростат привезли? — задал я вопрос чтобы мягко прекратить эти саввадзедунисткие речи.

— В пути пока. Но к вечеру дотащат. Его стирхами волокут. И компрессор с ним. И лебедку. Там большое хозяйство оказалось.

— Дай бог, дай бог, — вырвалось у меня.

— Командир, неужели вы из этих, которые верят в оставшегося бога?

— Нет. Просто поговорка такая осталась в наших горах. Ушедших богов было много. В древности, приговаривая так, считали, что кто-нибудь из них да откликнется.

— Все, все командир, выше не полетим, там облака пойдут сплошняком.

— Какая высота?

— Полтора километра.

— Давай к линии фронта, уже не добьют. Но ниже километра не опускайся.

— Принял, отозвался мичман и биплан накренившись, стал совершать очередной поворот.

На удивление мы разговаривали в полете, не напрягая голоса. Большое преимущество паровой машины перед вечно

ревущим двигателем внутреннего сгорания.

Откинул столик в гондоле и, преодолевая взвихрения воздуха в открытой гондоле, закрепил на нем зажимами карту. Теперь только от зоркости глаз и внимательности моей все зависит. Но мне не первый раз летчиком-наблюдателем выступать. Правда, на самолете в первый. До того только на дирижаблях. Совсем разные ощущения. На дирижабле чувствуешь себя намного защищенней.

А хорошо мои бронеходы замаскировались. Сверху и не видно совсем. Вот уже и наполовину построенные мосты для наших коробочек, облепленные саперами как соломинка муравьями. Увал. Ближние тылы и линии траншей, разделенные нейтральной полосой запутанной рядами колючей проволоки. Отметил пару командных пунктов противника и махнул мичману рукой, указывая, что надо лететь в ближние тылы врага.

Первая авиаразведка в этом мире состоялась. И провел ее я — Кобчик!

* * *

Сели в ста километрах севернее, где у нас заранее был оборудован аэродром подскока с бочками дистиллированной воды, керосина и касторового масла.

Мичман с дежурным механиком колдовали над регламентом, а я поднимал карту по записям в блокноте.

Как заранее ожидалось, фронтовая разведка противника не дремала. Вскрыли нашу подготовку к атаке качественно и заранее стягивали резервы и дополнительную артиллерию, вплоть до корпусной. Восьмиорудийную батарею длинных шестидюймовок я сам видел на марше. Шла эта механизированная колонна с запада. Пушки тягали большие угольные рутьеры, дымя паровозными трубами. Считай, корпусной резерв бросили против нас республиканцы. И две дивизионные батареи сдвигались ближе к линии наших мостов с севера и с юга. Итого против нас кроме траншейных малокалиберных пушек и бомбометов (которые республиканцы быстро с нас собезьянничали) будет действовать целых три батареи трехдюймовок. Двадцать четыре ствола.

С юга от железной дороги не двинулось ни одно орудие.

А вот с севера по рокаде двигалась в нашу сторону еще одна колонна дивизионных пушек. Кого-то на время совсем обездолили на арту. Сейчас выясним кого.

Кроме артиллерии шли в сторону предполагаемого нашего прорыва пехотные колонны и обозы.

Сверху все было видно под ясным зимним солнышком как на мониторе компьютерной стрелялки.

На промежуточном аэродроме заправились и вылетели в тыл, в штаб фронта — отвезти разведданные и получить последние приказы. Армия на то и армия, а не партизанский отряд, что все делается по приказу. Причем письменному.

На обратном пути повстречали дирижабль 'Гурвинек III'. Покачали ему крыльями, приветствуя, хулигански облетели вокруг. Из гондолы, заметив имперские опознавательные знаки на наших плоскостях, приветливо нам замахали руками.

* * *

Во фронтовом штабе переполох. Прибыл император из столицы. Накрылась нормальная работа. Сам штаб выглядел как разворошенный муравейник. А уж что вокруг творилось… Городишко просто 'вымер'. Никого на улице без униформы. Кирасиры верхом улицы патрулируют числом не менее отделения каждый патруль.

Благо, что посадочное поле для дирижаблей находилось недалеко, а то не знал бы как до штаба фронта добраться. Всем ни до кого. Император прибыл! В этот раз на поезде иначе и к причальной мачте мне бы не приземлиться. А где-то за городом площадку бы пришлось искать левую. А под снегом это чревато. Снег все равняет и кочки и ямки.

Но мичман молодец, приземлился как в ласковую женскую ручку.

Поздравил пилота с юбилейным вылетом и поплелся в штаб, загребая бурками давно не чищенный грязный снег с улиц. Пополам с конскими яблоками. Здесь хоть всего километров семьдесят севернее, а было существенно холоднее, чем в лесу временного расположения моей бригады.

Штаб охраняли в две нитки дворцовых гренадер. Но даже через внешнее оцепление императорских гвардейцев меня не пустили. Вызвали офицера.

Гвардейского лейтенанта недовольного тем, что его выдернули на мороз, я вежливо попросил.

— Лейтенант, передайте генералу Моласу, что майор Кобчик прибыл с воздушной разведки.

Одет я был как из самолета вылез. Дубленая летная куртка без знаков различий и деревянная кобура на боку. На меховой шапке очки-консервы сдвинуты на лоб. Штаны ватные и бурки от рабочего комплекта бронемастера.

Тот смерил меня ленивым взглядом сверху вниз и, не представляясь, лениво процедил.

— 'Гурвинек' улетел несколько часов назад и пока не возвращался. Других дирижаблей здесь не было. Так что придумайте что-нибудь правдоподобнее. Не пускать, — это он уже солдатам добавил.

Задубевший от холода на высоте я впал в ярость.

— Слушай ты, жертва аборта, если сию минуту не доложишь обо мне Моласу, то я тебя на ленточки порежу, не будь я Кровавый Кобчик.

Крайний солдат протянул было руку ко мне, но я в запале рванул ворот куртки и тут все увидели Рыцарский крест на моей шее. Рука тут же убралась.

— Повторяю еще раз для особо одаренных, — повысил я голос. — Я — командир Рецкой 'железной' бригады, гвардии майор Кобчик, барон Бадонверт. Приказываю вам немедленно доложить обо мне второму квартирмейстеру генштаба. Бегом! — и открыл крышку кобуры.

Лейтенант попятился от меня, пытаясь что-то сказать, но этого у него не получалось. Крыса тыловая, дула в упор, что ли никогда не видел?

Солдаты в оцеплении все встали по стойке смирно — ну чисто рота почетного караула, и делали вид, что разборки офицеров их не касаются.

— О! Знакомый голос, — раздалось за моей спиной. — Кобчик. И как всегда уже кого-то строит. Савва, ты уже не чрезвычайный комиссар и права бессудного расстрела у тебя больше нет, насколько я помню.

Оглянулся — Аршфорт собственной персоной. В парадной шинели по случаю приезда монарха щеголяет красными отворотами. Рыцарский крест на этом фоне сияет. И не холодно же ему форсить? Небольшая свита за его спиной.

Встал по стойке смирно. Отрапортовал командующему фронтом как положено.

— Ваше превосходительство, гвардии майор Кобчик с воздушной разведки прибыл. Имею важные сведения.

Фельдмаршал оглянулся на причальную мачту и пожал плечами.

— А где дирижабль?

— Что вам всем этот дирижабль дался? — в сердцах воскликнул я. — Я на аэроплане прилетел.

— Так. Все ясно. Пошли в тепло, — потащил меня Аршфорт за плечо. — Сам пилотировал?

— Нет, экселенц. Там у аппарата летчик. Мичман. Ему бы чаю

горячего. А лучше грога. Только водки много не давайте. Нам еще обратно лететь. И оцепление надо приставить к аппарату, а то он больно хрупкий.

И как воздух с меня спустили. Все же я сильно устал. А еще больше вымотался.

— Пошли, бадонский рыцарь, — усмехнулся фельдмаршал, — Молас квартирует в доме напротив. Я только что от него шел.

И он повернулся к гвардейскому лейтенанту, приказывая строгим тоном.

— Взвод поставить на часы к причальной мачте. Взять под охрану и оборону новейший летательный аппарат. Термос с грогом мичману туда же.

* * *

Мичмана все же приволокли в отдел второго квартирмейстера. В тепло. Накормили, напоили и посадили около печки отогреваться. Заодно переспрашивали его о том, что им в моих данных было сомнительно. Он же также с неба вниз смотрел.

Потом прискакал Бьеркфорт, и все началось сначала.

Опять циркулями по карте как ножками генералы шастают, переходы высчитывают. Тяжелая эта наука — техника вождения войск. Нюансов масса. Я по российской армии помню, что максимальная скорость колонны по уставу 35 километров в час. Для первой машины… А раньше еще даже в шестидесятые годы прошлого века она составляла 25 километров в час. Хотя тот же основной танк с легкостью мог развивать скорость в полста километров за то же время. Про автомобили уже и не говорю. А также про то, что ездить в колонне и держать правильную дистанцию водителя надо учить. А тут все войска пока еще разноскоростные.

— Сто километров у меня ни люди, ни техника не выдержит, — заявил я, бросая на карту карандаш. — Боюсь даже подсчитать, сколько будет небоевых потерь из-за поломок. Посадить же на коробочку больше десяти человек у меня не получится. Десяток — то уже тонна лишнего веса. А если пешком гнать, то пять-шесть километров в час, это шестнадцать часов марша, ваши превосходительства. А после в бой сразу гнать бойца?… Много он нам навоюет? Голая техника может днем идти со скоростью первой машины в двадцать пять километров в час. Ночью такой темп водители не выдержат. Да еще в колонне. Берите десять кэмэ в час как реальную скорость.

— А на рутьеры пехоту посадить? — предложил Молас.

— И остаться перед боем без горючего и запасного боекомплекта? У меня в каждой коробочке всего по сорок снарядов, — возразил я.

— Снаряды мы тебе дадим, — сказал Аршфорт. — Три дюйма ни разу не дефицит. Высадишь пехоту и сразу на погрузку встанешь. Вот здесь есть артсклад, ткнул он циркулем в карту. — Практически рядом. Полевые кухни и продукты подготовим.

Ага… брось обоз… жену отдай дяде а сам поди к мляди… Умные они все тут в больших штабах, когда все под боком. Знаем уже, как гладко бывает на бумаге…

Но хочешь — не хочешь, а компромисс искать надо. Иначе по старому плану нарвемся на такую артиллерийскую засаду противника, что лучше было и не начинать.

Хорошо республиканцы воюют, научились за столько лет. Маневр резервами — основа 'окопного тупика'. Однако… они научились воевать в траншеях против голой пехоты. А это значит…

— Уговорили… Вот здесь, — показал я на карте. — В пятидесяти километрах от места расположения бригады у врага стык двух дивизий. Причем дивизии из разных корпусов. Похуже. Конечно предложенной вами позиция, но годная. Тем более, что с одной дивизии всю артиллерию вывезли уже на место предполагаемого нами прорыва.

— У тебя, Савва, сейчас стволов больше, чем в двух пехотных дивизиях, — ухмыльнулся Бьеркфорт.

— Но мне придется разделить бригаду, чтобы показать, что наступление мы готовим именно там, где строим мосты. Так что мой понтонный парк надо оттягивать назад. Срочно, — закончил я выкладывать свои соображения.

— Как будешь делить? — спросил фельдмаршал.

— Оставлю на месте все гаубицы — девять штук, они не такие ходкие, как остальные машины. И один батальон огемских саперов-штурмовиков. Его подопрем пехотным полком, что в лесочке квартирует рядом. Еще там мои снайперы остаются. И… нужна бомбардировка вражеских позиций с воздуха чтобы они окончательно поверили. Плюс артиллерия дивизии, что в окопах. Устроим демонстрацию. С артподготовкой. А на новом месте в атаку пойдем за огневым валом. Сразу. Тогда лететь надо мне прямо сейчас.

— А кто огневой вал обеспечит? — спросил Бьеркфорт. — Я таких умельцев мало знаю. И все они на востоке.

— Мои 'коломбины', - ответил я. — У них дальность выстрела десять километров. И далее они огнем поддержат 'артштурм' в

атаке со второй линии.

— Ну, летите, — подытожил совещание фельдмаршал. — Вроде все оговорили. Пехотной дивизией тебя подопрем в атаке, она и фланги загнет, если прорвешься. А в прорыв запустим ударный корпус Бьеркфорта. Пусть резвиться по тылам. Он это любит.

— Люблю, — не стал отпираться старый кавалерист. — Тем более что у меня сейчас пулеметные тачанки нормальные, не то, что прошлой зимой. И снега пока не навалило. Самое время устроить врагу веселье.

— Черте что, все планы побоку… — выругался фельдмаршал и сломал в пальцах карандаш.

— Ни один план еще не выдержал соприкосновения с жизнью, экселенц, — утешил его я.

— Это точно, — поддакнул мне Молас. — Когда вылетаешь?

— Сразу вылетим, как только я получу на руки от вас письменный приказ, — ответил я. — Только поспешите, а то стемнеет и мы не найдем куда сесть в темноте. Гробанемся об землю.

* * *

Сразу улететь не удалось. На аэродром прискакал император со свитой. И сразу наехал на меня.

— Что за бардак творится здесь, барон? Новая техника летает, воздушную разведку ведет, а адмирал неба о ней узнает последним. Это как, по-вашему? Порядочно?

Мы с мичманом стояли навытяжку у законцовки плоскостей аэроплана и терпеливо ждали конца высочайшего разноса. Вовремя улететь не успели и когда теперь дадут добро на взлет только ушедшие боги знают. А император все разорялся.

— От кого, от кого, а от тебя, Кобчик, я такого не ожидал. Ты же все-таки капитан-лейтенант воздушного флота. Состоишь у меня в прямом подчинении…

— Осмелюсь возразить, ваше императорское величество, бывший капитан-лейтенант. Год назад вы сами отправили меня в отставку, — четко отрапортовал я.

Как сладко говорить гадости в лицо вышестоящим, если это самое лицо ничего тебе сделать при этом не может.

— Мда?.. — монокль выпал из глазницы монарха, раскачиваясь на тонкой золотой цепочке. Озадачился император.

— Так точно, государь, — напомнил императору его адъютант, — Имперский рыцарь барон Бадонверт в январе этого

года вчистую уволен с воздушного флота в отставку по причине несоответствия службе из-за многочисленных ранений.

— А теперь ты кто? — не унимался монарх.

Аршфорт за спиной императора только глаза закатил под брови.

Молас вообще прикинулся ветошью с краю императорской свиты.

— Осмелюсь доложить, ваше императорское величество, в настоящее время я состою на службе в гвардии рецкого герцога, в должности командира 'Железной' бригады в чине гвардейского майора, — отчеканил я строго по-уставному.

— А как же твои несовместимые со службой раны? — голос императора закипел подозрением с некоторой долей ехидства.

— В начале октября я прошел медицинскую комиссию во Втуце, и она признала меня годным к занятию командных должностей. Горы лечат, ваше величество.

Черте что… драгоценное время тикает, а меня тут мордуют по каким-то бюрократическим придиркам.

— Ладно, раз так, — разом успокоился император. — Ремидий известен своей добротой. А ты у него еще и в камергерах ходишь, не так ли?

— Так точно, ваше величество.

— Хорошая идея, — улыбнулся монарх и снова вставил монокль в глазницу. — Надо и мне половину моих камергеров загнать в окопы. В воспитательных целях. Но мы отвлеклись. Кто пилот этого аппарата?

Мой сосед по подпиранию аэропланного крыла сделал шаг вперед и откозырял.

— Я, ваше императорское величество. Мичман воздушного флота Йозе Гоффен. Откомандирован командором Плотто на калужский авиазавод в качестве летчика-испытателя аппаратов тяжелее воздуха. На данном аппарате конструкции барона Бадонверта мной сегодня совершен тридцатый вылет.

— Аппарат тяжелее воздуха? Летает? А мне, адмиралу неба, никто ни слова. Безобразие…

Император был искренне возмущен.

— Осмелюсь доложить, ваше императорское величество, — четко барабанил слова мичман, — данный аппарат не выставлялся на комиссию по принятию на вооружение и только проходит окончательные войсковые испытания, к тому же является собственностью барона Бадонверта. Впрочем, как и калужский завод по их производству.

Накрылся вылет. У меня опустились плечи. Все насмарку идет, когда операция запланирована по часам и даже минутам.

Принесла же монарха нелегкая в самый неподходящий момент. Вот и воюй в такой обстановке!

А мичман-то сияет так, хоть от лица его прикуривай. Сподобился монаршего внимания и млеет.

Император ходил вокруг паролёта, щупал плоскости, колеса, гладил перчаткой пропеллер и кабину. Издавал какие-то междометия. Наконец сказал громко и с большим удивлением.

— Надо же… Просто этажерка тряпочная… несерьезная такая с виду. И летает. Сколько же он стоит, барон? По сравнению с дирижаблем?

— Точно не подсчитывали, ваше величество, — отозвался я. — Пока модели экспериментальные и они обходятся намного дороже тех, что будут поставлены на поток. Но по сравнению с затратами на дирижабль, думаю, сотен пять — шесть аэропланов построить можно. Может даже больше. — На всякий случай цену самолета я загнул в большую сторону. Авось… — А если использовать дюралевые трубы вместо стальных…

— Для чего вы построили именно такую модель, барон? — перебил меня монарх.

— Разведка. Оперативная связь между штабами. Скоростная курьерская почта, — ответил я. — Вооружения на ней нет.

— Как долго готовить пилота? — заинтересованно спросил уже не монарх, а адмирал неба.

— Шесть месяцев, ваше величество, — ответил я.

— Сколько у вас готовых пилотов?

— Три летчика-испытателя из воздушного флота. Мичманы-энтузиасты. Два гражданских летчика, инженеры с моего завода. И я — человек, который первым в мире поднял в небо летательный аппарат тяжелее воздуха. Всего шестеро.

— Вейхфорт, — император оглянулся на своего бессменного адъютанта. — Возьми список этих мичманов и заготовь приказ о производстве их всех в лейтенанты воздушного флота. Заслужили. Энтузиасты, — последнее слово император просто выплюнул.

Адъютант с готовностью кивнул.

— А теперь, лейтенант, поднимите-ка меня в воздух, — приказал император пилоту и попёрся прямо к кабине с явным намерением сесть в нее

— Ваше величество, осмелюсь заметить, что наверху очень холодно, а вы легко одеты, — проявил заботу новоиспеченный лейтенант, на что император только отмахнулся.

Я незаметно отошел от них, наткнулся на Моласа и попросил его.

— Дай закурить.

— Ты же не куришь, — удивился генерал.

— Тут не только закуришь, тут запьешь… — ехидно отозвался я. — Все полетело верхним концом вниз. Весь наш график.

Главный разведчик империи только рукой махнул.

— Форс-мажор. Большое начальство непостижимо как подземные демоны.

Достал из кармана портсигар, раскрыл его и протянул в мою сторону.

— Угощайся.

Я взял папиросу неудачно размял ее, так что табак весь высыпался на снег.

— Не умеешь, не берись, — наставительно заметил Молас.

Видно ему стало жалко дорогого контрабандного табака. Он сам прикурил другую папиросу и дал ее мне.

Я затянулся и тут же закашлял.

— Как вы эту гадость только курите?

— Сам попросил, — пожал плечами Молас. — К табаку привычку иметь надо. Однако тебя там зовут, — махнул он рукой в сторону аэроплана.

Мичман, то есть уже лейтенант, сидел в пилотской кабине и махал мне рукой. Император с важной мордой лица сидел на месте летчика-наблюдателя и смотрел вперед поверх голов.

Котел мы не глушили, так что к взлету аэроплан был готов. Давление пара было в норме.

Я только снял с головы очки-консервы и протянул их монарху.

— Ваше величество, глаза в полете поберегите.

Император благодарно мне кивнул и напялил очки на голову.

Вся толпа по моему приказу отошла от самолета, и аэроплан после короткой пробежки круто взлетел ввысь.

— Сволочь похвальбушная, — прошипел я в адрес Гоффена. — Угробишься сам и императора угробишь.

С легким креном машина пролетела виража на бреющем над городом, поднимая перепуганных ворон с деревьев. Те с диким граем метались по небу. Из-за этого шума не разобрать было, о чем говорят пилот с пассажиром.

Тут с неба послышались характерные звуки автоматной очереди, и пара птиц шлепнулась на землю.

— Понеслась душа в рай, — сплюнул я на грязный снег.

Похоже, мое наступление отменяется до того момента пока император не наиграется новой игрушкой. Семьдесят километров верхом можно преодолеть за сутки. Но это уже будет поздно. Самолет же такое расстояние кроет за час. Но аэроплан у меня

отобрали, и другого нет в радиусе тысячи километров. Остается телеграф, но им пользоваться фельдмаршал запретил. Во избежание…

Сверху опять раздались автоматные очереди, но я уже туда не смотрел. Ждал, когда у них боеприпасы закончатся.

Одна ворона шлепнулась почти мне под ноги. Еще живая она все пыталась подняться, отставляя в сторону перебитое крыло и уйти от злых людей пешим порядком. Все косила на меня умным глазом, ожидая подвоха или прося добить. Черт ее знает.

Подошел фельдмаршал. Постоял рядом, помолчал. Потом сказал тихо, чтобы окружающие его не услышали.

— Это тебе, Савва, не в Будвице и не во Втуце. Здесь все сложнее и тоньше. Здесь интриги, а не работа. И многие интриги корнями уходят в седую древность.

— Император про нашу фронтовую операцию в курсе? — спросил я также полушепотом.

— Он в курсе, что мы попробуем совершить прорыв, иначе движение стольких масс войск ничем не оправдать, но вот про твои броневые коробочки мы в ставке не рекламировали, держали в тайне, как тогда в горном замке и договаривались. Называли тракторами, тягачами… А сейчас ты просто терпи и если получится то пробуй подмять ситуацию под себя. Иначе всем нам может быть плохо. Император не дурак, вот только сильно капризен. А может и сознательно лицедействовать. Его двор еще та клоака.

Наконец аэроплан приземлился туда же, откуда взлетал и лейтенант погонял аппарат взад — вперед по земле на реверсе. Пижон.

Довольный монарх поднялся в полный рост, не покидая кабину, возвышаясь над толпой военных и своих приближенных придворных.

— Барон, подойдите, — приказал.

Я рысцой подбежал к самолету, вытянулся в струнку, прокричав 'по вашему'… И так далее, что положено по уставу говорить в таких случаях.

— Барон, я очень сердит на вас, что вы от меня скрыли такой прекрасный летательный аппарат, — выговорил мне император.

— Ваше величество, демонстрацию этих аппаратов и демонстрацию их возможностей мы хотели провести в Калуге, после окончания испытаний, которые сознательно держали в секрете от врагов. Мы обязательно бы пригласили вас в Рецию, чтобы провести запуск промышленного производства аэропланов с вашего благословления.

Хорошо лизнул. Вижу — понравилось. Заулыбался монарх.

— Но этого мало, Кобчик, — император смотрел на меня сверху вниз. — Вейхфорт, записывайте. За то, что барон Савва Бадонверт первым в мире поднял в небо аппарат тяжелее воздуха я поздравляю его корвет-капитаном воздушного флота.

— Служу императору и отечеству, — рявкнул я.

— Так-то уже лучше, — показал мне в улыбке он все свои монаршие зубы, так что стали видны золотые коронки на верхней челюсти. — Но это еще не все. От моего личного фонда я даю вам, барон, заказ на два десятка таких аппаратов для моей личной курьерской службы. Справитесь?

— Так точно, ваше императорское величество. Справимся.

Император продолжил. Он был явно в ударе.

— В городе Калуге, что в Рецком герцогстве, создать школу пилотов для управления этими… как вы их называете?

— Аэропланами ваше величество. Так как это уже не воздухоплавание, а авиация.

— Тем лучше, — кивнул монарх. — Создать авиационную школу по подготовке пилотов аэропланов. Начальником школы назначить лейтенанта Гоффена. Ему же отобрать первые сорок курсантов в эту школу.

— Служу императору и отечеству, — гаркнул лейтенант, который в это время вставлял в пропеллер стопор.

— И это еще не все. Шефом пилотируемой авиации империи в составе имперского воздушного флота назначить барона Бадонверта. С присвоением ему чина капитана-командора. Кобчик, через полгода я желаю иметь у себя авиационную курьерскую службу. Гонять для этого дирижабли накладно. А эти птички в самый раз будут. Теперь все. Вейхфорт заготовит необходимые для этого бумаги.

И довольный собой император стал вылезать из высокой кабины, а свитские подорвались его поддержать, чтобы не дай ушедшие боги монарх не упал.

— Кстати, Кобчик, — сказал император, когда встал твердо на землю. — Подарите мне этот карабин. Он мне нравится. Хотя в ГАУ эти автоматические карабины под пистолетный патрон мне ругали. Не армейское, мол, оружие.

ППГС уже висел у императора на шее.

— Он ваш, ваше величество. Я также пришлю вам в подарок и другие образцы такого оружия.

И пока монарх не предложил мне что-нибудь еще… типа, отметить банкетом свой первый полет на самолете, я попросил.

— Дозвольте, мне ваше величество, вернуться в свою часть, как я и намеревался ранее. Служба.

— А когда ты станешь выполнять мое повеление?

— С нового года, ваше величество.

Что там осталось до нового года? Совсем ничего. Только обкатать в бою свои коробочки и успею. А так хоть разорвись.

Но, положа руку на сердце, скажу, что авиация и для меня самого приоритетнее.

Небо это… небо. Небо достойно того чтобы им бредить.

14

Садились в расположении бригады уже в густых сумерках. Как только аппарат не поломали… Сам удивляюсь, но из Гоффена действительно выковывается хороший летчик.

По прилету меня сразу огорошили. Вражеская разведка скрала Тортфорта. И даже подтереться ему не дала. Его денщик, стоящий на стреме майорской дефекации, убит. Ножом. Услышав эту новость, я только и подумал: 'млять, а кто моего ребенка-то теперь кормить будет?'

И тут же понял, что я сам себе сморозил глупость. Так может думать фельдфебель после случки в санитарном вагоне. Фельдфебель, у которого месячное жалование чуть больше двух золотых. Но я-то давно уже штаб-офицер, камергер, помещик и фабрикант. Помочь материально баронессе мне труда не составит.

Да и не об этом нужно сейчас думать, а о том, что такого плохого нам принес этот захват языка вражеской разведкой. С учетом того, что планы мы уже поменяли, только в бригаде пока об этом не знают.

— Подробности… — приказал я своему второму квартирмейстеру.

Тот оглянулся, и под его взглядом вокруг нас образовалось пустое место метров пяти в окружности.

— Командир, — доложил он вполголоса, — мы сами себя перехитрили, когда отдали группам приказ только наблюдать. Они и наблюдали, как чье-то упакованное тело республиканские разведчики волокли по промоине под проволокой. И согласно отданному строгому приказу не вмешивались.

— Пошли в штабную палатку, — мне крайне необходима была пауза, чтобы эта шокирующая информация устаканилась в голове. — Там все решим. Чаю горячего хочется. Лучше кофе.

* * *

Большая поляна освещалась неверным светом двух десятков факелов. Прямо Голливуд со своим готическим кино. Лица солдат были видны, а все остальное тонула в лесном мраке.

Я забрался на крышу 'артштурма' и оглядел свое воинство. Бронемастера, штурмовики, ремонтники… Проверенные люди из тех, что я давно знал с 'кровавой тризны' и те, которых еще недавно сам готовил на полигоне 'под себя', напряженно

скрестили свои взгляды на мне в бегающих всполохах факелов, щедро сдобренных касторовым маслом и керосином. Несколько сотен человек, а тишина напряженная такая… Были бы в начале декабря тут мухи, мы бы их полет слышали отчетливо.

— Бойцы, — начал я свою речь.

Негромко сказал, меня и так прекрасно слышало это одно большое ухо, шестым солдатским чувством предугадавшее уже, что случилось нечто плохое.

— Соратники. Горцы. Братья мои по 'кровавой тризне'. Я должен повиниться перед вами, — снял я головной убор и склонил голову. — Начальство ошиблось. И в больших штабах и я вместе с ними. Мы недооценили противника. Наступать завтра здесь даже не гибельно, а уже просто глупо. Республиканское командование успело стянуть на наш участок всю артиллерию корпуса и из их тыла выдвигаются еще резервы. И все против нас.

Слушают внимательно. Не бухтят. Ловят каждое мое слово.

— Враг умен и опытен, но и мы не лыком шиты. Есть у нас козыри в рукаве. Вы все устали после трудного грязевого марша и настроились эту ночь отдохнуть как следует и завтра со свежими силами пойти в атаку. Но от вас я вместо отдыха потребую от вас сделать еще одно сверхусилие. На пределе человеческих возможностей. Требуется совершить этой ночью пятидесятикилометровый марш и ударить на рассвете врага в том месте, где он нас не ждет. А здесь мы оставим небольшой заслон, который будет только имитировать нашу атаку, чтобы враг ничего не заподозрил. Про нашу атаку, назначенную на завтрашнее утро, враг уже знает, потому как выкрал у нас 'языка' — командира саперного батальона, который строил нам мосты под бронеходы через лесную речку. Мосты, которые должны быть полностью готовы к рассвету.

Я замолчал, вглядываясь в открытые горские лица, уже покрытые белесой щетиной. Внимательные льдистые глаза ловили каждое мое движение. Как же тяжело бросать людей на гераклический подвиг, самому оставаясь на месте.

— Вас поведет в ночной марш и завтра в атаку гвардии майор Вальд.

— А ты, командир? — раздалось несколько возмущенных голосов их строя. — Ты же наш вождь!

— Я как ваш вождь, назначил Вальда командовать вами в этом непростом деле. Теперь он ваш походный вождь. Сам я остаюсь здесь и буду возглавлять имитацию нашей атаки малыми силами, чтобы враг и дальше стягивал свои войска сюда, а не там где вы должны будете ударить и прорвать его оборону. Я все сказал. Есть у кого возражения против того, чтобы именно Вальд

был вашим вождем в этом рейде? Путь их выскажут сейчас или молчат до конца жизни.

Молчание мне было ответом. Вальда все же уважали.

— Нет возражений, — констатировал я. — Тогда, 'железная' бригада, слушай боевой приказ…

Горская военная демократия закончилась. Началась армейская субординация.

* * *

Понтонный парк ушел в рейд первым, сразу после того как только я вошел за полог штабной палатки. Наши саперы проведут инженерную разведку маршрута и где надо обустроят понтонные мосты через возможные ручьи и реки. Затем соберут понтоны и догонят колонну. Судя по карте болот на пути следования бригады нет, но кто его знает, что может быть на самом деле. Морозец еще не настолько сковал почву, чтобы на него наедятся.

Обоз, точнее его содержимое, оставалось здесь, внавалку на грунте. На рутьеры и прицепы посадили штурмовиков, которые реально настроились протопать полста километров и после этого с ходу вступить в бой. Гвозди бы делать из таких людей. Не думаю, что в предельной тесноте кузовов, да по проселочной дороге ехать удовольствие большее, чем по той же дороге ломить пешком.

Боезапас боевые машины взяли двойной, в перегруз. Еще и на крышу разных узлов и ящиков закрепили. Людей сажать на броню, да еще ночью, я посчитал излишним — посбивает еще в темноте ветками под гусеницы. Никто и не заметит в узком луче ацетиленовых фар.

Обнялся с Вальдом на прощание.

— Может, все-таки передумаешь и сам пойдешь, а я здесь останусь, — предложил он.

— Нет, — возразил я. — Ты все, что нужно делать и так знаешь. На полигоне не раз отыгрывали. Что я, что ты разницы никакой. Разве что мне славы будет поменьше, но у меня ее и так хоть отбавляй. К тому же император опять меня призвал в авиацию, так что развивать бронемобильные войска в империи по любому придется тебе. А раз так, то твоя рука первая вести их в первый бой. Главное не давай никаким генералам дербанить коробочки. Бей всегда кулаком, а не растопыренными пальцами. Прижмут — посылай всех по матушке к фельдмаршалу. Бригада подчиняется ему напрямую. Все. Хранят тебя ушедшие боги. Время. Возвращайся генералом.

Вальд сел в БРЭМ и покатил вслед колонне. Да, по сравнению с дизелем, паровая машина можно сказать бесшумная. Это как сравнивать просто выстрел и выстрел с глушителем. Но вот лязг гусениц с присвистом нагруженных осей никуда не делся.

Я повернулся к Ягру, который все это время не отставал от меня ни на шаг. Приказал.

— Командиров в штабную палатку. Личному составу отдыхать. Интендантам приготовить утром, перед атакой, выдать каждому бойцу по сто двадцать грамм водки. И чтобы ни одно задержки в этом не было.

* * *

Самому не спалось. Мои жандармы после случая с Тортфортом уже выловили семь групп вражеской фронтовой разведки. Просто подкараулив их во всех вскрытых местах их тайного проникновения в наши тылы. Толком они ничего не знали. Послали их считать наши бронеходы, выяснить калибр орудий и вообще уточнять информацию.

Судя по всему, Тортфорт поет в плену как канарейка. Хорошо еще, что знает он мало. Но то, что их разведка не возвращается назад как раньше, врага должно навести на мысль, что мы лес закрыли и к удару готовимся.

Поднял я бойцов за два часа до рассвета и при свете факелов и фар переправились через мостки на западный берег. Всех, кто не будет участвовать в бою, оттянули дальше в тыл. Место нашей дислокации осталось пустым. Драгуны и пехота резерва также утянулась в соседние лесопосадки.

Саперы Тортфорта уже без него самого не спали всю ночь, и в ближнем тылу траншей имперских войск работая все темное время, откопали капониры под нашу технику. Так что выше бруствера оттуда торчали только стволы. Гаубицы разметили на обратных скатах высот. Отдельно соорудили снарядные погреба, куда как муравьи солдаты перетаскали ящики со снарядами.

На 'коломбины' сколотили дополнительно из досок противошрапнельные козырьки. Щели-укрытия для себя и для моих штурмовиков.

Светает.

Вроде успели.

Командир пехотного полка, за линиями которого мы расположились, был этим очень недоволен.

— Что вы себе позволяете, майор, Все, что вы тут накопали, надо было согласовать со мной, — брызгал он слюной.

Больше всего, наверное, его раздражало то, что самое главное он просто тривиально проспал. Мне же было не до политеса.

— Сократись, полковник, — ответил я ему предельно грубо. — Сядь на ящик и подпишись, что ознакомлен с приказом командующего фронтом.

И дал прочитать предыдущий ему приказ. То который я получил перед рейдом на эти позиции. А тот уточненный приказ, который лежал в моей планшетке поле разведывательного облета и встречи с императором я от него благоразумно утаил.

Потому как вместо полнокровной бригады, которой ранее ставилась задача прорыва этого участка фронта, у меня сейчас в руках только по взводу 'артштурмов' и 'коломбин' да батарея 'элик'. Плюс батальон огемских саперов-штурмовиков. И в поддержке не пехотная дивизия с ударным корпусом, а всего лишь полк пехоты и два полка драгун. И этот полк в траншеях.

Полковник прочитал приказ, поставил на нем свою подпись и вернул бумагу мне.

— Какие будут приказания, господин гвардии майор?

Сразу видно старого служаку. Ответственность за все он уже перекинул на меня.

— Слушай, полковник… Сейчас за твое спиной орудийных стволов больше чем у двух дивизий вместе взятых. Нет только корпусных тяжелых пушек. Так что попробуй мне только не удержи атаку республиканцев.

В небе появилась огромная черная туша дирижабля Гурвинека.

Теперь точно началось. Черные точки отделились от дирижабля и стремительно падали на ближние тылы противника.

— Ушедшие боги, спасите нас, — отогнал полковник возможные напасти ритуальным жестом.

Через секунду все загрохотало, а под ногами задрожала земля, ударяя под пятки. Мы благоразумно скатились в глубины перекрытого командного пункта, и припали к панорамам производства 'Рецкого стекла'. — А они точно в атаку пойдут? — спросил полковник в промежутке между сериями разрывов двухсот пятидесяти килограммовых бомб.

— Это только ушедшие боги знают, — ответил я. — Но по показаниям пленных, войск нагнали сюда республиканцы как при подготовке к атаке.

— Долго еще эта бомбардировка продлиться?

— Не думаю. Судя по всему, загружали дирижабль на фронтовом аэродроме. Это недалеко. Так что в перегруз взяли не меньше двадцати тонн. Еще повисит над нами минут пятнадцать.

— Нет. Все же бомбежка с воздуха хорошее подспорье, что ни

говори, — поправил свои усы полковник.

— Ага… — поддакнул я. — Особенно когда бомбят не тебя.

— У республиканцев таких монстров нет. Прилетал тут один. Сбросил пару сотен десятикилограммовой и все. Что кидал, что не кидал. А тут мощь! Наша имперская мощь!

Полковника распирало от гордости.

Тишина наступила также как и грохот, внезапно.

Мы вылезли на открытую площадку, где мои связисты уже устанавливали под деревянным козырьком телефоны. Пять штук.

— Красиво жить не запретишь в резерве командующего фронта, — завистливо пропел полковник.

— Между прочим, я эти телефоны покупал на свои деньги, — опустил я его с небес на землю. — Мне также выдали из интендантства всего один телефон парный на бригаду.

— А еще у вас герцог есть, который любит свою гвардию, — не переставал меня подкалывать полковник.

— А ты сам-то откуда?

— Я? Из Лое.

— Так ваш князь вообще премьер-министр и канцлер всей империи. Кто бы жаловался на сюзерена… — усмехнулся я.

Дирижабль уходил на север, уменьшаясь в размерах. Вернется он, вряд ли раньше чем через три часа. Это если в темпе вальса действовать будут. И его на другой участок фронта не отвлекут.

Некоторое время на стороне противника не было никакого шевеления, а затем загрохотало, и воздух завизжал от протыкающих его больших снарядов.

— Это куда же они бьют? — озадаченно спросил полковник, слыша как в тылу стали рваться снаряды калибром не меньше шести дюймов, а то и восьми…

— Туда где еще вчера стояли мои коробочки, — пояснил я. — И если бы я ночью не перекопал твой задний двор, то сейчас бы как раз попал под раздачу. А так там уже пустое место. Булками шевелить надо вовремя.

— Майор, ты коньяк пьешь?

— Угости.

— Пошли ко мне в блиндаж, — предложил полковник. — Эта музыка надолго. Иной раз на целые сутки.

* * *

Хорошо переждали обстрел, накатили по паре стаканчиков хорошего коньяка. И блиндаж мне у полковника понравился.

Сразу было видно, что помещение обживали с расчетом жить в нем долго и по возможности с комфортом.

— Как часто вас меняют с передка? — спросил я старожила траншейной войны.

— Раз в три месяца где-то. Но лучше бы меняли раз в месяц, — ответил он мне, выставляя на стол пузатую бутылку зеленого стекла.

— Откуда такое богатство в окопах? — присвистнул я.

Коньяк был десятилетней выдержки и от хорошей фирмы.

— Разведчики презентовали. У меня день рождения был недавно. Вот они и постарались, походя пошарить по вражеским траншеям, — полковник был горд за своих подчиненных. — Лейтенанта тогда еще 'языком' притащили.

— За такой коньяк надо к Солдатскому кресту представлять, — пошутил я.

— Я и представил, — отозвался полковник. — Только за пленного лейтенанта, выкраденного прямо из его блиндажа.

— А где ваш начальник штаба? Я что-то его не видел на КаПэ?##

* * *

* * *

КП — командный пункт. НП — наблюдательный пункт.

* * *

— У него другой наблюдательный пункт в обороне. Это для того чтобы нас разом не накрыло 'чемоданом' и полк не остался бы без управления.

— Что ж разумно. — оценил я тактическое новшество.

— Еще стаканчик? — предложил полковник.

— С удовольствием, — откликнулся я. — Такой нектар!

М-да… а стаканчики-то всего пятидесятиграммовые.

— А кто у вас самый героический из солдат. Разведка? — спросил я, когда мы выпили по второму разу.

— Нет. Посыльные. Они каждый день со смертью в обнимку ходят. С той стороны снайпера за ними охоту открыли, да и пулеметчики не отстают. Среди них самые большие потери. Закусите? Есть консервированный колбасный фарш из Лое.

Я дал добро, и мы под грохот канонады пожевали

бутербродов. Пополам с пылью, сотрясаемой с потолка блиндажа близкими разрывами.

— Кажись, уже по нам бьют, а не по тылу, — заметил я. — И не шрапнелью. Надо проверить связь.

— Вот наденьте, майор, — протянул мне полковник нечто напоминающее коническую вьетнамскую шляпу только из железа.

— Что это? — удивился я.

— Стальной шлем. Помогает от косых осколков и шрапнели. Пулю, правда, держит только на излете. Во время обстрела в траншеях у меня остаются только наблюдатели. С тех пор как появился стальной шлем, смертность среди них сократилась втрое.

Покрутил я в руках эту 'вьетнамскую шапку' и увидел выбитый на ней шильдик 'Лозе'. А вот нормального амортизатора в этой каске нет. Концерн Лозе как был, так и остался криворуким. А у меня до производства касок так и не дошли руки.

— А противник что-либо подобное использует?

— Да, но у них это больше похоже на средневековую каску лучника.

— Пора осмотреться на поле боя, — сказал я и надел эту смешную каску.

— У меня на КаПэ перископ есть.

— Я его что-то не видел.

— Обычно он закрыт деревянными щитами. На всякий случай. Вещь дорогая хрупкая. Когда еще новую пришлют? Мы вышли из блиндажа и одновременно приказали телефонистам доложить о потерях в подразделениях.

В перископ было видно, как полевая артиллерия врага активно бьет по нашим траншеям и отнюдь не шрапнелью. При этом оставляет в целостности проволочные заграждения. Как их, так и наши.

— Сегодня они в атаку не полезут, — сообщил я полковнику вывод из своих наблюдений.

— Что будем делать? — отдал мне комполка инициативу.

— Мне нужна карта выявленных вами огневых точек противника. Есть такая? — спросил я.

— Не поручусь что она точная, но мы такой журнал пытались составлять, — ответил полковник и приказал телефонисту — Начальника штаба на связь.

Пока комполка общался со своим начальником штаба, я вызвал по телефону гаубичную батарею и вставил фитиль комбату за то, что в воздухе нет до сих пор воздушного корректировщика. У нас такой джокер в рукаве и мы его совсем

не используем.

Однако вместо аэроплана в небе я дождался только пешего полусогнутого явления по тыловому ходу сообщения на КП одного из офицеров отдела второго квартирмейстера моего штаба. Фамилию его не помню совсем. Он только перед самой операцией появился да и общался я больше с самим начальником разведки, а не с его подчиненными. Приперся ко мне этот юный перец в чине лейтенанта за уточнением полетного задания. Причем заговорил сразу по-огемски, хотя рецкий язык знал, с егерями же общался как-то. А они у меня поголовно горцы.

— Ты летнабом хоть летал когда-нибудь? — спросил я его с досадой по-имперски.

Вот чем хороша армия, общаться всегда можно по чину, даже если имени не знаешь.

— Так точно, господин комбриг, на дирижабле, — заверил он меня, переходя на тот же язык межнационального общения. — У командора Плотто.

— Сойдет… Твоя задача, лейтенант. Во первых, вскрыть огневые точки напротив наших коробочек и на ближайших к нам флангах. Во-вторых, выяснить, где позиции тяжелой артиллерии в ближайшем тылу противника. В-третьих, подходящие к противнику резервы. Особенно с флангов. Ясно.

— Так точно, господин гвардии майор.

— Привезешь мне кроки и карту.

— Так точно.

— На землю не садишься, сбросишь разведданные вымпелом в расположении 'элик'.

— Так точно. Будет сделано.

— Затем, — перешел я на рецкую мову, которую не знал полковник, — летишь пятьдесят километров на север и привозишь мне оттуда обстановку, что там реально творится. Понятно?

— Так точно.

— Выполняй. Нет. Стой. Что снайпера?

— Как и было вами приказано, работают с момента появления дирижабля в небе. Разведгруппы также действуют по плану.

— Иди. Хранят тебя ушедшие боги. Стой. Почему до сих пор не надули аэростат?

— Так от него транспорт ночью отобрали. Вручную все перетаскивают, как налет пересидели. А там хозяйство немаленькое. За час-полтора обещают управиться.

— Налет эффективный был?

— Если бы мы остались на месте дислокации то да, накрыло

бы все наши бронеходы разом. В так там только лес перепахали. Устроили бурелом, так что обходить три версты.

— Хоть что-то приятно для уха за сегодняшний день. Все. Беги. Жду кроки.

Разведчик убежал, едва разминувшись в тесном ходе сообщения с посыльным от начштаба пехотного полка, который принес мне их журнал боевых действий.

Посмотрим что тут пехота навыявляла за два месяца? У противника не так уж много мест, где можно установить грамотные огневые точки. Но как меня самого учили: позиций в обороне должно быть минимум три на один пулемет. Основная, запасная и ложная.

— Полковник, а ручные пулеметы у республиканцев появились?

— Ну как ручные?.. — пожал он плечами, наморщив погоны. — Тот же пулемет водяного охлаждения островитянский, только на сошках и с прикладом. Водяной кожух лишь только на треть заужен. Вес килограммов двадцать. А так… то же самое, что и на станке. Я отправлял такой трофей в ГАУ еще осенью. Обстрел перешел из истерического в какое-то упорядоченное состояние. Бить стали ритмично с ровными промежутками как на полигоне. Но в звуках взрывов и полета снарядов изменилась тональность. Стала тоньше что ли?

— Полковник, вроде как нас перестали обстреливать крупным калибром? — заметил я, уступая ему место у перископа.

— У противника не так много тяжелых снарядов, майор, — сообщил он мне, вперив лицо в обрезиненный визир перископа (и тут Помахас успел отметиться, многостаночник). — Через полчаса они снова дадут серию 'чемоданов'. Потом еще через час. Меня больше беспокоит, что у него появилось столь много снарядов с экразитом. Нас сегодня почти не обстреливают шрапнелью. Откуда у них экразит?

— Экразит ни разу не редкость, — пояснил я. — Это всего лишь желтый краситель для шерсти. Весь секрет безопасного нахождения его в снаряде в изоляции от черных металлов.

— Вы маракуете в химии? — оторвал полковник любопытствующее лицо от перископа. И как-то странно посмотрел на меня.

— Я доктор химии, — ответил я. — Изоляцию экразита оловом в прошлом году продали островитянам предатели из имперского комитета по изобретениям. Вот дошло и до их союзников. Сколько у них таких фугасов в боеукладке?

— Сейчас почти половина. Была четверть. А в начале войны сплошная шрапнель по нам била. Хотя в землю закапываться от

шрапнели они начали первыми вопреки своей же военной доктрине. Подвижная война, один калибр, один снаряд. А мы как идиоты все обезъяничали с них. Дообезъянничались.

— У вас минометы в полку есть? — поинтересовался я.

— Рабочих осталось два и по сотне мин к каждому. Но я их берегу. Остальные мне враг подбил.

— Минометчики умелые?

— Откуда? Так… краткие фронтовые курсы.

— Я дам вам наводчика. Классного. С полигона. Инструктора. Вот только цели выявим.

В небе появился аэроплан которого нас в земном грохоте совсем не было слышно. Если бы я его не ожидал, то и сам пропустил бы. Я задрал голову. Полковник взял с меня пример.

— Что это? — спросил он. — Вчера вроде такой же странный аппарат над нами уже летал.

— Аэроплан, — пояснил я. — Летательный аппарат тяжелее воздуха. Ведет для нас уточнение целей у противника. Не все же им по нам стрелять.

— А у вас научный подход к делу. Теперь верю что вы доктор химии. Кстати, какого университета? Где вы защищались?

— Швицкого. За периодический закон элементов. Без защиты.

— Так вы и есть тот самый рецкий самородок, о котором писали в газетах?

— Кобчик. Савва Кобчик. Барон Бадонверт. К вашим услугам.

— Зиг Лестверт. Приятно познакомиться. А я вот недоучившийся студент-химик. У меня рано умер отец, и пришлось идти служить. Иначе сестры остались бы без приданого. А так я не хотел быть военным.

— Я тоже не хотел, — усмехнулся я. — Но пришлось. Война.

— Так не хотели, как я посмотрю, что уже Имперский рыцарь, — засмеялся полковник.

— Просто я, полковник, исповедую жизненный принцип: если начал что-то делать — делай это хорошо. Вы '-верт' в первом поколении?

— Во втором. Отец дослужился до генерала, — честно ответил он. — А вы?

— Я в первом, — ответил я честностью на честность. — А так я деревенский кузнец по жизни.

— Да ну?.. — не поверил он.

Тут аэроплан пролетел над замаскированной батареей 'элик' и, скинув на нее длинный ярко-желтый вымпел, развернулся на север.

— Теперь осталось только ждать, — произнес я и вынул из кармана часы. — Час туда… час обратно… Возможно там

посадка… ориентируемся, что прилетит он к нам через два-три часа.

— И все это время ваши орудия будут молчать?

— Именно, — ответил я. — Потому как бить надо не абы как, а точно и согласованно. Вы готовы пойти в атаку?

— На столько рядов проволоки? Я не мясник как некоторые командиры.

— Проволоки не будет, — пообещал я. — Пробежитесь как по проспекту. Но как я понимаю, пообещать еще не значит жениться. Ждем.

— Чего ждем? — буркнул полковник, которому надоели мои недомолвки.

— Много чего ждем… К примеру, того момента когда мои снайпера перебьют весь командный состав противника. Но об этом можно только мечтать.

За разговором я продолжал в перископ изучать позиции противника, время от времени сверяясь с журналом боевых действий и делая пометки в блокноте.

А выше наката укрытий все не унималась канонада. Буран огня и стали гулял поверху наших траншей, в которых жались к земле одни только редкие наблюдатели. Остальные все солдаты давно попрятались по блиндажам и 'лисьим норам'. Мать Сыра Земля не выдаст, защитит…

Ждал я и результатов воздушной разведки, но, видимо, не пробиться сейчас ко мне посыльному с батареи сквозь такой плотный огонь. Забился где-нибудь боец в щель, судорожно сжимая медную капсулу вымпела, и молится всем ушедшим богам разом.

И все думал я, переживал: как там Вальд справляется? Нормально ли бригада добралась? Правильно ли я поступил, отправив его вместо себя на направление главного удара?

Вальд со мной с первого дня сколачивал бригаду и на полигонных учениях он чаще играл за наступление, чем за оборону. И в забавную военную игру 'командир убит'. Опыт вождения подразделений бронетехники у нас одинаковый. К тому же майор храбр, умен и решителен.

Так что должен, соседушка, справиться.

Не может не справиться.

Именно сейчас, в это самое время, он должен вести 'коробочки в бой'. Первый танковый бой в этом мире. 'Гремя огнем, сверкая блеском стали…'

Так мы с ним этот мир и поделим. Ему землю, а мне небо.

Но этот бой на земле для меня еще не кончен. И как знак свыше над нашими головами в забитом дымом и пылью небе с

востока снова появилась большая черная туша 'гурвинека', закрывая нам солнце. Не забыл про меня Аршфорт.

15

Толи дирижабль второй раз точно отбомбился, толи мои диверсанты отлично сработали, но тяжелая артиллерия с той стороны фронта замолчала.

Задача у моих егерей была нетривиальная для этого мира: скрытно просочиться через линию фронта и при появлении дирижабля в небе начать резать везде телефонные провода, резать телефонистов которые придут их чинить, отстреливать у республиканцев верховых курьеров, адъютантов и офицеров связи. Лесистая местность этому способствовала, а зоны действия между группами заранее распределены.

Одной группе я дал особое задание на грани фола. Скрытно пройти на юг два десятка километров, предварительно на тридцать километров углубившись в тыл противника, и взорвать телеграф на разъезде. Затем вдоль железной дороги на запад портить телеграфные провода. Углубившись на полста верст во вражеский тыл взорвать какой-нибудь маленький железнодорожный мостик (тротил, взрыватели, провода и адская машинка для этого были им выданы). Мостик они должны были выбрать из тех, что возможно за несколько суток восстановить нам же. Всего-то и требуется только задержать республиканские резервы и создать пробку на линии снабжения. И зайдя еще дальше во вражеский тыл взорвать рельсы с насыпью, чтобы противник эти поезда не смог отогнать назад.

На севере, вдоль континентальной линии железной дороги будут аналогично действовать диверсанты Моласа из главного управления второго квартирмейстера генштаба. Этакий аналог спецназа ГРУ ГШ, который завел себе неистовый сын 'волкодава' из СМЕРШа еще на восточном фронте. Но массово применял также в первый раз.

Вот поэтому я не мог даже на сутки перенести наступление. Егеря уже были там… за 'ниткой'. И вступали в бой автономно.

А обстрел все продолжался. Уже четвертый час. В ход уже пошла шрапнель, видно не так уж много запасли республиканцы снарядов с экразитом. Аэроплан прилетел к полудню.

На КП собрались все руководство линейного пехотного полка, командиры приданных мне полков и батальонов и командиры броневых взводов моей бригады. До них я довел данные воздушной разведки и пообещал, что и впредь мы будем в этой операции иметь оперативную разведку с воздуха. Аэроплан прикреплен за нами.

Каждой части была поставлена задача на всю глубину

операции. Распределены цели на подавление.

Прорыв обеспечивают бронеходы с поддержкой саперов-штурмовиков из моей бригады. Они острие удара.

Полк, который находился в траншеях идет за нами дальше сразу. Хоть ноги разомнет от траншейного сидения.

Пехотный полк из резерва займет отбитые вражеские траншеи и загнет фланги. Приданные ему батальон саперов обустраивают новые позиции, и оборудует проход для кавалерии.

Гаубичная батарея сопровождает наступление огнем и гусеницами. Но на передний край не лезет.

В уже образованный и зачищенный прорыв вводится кавалерийская бригада, которая сразу идет громить ближние тылы противника с охватом его с юга. Их задача сеять панику у врага и обеспечить бронеходам войсковое прикрытие. Суперзадача — соединиться с войсками, которые совершили прорыв пятьюдесятью километрами севернее и окружают группировку противника с севера. Пункт встречи — окрестности города Рден. В город не лезть, только блокировать.

— … если все всем ясно, то вам, господа командиры, час на сборы и далее по плану. С таким количеством артиллерии как у нас, причем подвижной артиллерии, о враге не докладывают, докладывают о занятых рубежах. На юг только держим оборону, — и я раздал каждому под роспись копию боевого приказа, размноженного за последний час писарями.

Когда командиры разошлись, я посмотрел на мундир полковника под распахнутой шинелью. Ленточка Солдатского креста второго класса имеется. И все.

— Сверли дырочку на кармане под орден, полковник. Нынче или грудь в крестах или голова в кустах. Именно мы решаем судьбу империи. Здесь и сейчас.

Мой пафос не произвел на гостеприимного комполка никакого впечатления.

— Коньяку? — спросил он.

— И не только мне. Прикажи и своим солдатам выдать хотя бы по сто грамм перед боем. Для храбрости.

* * *

Около моей машины с бортовым номером 001 курил командир взвода 'артштурма' и, как оказалось, ожидал меня. Дядька в возрасте, за тридцать. Типичный горец, прослуживший с призыва в горной артиллерии и даже закончивший военное училище уже после того как накомандовался на унтерских

должностях. Два Солдатских креста на груди.

— Командир, на два слова приватно, — заявил он, выбрасывая недокуренную папиросу. — Чрезвычайно важно и срочно.

Мы отошли в сторонку так, чтобы нас никто не мог услышать.

— Ты что же это творишь, молокосос! — шепот гвардейского лейтенанта для меня прозвучал как крик. — Куда лезешь в головную машину? А руководить боем кто будет? Ушедшие боги?

— Но… — попытался я возразить. — Старший лейтенант, что вы себе позволяете. По какому праву?

— По праву старшего. По праву опытного, — говорил он тихо, но как гвозди заколачивал. — Ты как командир пока никто. Ты — символ. Ты — знамя. Полевой бой это тебе не бронепоезд где все в куче. Твое место позади нас. Следить за полем боя и вовремя исправлять ситуацию при ее изменении. А пострелять и без тебя найдется кому.

— Что мне на 'коломбину' вообще сесть? — продолжал я ерепениться.

— Хуже. На БРЭМ, — ответил он мне. — То, что надо для подвижного командного пункта. Пойдешь в линии 'коломбин'. Или еще дальше между ними и 'эликами'

— А кто моей машиной командовать будет?

— Командир БРЭМа. Он в бой рвется и был страшно обижен своим назначением в эвакуаторы.

— Все равно я с такой постановкой вопроса не согласен, — не собирался я сдавать позиции.

— Командир, если бы тут была только одна рецкая бригада, я может быть тебе и слова бы не сказал. Но случись что с тобой, пусть даже только ранят, ты же не заговоренный… у тебя тут и зама-то в авторитетных чинах нет. Вальд за тридевять земель. Начальник штаба с ним же. Кто возьмет общее командование всей группировкой? Один из этих полковников? Они в нашем деле ничего не понимают. К тому же они обязательно устроят писькометрию у кого по выслуге страшинство, время то и уйдет. Враг опомнится и накроет нас тут всех. Так что не губи нас, командир. Иди в БРЭМ. То, что ты храбрый и так все знают и в твоем геройстве не сомневаются.

Я понял, что он во всем прав, но что-то внутри меня брыкалось и сопротивлялось этой правде.

Лейтенант положил мне руку на плечо.

— Так надо. Твое оружие — мы. Ты теперь не только за нас отвечаешь, но и еще за приданных нам четыре полка и два отдельных батальона. Фактически ты сейчас начальник дивизии. А изображаешь из себя Йошку-взводного.

— Но я фельдмаршалу обещал… — проблеял я последний свой аргумент.

— Что обещал? Прорвать вражеские траншеи в одиночку?

Я замолчал.

— Вот то-то… — нравоучительно сказал лейтенант. — Закончиться бой, можешь меня наказать за нарушение субординации. А сейчас иди в БРЭМ. Там и для посыльных рядом большой блиндаж организовали. Атака примитивная — в лоб. Поддержи нас гаубицами, отец-командир.

И ухмыляется довольный тем, что удалось ему меня уговорить.

— Ну, если ты у меня республиканские траншеи не прорвешь, я тебя с землей съем, — пообещал я ему.

— Обязательно, командир, улыбнулся он во все зубы. Главное ты огненный вал хорошо организуй. А мы не подкачаем. Не успел я дойти до БРЭМа как меня снова позвали к телефону. На это раз на проводе 'висел' командующий армией, в зоне ответственности которого я резвился, генерал пехоты граф Далинфорт. Человек старой формации, которого со службы унесут только вперед ногами.

— Доложите ваши планы, майор, — начал его превосходительство меня строить, после того как я представился. — А то вы подчиненная мне часть, а действуете вне моего оперативного пространства.

Только его мне для полного счастья не хватало. Накануне наступления. Или имитации наступления… Все равно. Вся секретность операции и так уже висит на волоске, а тут еще и большой штаб вмешивается, в котором по определению не может не быть своего 'штирлица' у республики. Надо сбрасывать излишне любопытного генерала с хвоста.

— Простите, ваше превосходительство, но 'железная' бригада есть личный резерв командующего фронтом, и подчиняется исключительно ему. Что-либо докладывать вам я буду с удовольствием, но только по личному приказу фельдмаршала. На это счет я имею от него особые инструкции. Рад бы, но… Если получу соответствующие изменения в инструкцию, то со всем моим рвением и уважением к вашему превосходительству. Честь имею, ваше превосходительство.

Отдал трубку телефонисту.

— Будут еще звонить какие-нибудь генералы, кроме Моласа, скажи им, что я в саперном батальоне с которым нет телефонной связи. Прими телефонограмму и пообещай ее передать мне, как только противник закончит артподготовку.

Посмотрел на часы. Времени осталось только добежать

узкими ходами сообщений до батареи 'элик'.

* * *

Аэроплан сделал еще один облет вражеских позиций и сбросил вымпел. На этот раз нормально сбросил, не то, что утром, когда за ним пришлось солдатам в ледяную речку нырять.

Уточнили позиции вражеской артиллерии и начали контрбатарейную борьбу.

Первым залпом мои гаубицы выдали партию дымовых снарядов по тем местам, в которых по нашим подозрениям сидели корректировщики противника.

Огонь артиллерии республиканцев к этому времени существенно ослаб и больше напоминал беспокоящий. И то, если посчитать, что сегодня они пару эшелонов снарядов в воздух уже запустили. Сколько можно быть таким расточительным, если на фронте ровным счетом ничего не происходит.

Ну, аэроплан над ними летает редко. Пугает своей необычностью.

Дирижабль бомбит, но тоже не каждый час.

Кстати о дирижабле. Летнаб сообщил, что тот накрыл-таки батарею тяжелых орудий в последнюю бомбардировку. Одновременно сведенные в одну батарею оба полковых миномета под руководством выделенного мной спеца стали гасить выявленные пулеметные гнезда противника, предварительно положив по десятку мин на командные пункты полка, который противостоял нам.

Были у меня потуги поставить минометы на бронеходы, но полигонные испытания такого прототипа показала его низкую эффективность, по крайней мере, на той платформе, которая у нас есть. А 120 мм миномета от концерна 'Лозе' мы так и не получили. Самоходный миномет переделали в гаубицу, а вот асс-наводчик так в бригаде и остался. Не отдал я его обратно Щоличу. Вот и пригодился запас, который карман не трет.

Ну, где этот дирижабль?

Дым от снарядов заграждения уже расстелился ветром по полю, скрывая не только нас от огня противника, но и его от наших корректировщиков. Впрочем, была и разница. Враг бил вслепую, так как мы по заранее выявленным разведкой целям.

Я приказал телефонистам.

— Предать по бригаде. Всем приказ: начали.

Солдаты завертели ручки телефонов, передавая приказание.

Одновременно мой денщик продублировал указание тремя

красными ракетами. Он у меня хоть и жаловался постоянно на тяжесть агрегата, но с трофейной царской ракетницей не расставался с восточного фронта.

'Коломбины' и 'элики' одновременно стали рвать гранатами проволоку на нейтральной полосе. Гром орудийных выстрелов закладывал уши, но воспринимался как желанная музыка.

'Артштурмы' неторопливо вылезли из капониров, и пошли в атаку. После того как они преодолели траншеи наших войск к ним присоединились штурмовые группы бригадных саперов-автоматчиков, которые наступали в первой линии прячась за бронированными корпусами машин. Бронеходы двигались со скоростью примерно в пять километров в час, чтобы штурмовики не отрывались от них.

Вторая волна штурмовиков короткими перебежками двигалась от воронки к воронке, которых на нейтральной полосе образовалось за эти годы великое множество.

'Коломбины' и 'элики' четко держали стометровый интервал между наступающей бронетехникой и огненным валом. Единственное, что было неприятно, так это то, что ввиду малого количества орудийных стволов огненный вал не мог быть шире одного километра по фронту. А этого мало. Лучше было бы полтора-два.

Бульдозерные ножи 'артштурмов' с легкостью выдергивали колья, натянув на себя колючую проволоку, подминая ее гусеницами и вдавливая в грунт. Пять самоходок без единого выстрела ликвидировали непроходимую для пехоты преграду и покатили по лунному пейзажу нейтральной полосы к избиваемым бригадной артиллерией загражденим противника.

Раздавались редкие выстрелы 'артштурмов', которые на ходу подавляли недобитые огневые точки обороны республиканцев. Звук выстрела короткой горной пушки характерно отличался от звука выстрела длинной 'коломбины'

Огненный вал разрывов снарядов перекатился через первую траншею проивника и ушел вглубь его обороны.

Штурмовки, огибая бронированные тушки 'артштурмов', кидали в траншею ручные гранаты и прыгали в нее, переждав взрывы. Следом раздались до командного пункта характерные короткие очереди пистолетов-пулеметов.

— Полковник, ваш выход, — сказал я, не отрываясь от перископа.

— Служим императору и отечеству, — откликнулся он и потребовал себе телефон для связи с комбатами.

Через три минуты в передовых траншеях раздались свитки офицеров, и пехотинцы выпрыгнув на бруствер, побежали в атаку

блестя на солнце штыками.

— Приданому пехотному полку занять наши траншеи, — приказал я и телефонисты стали дублировать приказание, прикрывая телефонные трубки от грохота боя.

Тыловые ходы сообщений быстро заполнялись солдатами, которым давно уже надоело ждать хоть чего-нибудь. Ждать в лесу. Ждать в тыловых укрытиях под обстрелом. Ждать, когда штурмовики зачистят вражеские траншеи. Так что смена полков на позициях прошла быстро. Не сказать, чтобы четко, но вполне приемлемо.

'Артштурмы' уже катили ко второй траншее и за ними двигались штурмовики второй очереди. Первая уже вовсю резвилась в траншеях, выкуривая врага из блиндажей ручными гранатами.

Дальности пушек 'коломбин' хватало, и я их не сдергивал с места. Тем более что вражеская шрапнель нет-нет да и давала в небе белесое облачко с характерным хлопком.

В перископ было видно как республиканские солдаты, выскакивая из второй траншеи, бегут в свой тыл, попадая под разрывы огненного вала. Похоже, у вражеской пехоты началась паника.

И тут, наконец, появился дирижабль, неожиданно со стороны вражеского тыла.

Воздушный слон только добавил паники и побежал уже не только тот полк, который противостоял нам, но и его соседи.

— Вперед. Не терять темпа! — приказал я. — Теперь только порыв. Вся пехота вперед! Саперам приготовить проходы кавалерии.

Проходы инженерно оборудовать необходимо чтобы лошади ноги не поломали на перекопанной земле. Щиты для перекрытия траншей были заготовлены заранее. Надо инженера саперов к ордену представлять. Заслужил.

Разбежались посыльные, стрекотали ручки телефонов. Передавались команды.

Мною овладела эйфория боя.

Когда была взята последняя — третья, линия вражеской полевой фортификации я вызвонил штаб фронта и, не скрывая гордости, доложил Аршфорту.

— Экселенц, фронт на моем участке прорван. Враг в панике. Ввожу в прорыв драгунскую бригаду. Но сил у меня для глубокого прорыва мало. Требуются резервы как можно быстрее.

— Молодец, Савва, не подкачал, — раздался в уже довольный голос фельдмаршала. — Вальд на своем участке уже не только прорвал фронт, но и гонит врага и в хвост и в гриву. Ударный

корпус уже вклинился в республиканские тылы. Так что основной удар твой должен идти с охватом на север. Точка рандеву — город Кард, где железнодорожный узел. В сам город не входить. Только блокировать. А резервы я пришлю, только им еще дотопать до тебя надо.

'Кард' нашел я это местечко на карте, после того как положил трубку. В нем пересекаются ветка железной дороги, что от меня расположена к югу и меридианная железная дорога в сторону трансконтинентальной магистрали. Ой, да умник фельдмаршал. На фронте у железных дорог у республиканцев настоящие крепости выстроены с бетонными ДОТами. А тут, практически в тылу этот железнодорожный узел беззащитен, но прочно изолирует южный укрепрайон. Вот только до этого Карда от фронта как бы ни с полста километров будет.

— 'Эликам' работать по плану. Долбить фланки. 'Коломбинам' приготовиться сопровождать кавалерию. Конным посыльным держаться рядом со мной, — приказал я и пошел в БРЭМ, оставив фронтовой участок на линейного полковника. Броневые коробочки произвели на врага сильный деморализующий эффект своей неуязвимостью от ружейно-пулеметного огня. Даже шрапнель на удар всего лишь разбила гусеницу на одной машине. Как ни странно, моей — тактический номер 001. Бронемастера командующие 'артиштурмами' в атаке в один голос заявляли, что республиканская пушка била из засады только по этой машине, пока ее не заткнули. Ни каких других мыслей, кроме той что Тортфорт выдал врагу этот номер как машину комбрига у меня не было. Не сомневался я в этом ни разу.

Оставив БРЭМ у подбитой самоходки, сам скатился на новое КП, куда связисты уже протянули телефонные провода.

Мимо меня в тыл потянулись группки разоруженных пленных под конвоем пехотинцев. Они с ужасом и любопытством смотрели, как два экипажа натягивают гусеницу, заменив искореженный снарядом трак. Эвакуаторы отличались от побывавших в бою закопченных бронемастеров белыми чистыми лицами. Паровые машины стравливали лишний пар с паровозным шипением.

Пленных было много, не меньше роты. Конвоировало их в тыл всего шесть бойцов.

Глаза пленных выражали бесконечное удивление и подавленность. И в то же время облегчение от того что наконец-то все закончилось.

Летнаб прискакал на коне. Пижон.

Получил новое задание и порысил обратно к летному полю.

Напоследок я ему сказал.

— Передай пилоту, пусть наизнанку вывернется, но сегодня его день. Сделаете все как надо, представлю вас к Солдатскому кресту.

* * *

К вечеру, несмотря на панику в рядах врага, несмотря на его активный драп в сторону собственного тыла, я остановил вечером наступление на седьмом километре. Люди готовы были сражаться и ночью, но кончались боеприпасы в боевых группах. А у меня и так в обозе пяток кляч всего осталось — все, что можно было отдано Вальду для ночного марша, который судя по всему удался. Не напрасны были жертвы.

Только драгуны ушли в ночной рейд по ближним тылам республиканцев, оставив у нас пулеметные свои тачанки — за ними они вернутся утром. Один полк устраивает противнику этой ночью 'похохотать'. Второй остался в нашем ближнем охранении.

Их обоз таскал для нас всю ночь воду, керосин и запасной боезапас к коробочкам. На всех его не хватало. Снова выручили саперы, поработав в этот раз вьючной скотинкой, доставляя на передний край на своих двоих ящики с патронами и мешки с продовольствием, термоса с водой. Иначе бы сидеть нам с пехотой на занятых рубежах голодными.

В трофеях оказалось целенькими, только слегка присыпанными землей, пара станковых пулеметов, которые пехотные офицеры моментально установили на наших флангах. Патронов в полевых складах у противника запасено было не просто много, а очень много.

Сбор трофеев шел организованно заранее выделенными трофейными командами.

Люди вымотались, даже не столько физически, сколько морально и кроме часовых все спали, где придется, даже не убрав, как следует, вражеские трупы в траншеях. Приказ о создании утром похоронных команд был последним у меня перед сном.

Занял я тыловой просторный блиндаж на республиканской стороне. Точнее нашел его мой денщик и сопроводил меня туда. Там я сел за стол на жесткую деревянную лавку. Расстелил карту, выделив складками квадраты завтрашнего наступления. Сложил как примерный первоклассник руки на столе, накрыв ими карту, так и уронил на них голову.

И никаких сновидений.

Даже никакого ужина. Не лезло ничего в глотку.

* * *

Еще до рассвета меня разбудил драгунский ротмистр, командир разведэскадрона.

— Господин майор, там, на север километра на три республиканские окопы пустые совсем. Брошенные. И на юг также. Дальше мы не рискнули по ним шариться. Какие будут приказания? — держал он над головой керосиновую лампу. На его усах таял иней.

А я так и проспал всю ночь за столом, уронив голову на руки, отчего все тело затекло и теперь ломило.

— Полковника ко мне пехотного, любого. И комбата саперов-штурмовиков, — приказал я, еще не проснувшись. — Быстро!

Ротмистр что-то буркнул утянувшись наполовину из блиндажа и быстро вернулся. Вслед за ним в блиндаж заявился Ягр с медным тазиком и кувшином в руках.

— Командир, умываться будешь?

— Извините, ротмистр, — я начал снимать с себя ватник и мундир.

— Ничего, майор, Я посвечу. Вам удобней будет. А мне не зазорно услужить такому выдающемуся полководцу. Вам о наших потерях доложили?

— Нет пока, — отфыркнулся я от ледяной воды, принимая от денщика в качестве полотенца новую чистую портянку. — Утром доложат.

— Десять процентов на круг. И это в наступлении! Пехота вся в восхищении. Не удивлюсь, если про вас скоро легенды рассказывать начнут.

— Уже рассказывают, ротмистр, — хмыкнул я. — Только с этих легенд… никакого толку кроме неприятностей.

— Ну не скажите, майор, до вчерашнего мои драгуны вас иначе как бароном и называли. А теперь переняли у бронеходов и зовут между собой командиром. Это дорогого стоит.

В блиндаж ввалились пехотные командиры полков и комбат штурмовиков.

— Простите, господа, — постарался я поскорее укрыть кителем свою несвежую нательную рубашку. — Разведка доносит, что враг оставил свои траншеи на север и на юг. Примерно на три километра. Выделить по штурмовой полуроте и придать их по одной к пехотному батальону. Батальонам занять вражеские траншеи до… покудова сможете. Штурмовики почистят их перед вами. С каждого полка берем по одному батальону вместе с пулеметами. Ваш полк — север, ваш полк юг, — нарезал я полковникам задачу. — Желательно за сегодняшний день не

только занять эти укрепления, но и передать их нашим полкам, которые стоят напротив и догонять нас.

Я сделал паузу и оросил пересохшую глотку вовремя поданным Ягром кипятком.

— Оставшиеся пехотные батальоны пойдут за мной вперед и занимают плацдарм на рубеже десятого километра. Там на высотах окопаться и ждать обещанных командованием подкреплений. Трофейные пушки все ваши. Использовать их обязательно. Оставшихся штурмовиков посадить на броню и тачанки. Идем вместе с кавалерией. Выход после завтрака. Направление удара город Кард.

И на это раз мне никто не сказал что это безумие. — Возражения, замечания есть? — для проформы спросил я.

— Есть, — ответил командир линейного полка, беря в руки циркуль и склоняясь над картой. — Вот здесь в двенадцати километрах на юг от новой линии фронта наших полков железная дорога и большой разъезд. Фактически база снабжения укрепрайона, который на линии фронта держит 'железку'. Противник не снимет с него ни одного солдата для того чтобы сбросить нас обратно, потому как считает именно то место главной целью нашего наступления, а вовсе не этот кусок окопов, который мы захватили. Но… Подвоз подкреплений из своего оперативного тыла у него свободный. Войска, которые будут нас бить придут именно по этой 'железке'. Поэтому я предлагаю вам обезопасить нас с этой стороны.

— Что конкретно предлагаете, полковник. Взять разъезд штурмом?

— Этого не требуется, майор. Нужно всего лишь взорвать выходные стрелки. И перебить телеграфный кабель. Я бы еще разбил снарядами водокачку. И отойти.

— Вы считаете, что после такой диверсии они на вас наступать не будут?

— Никак нет. Не будут. Сядет укрепрайон в круговую оборону в своих бетонных укреплениях, пока не восстановят им пути снабжения по железной дороге. Таким образом, с юга мы на время, требуемое для подхода республиканской резервной дивизии, будем в безопасности. Пощупать пощупают, но не более. На большее сейчас у них сил не хватит. Особенно если на юге кто-то устроил еще одну демонстрацию наступления.

— Я не знаю, что там творится на юге. Но на севере в пятидесяти километрах отсюда моя 'железная' бригада под руководством моего заместителя гвардии майора Вальда прорвала фронт. И в этот прорыв уже введен ударный кавкорпус Бьеркфорта.

Ох, и горд я был в этот момент.

— Разве это еще не вся ваша бригада? — удивился командир линейного полка.

— Нет. Здесь ли очень маленький ее огрызок. А так моя бригада это сорок броневых машин.

— Я тогда себе представляю, что там творилось вчера, — покачал головой полковник.

— А что скажет нам сапер про предложение пехоты? — перевел я стрелки на комбата.

— Восстановят все за один рабочий день. Плюс время на подвоз новых стрелок. Ликвидация водокачки серьезней, но опять-таки не критично. Паровозы так устроены, что могут заправляться водой через сто двадцать-сто пятьдесят километров. Будут заправляться на другом разъезде или станции только и всего. А вот паники нагнать можно. И обязательно дать телеграфистам сообщить всем о нападении на раъезд, чтобы паника пошла вширь по линии железной дороги.

— Пришлют бронепоезд, — буркнул командир приданого полка, — и отобьют они разъезд обратно. Легко. Там пушки морских калибров.

— Бронепоезд, — усмехнулся я. — Бронепоезд это хорошо.

— Чего уж хорошего? — хором спросили полковники.

— Насколько я понял по карте, там однопутка на рельсах?

— Именно так.

— Тогда легенда меняется… — припомнил я старый анекдот про чекиста и засмеялся.

16

За ночь выпал глубокий снег. Он полностью преобразил окрестный пейзаж, превратив его в рождественскую сказку. Голливудскую такую, не русскую и даже не огемскую, ибо леса, в которых я с трудом укрыл свои 'коробочки' далеко не дебри с буреломами. Они вырубались не одно столетие, но вырубались аккуратно, выборочно. Даже с некоторым эстетством. Аристократия в местном королевстве свои леса любила за их охотничью продуктивность, а сменившая ее буржуазная республика за полвека еще не успела все испохабить, как похабила все, до чего касалась ее рука. Вот и были эти леса больше похожи на парки. По крайней мере, никаких трудностей в преодолении этих 'лесных массивов' бронетехникой не было. И партизан в таких лесах не могло быть просто по определению. Им тут негде прятаться.

Но вот для того чтобы аэроплан мог сесть на ближайшее поле пришлось поработать 'артшурмам' своими бульдозерными отвалами, сгребая снег до земли. А землю еще и ровняя. И то я испугался, когда лейтенант лихо приземлился, скозлив пару раз на импровизированной взлетной полосе. На аэроплане не было предусмотрено посадочных лыж. Да и как их лепить на четырехколесную тележку?

Первый облет вероятного театра военных действий я сделал сам. Свой глаз — алмаз.

Подкрепления спешащее к республиканцам для ликвидации моего прорыва поспешали медленно воюя с аномальным для них снегопадом. И были еще далеко. День — полтора марша, а то и два. Не есть, не спать, тупо переставляя ноги…

По железной дороге запустив вертикальный столб сизого дыма, пыхтел черный паровоз, что большим красным отвалом откидывая налипший снег с рельсов. Шел он в сторону назначенного нами на заклание разъезда.

За ним на большом отдалении медленно двигался окрашенный мелом на клею тяжелый бронепоезд с четырьмя пятидюймовыми морскими орудиями в полубашнях. Сколько у него пулеметов с неба не разглядеть. На котле и крыше паровоза и башнях нарисованы параллельные черные полосы, имитирующие рельсы. Маскировка от злых дирижаблей-бомбардировщиков. Я бы тоже его проглядел, если бы из трубы не толкался в небо активный серый дым.

А еще дальше, километрах в пятидесяти от бронепоезда, чапал от разъезда обычный эшелон с крашеными суриком

деревянными теплушками. Полнокровный пехотный батальон катит, не меньше. На открытых платформах четыре полевых пушки еще в летней раскраске. И вряд ли такой эшелон будет единственный. Но с этим проблема у врага. Оба разъезда забиты составами. Свободен только главный путь. И прежде чем нагнать войск, требуется разгрузить то, что ранее прибыло и отправить пустые вагоны обратно. А это время…

Вот они противник и гонят пехоту своим ходом по снежным завалам. От безысходности.

По первой прикидке собрали против нас для удара с юга не меньше пехотной бригады. Где-то четыре-пять полков на свежий взгляд. Терпимо. Я ожидал большего. Но видимо Вальд с Бьеркфортом остальные резервы республиканцев надежно сковали. Резервов тоже много не бывает. И если республиканцы давно научились их концентрировать в месте ожидаемого прорыва своей обороны, то эта тактика успешной была лишь до того момента когда прорывов стало больше одного. Спасибо тебе генерал Брусилов за пример для подражания.

Когда я сел на новом импровизированном аэродроме, то там меня поджидала шестерка егерей в белых маскхалатах и на лыжах. Принял я от них доклад об успешной диверсии на меридианной железной дороге, где они подорвали мост через лесную ручку после слияния с рокадой южного уса той железки, которую мы в данный момент оседлали.

А на севере Вальд резвится. И Бьеркфорт.

Написал боевое донесение.

Усадил в самолет летнаба с приказом добраться до Моласа и через него пробиться к фельдмаршалу. Нет у меня сил и средств двигаться к городу Карду, потому как придется отражать удар вражеской бригады, которая постарается подрезать основание нашего наступающего клина. Да и Вальду пока ничего не грозит, как это видится с неба. А оставшиеся в траншеях в полу окружении республиканцы сидят там тихо. Соответственно требовал для себя резервы, чтобы сохранить плацдарм, нависающий балконом на вражеский бетонный укрепрайон. Появилась реальная возможность его блокировать и оставить без снабжения. Пехота в траншеях это хорошо, а железная дорога лучше.

В общем доложил обстановку и затребовал уточнения боевой задачи.

Особо приказал дать от моего имени телеграмму на авиазавод в Калуге, чтобы оттуда пригнали еще один аэроплан, оборудованный посадочными лыжами. Зима всерьез началась. И не по железной дороге а своим ходом. Так быстрее выйдет.

Проводил самолет и стал готовиться к набегу.

Откровенно говоря, ночной снегопад мне всю малину изгадил. Приходилось на ходу умозрительно измышлять по карте танкоопасные направления. Глубокий снег сильно исказил местность.

И с засадами все не так хорошо как хотелось бы. По обе стороны железнодорожной насыпи лес был сведен метров на триста. Напрочь. Даже кустов нет. Эту полосу отчуждения железнодорожники давно под свои огороды приспособили.

Как я читал в интернете, еще на планете Земля, по опыту второй мировой войны вышло так, что первый враг бронепоезда — авиация, второй — танки. И только на последнем месте артиллерийская засада. Раздолбают рельсы спереди и сзади, обездвижат бронепоезд. Вот он уже и цель как в тире. И осталась бронепоездам только одна ниша — обеспечение безопасности перевозок в собственных тылах и противовоздушная оборона узловых станций. Ну, до нормальной ПВО тут еще как до Пекина раком…

А вот второй постулат мы обязательно проверим. А натюрель, так сказать. Пару-тройку мест я сверху высмотрел, где возможно бронекоробочки припрятать. А сейчас егерей послал проверить. Им на лыжах всяко быстрее, чем мне на гусеницах.

Надо обязательно по возвращению их спросить, у кого они лыжи украли в таком количестве?

* * *

— Пассажирам просьба освободить вагоны. Бронепоезд дальше не пойдет. Вообще никуда не пойдет, — я опустил бинокль и посмотрел на полковника драгун. — Впечатляет?

— Да… Впечатляет, — отозвался он, глядя в свой бинокль на бренные останки того, что еще десять минут назад гордо называлось тяжелым бронепоездом.

Бронепаровоз и четыре вагона с морскими полубашнями пятидюймовых орудий слетели с рельс и наползли друг на друга. Паровоз при этом отчаянно парил, шипя рассерженной кошкой.

Мда… И на таком подобном я в свое время собирался воевать? Правда, тогда и бронекоробочек в этом мире не было. Из снарядов одна шрапнель и редкие гранаты с черным порохом. А вот нынче вам не давеча…

Вышли мы сюда, на опушку леса у крутого поворота железнодорожной насыпи без особого труда. Ох уж эти так называемые леса на западе континента. Я уже говорил, что по

сравнению с огемскими пущами и болотами тут прогулочные парки культуры и отдыха. Разве что без аттракционов и колеса обозрения.

Аттракцион устроили мы. Вывел я на опушку всю батарею 'элик' на прямую наводку в засаду, туда, где железная дорога делает довольно крутой поворот. Замаскировались. Дождался гостей. И когда они на повороте скорость сбросили… врезали по паровозу за неимением бронебойных болванок и слабости шрапнельного снаряда 'на удар' обычным фугасным снарядом с выкрученным взрывателем. Паллиатив, конечно. Но что делать? Что делать? И добавили фугасными гранатами. Всего два залпа девяти орудий по паровозу и колесным парам вагонов… Зато четырьмя дюймами.

И все.

Дистанция пистолетная.

Выживший контуженный экипаж драгуны безжалостно добили. Не успел я их остановить. Ненавидит кавалерия бронепоезда. Всего чуть меньше чем дирижабли.

Остальная бронетехника нашей конно-механизированной группы обеспечивала в это время штурмовикам захват самого разъезда. В основном в роли старшего брата в песочнице. Достаточно было просто ее присутствия.

Драгуны, грамотно используя складки местности, блокировали все окружающее пространство.

Все как в старой песенке: 'Ах, шарабан мой колеса стерлись… вы нас не ждали, а мы приперлись…'

Разъезд взяли с лету.

С наскока.

Хотя пострелять пришлось.

Все-таки пистолеты-пулеметы в боях на коротких дистанциях среди застройки это действительно вундервафля. А когда ими вооружен целый батальон… да против старых винтовок роты тылового охранения, в которой служат дядьки третьего срока мобилизации…

— Все трофеи с бронепоезда ваши, полковник. Но за это поможете нам разграбить разъезд. Добро?

— Не увлекайтесь особо трофеями, майор, — дал мне совет седоусый драгунский полковник, упаковывая бинокль в кожаный футляр. — Сколько хороших кавалерийских командиров на этом погорело… Тьма… Ушедшие боги учили, что жадность грех, а умеренность благо. Это правило помогло мне дожить до седин в пяти войнах.

— Такие уж мы люди, бронемастера, — усмехнулся я. — Без необходимого как-нибудь проживем, а вот без лишнего никак не

сможем. Но не беспокойтесь, полковник, что сами не съедим, то мы обязательно поднадкусываем, но врагу целым не оставим.

* * *

Двух драгун, которые залив глаза трофейным спиртом вознамерились сжечь состав, в котором ничего вкусного для них не нашлось, с их точки зрения, так ерунда… керосин в бочках, снаряды к капонирной артиллерии, патроны республиканских калибров, да оборудование полевого госпиталя… пришлось расстрелять перед строем.

Их полковник не возражал только потому, что на соседней ветке стоял эшелон с сеном, овсом горохом, копчеными свиными окороками, крупой и растительным маслом.

— Идиотизм не лечится, майор, — буркнул полковник, когда я озвучил свое мнение, что за такое поведение его подчиненных лоб зеленкой мажут. — Делайте с ними что хотите. Вы — командующий группировкой.

А я пришел в бешенство не только из-за керосина, который был в моих самоходках основным топливом. Через главный путь напротив 'приговоренного' пьяными драгунами состава стоял неразгруженный эшелон с четырехорудийной корпусной батареей. Длинные шестидюймовки. К каждой угольный рутьер прилагался в качестве тягача. И еще четыре рутьера обеспечения с прицепами. И положенный боекомплект.

Еще со средневековья повелось что пушки — главный трофей для командования. И чем больше пушки, тем больше славы. В принципе, нам бы их и горелыми засчитали за подвиг, но… я как раз обдумывал мысль как бы приспособить этот вкусный трофей для обстрела с тыла республиканского укрепрайона. А тут эти… самки собаки с факелами.

В целях экономии расстреляли дурных драгун из трофейных винтовок. Перед строем. Чтобы другим неповадно было. А то у некоторых от обилия трофеев крышу сносит очень капитально. До того, что высшей радостью становится индейский патлач.

Снесли с платформ рутьеры с прицепами, нагрузили их полевым госпиталем и погнали в давно присмотренный овражек за позициями пехоты. А тыл погнали четверку вестовых в штаб армии со слезницей 'прислать врачей, принимать такое чудо'.

Заодно отправил с ними донесение командарму графу Далинфорту с предложением одновременного артиллерийского удара по бетонному укрепрайону, оседлавшему железную дорогу. Отдельно приложил список ракетных кодов для согласования

действий. Чтобы когда пойдут с вражеского тыла брать ДОТы мои штурмовики, то не попали бы они под 'дружественный' огонь.

Реквизировали все сани, которые только нашлись. Переставили на них пулеметы с тачанок и послал я эскадрон драгун с отделением саперов встречать тот эшелон, который я увидел с воздуха. 'Коломбину' еще за ними закрепил для усиления.

Копали еще позиции со стороны полуокруженного укрепрайона. Обложить его как следует по военной науке, сил нет. С юга у меня только редкая завеса кавалерии. Вся надежда на бронетехнику.

Всем нашлась работа. А после расстрела драгун все только показывали чудеса трудового героизма. Все же у меня репутация…

Пленных также припахали и на разгрузочные работы, и на земляные. Конвоиры их приободряли, что это ненадолго, что скоро они поедут в Рецию виноград кушать.

А с лыжами вообще анекдот вышел. Набрели мои диверсанты в лесу на самую настоящую элитную лыжную базу. С банькой, банкетным залом, столовым серебром, номерами и дюжиной десятков лыж с палками. Очень удачно попали. Сезон здесь у них открывался на новый год.

Организовал за лыжами санный поход. Рота штурмовиков у меня станет лыжной. Все скорость движения будет выше, чем пешком по снегу топать.

А сани с лошадьми и стирхами пришлось реквизировать и по окрестным деревням. То, что было на разъезде, нам откровенно не хватило.

Пришел обоз из тыла от командующего армией. Подкрепления.

Личный представитель командарма — одна тушка полковника генерального штаба, который брал на себя всю штабную работу на плацдарме. С адъютантом, двумя помощниками, собственными денщиками и поваром. В обозе еще с ними телефоны и провода с отделением связи.

Врач, принимающий у меня трофейный госпиталь — одна тушка плюс три фельдшера и пяток страшненьких сестер милосердия. С ними две фуры презервативов, Фуры! Отнятые от доставки продовольствия и боеприпасов.

— Прифронтовая полоса, майор, зона повышенного риска венерических заболеваний. И ваша задача как командира не допустить вспышки хотя бы эпидемии триппера. Я уже не говорю за сифилис.

Хотелось мне ему надерзить, что его медсестрички большее

бактериологическое оружие, чем окружающие нас пейзане. Но посмотрел на их корявые рожи и понял, что я погорячился. Лично мне столько не выпить. Даже с большой половой голодухи.

Кондомы еще понятно, объяснить можно, но тюки листовок, которые я должен разбрасывать с аэроплана… это уже за пределами добра и зла. Посылали мы в укрепрайон парламентера из пленных офицеров под честное слово. Вернулся уже. С отказом.

Что было хорошего, прислали расчеты к трофейным шестидюймовкам, и я с легким сердцем отослал своих артиллеристов обратно в коробочки.

И пехоту — царицу полей все же прислали. Два полка. Полноценную бригаду со штабом и в главе с целым генерал-майором Дзиньвертом.

— Вот и прекрасно, ваше превосходительство, — ответил я на его представление и козыряние полномочиями. — Вы тут командуйте, а я в рейд пошел. Мне еще приказ фельдмаршала выполнять, а я на целые сутки уже из графика выбился.

— Кавалерия… — растопорщил усы генерал с явным намерением меня все же построить.

— Кавалерия идет в рейд со мной, генерал, потому как придана мне еще до прорыва. И под нее уже нарезаны задачи. Вам я оставляю из своей конно-механизированной группы пехотный полк. Он просто за нами не угонится. И все трофейные пушки и пулеметы. Боеприпасов республиканцы для вас запасли много. С запасом. Так что… майор гвардейской артиллерии Кобчик пост сдал.

— Генерал-майор Дзиньверт пост принял.

И мы обменялись вполне дружественным рукопожатием.

Когда я после распитой с генералом сливовой водки вышел из домика смотрителя разъезда, подошел обоз с лыжами. Опять траблы на всю ночь — маскхалаты шить на штурмовую роту, которая в одночасье стала лыжной. Благо несколько штук портяночной бязи в трофеях обнаружилось.

Вообще я весь из себя такой вредный объявил парко-хозяйственный день. Осмотреть технику, где надо починить, заправить, добавить боекомплект и быть готовыми утром после завтрака выйти в рейд на Кард.

Наверное, чтобы задобрить такого злого меня, разведчики подарили мне шикарную двустволку с серебряной инкрустацией, которую прихватили на той буржуинской лыжной базе, откуда и лыжи.

Напоследок на правах победителя я забрал с собой, пока генерал не прочухался, логистические рутьеры с прицепами от

трофейной корпусной батареи республиканцев. Забрал бы и остальные четыре, что тягачами работали, но у меня в КМГ больше машинистов не оказалось. Хоть каких…

* * *

Кард хорошо просматривался с поросшей редким лесом сопки в бинокль. Как на ладони. Покрытый инеем город выглядел сахарным пряником. И даже вагоны с паровозами на огромном отстойнике смотрелись шоколадным марципаном, присыпанным сахарной пудрой. Аккуратный такой город. Старый. Уютный и красивый, несмотря на то, что половину его площади занимало железнодорожное хозяйство.

Две трети присланных командармом листовок я прикарманил и теперь аэроплан активно разбрасывал их над городом.

Вчера раскидывали их над укрепрайоном. Бесполезно. Ответили стрельбой зенитных пушек, и летнаб совершенно правильно решил дальше не рисковать. Остаток агитации так и уехал с нами.

А вот в городе Карде началась интересная движуха. Народ бегал туда-сюда… собирался толпами и о чем-то митинговал. Военных в форме наблюдалось мало. А в гражданских саммитах наибольшую активность проявляли женщины. Хорошая вещь мощный бинокль с рецкой оптикой.

Что было странно, никаких телодвижений для усиления обороны города не предпринималось. Так… как была пара пулеметных гнезд обложенных мешками с песком на въезде в город, так и осталась.

Десятка три голубей взмыло над шпилями официальных зданий и плотной стайкой улетели на запад. Что еще гарнизону остается, если мы ему телеграф перебили, а любого конного посыльного перехватывали мои диверсанты, которые во время марша КМГ к городу присоединились ко мне практически в полном составе. Погибла только одна диверсионная группа, которая должна была взорвать железнодорожный мост. Охрана там оказалась суровой. С пулеметами.

Полевые кухни уже распространяли одуряющий аромат для меня, нагулявшего с утра аппетит на морозце.

После обеда ровно в полдень, как и указывалось в кратком тексте листовок, выстрел гаубицы возвестил, что время, отпущенное гарнизону на раздумье, кончилось и на поле перед городом выехали мои бронекоробочки, лыжники и драгуны верхом, охватывая город по флангам.

Штурмовать город я не собирался. Не такой я конченый отморозок чтобы вводить бронетехнику без крыш в узкие средневековые улочки. Так демонстрацию силы проводил.

Бронетехника встала на пределе винтовочного выстрела и задрала к небу стволы орудий, якобы изготовившись к стрельбе.

Из старинных ворот на красивых конях выехали знаменосец, трубач и барабанщик с седельными литаврами. Последние обеспечивали музыкальное сопровождение. Впереди них скакал офицер в ладно скроенной длинной шинели и кирасирской каске с белым флажком на кончике сабли.

Я двинул вперед БРЭМ, закрепив на люке палку со свежей портянкой.

Сел в люке, сдвинув в сторону пулемет, как показатель мирных намерений.

За мной скакали четверо вестовых. Если что срочное, то чтобы не кричать им через половину поля.

На середине поля мы сошлись.

Трубач перестал дудеть, а барабанщик бить в литавры. Знаменосец развернул флаг, который стал трепать ветер.

— Командир гарнизона города Карда ротмистр барон Карде-Фок, — представился моложавый офицер, держа саблю с белым платком на плече. — С кем имею честь.

Воинской чести при этом он мне не отдал.

— Командующий конно-механизированной группой резерва главного командования майор гвардейской артиллерии барон Бадонверт, — кивнул я в ответ.

— Это и есть те самые непробиваемые махины, которые несколько дней назад произвели панику на фронте среди наших солдат, — кивнул он на мой БРЭМ.

— Они самые, — подтвердил я. — Скажу вам по секрету, страшная сила.

— Мы получили ваше своеобразное предложение с неба о капитуляции и решили его принять во избежание напрасного кровопролития среди мирных жителей.

Горнист снова затрубил, забухали литавры. Знамя склонилось, а офицер протянул мне свою саблю эфесом вперед.

Я несколько обалдело ее принял. Хорошая сабля, дорогая. Старинной работы.

Тут же наши драгуны радостно заорали какую-то речёвку и стали бросать в небо папахи. Похоже, я все сделал правильно.

— Ключи от города мэр вынесет вам у ворот, господин барон, — четко склонил голову при прямой спине республиканский капитан. — Как то и положено по традиции.

Потом подъехал знаменосец и отдал мне свой флаг. В его

глазах блестели слезы.

— Разоружение гарнизона начнется через пятнадцать минут у главных ворот. Я могу надеяться, господин барон, что офицерам оставят холодное оружие? — спросил барон, когда я принял их знамя.

— Можете, барон, — на автомате ответил я. — Мы соблюдаем традиции и обычаи войны и я рассматриваю сдачу вашего гарнизона как почетную.

Я передал ему его же саблю эфесом вперед и, спохватившись, добавил

— Вы мой пленник, барон Карде-Фок.

Республиканский капитан широко улыбнулся, показав мне крепкие красивые зубы.

— Ничего другого я от Кровавого Кобчика и не ждал. Вечером я жду тогда вас и ваших офицеров в своем замке на торжественный ужин в вашу честь.

— У вас, господин барон, в этом городе собственный дом? — удивился я.

— До революции, господин барон, моей семье принадлежал весь этот город и вся его округа.

Что это было?

И это все? Из-за этого Джульетта отравилась?

* * *

Лицо Вальда надо было видеть. У меня сложилось такое ощущение, что я одним своим видом ему лягушку за шиворот засунул.

'Железная' бригада блокирует город с севера, а ее встречает мой одиночный БРЭМ, и я спокойно отдаю распоряжения по расквартированию частей бригады в городе. Состоялось это действо на следующее утро.

Вальду все же досталось на марше. Против него республиканцы кинули все резервы с севера, какие только могли наскрести и командовал ими решительный человек. Прорывался мой заместитель с боями. Потерял при этом три машины безвозвратно. И еще две волокли на буксире.

Бьеркфорт к тому времени, когда Вальд столкнулся с резервами противника, уже ушел на север от их прорыва седлать трансконтинентальную магистраль, а приданная бригаде пехота отвернула на юг — завершать окружение республиканских войск на фронте.

Он так надеялся, что город Кард будет взят именно им, а тут

такой облом.

Приказ не входить нам в город фельдмаршал отдавал из соображений сохранения в нем в целости железнодорожного хозяйства для своего наступающего фронта. Опасался Аршфорт, что два молодых раздолбая раздолбают здесь все в мелкую крошку пользуясь беспрецедентным количеством орудийных стволов на руках. Но принятие мною безоговорочной капитуляции одобрил. О чем я получил в тот же день бумаги из штаба фронта по воздушному мосту. Так что авиаторов я с чистой совестью представил к Солдатскому кресту.

Также я получил на руки императорский рескрипт сдать бригаду Вальду и вплотную заняться летной школой и авиазаводом. На все про все мне давался срок до Нового года.

И да… Вальд стал-таки имперским генерал-майором артиллерии. Ему также предписывалось после окончания операции убыть с бригадой в Калугу и там сформировать на ее основе три отдельные механизированные бригады по уточненным штатам. Штаты бригады должны были уточнить мы же на основе полученного фронтового опыта.

Мне за Кард на плечо упала лента Имперского креста со звездой, и согласно статуту я сразу прыгнул на один чин выше и стал капитаном-командором имперского воздушного флота. Пятым командором на всю империю. Но не генералом. Так что Вальд успокоился, перестал на меня дуться и нормально вошел в новую для него роль командующего родом войск.

После 'Кардского прорыва' республика, впечатленная молниеносным поражением очень сильной группировки, утратой своих 'линий Мажино' у железных дорог и дикими даже для этой мировой войны потерями в личном составе, не обращая внимания на визги с Соленых островов, запросила перемирия. И оно ей императором было дано.

Восточный царь немедля присоседился к перемирию. Как мне показалось с большой охотой.

Подготовка к мирной конференции началась в столице Винетии. Саму конференцию предполагалось провести в Португейзе. Это чтобы не пускать флоты противников в Мидетерранию, как пояснил мне Молас за рюмкой чая.

Король Соленых островов смирил гордыню и прыгнул в последний вагон мирного процесса, не желая оставаться в военном противостоянии с Империей один на один.

Война закончилась.

17

В Реции нас чествовали целую неделю, вплоть до нового года. Все считали бронемастеров героями, которые принесли империи победу, хотя положа руку на сердце, скажу, что мы стали всего лишь той дополнительной соломинкой, которая переломила хребет верблюду. Все участники войны стояли на пороге экономического и людского истощения. Только вот победа — девка ветреная, могла в любой момент склониться на ту или иную сторону. И чья будет эта сторона, предугадывать никто не брался.

Я, Вальд и по моему отдельному представлению Щолич стали кавалерами ордена 'Трех сияющих вершин'. Высшего ордена герцогства, к тому же дающегося весьма и весьма скупо. За его трехсотлетнюю историю насчитывалось всего пятьдесят два награждения. Из живущих кавалеров, кроме самого Ремидия, присутствовали на церемонии девять персон. И еще трое по причине глубокой старости не могли приехать во Втуц из поместий, но прислали свое письменное одобрение видеть нашу троицу в своих рядах.

Для всех остальных участников 'Кардского прорыва' герцог выбил особую серебряную медаль, по типу той, которой он награждал участников 'кровавой тризны'.

Вино лилось рекой. По бульварам из-за стихийных народных гуляний пришлось остановить движение конки. Несмотря на то, что Реция от этой войны только выиграла в развитии, все поголовно были счастливы тем, что эта длинная война наконец-то закончилась. От войны устали все.

Из Винетии пришли первые итоги саммита комитета по организации мирной конференции — 'кто, где стоит, тот тем и владеет', что вызвало правительственный кризис в республике. Все же имперские войска стояли на ее территории, а не наоборот.

Сенат назначил 'правительство народного спасения', которое моментально газетчики прозвали 'правительством национального предательства' из-за его поддержки созыва мирной конференции.

Активно подняла голову 'Лига социальной справедливости' с лозунгом 'зачем наши отцы полвека назад делали революцию?'. На новый год случились драки полиции с демонстрантами. Полиция применила оружие. В Лютеце запахло порохом и гражданской войной.

В армии республики началось массовое дезертирство.

Западный фронт с той стороны рассыпался сам собой.

На востоке в Щеттинпорте состоялась встреча куявского царя,

ольмюцкого и отогузского королей, которые сепаратно договорились о сокращении войск в первой линии соприкосновения и о приемлемой демаркационной линии послевоенной границы. От империи присутствовал князь Лоефорт. Император не смог прибыть на это мероприятия по причине ухудшения здоровья.

10 января император испустил последний выдох в своей резиденции в Химери.

Империя сразу из карнавального праздника погрузилась в траур.

Ввиду того что императорский трон не наследовался а выбирался шестью электорами князь Лоефорт возглавил временный кабинет министров и назвал дату собрания электоров в Химери — 30 января.

Два эшелона одновременно отходили от вокзалов во Втуце и в Калуге.

По средневековой традиции каждый электор вправе был с собой взять на мероприятие только одну роту своей гвардии, для представительства. Недолго раздумывая, Ремидий оставил в столице герцогства своих дворцовых гренадер и забрал с собой гвардейскую рецкую роту саперов-штурмовиков. Победителей. Тех, что воевали в составе 'железной' бригады и кто творил 'кровавую тризну'.

Поставил ею временно командовать герцог меня. Как майора своей гвардии. Вальд виду не подал, но я видел, что он на это обстоятельство очень обиделся. Он очень всерьез воспринял титул 'победителя', которым его наградили газетчики. Но… он теперь не герцогский гвардеец, а имперский генерал. По традиции одно противоречит другому и рапорт об отставке с гвардейской службы он написал сам сразу же по приезду во Втуц. Никто ему пальцы не ломал. Так что он остался он на месте. На полигоне. Формировать согласно последнему распоряжению императора броневые бригады, что в связи со смертью Отония повисло в неопределенности. Пока же он вместе с инженерами писал наставления по эксплуатации бронетехники в боевых условиях.

В состав роты я включил демонстрационный взвод бронетехники. По одной машине из тех, что принимали участие в боях — 'элику', 'коломбину', 'артштурм' и БРЭМ. И четыре аппарата, что сваяли инженеры тракторного завода уже без меня, но по моему техническому заданию. И справились блестяще.

На выходе получилось совсем новое гусеничное шасси, нечто похожее на Рено FT-17, только с лучшими тактическими характеристиками. Классический легкий танк. При легкой

авиационной паровой машине в 150 лошадиных сил он развивал по шоссе максимальную скорость в 45 километров в час, и мог держать на проселке до 25, в чистом поле до 20 и на пашне до 17 километров в час. Имел запас хода на одной заправке 120 километров.

Вооружение один пулемет водяного охлаждения 'гоч-лозе' во вращающейся восьмигранной башне. Изюминкой первого в этом мире настоящего легкого танка стало питание танкового пулемета металлической лентой. Качество пружинной стали из Калуги сделало возможным изготавливать стандартные куски ленты на 50 патронов и соединять их между собой патроном. Штатный боезапас — 4 тысячи патронов. Максимальный угол возвышения ствола пулемета 55 градусов.

Экипаж — 2 человека: командир-наводчик и механик-водитель.

Тактическое назначение этой малютки, которой пришлось приделать складывающийся хвост для преодоления траншей, сопровождение конницы в ее боевых рядах. Эту машину так и называли на заводе 'кавалерийский бронеход'. Или КБ-1.

Бронетехнику мы везли для показа на параде в честь избрания нового императора.

Забыл совсем. На волне победного энтузиазма мою БРЭМ на заводе оснастили пулеметной вращающейся башней с КБ-1. Работали за счет праздников. Энтузиасты.

На Калужском тракторном заводе фактически сформировалось ядро инициативных танкостроителей, которые вполне уже могли работать самостоятельно. Без меня. Бумаги на прожекты извели — жуть. Но в металле рискнули без моего благословения только на КБ-1.

* * *

Похороны императора прошли торжественно при большом стечении народа, который толпился на тротуарах и скорбно смотрел на процессию, несмотря на то, что солидно подморозило. Многие плакали, провожая Отония Второго в последний путь. И слезы эти были искренними, император много сделал для облегчения жизни простого народа. Достаточно вспомнить только рабочее законодательство, ограничивающее произвол фабрикантов и устанавливающее гарантируемый минимум оплаты труда, на который можно было жить, а не существовать. Не говоря уже о гражданской реформе, которая многим дала путевку в жизнь и возможность карьеры, которая раньше была

доступна только для аристократии.

Три десятка кирасир по десять в ряд с литаврами в седлах выбивали колотушками траурный ритм и ненавязчиво давали понять толпе, что надо освободить процессии середину проспекта. Иначе, если не снесли бы своими рослыми конями, то отодвинули. Но таких упрямцев не нашлось.

Открытый гроб с замороженным в леднике трупом императора стоял на орудийном лафете, который в этот раз, отдавая дань прогрессу к которому так стремился покойный, медленно буксировал гусеничный артиллерийский тягач калужского производства, который таки приняли в этом году на вооружение.

В кузове тягача стояли знаменосцы со склоненными в сторону гроба флагами.

Шестеро электоров верхом при полном параде шагом ехали следом. И на них было холодно смотреть — в одних мундирах, даже без плащей.

Далее двигалась длинная пешая процессия генералов и чиновников. Также в в одних парадных мундирах при всех орденах.

За ними тянулись фабриканты из тех, кто имел звание коммерции советника, среди которых топал и я. Этим было разрешено идти в пальто и шубах. Чему я был несказанно рад. Если бы меня произвели в генералы, то также бы мерз, как и они. Даже сильнее, потому как не было у меня заранее припасено мундира и фуражки на вате.

Главный проспект Химери который тянулся три километра от зимней резиденции императоров — старинного замка, до места их коллективной усыпальницы построенной всего сто лет назад. Он был помпезно красив и ничего общего не имел с окружающих его средневековыми кварталами древней резиденции имперских монархов. Проспект этот при предыдущем императоре прорубили сквозь старый город и застроили красивыми пяти-шести этажными домами 'с архитектурными излишествами'. Больше Химери не трогали градостроительными нововведениями. Отоний запретил. Разве что город аккуратно газифицировали, провели водопровод и современную канализацию. И после аккуратно все восстановили внешне, как было. В качестве водонапорных башен приспособили древние оборонительные башни стен старого города.

По той же традиции издревле в столице запрещено было строить какие-либо промышленные предприятия. Оттого этот город, вопреки статусу столицы, умудрился остаться небольшим по размеру окруженный заповедными лесами императорской

охоты. Даже театры утроили за пределами кольцевого бульвара, разбитого на месте средневековых внешних городских стен.

Жили в Химери придворные аристократы, чиновный люд, торговцы, отельеры и прочий обслуживающий персонал. Причем первые в основном наездами, если не находились здесь по службе.

В усыпальнице, внутри, вдоль ее стен расписанных сценами было славы империи, стояли в два ряда мраморные саркофаги, в которые век назад свезли со всей империи останки сорока восьми императоров. Сколько было их за шесть сот лет. Даже у императора Штефа, который триста двадцать лет назад погиб в бою в верховьях зимнего Данубия, провалившись в доспехах под лед, имелся здесь кенотаф. Крышка каждого саркофага было выполнена в виде лежащего в полный рост на одре покойного императора. Им всем придали портретное сходство с помощью снятых посмертно гипсовых масок, и одели в соответствии с модой их времени в бронзовые рыцарские доспехи или каменные мундиры.

Перед усыпальницей электоры спешились и подняли на плечи гроб.

Впереди них, стуча золоченым посохом по каменным плитам, шел церемониймейстер императорского двора.

В воротах усыпальницы их встретил караул из дюжины императорских гвардейцев под командованием лейтенанта.

— Стой. Кто идет? — крикнул лейтенант командовавший караулом. Гвардейцы за ним взяли винтовки на руку, обратив блестящие штыки на процессию.

— Отоний, — ответил церемониймейстер.

— Что ему здесь нужно? — четко выкрикивал лейтенант ритуальные слова.

— Место последнего упокоения.

— Какое он имеет на это право?

— Он наш император.

— Вы знаете, что оттуда уже не возвращаются? — махнул лейтенант шпагой на ворота усыпальницы.

— И мы знаем, и он знает.

— Открыть ворота. Прощайте ваше величество, — лейтенант отмахнул шпагой салют.

Ворота усыпальницы открылись как бы сами по себе.

Гвардейцы взяли винтовки на караул

Литавры забили дробь, и трубач затянул 'слушайте все'.

Электоры на плечах снесли гроб внутрь, где им служители помогли переложить бренные останки Отония в предназначенный для него саркофаг. Где и накрыли его штандартом. Крышку

саркофага положат позже. На сороковой день.

Электоры снова вышли на площадь, где князь Лоефорт на правах временного регента, с этого момента и до выборов нового императора имперский интеррекс, старческим голосом возвестил городу и миру.

— Император Отоний Второй покинул нас и ушел вслед за богами. Помолимся, братья и сестры, за то чтобы они приняли его в свой круг.

Толпа сняла головные уборы и сосредоточенно шептала молитвенные слова.

Ворота усыпальницы медленно закрылись, отрезая мир живых от мира мертвых.

Никаких поминок не праздновали. Не принято это здесь.

Естественно все участники похоронной процессии, добравшись до дому, крепко выпили, ибо намерзлись. Не более.

На площади перед усыпальницей остался только безутешный имперский принц Тон. Бывший принц. Теперь только простой герцог. Даже не электор.

Он так и стоял там несколько часов пока его насильно не увели во дворец.

* * *

Занимательно смотреть со стороны, как дрессируют парадную ротную коробочку. Но все же скучно. Лично я отбрыкался от такой чести тем, что на параде поведу колону бронетехники. Тому, кто будет торчать из люка бронехода шагистика не к чему.

Инструктор по строевой подготовке был фельдфебелем императорской гвардии и дока в своем деле. По крайней мере, мои рецкие штурмовики и егеря, люди не особо фанатеющие к строю и фрунту всего за половину дня стали вполне прилично смотреться. Но этому зануде все мало. Понятно… у кого вся служба сплошной парад и развод караула, тот только в шагистике и видит смысл службы.

— Фельдфебель, — позвал его я. — Сворачивайтесь. Личному составу пора обедать.

— Но, господин капитан-командор, осмелюсь возразить ваши люди настолько сырые, что им каждая минута тренинга за благо. А до обеда еще почти час.

— Я что, нечетко высказался? Исполняйте приказ.

— Осмелюсь заметить, господин капитан-командор, что если вашу роту не гонять интенсивно, то она может опозориться на

параде.

— Вот что, фельдфебель… — я начал закипать. — Эти люди герои войны. В отличие от тебя, тыловая крыса. Ты про 'кровавую тризну' хоть слыхал?

Фельдфебель нехотя кивнул.

— Так вот не советую тебе делать из них личных врагов. Исполнять приказ. Личному составу отдыхать и принимать пищу.

— Слушаюсь, господин капитан-командор, — недовольный фельдфебель четко откозырял, развернулся на каблуке и пошел передавать мой приказ роте.

Идеальный оловянный солдатик.

Миры могут быть любые, но армии в них во всех одинаковые. Грустные размышления, если трезво подумать. Без строевой подготовки армии не сделать. Но если сводить все к парадам, то армию запросто можно угробить. Заранее. Без противника.

— Круто ты с ним, — хохотнул за спиной знакомый голос.

— Ваша светлость… — развернулся я к подошедшему рецкому герцогу.

— Хотя и бесполезно, — продолжил Ремидий. — Все равно ничего не поймет. Он давно все мозги себе выбил каблуками о плац. Однако парадную коробочку он из твоих партизан умудрился-таки с утра сколотить. Тоже талант надо иметь. Так что не суди его слишком строго. Свое дело он знает отлично, — герцог сделал ударение на слове 'свое'. — Кстати, Савва, не составишь мне компанию на обеде?

— Почту за честь, ваша светлость

* * *

Обед был из серии 'тайное собрание масонской ложи'. Кроме герцога на нем присутствовали оба Бисера, Плотто, Молас и Аршфорт.

— Слышали новость? — спросил ольмюцкий король. — Имперский принц снял свою кандидатуру с баллотировки. Он не хочет быть императором.

— Причина? — спросил фельдмаршал.

— Желает всего себя посвятить воздухоплаванию.

— Хороший для него выход из тупиковой ситуации, — заявил Молас. — У Тона и так шансы были призрачные. Он хороший администратор, но постоянно пребывал в тени отца. А тот его нещадно эксплуатировал на непопулярных миссиях. Откуда возьмутся симпатии у электоров и генералитета к вечному проверяющему. Разве что действительно среди

воздухоплавателей. Он им покровительствовал и фактически был начальником штаба при адмирале неба.

— Осмелюсь спросить, а какой у него чин? — спросил я.

— Корвет-капитан воздушного флота, — удовлетворил Молас мое любопытство.

— Что он просил в отступное? Адмиральство? — поинтересовался фельдмаршал. — Это будет недорого.

— Самое смешное, что совсем ничего не попросил, — ответил король. — Заявил, что хочет летать.

— Я его понимаю, — встрял я в разговор. — Небо оно такое. Никого от себя не отпускает. Небо можно любить бескорыстно.

— То-то, Кобчик, ты снова вырядился во флотский мундир, — подколол меня принц Бисер.

— Согласно последней воле последнего императора, — пожал я плечами. — Но все вы знаете, что всегда хотел летать.

Плотто на это только ехидно усмехнулся. Но ничего не сказал.

— И не надо, Вит, делать такое лицо, — бросил я ему через стол. — Мои как ты любишь дразниться 'этажерки' себя уже показали на фронте как полезные машины. Без их воздушной разведки у нас не получилось бы ни прорыва, ни молниеносного рейда. Несмотря на всю бронетехнику. И фланговый ночной рейд 'железная' бригада сделала именно на основе воздушной разведки 'этажеркой'.

Плотто примирительно поднял руки вверх. А для всех предложил.

— Я лично не против того чтобы Тон был адмиралом воздушного флота. Он, по крайней мере, в теме и в курсе наших забот и потребностей. Воздушный флот специфические войска, как и морской флот. Мы не можем предугадать, кого во главе воздушного флота поставит новый император. Хорошо если просто фаворита на синекуру, тогда еще при хорошем начальнике штаба можно будет достойно существовать. А то не дай ушедшие боги какого-либо инициативного дурака из пехоты посадят на нашу шею.

— А кого бы ты поставил? — спросил Ремидий.

— Да хоть Кобчика, — ответил ему Плотто.

— Кобчика нельзя, — высказал свое мнение принц Бисер. — Он совсем не умеет себя вести с власть предержащими. А командующий флотом больше политик, нежели технарь. Покойный император это быстро понял. Я думаю сейчас Кобчик как раз на месте. Пусть строит свой аппараты тяжелее воздуха и создает пилотируемую авиацию, я правильно ее назвал, Савва?

— Правильно, — кивнул я и налил себе темно-красного,

почти черного вина. — В командующие я и сам не рвусь. Но против некоторой самостоятельности в своей деятельности выступать не буду. Дело это новое, неизведанное. Требует больших вложений в науку.

— Значит, будем стоять на мнении Отония в отношении Кобчика, — заключил Аршфорт.

— Плотто, вы не будете выступать против того чтобы Тон стал командующим воздушным флотом и стал контр-адмиралом?

— Что это нам даст?

— Голос, — хохотнул Ремидий. — Решающий голос.

— Сейчас в курии у нас ровно половина голосов. Ольмюцкий король, Отогузский король и Рецкий герцог, — заявил король Бисер. — Против нас всегда и по любой кандидатуре выступят князь Лое и Оногурский король. Они всегда будут вместе. Остается великий герцог империи. А он симпатизирует Тону и принимает участие в его судьбе. Унижение Тона он не простит. Кстати, Тон женат на его дочери и это тоже следует учесть. Так что если мы возвышаем Тона, который уже сам отказался от императорской короны, то тем самым мы можем приобрести решающий голос в пользу нашей кандидатуры. Хотя это еще вопрос кулуарных переговоров.

— Ну, на переговоры время у нас еще есть, — заметил Ремидий. — Великого герцога, если высокое собрание позволит. Я беру на себя. Возражения есть?

Возражений не последовало.

— Осмелюсь спросить, а какую должность занимет Тон в воздушном флоте?

— Командира воздушного корабля 'Гурвинек' три, — ответил мне Плотто.

— То есть он боевой воздухоплаватель, — констатировал я, — Не в штабе отсиживался. Надеюсь, экипаж этого дирижабля достойно отметили за последнюю операцию?

— А там есть за что награждать? — переспросил меня фельдмаршал. — Ну, летали как-то… бомбили куда-то… результата не видно.

— Есть, ваше превосходительство, за что награждать, — встретил я прямой взгляд командующего. — И нам с передовой результат виден лучше, чем из фронтового штаба. Наглядно. Если бы этот дирижабль в первый день наступления не разбомбил бы точно батарею тяжелых пушек у республиканцев, то вполне возможно мое наступление там же и захлебнулось бы. И не получилось у нас никаких 'клещей' с окружением. Так что задание экипаж дирижабля под командованием корвет-капитана Тона выполнил. А четкое и спокойное выполнение задания в боевой

обстановке по моему мнению важнее личной храбрости без выполнения задания. Если вам требуется для награждения Тона подтверждения 'от земли', то я лично готов написать на него представление к Солдатскому кресту.

— Кто сказал, что у Кобчика нет политического чутья? — хохотнул Ремидий.

— Тогда прямо сейчас и пиши, — улыбнулся фельдмаршал. — Отдельно на Тона. А список остального экипажа нам мигом принесут, — взялся он рукой за серебряный колокольчик и тут же опустил его обратно на стол. — Кандидатура у нас прежняя? Ты?

И упер в короля фельдмаршал указательный палец.

— Нет не я. Империи нужен молодой монарх, — ответил король.

Принц закатил глаза под брови и беззвучно застонал.

— Есть такое слово, сын, надо, — давил на него ольмюцкий король. — И я, и отогузский король уже не в том возрасте, когда можем проводить долгосрочные реформы. А Ремидию надо внуков воспитывать, готовить их к роли правителя. Выдвигать кого-либо из князей и не владетельных герцогов в сложившейся ситуации опасно аристократической контрреволюцией. Многие спят и видят о возвращении феодальных порядков. Как компромиссная, но авторитетная фигура подошел бы великий герцог, но он категорически не желает императорской короны.

— Как ты не поймешь, отец. После того как мы с Кобчиком в Чрезвычайной комиссии постреляли да развесили свою аристократию за воровство, как меня примет аристократия имперская?

— Так не вы, ваше высочество 'кровавый', а Кобчик, — внес Плотто свой аргумент.

И я понял, что пора мне снова готовиться к роли памперса. Политика, мать ее…

Встретились как-то свинья и курица. Курица предложила создать совместное предприятие. А что мы будем выпускать, — спросила свинья? Как что — ответила курица, — яичницу с беконом.

18

30 января на избрание нового императора электоры собрались, как положено по древней традиции 'на костях', то есть в том же здании где умер предыдущий монарх империи — в охотничьем замке в трех километрах от города. Небольшом милом поместье с аккуратным двухэтажным дворцом, больше приспособленном для семейного проживания, нежели для парадной жизни.

И в тот же день объявили городу и миру решение съезда электоров. Новым императором стал Бисер Первый, кронпринц королевства Ольмюц, четырьмя голосами против двух. Его единственный соперник по баллотировке граф Тотртфорт-старший потерпел поражение.

Официальную коронацию и парад назначили через неделю на 6 февраля.

Но уже 31 января малый охотничий замок, где проходил торжественный обед, который давал новый император электорам и их свитам после принятия им присяги взлетел на воздух. По слухам погибли все, кто в тот момент находился в замке. В том числе и император Бисер.

Граф Тортфорт как только весь о взрыве дошла до города поспешил обвинить в теракте 'Лигу социальной справедливости'. И так как было широко объявлено, что интеррекс князь Лоефорт погиб вместе с остальными электорами и императором, он как полковник императорской гвардии взял командование ею на себя и объявил себя временным верховным правителем империи. А в столице ввел военное положение.

Имперская контрразведка, которую так и не успел распустить покойный император, заявила о полной поддержке графа как верховного правителя. Камеры в подвалах ее здания спешно приводились в порядок и уплотнялись к приему новых посетителей.

Однако 'Лига социальной справедливости' вопреки своему обыкновению не спешила брать на себя ответственность за ликвидацию верхушки империи. Лига была занята разгоравшейся гражданской войной в Республике. В Лютеце строили баррикады, и адептам Лиги было не до империи.

Я на этом обеде не присутствовал, потому как гонял своих мехводов к параду. Дело для них новое, неведомое, в котором есть масса всяких хитростей и нюансов. Сводная рота штурмовиков и егерей занималась шагистикой на соседнем плаце.

Как только до меня дошел весь ужас случившейся трагедии с заиканием примчавшегося галопом испуганного вестового, я развернул бронетехнику, приказал заправить машины водой и керосином под пробку, грузить шанцевый инструмент, медкомплекты первой помощи и полный боезапас. Посадил штурмовиков на броню десантом. А тем, кому мест не хватило на броне, разместились на имеющиеся в техническом парке имперской гвардии тягачи и рутьеры, и двинул я все воинство в сторону замка изображать из себя МЧС и Медицину катастроф.

За врачами послали отдельно, с приказом гнать к охотничьему замку всех кто только подвернется под руку из их сословия.

Через полчаса мы были на месте. Вокруг замка кучковалась, не зная, что ей делать наполовину контуженая рота дворцовых гренадер. Растерянность среди императорских гвардейцев была полная. До дезориентации в пространстве и времени.

Я вскочил на крышу броневика и, изображая из себя рассерженного Шойгу выстрелил из пистолета в воздух. И когда привлек к себе внимание, начал раздачу люлей и вперемешку давать ценные указания по разбору завалов, используя нарядных гренадеров в качестве грубой рабочей силы. Неча им херней страдать, здоровые лбы каждый не меньше ста восьмидесяти сантиметров ростом. Физический труд на свежем воздухе лучшее лекарство от легкой контузии. Саперы стали бригадирами гренадер.

Два бульдозерных отвала и кран на БРЭМе сдвигали большие фрагменты обрушившихся конструкций, а остальная бронетехника оттаскивала их в сторону тросами на фаркопе. Стропальщики из штурмовиков были не ахти, но других-то и вовсе нет.

Через час адской работы раскопали обеденный зал. Император и рецкий герцог по счастью были еще живы, хотя и сильно контужены. Они отошли за колонну из цельного камня перекурить и пошептаться и эта колонна, сбив их с ног, упала косо на массивную малахитовую вазу, оставив им некоторое жизненное пространство. Повезло… Чего не сказать об остальных, заживо раздавленных гостях.

По мере разбора завалов, трупы относили на боковую парковую дорожку и складывали в ряд согласно списку гостей. Некоторые были настолько обезображены, что их опознали только по характерным деталям одежды и орденам. Все же имперских рыцарей в империи небогато. А у многих еще были специфические ордена входящих в империю королевств.

Причина взрыва явственно читалась на обломках охотничьего

замка. Экразит. Все было окрашено желтым порошком и черными подпалами копоти. Это сколько же взрывчатки заложили, чтобы вызвать такие разрушения крепкого здания? Кто-то решил действовать наверняка, чтоб без осечки.

Однако по иронии судьбы император, законно уже избранный император, остался жив и относительно работоспособен. Синяки и шишки не в счет.

А вот Ремидий был плох. Ему кроме контузии еще отдавило ноги каменной балкой.

Врачи разворачивали палатку полевого госпиталя и готовили герцога к ампутации. Иначе гарантировали быструю смерть.

— Савва, — позвал меня Ремидий. — Гони сюда срочно двух нотариусов из города, пока меня еще резать не начали. И позаботься о моих внуках. Они и тебе не чужие. Обещай.

Я держал в ладонях руку герцога и из глаз непроизвольно скатывались слезы.

— Обещаю, — выдавил я из себя.

Пригнанные нотариусы пока штурмовики отгоняли от герцога хирургов, составили завещание Ремидия 'с ясной головой и твердой памятью', согласно которому ему наследовал Рецкую марку старший внук, а младший получал автономию в графстве Риест под протекторатом старшего брата. Титул герцога оставался за старшим. Я в случае смерти Ремидия становился регентом герцогства с правами электора до совершеннолетия юного герцога. Прописаны были и все случаи ограничения власти регента Палатой баронов в исключительных случаях. А также процедура принятой таких ограничений, весьма запутанная и требующего квалифицированного большинства при голосовании.

Завещание, заверенное двумя столичными нотариусами, я получил на руки, а копии они оставляли на хранение у себя. Перестраховщик Ремидий. Но ему лучше знать местные реалии.

В хирургическую палатку я за герцогом не пошел. Не смогу видеть, как ему отрезают ноги. Я спокойно отношусь к виду крови, но тут… Тут личное…

Император, полусидя на раскладной кровати, приставленной к ящикам, уже отдавал несколько сумбурные приказания. Рядом с ним крутился появившийся, откуда ни возьмись генерал Молас и вносил необходимы коррективы в монаршую волю.

— Где ваши волкодавы? — наехал я на него. — Профукали все!

— Там, где и должны быть, — ответил он мне раздраженно.

— Тогда почему замок взорвался?

— Взрывчатку заложили давно. Я тогда еще на восточном фронте был. В замурованном помещении подвала. Готовились

взрывать Отония, скорее всего.

— А его просто-напросто отравили, — выдал я утверждение.

— Нет. У Отония был рак, — генерал закурил папиросу.

— Почему об этом не знали?

— Здоровье императора есть страшная государственная тайна. Особенно то, что в последние месяцы боли ему купировали наркотиками. Железный был человек.

У меня перед глазами пронеслась сцена, когда император, рассекая на аэроплане, стрелял со смехом из автомата ворон. Явно он был тогда под крутой химией.

— Он все поставил на свою реформу имперского гражданства как связующей нити всех земель империи. И связанной с ним гражданской службы. Он не мог бросить все на полпути, — Молас прикурил папиросу от папиросы.

— Понятно, — вдохнул я с силой ноздрями. — Кого бить первым?

— Все ты, Савва, схватываешь на лету. Но надо дождаться ИХ выступления. Иначе нас не поймут. И узурпаторами окажемся уже мы. Даже с императором во главе. Твои все здесь?

— Все, кроме охраны эшелонов.

— Добро. Мои уже на месте. Повяжи своим на бицепс белую ленточку. Для опознания. Охраняй императора до прихода огемской роты и жди моего приказа.

— Мосты, вокзалы, почта, телеграф, телефон? — спросил я с ехидной усмешкой.

— Порой мне кажется, что ты прирожденный революционер, — генерал сплюнул тягучей коричневой табачной слюной. — Хорошо тебе. Ты не куришь. И да… эти объекты берут мои ребята. На твоих уже по традиции контрразведка и гвардия. Та, что пойдет за Тортфортами. У них немало здесь сторонников. Да и клан у их не самый малочисленный в империи.

— Манифест уже написан? — спросил я главное разведчика империи.

— Какой манифест? — не понял он.

— О счастливом избавлении монарха от гибели, уготованной ему предателями отечества продавшихся островитянам.

— Угу… — Молас упал взглядом внутрь себя. — А как мы его доведем до народа? Мы тут пока почти в изоляции.

— У нас в активе, как я понял два дирижабля.

— Плотто — раз. А еще кто?

— Бывший принц, а ныне трудящийся империи, — усмехнулся я. — Зря, что ли ему крест вручали сразу после выборов императора?

— Ты так думаешь? А не сам ли он стоит за заговором?

— Экселенц, хотел бы Тон быть императором, просто выдвинул бы свою кандидатуру на голосование не строя сложных уборных. А он ее, наоборот, снял. Где тут ближайшая типография?

— В Тортусе.

— Тем лучше, — улыбнулся я. — Вряд ли граф подумает, что мы будем резвиться на его заднем дворе. А на обратном пути начать листовки с манифестом разбрасывать над всеми станциями железной дороги и городами. Сейчас самое страшное — это информационный вакуум. Тортфорт свое слово уже сказал, а другого никто и не слышал. К примеру, о том, что император жив. И от присяги, которую чиновники давали ему сегодня утром по всей стране их никто не разрешал.

— Ты прав, Савва. Не все делается специальными операциями, — и Молас пошел разгонять верхами свою немногочисленную свиту.

Мы же с одним офицером отдела второго квартирмейстера генштаба оставленного мне Моласом сочинили краткий манифест о возблагодарении ушедших богов, даровавших императору жизнь там, где обычно не выживают. Текст дело десятое. Главное в такой бумаге подпись и начало 'Мы, законно избранный срединный император Бисер Первый…'

Ну и выделили особые полномочия дарованные императором мне, Аршфорту и Моласу.

Оставили даже графу Тортфорту лазейку приползти с повинной к подножию трона, мол, нельзя было на фоне таких слухов оставлять империю без управления, хотя тем же манифестом снимали его со всех государственных постов.

Переписали набело, подписали манифест у мало что соображающего от контузии императора и отослали этого офицера к Плотто на аэродром.

К месту нашей новой дислокации вокруг императора стали подтягиваться отогузские гвардейские драгуны с фронтовым опытом цугуцульских перевалов и огемские королевские дворцовые гренадеры, необстрелянные, но прошедшие выучку по программе штурмовиков на полигоне у Многана. С ними я почувствовал себя уверенней. Свои силы лучше всего собирать в единый кулак.

К тому же королевские дворцовые гренадеры кроме винтовок Шпрока имели на вооружении складные пистолеты-пулеметы Гоча, в деревянной кобуре. Они же пригнали с собой из инженерного городка обоз с продовольствием, полевыми кухнями и запасом патронов. А у отогузов оказалось по одному ручному пулемету на отделение. Готовились электоры ко всякому

заранее… Один я не в курсах высокой дворцовой политики.

Городок вокруг бывшего охотничьего замка (грешно назвать такие вычурные здания деревней) стал реально напоминать военный лагерь. Мне даже стало жалко красивого 'дикого' парка, в который поколениями ландшафтных дизайнеров было вложено немало труда. Вытопчут все солдаты как слонопотамы.

Обошел предполагаемые позиции нашей обороны, и понял, что выученики Вахрумки на занятиях мух не ловили. Императорские дворцовые гренадеры, мягко нами разоруженные (только патроны отобрали на всякий случай), копали окопы и ДЗОТы на столичном направлении, используя в полевой фортификации части разрушенного дворца. Это хорошо, а то расклад чисто по количеству бойцов пока не в нашу пользу.

Разве что у императорских гвардейцев Тортфорта артиллерии не густо — всего две конные батареи в императорской гвардии. Шестнадцать полевых пушек, которые всегда демонстрировали на парадах. Но у меня и этого нет — всего три ствола и к ним по сорок снарядов. Отрядил, конечно, обоз на станцию к нашим эшелонам, но когда они обратно будут?

Ну, вот… первые ласточки появились в колонне по столичной дороге. Хорошо маршируют. Гвардия!

Тревога.

Занятие позиций согласно диспозиции пулеметного огневого мешка.

Бронетехнику в два кулака. Ударный — 'артштурм' и четыре пулеметных танка. Поддерживающий — 'элика', 'коломбина' и БРЭМ.

Эскадрон отогузских драгун в засаду — на фланговый обход и добивание бегущего противника. Не факт что такое нам удастся, но ободрить личный состав никогда не мешает.

Эх, сейчас бы всю мою бывшую 'железную' бригаду сюда. Раскатал бы всех в тонкий блин и порвал бы как Тузик грелку. Но тревога оказалась ложной. Пришла сводная представительская рота гвардейского оногурского саперного батальона. Того самого батальона, который мне мостки строил перед наступлением на фронте. За боевые заслуги саперы оногурским королем были причислены к королевской гвардии. Впечатлился король. Больше всего тем, что по моему представлению около ста человек (их работа трое суток в ледяной воде была приравнена к подвигу в бою) награждены Солдатскими крестами. Такое саперами, не избалованными почестями и наградами не забывается.

Командовал ею знакомый мне по фронту батальонный инженер. Он мне и тогда показался толковым человеком. Вот и сейчас он мне вываливал свои резоны.

— Как бы то ни было, ваша милость, но мы решили, что будем с нашим королем. Живым или мертвым. Забальзамируем его тело и отвезем домой. А Тортфорты нами командовать больше не будут. Хватит.

— Император чудом выжил и нуждается в вашей защите. Ваш король мертв, как и остальные электоры. Вы с нами?

— Это надолго?

Я только развел руками.

— Мы остаемся, если только нами будете командовать вы, командор.

— Тогда прошу вас, майор, построить всех у домика лесничего для принятия торжественной присяги императору.

Похоже, граф Тортфорт остался без инженерного обеспечения совсем.

* * *

Смеркалось. Небо нахмурилось. Воздух ощутимо потеплел и сверху повалил снег, засыпая аккуратные штабеля кирпича, убранные солдатами с развалин дворца. И сами развалины. И крыши оставшихся целыми домов, в которые стуча молотками вставляли новые стекла.

Откуда-то повыползали жены и дети дворцовых служителей и разбирали с садовых дорожек своих покойников по домам. Обмывать и готовить к утренним похоронам. Им не препятствовали.

Электоров и их свитских, а также придворных, которых настигла в охотничьем дворце смертельная беда, перенесли в большой охотничий ледник. Который был предназначен для трофеев императорских охот в заказнике.

Для дворцовых гренадер при свете факелов во дворе строгали гробы.

На парковых лужайках рядами выросли большие взводные палатки — импровизированные гвардейские. И даже дощатые сортиры, как и положено саперы выстроили не ближе двадцати метров от крайней казармы.

Жалко парк. Сколько денег придется вбухать, чтобы его восстановить в первозданной красоте. Отрезки бревен и досок, всякий древесный мусор со взорванного дворца кончится, солдаты начнут деревья валить. И плевать им, что деревья здесь высажены редкие для этой географической полосы — им тепла в палатке хочется.

Драгун я давно разослал по округе ближними и дальними

патрулями, как только оногурские саперы приняли присягу новому императору. За ними присягали дворцовые гренадеры, гвардейские инженеры и прочие части не относящиеся к Ольмюцу. Каждые под двумя знаменами — империи и своего королевства — герцогства.

С момента взрыва прошло, вряд ли больше пяти часов, а казалось что вечность. По крайней мере, неделя.

— Ваше императорское и королевское величество, — обратился я к Бисеру, который после ухода гвардейцев так и сидел осыпаемый снегом на крыльце дома лесничего в кресле. — Осмелюсь указать, что вам лучше зайти в помещение. Не дай ушедшие боги еще и зазябните.

— Савва, хоть ты меня не подкалывай, — капризно скривил губы монарх. — Где Аршфорт?

— Неизвестно, ваше императорское и королевское величество.

— Достал ты меня, Савва. Повелеваю тебе впредь всегда и везде обращаться ко мне только словом 'государь'. Ясно?

— Так точно, государь. Ясно.

— Уже лучше, — криво улыбнулся монарх и тут же встревожено спросил. — Где Молас?

— Еще в отлучке, государь. По своим делам где-то.

— Что с Ремидием?

— Ему отрезали ноги по колени. Теперь он спит под опием. В вашей резиденции на втором этаже.

— А что у нас хорошего?

— Государь, пройдемте в дом, к камину. Там я все вам расскажу. Главное, что сегодня, похоже, атаковать нас никто не собирается.

— Да… — вымучено улыбнулся император. — Гвардия ночью не воюет. По уставу не положено. — И внезапно перешел на шепот. — Савва, мне эти гадские врачи выпить не дают. Ты мне достань немного коньяку. Неужели в подвалах дворца ни одной бутылки не осталось? Императорский лесничий встретил меня в холле своего дома, руководя гренадерами, которые таскали охапки уже наколотых сухих березовых дров.

— Ваша милость, — поклонился мне придворный, — я взял на себя смелость озаботиться теплом для царственных пациентов в этом госпитале, в который превратили мой дом.

Таки да — действительно госпиталь. На первом этаже комнаты врачей, малая операционная, аптека, кухня. Сестры милосердия и сиделки приходящие из семей дворцовых служителей, которые тут служат поколениями. И хотя они не считаются придворными императора, то все давно потомственные

дворяне, несмотря на физический труд, которым они тут занимаются. На втором этаже комнаты привилегированных пациентов — императора и рецкого герцога. Охрана и посыльные скороходы из огемских гвардейцев. Чуланчик без окна, который я себе определил как спальное место и уже засунул под топчан ручной пулемет. Дверь в чулан в пределах видимости охраны императора и герцога.

Никакого недовольства моей наглой экспроприацией его жилья под нужды монарха он не выказывал. Наоборот казался гордым этим обстоятельством.

— Вы сами-то как устроились? — проявил я вежливость, хотя откровенно мне это было по барабану.

— В оружейном флигеле, где хранится охотничье оружие для гостей императорской охоты. На тот случай, если те приезжали без своего. Моей семье там удобно. А что тесно, то это же не навсегда, — улыбнулся он.

Лет ему было за шесть десятков. Седой совсем. Лицо морщинистое. Но двигался легко и упруго.

— На кого тут обычно охотились? — спросил я, чтобы что-то сказать. Мои мысли были заняты совсем другим.

— На благородного оленя, косуль, лосей и зайцев, ваша милость. Для охоты на кабана есть другой заказник у реки. Это отсюда на юг. Только вот разогнали сейчас взрывами да солдатами всю живность. Да и побили много. Дорвались гвардейцы до запретного — на кострах сейчас косуль жарят. Придется мне года два зверей приваживать до былого поголовья.

И опять никакого недовольства в голосе. Только понимание ситуации.

— Сколько у вас егерей в охотничьем хозяйстве?

— Два десятка, ваша милость, — ответил он, долго не раздумывая.

— Вооружены?

— А как же, ваша милость. Они же императорские егеря. И стреляют все очень метко.

— Вы мне их одолжите на несколько дней? Как проводников. Они же вокруг все тропки знают.

— Как прикажете, ваша милость, — поклонился он.

— Лыжи есть?

— А как же, ваша милость. На любой вкус. И беговые и охотничьи. Десятка три найдется. А если еще по домам собрать…

— Хорошо. Я доволен вами. Присылайте егерей ко мне сюда. В холл. Я поставлю им задачу на службе императора. Присягу они приняли?

— Сразу после гвардейцев, ваша милость, одновременно со

всеми служителями. Мы все верные слуги императора.

Императорский лесничий еще раз поклонился мне и вышел на двор.

Ну и где черти носят Моласа, пока мы тут сидим слепые и глухие.

'Мятеж не может быть удачен, в противном случае его зовут иначе'. У мятежников с каждым часом утекает возможность удержать власть. Но пока в стране никто не знает, что император жив Тортфорт может резвиться как хочет.

Завтра нас придут убивать. Однозначно. Живой император инсургентам не нужен. А мы все определены на заклание за компанию с ним. Вплоть до того что раскатают весь этот пряничный городок артиллерией. Надо осмотреть подвал в доме на предмет бомбоубежища.

Где этот Аршфорт? Где верные войска?

Так ведь и на измену сесть не долго. Нервы на вздёрге. Я тут кто такой, чтобы решать судьбы империи? У меня даже придворного звания при императоре нет.

Мне бы герцога домой отправить. В безопасность.

В холл спустился пожилой огемский писарь, который постоянно дежурил в холле второго этажа около палаты императора.

— Ваша милость, император просил это передать вам, и протянул мне кожаный тубус. Сейчас он спит, — поспешил меня писарь предупредить.

Внутри оказалось несколько бумаг.

Красиво написанный на пергаменте императорский рескрипт, назначающий барона Савву Бадонверта императорским флигель-адъютантом и офицером для особых поручений при нем же.

Второй рескрипт наделял меня правами чрезвычайного императорского комиссара, аналогичные тем, которые я имел на Восточном фронте. В том числе и правом внесудебной расправы над изменниками отечества и пособниками врага. В отсутствие фельдмаршала Аршфорта я обладал всей полнотой власти над имперской армией, гражданскими чиновниками и императорской гвардией.

И сам указ о создании Чрезвычайной императорской комиссии, которой передается вся полнота власти в стране, пока император лечит свои раны полученные при подлом покушении на его жизнь.

Все подписи и печати на месте.

И мои пожелании учтены. Когда мы с императором пили сегодня тишком от врачей коньяк, я во второй раз отказался от генеральского чина, мотивировав это тем, что сами же Бисеры

меня настолько активно загоняли в Рецию, что я там уже прижился и не хочу покидать герцогскую гвардию. Да и авиационный завод у меня в Калуге. Не считая других предприятий.

Ну, вот я и главнокомандующий, — криво усмехнулся я. — Взялся за гуж…

Но как же на такой должности да без советов старины Онкена, грустно подумалось мне. Генерал-адъютант ольмюцкого короля Бисера XVIII старина Онкен лежал в большом леднике изломанным хладным трупом рядом со своим не менее хладным сюзереном. Верность до гроба.

В холл, вслед за лесничим, хлопая входной дверью стали заходить егеря охотничьего замка.

— Двенадцать человек. Ваша милость, — доложил мне лесничий. — Восемь егерей завтра с утра хоронят родных, погибших в замке при взрыве и я взял на себя смелость сегодня не трогать их.

19

О том что будет дальше я вообще не думал. Сейчас главное жизнь и здоровье императора с рецким герцогом. В остальное потом. Будет день — будет пища. Похоже, в этом я уподоблялся местным мятежникам. Те также как украинские майданутые упёрто били в одну точку: 'убрать Януковича, а там видно будет'. Олеся, как помню, смотря этот майдан в прямом эфире, только за голову хваталась: 'Савва, они, что там все под наркотой? Столько времени можно так скакать и дурь орать?'.

Олеся, Олеся… Красивая веселая хохлушечка. Так и не угостил я тебя грибным супчиком… Теперь уже никогда не угощу. Жена, сын, коломбина, ее дети… Семья у меня. Да и сам я в другом мире. И грибы больше не собираю. Совсем.

Что я вдруг про Олесю вспомнил и сладкое лоно ее? Да как всегда в минуты такого боевого ожидания мне мучительно хотелось бабу, сбросить напряжение, а жена была далеко, в Реции. Альта тоже. А изменять им мне не хотелось. Вот и блазнится бывшая любовница из другого мира.

Поднялся с топчана. Огляделся при свете слабенького ночника. На соседнем таком же топчане спал Ягр, раскинув длинные конечности и причмокивая во сне.

На выходе облепленный снегом часовой из моих штурмовиков, направив на меня автомат, потребовал.

— Стой! Двенадцать, — негромко сказал он. — Что отзыв?

— Два, — сообщил я. На сегодня пароль был четырнадцать.

— Проходите, командир.

Бдят. Это хорошо.

Скрипя свежим снегом под сапогами — Ягр привез со станции из эшелона мой багаж с последним обозом (еле-еле ушли от гвардейцев прямо из-под носа) и я сразу же снял парадную летную форму с ее тонкой шинелью и переоделся в танкистскую полевую. Она удобнее, да и теплее по большому счету.

В 'Железной' бригаде я успел сделать некоторые поправки в полевую форму на основании боевого опыта и даже утвердить их у герцога. Все бронеходы при технике ходили в комбинезонах из чертовой кожи, надетых на ватники и ватные штаны. На головах утепленные шлемы с амортизаторами. Так что знаки различия я перенес на петлицы воротника в виде миниатюрных погон полевого фасона, только из серебряного сутажа и золотых звездочек. Только не семиугольных, а ромбических. Это левая петлица. А правая черная с белой окантовкой и на ней эмблема нового рода войск — скрещенные серебряные пушки, наложенные

на золотую шестеренку. В нижнем углу миниатюрный серебряный череп без нижней челюсти со скрещенными костями. Традиции надо блюсти. У бронепоездов череп и у нас череп. Только у них черный, а у нас ясный.

В здании кордегардии было не так жарко натоплено как 'избушке лесника', где охраняли императора с герцогом.

Назвав часовому пароль, я прошел в комнату оперативного отдела ведомства Моласа.

Моложавый майор с седыми висками на черной шевелюре поднял на меня глаза.

— Господин полковник?

— Капитан-командор, если уж совсем быть точным, — ответил я. — Доложите обстановку.

— Простите, ваша милость, но мы вынуждены потребовать у вас показать нам ваш допуск.

Я снял с плеча планшетку и развернул ее. Под целлулоидом лежали указ о создании имперской ЧК и рескрипт о назначении меня императорским комиссаром.

— Этого достаточно?

— Что, все как в прошлом году в Будвице? — округлил он глаза.

— Были в Будвице, когда там резвился Кровавый Кобчик? — усмехнулся я. — Именно так, только в масштабе всей империи. Вы помните, как было в Будвице?

— Такое не забудешь, ваша милость, — майор встал из-за стола.

— Так что, Молас? — спросил я его, убирая планшет.

— Действует по плану, господин командор.

— Когда он собирается прибыть сюда?

— Как только освободится, ваша милость. Восемьдесят процентов успеха в тщательной подготовке операции. Особенно ее обеспечения.

— У нас здесь доступ на телеграф есть?

— Есть телефонная связь с железнодорожным телеграфом. Только что-либо передавать по этому каналу пока преждевременно, ваша милость. Телеграф в городе пока под контролем людей графа Тортфорта.

— Известно где Аршфорт?

— Три часа назад передали, что фельдмаршал ведет с имперской гвардией бой за узловую станцию. И связь с ней оборвалась. Если он эту станцию возьмет, то тем самым отрежет Химери от всего мира. Вот посмотрите, — пригласил он меня к карте на стене и откинул с нее шторку. — Отводная века к столице от меридиональной железной дороги пока в руках

мятежников. Как и обе станции в самом Химери и пассажирская, и товарная. А главное шоссе легко оседлать, складки местности позволяют.

— Что войска мятежников? Есть о них сведения?

— Ночь провели в казармах. В местах постоянной дислокации. Сейчас у них будет построение на плацу после завтрака. Будут приказы зачитывать.

— Как мы узнаем об их выступлении?

— Нас предупредят, а мы вас предупредим.

— Меня особо интересует их артиллерия.

— Задание понял, ваша милость.

— У вас, смотрю, два аппарата здесь, — показал я на телефоны. — Здесь две линии?

— Именно так, ваша милость. Одна на городскую станцию. Всем известная. Вторая тайная только в отдел второго квартирмейстера генштаба. Мы ее ночью подключили.

Майор немного помялся, потом попросил.

— Господин командор, вы как императорский ближник имеете влияние на придворных…

— Говори короче, майор. Что нужно?

— Соколятник.

— Что такое соколятник?

— Императорский соколятник это здание где содержаться ловчие птицы, обученные бить птиц на лету и обслуживающие их ловчие. С рассветом мятежники начнут выпускать почтовых голубей. Соколы могут их сшибить с неба, и мы узнаем, кому пишут мятежники и какие отдают им приказы.

— Умно, майор. Пиши приказ номер один по Чрезвычайной императорской комиссии о призыве на временную воинскую службу, в связи с чрезвычайным положением в империи, весь штат императорских ловчих в отдельный отряд при отделе второго квартирмейстера генерального штаба генерала Моласа и подчинении этого отряда майору…

— Сувалки, господин командор. Моя фамилия Сувалки.

— Майору Сувалки. Впредь до отмены в империи чрезвычайного положения. Ответственность за материальную часть Императорского соколятника возложить на самих ловчих. Основание: указ императора Бисера Первого от первого февраля о создании Чрезвычайной комиссии. Написал? Давай подпишу и поставлю печать.

* * *

Снег все валил и валил. Пушистый такой крупный мягкий. В свете желтоватого света раскачивающегося со скрипом масляного фонаря снежинки косо падали как по ниточкам. Красиво. Балует нас природа напоследок. Окрестные деревья, одевшие ветви снегом, стали похожи на сказочные существа, в которых при небольшом воображении можно находить различные фигуры, как в облаках. А уж в неверном свете раскачивающейся под крышей крыльца лампы и подавно.

Пора было встречать посыльных от высланных к самому городу лыжных разъездов. И я выбрался на воздух от канцелярского стола майора Сувалки. Дельный оказался офицер. Впрочем, иных Молас к себе на службу не берет.

Перед самым рассветом появились первые перебежчики из столицы. Все конные. В одиночку и малыми группами. Гвардейские офицеры, которые вопреки официальной пропаганде узурпатора умудрились узнать, что император жив и решили остаться верными присяге, которую давали, вступая в имперские вооруженные силы. Все как один из древних семей коренной империи. Как правило, это были ротные и эскадронные субалтерны. Всего один подполковник и два майора. И ни одного артиллериста, что характерно. Их разоружили и поодиночке допрашивали в кордегардии спешно разбуженные люди Моласа.

Освободившиеся от этой обязательной процедуры аристократы ждали, перетаптываясь под снегом, когда Бисер повелеть соизволит принять у них присягу себе лично, а не империи вообще.

Столичная гвардейская аристократия на поверку оказалась не такой уж и монолитной. Или чересчур ревнивой к возвышению клана Тортфортов.

— Что ж, господа хорошие, солдатиков то своих бросили на произвол судьбы, — упрекнул я их, выходя из временной резиденции имперской разведки и контрразведки. — Ждите. Императора вчера контузило взрывом так, что никто его специально для вас будить не станет. Все ждут пока его императорское и королевское величество само выспится. Врачи так велели. И вы ждите. Сколько вас? — оглядел я это понурое воинство, считая по головам. — Тридцать семь всего? Негусто. Неужто вся императорская гвардия состоит из предателей?

— Какова будет наша дальнейшая судьба, господин полковник, — спросил меня один из гвардейских майоров, разглядев мою петлицу.

— Капитан-командор Кобчик, к вашим услугам, — представился я. — Чрезвычайный императорский комиссар. С вами, господа, все просто. Так как вы бросили своих солдат, то из

вас будет сформирован штрафной офицерский взвод, чтобы вы могли вернуть себе честь, пролив свою кровь на передовой в боях с инсургентами.

Вопреки моему ожиданию лица офицеров посветлели. Они были довольны моим приговором. Осталось на это уговорить Бисера.

Но как бы мне не были интересны эти перцы, потому что против нас сейчас выступают такие же, пришлось их бросить и поспешить на окраину городка, где наметилась странная движуха.

По полю, взрывая бразды пушистого снега, ревя мотором и треща пропеллером, довольно быстро ехали самые натуральные аэросани белого цвета с закрытой остекленной гондолой. Картинка… прям скажу, как из советского кино 'Семеро смелых'. Быть такого не может?

У блокпоста аэросани остановились, захлопав пропеллером на холостом ходу, и из них вылез Молас и еще два офицера с ним в лейтенантских рангах.

Генералу очень понравилось мое выражение лица, разглядывающего это чудо техники.

— Что, Кобчик, думал, что один ты можешь создавать технические шедевры. В Будвице как ты, наверное, заметил, хороших инженеров всегда хватало.

— Я не об этом, экселенц. Я о двигателе внутреннего сгорания, который на этих аэросанях стоит. Откуда он?

— Из республики, — ехидно ухмыльнулся Молас. — С завода. По частному заказу.

— А… — начал я фразу о том, что вроде бы как такой движок обещали мне.

— А у вас, В Реции, ни реки не замерзают, ни снега как такового нет для такого транспорта.

— На чем он работает? — ох как мне стало любопытно, несмотря на то, что совсем не ко времени новой техникой заниматься.

— На газолине, — ответил генерал и сам в свою очередь начал расспрашивать. — Перебежчики есть?

* * *

Утренняя поверка показала, что в расположении верных императору частей дезертиров не обнаружено. Очень отрадный факт.

Указом императора создали штрафную гвардейскую роту для перебежчиков от инсургентов к нам. Все они стали временно

фельд-юнкерами, без разницы какой чин носили до того. Альтернатива 'смытия позора кровью' была служба в штрафниках до окончания чрезвычайного положения. Я уже прикинул, что расстрельные команды буду формировать именно из этих офицеров — графов, баронов и фрейгерров. Нечего своих горцев постоянно подставлять.

Винтовки им после присяги раздали старые, однозарядные. Какие были в наличии. Некоторым и того не досталось — вооружали их охотничьими винтовками от лесничего. Сами-то офицерики только с сабелькой и револьвером из столицы приперлись. Никакой практичности у этой аристократии.

Ушли на задание ловчие соколятники с большими укрытыми клетками на санях. Им дали небольшую охрану. Символическую. Так как их дело не воевать, а сведения перехватывать. А в случае опасности тикать во все лопатки.

Подтянулись драгуны, притащившие за седлом на веревках пешую разведку от мятежной гвардии.

От лыжников пришли вестовые. И отправлена им смена.

Телефонные звонки постоянные со странными разговорами о то что бабушка плохо себя чувствует в обстановке последних суток. Рыдает или не рыдает по императору… и прочая бытовая лабуда для стороннего уха непонятная.

Сведения все стекались в кордегардию, где обрабатывались людьми майора Сувалки.

Молас еще не сказал своего 'заднего' слова. Заперся с Бисером в его 'госпитальной палате' и что-то там перетирали с глазу на глаз.

Я мотался по округе и латал 'тришкин кафтан' личного состава, который ни на что не хватало. Четверть людей задействована только в разведках разных. Еще пятая часть на обеспечении. И десятина на личной охране императора. Что осталось? Меньше половины. Как хочешь, так и воюй.

Наконец Молас вызвал меня в палату Бисера.

— Коньяк принес? — первое, что я услышал от императора.

Мда… Может мне еще и девочек ему водить? Перетопчется.

— Вот, — достал я из сухарной сумки бутылку. — Раскопали с рассветом. 'Старая химерская водка' четверть вековой выдержки в бочках и разлита в бутылки пять лет назад.

Я не стал уточнять, что это подарок лично мне от горцев. Как вождю.

— Савва, есть хорошие новости, — сообщил мне Молас, щеголяя в новеньких погонах генерала пехоты и аксельбантом императорского генерал-адъютанта. — Аршфорт к шести утра захватил узловую станцию в тридцати километрах от столицы и

вытеснил оттуда мятежную гвардию в чистое поле. Аудорф наш. Центральный аппарат военного ведомства, Генеральный штаб, ГАУ, штаб корпуса военных инженеров в настоящий момент присягают Бисеру. Начальником генштаба поставлен пока инженер-генерал Штур. На подходе бронепоезд 'Княгиня Милолюда', но ему до нас еще сутки пути. С ним эшелоны полка огемских гренадер. Как знали, что пригодятся, когда их вызывали еще до голосования. Бьеркфорт телеграфировал о верности законно избранному императору и ведет сюда своим ходом кавалерийскую дивизию из своего корпуса. Генерал Вальд сажает 'железную' бригаду в эшелоны в Калуге.

— Понятно. 'Нам только день простоять да ночь продержаться'. Что с манифестом, экселенц? — спросил я о главном. Все что я пока услышал, шло по констпирологической практике контр-переворота, а не привлечении на свою сторону широких народных масс.

Молас опрокинул вслед за императором рюмку старки, вытер ладонью усы и ответил.

— Манифест свободно, без препон отпечатали в Торте, в частной типографии и даже погрузили тираж на дирижабль, но… погода… этот чертов снегопад. Взлететь 'кит Гурвинека' не может. Пока только фельдмаршал получив текст Манифеста телефонограммой и разогнал его по всему миру телеграфом, гриф: 'всем… всем… всем…'. Столицу после передачи Манифеста от телеграфа отключили. То есть их телеграммы принимают в Аудорфе и складируют, а им извне ничего не передают.

— Телеграф в столице только на железной дороге или есть еще линии, — уточнил я.

— Нет. Только железнодорожный. Никто не предполагал открытого бунта гвардии, — включился в наш разговор до того молчащий монарх, отставив пустую рюмку в сторону. — Ждали изощренных интриг, а не буйного битья лбом об стену. Хватились поздно…

— Вы их недооцениваете, государь, — озарило меня внезапно. — Что если Тортфорт всего, лишь таран и жертвенный барашек для кого-то более хитрого и в интригах изощренного?

— Какой жертвенный барашек? Они все там что, поклонники 'оставшегося бога'? — удивился император.

— Я не знаю об их религиозной принадлежности, государь, но мне показалось по составу перебежчиков, что валить будут весь клан Тортфортов. Но может быть я и не прав. Не настолько я серьезно разбираюсь во взаимоотношениях старых родов. Известно что-нибудь о реакции наследников великого герцога?

— Нет. У них там сейчас свои разбирательства на предмет

кто займет этот трон, — пояснил Молас.

— Кто фаворит? — заинтересовался император, наливая и генералу себе еще рюмку.

Моя посудина и осталась стоять нетронутой. Мне еще в бой идти. Да и не пью я никогда в такую рань.

— Бывший имперский принц Тон, — усмехнулся Молас. — Он устраивает все группировки знати в центральной империи по принципу равноудаленности от главных семей. Да и родовое его герцогство маленькое и не так уж сильно экономически развитое, чтобы он мог кому-то что-то диктовать. Так что как можно быстрее надо приводить к присяге воздухоплавательный отряд.

— А каковы там позиции Тортфортов? На земле?

— Никаковы, государь. Их никто не хочет. Они успели со всеми испортить отношения за последние двадцать лет. Все их сторонники в столице. По крайней мере, так выглядит. Уже шестьдесят два офицера гвардии перебежало к нам. Я не знаю, насколько они преданы вам, государь, но это те, кто не желает воевать за Тортфортов.

— Значит ли это, Саем, что коренная империя в столичных беспорядках участия принимать не будет?

— Процентов на семьдесят это так. Большего я не могу гарантировать.

— И то хлеб. Да не просто хлеб, а хлеб с маслом. А это уже не просто хлеб, а бутерброд, — удовлетворенно промурлыкал Бисер.

Тут в дверь постучали, и майор Сувалки в полуоткрытую щель передал Моласу заклеенный пакет и тут же утянулся обратно в холл.

Молас разорвал конверт и нахмурился.

— Что там? — император проявил нетерпение.

— Из города сообщили, что первая гвардейская пехотная бригада в составе лейб-гвардии мушкетерского и лейб-гвардии фузилерного полков при поддержке конноартиллерийской батареи выдвинулись из города в нашу сторону. По городу идут с развернутыми знаменами под барабанный бой.

— Экселенц, информация проверенная? — спросил я.

— Да, — ответил он. — Тремя независимыми источниками.

— Твой выход, Кобчик, — посмотрел на меня император глазами бассета.

А ведь ему страшно, вдруг подумал я. Страшнее, чем мне.

— Экселенц, теперь ваша главная задача защитить жизни и здоровье императора и герцога, — сказал я Моласу.

— У меня на это счет аэросани есть, — ответил Молас. — Их не догонят. Главное до речного льда добраться, а там как по проспекту. Лучше ты не пусти сюда мятежную гвардию. Тогда не

надо будет ударяться в бега.

Да… задачка: об стену убиться. Но когда не умирать все день терять.

Я взял под козырек.

— Государь, разрешите исполнять приказание?

* * *

Вокруг все белым бело. Лишь тонкие ломаные черные черточки голых кустов как на японской гравюре. И в самой дали город в зимней утренней дымке. Я жадно всматривался в мощный морской бинокль в то, как из ворот столицы на простор предместий выдавливалась через ворота серая хищная змея гвардейской пехоты. Как на параде с развевающимися яркими пятнами знамен и барабанным боем. Впереди конный дозор — взвод кирасир. За ним в ста пятидесяти метрах командование со знаменными группами. Потом два пехотных батальона в плотной колонне. За ними грохочет по заснеженной брусчатке конная батарея. И опять пехота, выползающая из города…

Красиво идут гвардиозусы, четко, несмотря на глубокий снег, покрывший за прошедшие сутки брусчатое шоссе. Вот что значит годами в шагистике практиковаться. Моим горцам никогда так не ходить, лаская взоры восторженных дам, сколько ни гоняй их. Но и имперские дамы рецких горцев не за балетный шаг привечают, а за неутомимый темперамент и авантажную блондинистость.

Давно рассвело и наглядно дано нам в ощущениях, что небо обложило тяжелыми сизыми облаками так низко, что главные мои козыри — дирижабли — выпали из рук. И снег все падает, правда уже редкий. Как бы нехотя.

От города до бывшего охотничьего замка, где в доме лесничего отлеживается контуженый император всего три километра. И прёт на нас по хорошей дороге немалая сила. Целая бригада полного штата. Почти восемь тысяч штыков. Восемь батальонов пехоты против моих полутора. С трехдюймовой артбатареей. Восемь пушек. У конной артиллерии пушки короткие и не столь мощные как дивизионные орудия, но дел натворить такая батарея может знатных, если вовремя развернется. Учитывая, что против них у меня всего три орудийных ствола расклад не в мою пользу. Правда у меня бронетехника есть, а у них ее нет. И пулеметов у меня больше, в том числе и ручных. Но если я сейчас ошибусь, то моих солдат мятежная гвардия просто массой задавит.

Офицеры у меня опытные, фронт прошли. Все устроили и

распланировали грамотно. Стоят, сливаясь с местностью в белых маскхалатах, ждут моего решения. Я теперь всеми командую и за все отвечаю.

На утреннем военном совете перебежчики из гвардии рассказали, как будет действовать гвардейский комбриг — граф Гауфорт. Наши приготовления к полевой обороне их разведка уже срисовала, можем не беспокоиться на этот счет. И атаковать нас он будет с расчетом нашей полевой недофотеции. Разворнет войска в боевые порядки за пределами прицельного винтовочно-пулеметного огня, но практически вплотную, чтобы заранее не утомлять солдат глубоким снегом. Батарею развернут где-то на полутора километрах от города. Там как раз есть хорошая такая плешь в кустарнике.

— Таким образом, граф Гауфорт решил нарушить устав, — закончил свою речь перебежчик — подполковник гвардии.

— Я думаю это надо назвать по-другому… — задумчиво прокомментировал я. — Творчески переосмысли положения боевого устава пехоты применительно к месту. Какие будут мнения по поводу будущего боя?

— Если встанем в глухую оборону, то нас сомнут и бронеходы не помогут, — заявил командир рецких штурмовиков. — надо их бить пока они целиком из города не вылезли. И бить первыми.

— Генерал-адъютант императора Молас просил дождаться первого выстрела от мятежников, — заметил я.

— Не до политесов сейчас, господин командор, — это подал голос ротмистр отогузских драгун. — Главное не дать им добраться до императора и до мертвых тел наших королей.

Отогузы хоть и верят как все в империи в ушедших богов, но у каждого народа свои суеверия. Можно принести с поля боя мертвого короля — дело житейское, но если враг надругается над венценосным трупом — несмываемы позор на всю жизнь всему отогузскому войску, участвовавшему в битве.

— Командор, — обратился ко мне по привычке слегка фамильярно командир 'элики'. — Почему мы должны использовать мою гаубицу только как пушку? Улочка за воротами в городе узкая, старая. Батальонная колонна займет ее почти вовсю ширь. Пусть выйдет только первый полк бригады и батарея, а остальных накрыть в городе. Шрапнелью, чтобы не делать больших разрушений. Веселие и аттракцион я им гарантирую. Ну и… обратно с поля никто не побежит в давку такую.

— И при атаке также можно как следует использовать наше преимущество в количестве пулеметов. Не только в обороне, — высказался оногурский инженер. — Хотя проделанной работы

жаль.

В итоге военный совет так и порешил: атакуем сами. Оставляем в городке минимум охраны императора и герцога и Моласа с его думными боярами.

И вот сейчас гвардейская колонна приближается к намеченному рубежу.

— Граф Гримфорт, — повернулся я к группке командиров рот.

Бывший подполковник гвардии — генеральский ранг между прочим, а теперь всего лишь штрафной фельдюнкер вытянулся и 'взял под козырек' приложив ладонь к белому капюшону.

— Слушаю, господин командор.

— Ваша задача главная — захватить артиллерийскую батарею на марше. Не дать ей развернуться. Не сможете увести пушки с собой, снимите замки и заберите при отступлении. С пехотой в бой не ввязываться. Просто сделайте так, чтобы пушки не стреляли. И все. Вас поддержат четыре пулеметные танкетки. Выполните эту задачу, считайте, что половина наказания с вашей роты будет снята.

— Осмелюсь спросить, а какая будет вторая половина? — прямо в глаза смотрит, не боится боя.

Положит он половину роты в атаке охреневая, как пить дать. Лишь бы реабилитироваться в глазах Бисера. Но потому они и штрафники, чтобы я их первыми под молотки бросал на самый важный участок. А ты не бунтуй против законной власти. А уж коли вляпался в такое дерьмо всей ступней, то не жалуйся, что тебе до конца не верят. Гвардия должна быть всегда верна своему императору, кто бы им ни был.

Мои рецкие штурмовики опытней этих гвардейских офицеров, но мне их и жальче. Да и в самом городе они мне нужнее.

— Вторая часть вашего искупления вас ждет в городе, граф. Войдем в город узнаете что надо делать. Вас оповестят.

— Вы так уверены, господин командор, что мы в столицу непременно войдем, — озабочено спросил командир отогузского эскадрона.

— У нас нет другого пути, ротмистр, — ответил я. — Или мы их или они нас. — Несмотря на то, что фельдмаршал на подходе, наступает вдоль железной дороги, за нами законный император. Раненый. И кроме нас между ним и этим отребьем, называющим себя императорской гвардией, никого нет. Велика империя, но нам отступать выходит так, что некуда. Когда эти, — я махнул рукой на извивающуюся по дороге 'змею' инсургентов, — будут глумиться над мертвым телом вашего короля, только ваша смерть

будет вашим оправданием, что они смогли такое сотворить. Утешьтесь тем, что мертвые сраму не имут. Еще вопросы?

— Да вроде все уже обсудили, господин командор. Задачи нарезали. Цели поставлены. Рубежи обозначены. Силы и средства выделены.

— Тогда по местам. Да помогут вам ушедшие боги и фирма 'Гочкиз'.

И офицеры смеясь немудреной шутке, разошлись.

Первыми начали 'кукушки'. Посаженый на дерево снайпер моей охраны в паре с прикрывающим его внизу автоматчиком. Для этого я разбил снайперские пары. Десять снайперов работали самостоятельно по заранее обозначенным мною приоритетным целям. А так чистый финский опыт 'Зимней войны'. К деревьям привязывается веревка. Если станет горячо, то снайпер по ней слетает вниз, встает на лыжи и меняет позицию позицию. А пока они активно выбивают офицеров и знаменосцев. Благо при таком построении они как на ладони.

Одновременно пошли в атаку на батарею пулеметные танки, открыв огонь на ходу с 600 метров. Прикрываясь танкетками, незаметные в своих белых маскхалатах, бегут штрафники со своим разномастным оружием по утрамбованным танковыми гусеницами колеям. Часть штрафников сидит на танковых 'хвостах' десантом. За ними саперы на лыжах. Прикрывают их пулеметчики штурмовиков. Для автоматов цели слишком далекие.

И застучали вслед за танкетками все пулеметы, которые только у нас были.

В воздухе захлопали красивые белые облачка на фоне тяжелой утренней хмари — самоходки накрыли колонну шрапнелью.

Моя БРЭМ, сдвигая отвалом глубокий снег, преодолела поле и выехала на шоссе в полукилометре впереди колонны. За нею выполз 'артштурм'. Встали на дороге бок о бок. Башенный и спаренный пулеметы застучали по оси колоны, прошивая с полукилометра передовую роту противника насквозь.

Я с командиром 'аптштурма' вылезли из люков и задолбили из крупнокалиберных пулеметов.

Забились на дороге раненые лошади, падали кеглями серые фигурки, упали знамена…

По броне в ответ застучали пули, сковыривая краску.

Сейчас выясним кто кого? Техника или тупая людская масса, у который отстрелили голову. Офицеров что-то больше не видно, а так активно сабельками махали.

Передовой батальон вопреки моему ожиданию рванул в атаку

на бронированные монстры. Прямо под картечный выстрел 'артштурма'. В упор.

Меня накрыла эйфория боя. Я стрелял, менял диски и снова стрелял, напевая: 'гремя огнем, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход…'

Подняв бульдозерные отвалы как дополнительную защиту, мы с 'артштурмом' двинулись по шоссе на соприкосновение с противником. Я боялся только одного, что нам патронов не хватит.

Видно было, что около расстрелянной артиллерийской батареи танкетки уже утюжили пехоту, а белые силуэты штрафников копошились у пушек. Захватить батарею не удалось. Точнее захватить-то ее захватили, а вот вывезти нечем. Всех лошадей побили. Красивые были кони… Жалко…

Когда бронетехника стала давить трупы на дороге, оставшееся в живых фузилеры первых батальонов встали на колени в снег на обочине шоссе и заложили руки за головы. Сдаются.

Остаток пехоты, той, что шла за артачами, во все лопатки убегала обратно в город. Вот так и рождается танкобоязнь.

'Коломбина' выехала вровень со наступающими штурмовиками и угощала бегущих осколочными гранатами с толовой начинкой.

От охотничьего городка не торопясь выехал наш последний резерв — гвардейские саперы, определенные в трофейную команду. На дороге много ништяков валяется — не бросать же их. Да и пленных пора организовывать пока они не очухались.

'Коломбина' вышла на прямую наводку и стала долбить шрапнелью вдоль улицы сквозь ворота. 'Элика' со своей позиции добавляла навесным огнем.

Штрафники, впрягшись по десятку в зарядные ящики вместо лошадей, с матерками подтаскивали самоходчикам трофейные боеприпасы.

Рецкие штурмовики формировали штурмовые группы.

Весь бой занял двадцать две минуты.

В столицу мы влетели на плечах бегущего в панике противника.

Я остановил БРЭМ, слез на землю схватил на обочине за шкирку коленопреклоненного фельдфебеля, поднял на ноги и сунул ему в руки свою запасную портянку.

— Иди, скажи там своим, что тех, кто будет тихо сидеть в казармах, мы не тронем. А кто будет сопротивляться законному императору, казним как предателей. Без жалости. Это я сказал — Кровавый Кобчик.

Здоровенный бугай красавец брюнет с голубыми глазами этот фельдфебель неуверенно пошел к городским воротам, будто из него вынули позвоночник. Белая портянка волочилась за ним, но он крепко ее сжимал в опущенном кулаке. Он все не мог понять, что это такое вдруг произошло так быстро. Маршировала гвардия немалой силой, подавляя всех вокруг своей крутизной… и вдруг все. И сам он в снегу обочины стоит на коленях, закинув ладони на затылок. И ему страшно.

Первые две роты фузилерного полка полегли почти поголовно. Как и конная батарея, где не осталось никого выжившего из орудийной прислуги. В других ротах тоже богато покосило пулеметами.

Офицеров в колонне не осталось ни одного на ногах. Кто не убит, тот настолько ранен, что стоять не может.

Большинство трупов гвардейцев лежали на дороге как живые — штатные пульки маленькие, шрапнельные поражающие элементы тоже не с кулак размером — глядя недоумевающими голубыми глазами в стылое хмурое небо. Как бы причитая: 'а нас-то за что?". Фигуры их больше всего напоминали сломанных оловянных солдатиков, настолько аккуратно подогнана была их амуниция. Даже подковки сапог у всех были прибиты под одинаковым углом.

Подошел к сдающимся гвардейцам на другой обочине. Их было много. Сотни человек. Где в рядок. Где кучками стоит на коленях, головы опущены, руки подняты, винтовки на дороге валяются. На брониками даже смотреть боятся. Ближний ко мне гвардеец — дядька в возрасте лет за тридцать с нашивками ефрейтора сверхсрочника, брызнул в меня снизу вверх расфокусированным взглядом и негромко зашептал, запричитал заевшей патефонной пластинкой.

— Не надо меня давить… Не надо меня давить… Не надо меня давить… Нельзя меня давить… Лучше застрелите, сделайте милость…

Я оглянулся. На неестественно белом снегу отвал, гусянка и катки БРЭМ все были в крови, и остатках давленной сизой солдатской требухи пополам с рваным шинельным сукном. В дополнение к картинке бил в нос кислый запах крови и свежего дерьма. Жуть какая… Даже на фронте такой жути не было.

А ведь с момента взрыва в охотничьем замке и суток не прошло, а жертв этой гражданской войны уже за тысячу перевалило… Если не больше.

Но это еще не все. Далеко не все. Надо еще взять город. Надо еще удавить этого графа. Сколько можно этим гадским Тортфортам меня преследовать? Пора положить этому конец.

20

'Так громче музыка играй победу. Мы победили, и враг бежит, бежит, бежит…'

Однако сразу в столицу на плечах бегущего противника не вошли. Улочка узкая. Дома по обеим ее сторонам старые трех-четырех этажные. Застройка плотная, без прмежутков между домами. Развернуться особо негде.

Даже с учетом того что при появлении в воротах 'коломбины' драп мятежных гвардейцев усилился до предельных возможностей человеческого организма, на мостовой осталось очень много мертвых мятежных гвардейцев посеченных шрапнелью и картечью, побитых пулеметами и просто во встречной давке насмерть задавленными. Иной раз в два-три слоя лежат. Кровянить гусеницы относительно чистых пулеметных танкеток мне не хотелось. То, что даже в поле в эксцессе боя выглядело неприятно, то в городе просто жесть. Запугивать же запредельно обывателей в нашу задачу не входило. Они и так насмерть перепуганы безудержным гвардейским драпом после пафосного парада и шрапнельным обстрелом. Крыши, небось, все в дырках.

Мимо самоходки просочились две штурмовые группы, потом еще две, потом еще… Они, хрустя под каблуками выбитыми стеклами, страхуя друг друга, волчьим изгоном заняли перекрестки и другие стратегические точки этой кривоватой улицы, по ходу проверяя входы в подвалы, арки и окна первых этажей. Не забывая приглядывать за окнами верхних этажей.

Убедившись, что огневого противодействия не предвидится и артиллерийская поддержка больше не требуется 'коломбина' задним ходом вышла из проема старых средневековых ворот обратно в поле и пропустила в город команды саперов-трофейщиков на санках. Те споро оттаскивали трупы гвардейцев к стенам домов и складывали посередине улицы в кучи их оружие и амуницию. Отдельно в ящики собирались патроны.

На помощь трофейщикам отрядили и штрафников. Морщились графья-бароны но трупы таскали без ропота. Сами при этом выглядели как незнамо кто в грязных маскхалатах, в которых с трудом после боя угадывался первоначальный белый цвет.

Командир штрафной роты щеголял окровавленной повязкой на правой руке, с поддержкой на косынке наспех сооруженной из бинта. Но не уходил к санитарам, командовал своими мортусами ##1.

* * *

* * *

##1 М о р т у с — муниципальный служитель в обязанности которого входили уход за заразными больными при эпидемиях и уборка трупов.

* * *

— Граф, — позвал я его, когда сам вошел в город со своей охраной и инженерами, тащившими за мной полевой телефонный кабель. — Я вижу, вы уже искупили свою вину кровью. Можете подходить за реабилитацией, когда я тут где-нибудь устроюсь.

— Если позволите, барон, то я останусь со своими штрафниками до конца, — возразил он мне. — Дело чести и авторитета.

— Если вы так ставите вопрос, то ничего не имею против, — ответил я. — Даже отмечу такое ваше поведение перед его величеством.

Глаза бывшего гвардейского подполковника обрадовано сверкнули. Смысл и радость гвардейской службы быть отмеченным императором.

— Много потерь? — продолжил я его расспрашивать.

— Треть, господин командор. Двадцать два фельдюнкера. В основном в рукопашной при захвате батареи.

Надо же… Я почему-то посчитал, что он в два раза больше подчиненных в бою положит. Не меньше. Обманчив бывает внешний вид.

Но я должен признаться, барон, что ваши бронеходы это страшное оружие, — продолжил граф. — Нечеловеческое. Если бы я не был на вашей стороне в этом бою, то, наверное, бежал бы сам позорно с поля боя.

— То ли еще будет… — вздохнул я, припомнив кино про ядерный взрыв на Тоцком полигоне, которое нам показывали в армии. — Техника в наше время меняется молниеносно. Если позволите, граф, дам вам один совет…

— С удовольствием выслушаю его, — действительно по лицу видно, что проявил заинтересованность.

— Вы храбро сегодня сражались, граф. Сразу скажу, наград за сегодняшний бой не будет. Какие награды могут быть в братоубийственной войне? Но когда император будет возвращать

вам прежние чины, то проситесь сразу перевести вас в армию, пока война официально не закончилась. Сами понимаете, что императорскую гвардию после такого мятежа ожидают перетряски да массовые чистки с отставками. Возможно даже 'с позором'. А так вы безболезненно выйдете в войска генералом. Получите под командование бригаду. Ранг вам позволяет. Но это так… Между нами.

— Благодарю вас за совет, барон. Он действительно ценный. А что будет теперь в стране?

— В империи продолжится гражданская реформа покойного императора Отония. Она прогрессивна. Нет у империи иного пути, как переходить на индустриальный уклад хозяйствования. Феодализм это родимые пятна прошлого, тянущего нас вниз. Сохраним феодализм, проиграем экономическое соревнование другим великим державам. Тогда нас раздавят и растащат по мелким лимитрофам. Мы и эту войну против всего мира, если можно так выразиться, еле-еле вытянули благодаря индустриальному рывку. Но этого мало. Сегодняшний мятеж гвардии, по большому счету, это попытка возврата к феодализму. Потому как доходы от традиционного сельского хозяйства если и не упали, то стали бледно выглядеть по сравнению с доходами фабрикантов и купцов. А это обидно тем, кто еще крепостное право помнит если не сам, то по рассказам родителей. И даже не в доходах основная обида, а в том, что шапки перед ними перестали ломать и спины гнуть. И в глаза смотрят дерзко.

— Вам проще, господин командор. У вас в Реции крепостного права не было никогда, — вздохнул граф Гримфорт. — А у нас в великом герцогстве все так запутано…

— Кстати, граф, вы местный же… Не подскажете особнячок средней просторности, который можно реквизировать под мой штаб? Чтоб дворик был, флигеля и конюшни. И особо не бросался в глаза роскошеством. И чтобы мой бронеход во дворе встал ничего не ломая.

* * *

Штурмовики зачищали квартал за кварталом, вытаскивая зашхерившихся гвардейцев из, казалось бы, невозможных для укрытия человека щелей и дырок. И передавали их идущим следом трофейным командам. Пленные не сопротивлялись. Большинство в пылу бегства и оружие-то растеряли.

Всего пару раз нам в городе оказали сопротивление.

Один раз мушкетерский лейтенант, которого застали

отчаянно стучащимся в дверь неказистого двухэтажного дома в глубине квартала. Когда он понял, что туда его не пустят, а штурмовики уже за спиной. Развернулся, выхватил саблю и диким криком бросился на штурмовую группу:

— Ненавижу!

Согласно инструкции никто с ним в единоборство вступать не стал. Полоснули из автомата очередью поперек груди и все. Револьвер у него был, но из пустых камор барабана пахло тухлыми яйцами.

Второй раз пришлось вести бой с опомнившимися мушкетерами, которые забаррикадировались в тесном тупиковом переулке с пулеметом и решили видимо как можно дороже продать свои жизни. Первыми на них напоролись трофейщики с летальным для себя исходом. Мушкетеры сразу скосили из пулемета семь человек. Двое оставшиеся в живых саперов побежали за подмогой.

Затем пришлось гвардейцев осторожно выкуривать, потому, как основу баррикады составляли две пулеметные двуколки, на которых перевозилось кроме самого пулемета системы 'лозе' четыре тысячи патронов к нему. В лентах уже.

Отбивались они грамотно. Экономя патроны, но когда необходимо то и длинными очередями угощали, не подпуская к себе никого на гранатный бросок.

Пытались подогнать 'артштурм', но он по ширине еле пролезал в этот кривоколенный переулок и то только до поворота. По этой же причине не было возможности ни гаубицу применить, ни миномет.

Переговоры ничего не дали, разве что позволили приблизительно определить численность этого отряда. Впрочем, в парламентеров никто из гвардейцев не стрелял.

Снайперу просто негде было себе устроить позицию в этом каменном мешке.

Добежали до меня с вечным вопросом: 'что делать?'.

Пыл схватки уже угас. Никто из штурмовиков не хотел лишней крови.

Послал еще одного парламентера. Тот выкрикнул в рупор, что я — Кровавый Кобчик, даю им полчаса на размышление, а потом сотворю с ними 'кровавую тризну'. В ответ услышали только мат и хвастовство, что они не царцы, чтобы дать себя резать ножиками тупым диким горцам-овцедрюкам.

Зря они это сказали.

Среди штурмовиков нашлось четверо хороших скалолазов. Они по фасадам домов на соседней улице, отобрав у связистов костыли для прокладки телефонного кабеля по стенам домов,

поднялись на крышу. По крышам же и прошли до этого тупика с упертыми мушкетерами. Просто и непритязательно забросали их сверху ручными гранатами. Каждый из этих альпинистов взял с собой по три десятка 'колотушек'. Этого хватило. Двадцати мушкетеров с тремя офицерами больше не стало среды дышащих.

Как и стекол в переулке.

И целого кожуха на пулемете.

Больше никаких очагов сопротивления до самого проспекта не было. Но я приказал встать в оборону, заняв три улицы от ворот до центрального проспекта и провести зачистку. Улов оказался небольшой. Всего несколько десятков человек, практически все раненые. Тащить их в чистое поле в импровизированный концлагерь не стали. Отобрали оружие, у кого было, взяли подписку с них и с хозяев домов, что они прекращают сопротивление. В случае нарушения данного слова поручителями выступала семья их приютившая, на которую горцы навели страху, что всех зарежут тогда.

Я понимал, что каждый час работает против меня, но захваченный кусок города оказался больше нашего горла. Тем более что небо прояснилось наполовину, что позволило все-таки прилететь дирижаблю из Тортуса и раскидать над городом листовки с Манифестом.

Когда расчистили от ворот Ловчую улицу, я выдвинул к проспекту три пулеметные танкетки. И расставил блокпосты. Четыре поста вооружили трофейными пушками. Больше для устрашения противника, нежели действительно собрались разрушать столицу.

Отправил боевое донесение людям Моласа в кордегардию охотничьего замка и сел на патронный ящик ждать нового приказа от императорского генерал-адъютанта, пока саперы вывозят трофеи и оформляют пленных.

Стоило только отправить вестового с пакетом, как гвардейские инженеры протянули к месту моей засидки полевой телефон. Однако, сервис.

Покрутил ручку. Дунул в трубку.

— Сувалки? Кобчик на проводе. Доложи обстановку вокруг города. И где тут ваши люди? Я еще ни одного из них не увидел.

* * *

Люди Моласа начали активные действия только в полдень. Это мне стоило, наверное, клока седых волос. Сидеть практически без дела на вздёрге нервического ожидания все утро в

неустойчивой конфигурации противостояния в городе. Ситуация напоминала древнюю русскую сказку о том как мужик медведя поймал, а тот его не пускает… Мне бы еще пару батальонов под руку. Простой пехоты. Даже слабо обученной. На посты и блоки поставить. Пометить место.

А тут еще Бисер настойчиво попросил не занимать императорский дворец, дабы не попортить при штурме дорогой декор. По мнению императора, инсургенты уже проиграли. Время работает против них. Фельдмаршал наступает и уже взял пару полустанков на столичной ветке железной дороги. В конце концов, приказано было ждать выступления людей Моласа и поддержать их.

Без дела, конечно, я не сидел. Укрепил и усилил периметр занятого района. Убрал из столицы всех пленных и ненужные в текущем противостоянии трофеи.

Особые группы прочесали все домовладения в подконтрольном районе на предмет укрывательства мятежников. Несколько домов пришлось брать штурмом, после чего хозяев расстреливать на их же дворах у ближайшей стенки. По какой причине они оказали вооруженное сопротивление я не заморачивался. Не моя епархия. Достаточно было самого факта.

Расстрельные команды набирались из штрафников. Ничего… даже устных возражений не услыхал от них, что аристократам работать палачами невместно.

Бронетехника в городе была только та, которая имела бронированные крыши. И к каждой машине было прикреплена штурмовая группа, усиленная отделением гранатометчиков.

Подо мной была где-то одна шестая часть города и не самые стратегические кварталы. Вокзал с телеграфом, телефонная станция и оба моста через Штрее были если не в руках, то на территории формально занятой мятежной гвардией.

Зато Имперский банк оказался на моей территории, вместе хранилищем. И все подходы к нему. Бисер после моего сообщения об этом прислал группу невесть откуда им взятых аудиторов с именным рескриптом на руках. Сейчас они разбились на две группы. Одна считает деньги в хранилище. Вторая проверяет бухгалтерию. Полная инвентаризация.

Директорат банка под конвоем пьет кофе в ближайшем кафе, открытом по такому случаю по нашей настоятельной просьбе. (Все точки общепита и магазины в столице в этот день не работали.) Время от времени кого-то из директоров дергали на допрос в здание банка. Из всего до меня доведенного я выудил только одну существенную информацию — все банкиры люди покойного канцлера Лоефорта, а аудиторы нет.

Особняк Казначейства мы не взяли, сил не хватило, но все подходы к нему оказались у нас под прицелом. Главную задачу — не дать графу Тортфорту вывезти оттуда деньги решалась положительно. Две попытки проникновения в казначейство пресекли перекрестным пулеметным огнем. Третья большая группа гвардейцев пополам с какими-то мутными личностями в штатском сама отказалась от экса увидев на площади разворачивающийся с лязгом 'артштурм'. Даже стрелять не понадобилось. Рассосались они по окрестным переулкам в течение минуты.

Удачей стало нахождение в наших кварталах склада праздничной бутафории для украшения города. Там оказалось много имперских флагов, которые мы не преминули вывесить по своему периметру, означая, таким образом, территорию законного императора.

Особняк под штаб штрафники мне подогнали часам к десяти. На второй линии от проспекта. Даже не особняк, а полноценную городскую усадьбу с городским телефоном. Находился он в некотором отдалении от места избиения гвардии. Крыша совсем не пострадала от шрапнели 'элики'. Но для такого большого здания особняк был все же пустоват. Обычно, ну как мне кажется, тут слуг должно быть не менее сорока человек, а то и больше.

Бывший гвардейский подполковник встретил меня во дворе, с интересом наблюдая, как Ягр командует мехводом, протаскивая БРЭМ через ворота достаточной ширины, чтобы в них вписалась большая карета запряженная шестеркой лошадей цугом. БРЭМ развернули носом к воротам, чтобы башенный пулемет контролировал их.

— Командор, здесь три этажа и мансарда, пояснил он мне. Хозяев потеснили на третий этаж, прислугу удалили на мансарду. На первом этаже будет ваша охрана, приемная и кабинет с телефоном. На втором ваши личные покои. Я уже обговорил с хозяйкой, что ее служанки будут у вас убирать там. А в кабинете, наверное, справится и ваш денщик.

— Резонно, — заметил я и спросил. — Что-то домик уж больно узенький.

— Тут все дома такие, господин командор, — ответил он. — Земля в столице всегда была дорогая, особенно когда еще внешние стены стояли. А за внутренней стеной цены вообще бешеные. Здесь еще двор есть нормальный и флигеля. У большинства и этого нет. Маленький задний дворик и все. Каретный сарай, дровяной сарай, конюшня, сеновал и все.

— М-да… И никакой зелени. Пошли, фельдюнкер, посмотрим кабинет, — сказал я командиру штрафной роты и уже на

парадной лестнице, обернувшись, приказал Ягру. — Организуй мне помывку, даже не помывку, а так… обтереться мокрой тряпкой. Вторые сутки без гигиены. Противно уже себя ощущать такого.

Парадная лестница это парадная лестница. Понты с двумя резными из черного камня пантерами, катающими лапой шары, у дверей медные мортирки вековой давности, а над дверью потемневший герб с баронским знаком, выточенный из когда-то белого мрамора. Двери мощные, медными полосами окованные. Полосы эти фигурные и в резьбе по металлу. Богато жили… Именно что жили. Печать легкого запустения неуловимо лежала на всем. Как на пятый год в московской квартире после крутого евроремонта.

У дверей без напоминания унтер моей охраны уже поставил часового.

За мной за дверь в холл проскочил фельдфебель рецких штурмовиков, и встал в сторонке, ожидая указаний.

Каменные плиты холла за прошедшие со строительства времена в некоторых местах поистерлись.

— Тут ковры лежали, господин командор, но я посоветовал хозяйке их убрать, а то ведь угваздаем их сапогами-то.

— Это правильно, — одобрил я. — Мы же не оккупанты какие, а освободители. Хозяевам дворца просто создаем временные неудобства на то время, пока не кончатся в городе беспорядки. Не более.

Налево из холла находилась большая комната, парадная, наверное, для приемов. Потому как богато она обставлена резными диванами по периметру, картины на стенах с шелковыми обоями. Большая люстра с подвесками из розового рецкого хрусталя. А середина вся пустая. Паркет наборный. Красивый. Ничего потом отциклюют заново. Не обеднеют.

Направо такой же площади две смежные комнаты. Малая гостиная и кабинет.

В кабинете на роскошном резном столе, сработанном по моде позапрошлого царствования около лазуритового с золотом письменного прибора стоял палисандровый деревянный ящик телефона. Старая модель с двумя раздельными медными трубками — рожками. Ладно, хоть такой есть и то за первый сорт. Гвардейские инженеры сюда еще воздушку ##1 протянут от кордегардии Охотничьего дворца. Совсем будет хорошо.

* * *

* * *

##1 В о з д у ш к а — временная телефонная линия протянутая 'по воздуху', не под землей или на столбах.

* * *

Связь с высшим начальством, откуда можно получать четкие инструкции, благо. Как-то не климатит меня брать на себя ответственность за разрушения в городе, после окрика Бисера насчет столичного императорского дворца.

Окна в комнате высокие, выше человеческого роста, если смотреть со двора, высокие светлые. На полу красивый ковер. В дальнем от окон углу два кожаных дивана углом и курительный столик с положенными причиндалами. Дорогие цацки. Золото. Серебро. Шкатулки драгоценных пород дерева. Причудливая горка для самогарных спичек.

На стенах ковры со старинным, богато украшенным оружием.

Три удобных кресла у письменного стола со слегка уже потертой обивкой дорогой гобеленовой тканью. Да… тлен подобрался незаметно в этот когда-то очень богатый дом.

Фельдфебель постучал в дверь и, получив разрешение войти, нагнал полдюжины слуг притащивших из 'приемной' четыре ломберных стола. Составили их в один длинный и накрыли темно-вишневым сукном. Поклонились мне и вышли.

Сел за стол, глядя, как ротный штрафников набивает себе папиросу из хозяйского набора. Попросил.

— Граф, я не курю и терпеть не могу табачный дым. При мне даже Молас не курит.

— Простите, дорогой барон, я этого не знал. Выйду покурить на крыльцо. Разрешите?

— Идите. Не смею вас задерживать, граф, — и взялся за трубку телефона, когда остался в помещении один.

Как же это неудобно двумя рожками оперировать-то… Покрутил ручку, дождался соединения с телефонной станцией.

— Центральная, — ответил мне приятный женский голос. Кто-то мне еще в Будвице посплетничал, что в телефонистки специально отбирают крокодилок с приятными голосами. Все равно их клиент не видит. А управляющим и техникам меньше соблазна на рабочем месте в ночные смены.

— Барышня, соедините меня с номером К-108, - попросил я, сверившись со шпаргалкой.

— Соединяю.

Трубку подняли практически сразу?

— На проводе, — ответил мне молодой мужской голос.

— Это я — Коба, — проговорил я в рожок, держа второй у уха. — Я беспокоюсь за тетю Молю. Тут у нас такое творится, такое твориться… До самой внутренней стены на проспекте от ловчей улицы. Тетя Моля обещала нас сегодня посетить с визитом. Старая баронесса вся на нервах, как бы с ней чего не случилось.

— Тетя Моля еще вчера выехала за город, в имение. Так что дядя Коба, не беспокойтесь и успокойте баронессу, тетушка в безопасности. А так сейчас весь город сидит по домам и носа на улицу не высовывает. Я уже целый час в окно не наблюдаю никаких прохожих.

— Даже слугу в лавку не пошлете? — 'удивился' я.

— Если не будет никаких эксцессов, то к полудню придется послать. У меня табак кончается. Спасибо за звонок дядя Коба, вы сейчас на каком номере?

— А-202, - ответил я, посмотрев на коробку телефона, где этот номер был выгравирован на позолоченной пластинке.

— Как только мне станет что-либо известно про тетю Молю, я вам телефонирую. Желаю пережить вам эти беспорядки в городе без последствий.

Ну, вот… — подумал я, вешая рожки на специальные крючки на коробке. — Время 'Ч' для людей Моласа полдень. Хоть какая-то определенность появилась. Что же они там так тормозят-то? Не ждали что я так быстро мятежную бригаду 'победю'. - самодовольно усмехнулся я.

— Ягр! — крикнул я в пространство.

— Я здесь командир, — тут же открылась дверь кабинета.

— Что там с ванной. А то потом будет не когда?

— Все готово, командир.

* * *

Не знаю большего наслаждения, чем отмыть зудящее тело от грязи и застарелого пота. Не каждая баба может доставить аналогичное удовольствие.

Ванное помещение, сложно назвать это зал комнатой, рассчитанное на групповую помывку шести тел одновременно, отапливалось только самой горячей водой, что натаскали слуги. А на дворе хоть и сиротская, но все же зима.

Весь намылившийся, с зажмуренными глазами отослал Ягра за новой порцией кипятка, стараясь как можно быстрее закончить

гигиенические процедуры.

— Ой! — отразился от потомка мыльни звонкий женский голос. — Я не знала что вы уже здесь.

Я плеснул из ковшика на лицо, смывая мыльную пену с глаз.

В дверном проеме стояла стройная женщина, закрыв себе лицо стопкой полотенец и простынь.

— Милочка, я надеюсь, что вы не увидели у меня что-то настолько принципиально новое, чтобы так пугаться? — усмехнулся я и пожаловался. — Закройте, пожалуйста, дверь, а то холодом тянет.

Дверь послушно хлопнула о косяк. Но с этим хлопком исчезла и незнакомка. Лишь стопка белья осталась на табурете как свидетельство что она тут все же была.

В следующую секунду в дверях появился мой денщик с ведром кипятка притащенном им с кухни.

— Ягр, кто это был? — спросил я.

— Где? — переспросил он. — Я никого не видел по дороге. Мистика какая-то… Но ведь полотенца на табурете не из воздуха образовались от сырости.

Больше никаких приключений не состоялось. До полудня у меня шла обычная штабная работа. Принимал сообщения, отправлял сообщения, втыкал сделанные Ягром бумажные флажки в план города. Распределял пополнение, выделенное моей группировке и взятое императором неизвестно где. И мучительно пытался планировать будущие операции малых групп штурмовиков, даже не представляя себя ясно городскую застройку. На плане много не увидишь.

Да и чисто тактической грамотейки мне все же не хватало. Максимум на что я сподобился так это на то только чтобы отжать еще одну улицу. Впрочем ее особо никто и не собирался оборонять насмерть.

Ровно в полдень зазвонил телефон, и приятный баритон пророкотал в трубку.

— Это Центральная. Я могу переговорить с командором Кобчиком?

— Кобчик у аппарата.

— Прекрасно. Я лейтенант Форш. Вам привет от тети Моли. Она просила вам передать, что телефонная станция теперь наша. Так что можете говорить свободно. Телефонных барышень заменили мои ребята. Но нам требуется пехотное прикрытие, чтобы удержать станцию.

— Сколько у вас пулеметов?

— Один ручной 'гочкиз'. Требуется хотя бы еще одна машинка, чтобы надежно удержать городскую связь в своих руках.

— Все понял, — кинул я взгляд на план города. — Один вопрос к вам.

— Хоть два, командор, — усмехнулись в трубке.

— Это действительно, что все телефонные барышни на морду жуткие крокодилки?

— Видал я баб и пострашнее, господин командор, — ответили в трубку и отключили связь

Началось.

Второй акт Марлезонского балета. Фраза про крокодилок и ответ на нее был заранее согласованым мною с генералом Моласом паролем. Во избежание всякой неожиданности. Все же мятежных гвардейцев за дураков мы не держали. Опасно это… держать враг за дурака.

Скажете на воду дули? Может и так, но всяко лучше перебдеть, чем недобдеть.

* * *

БПЭМ смел баррикаду, как кучу мусора. Даже не притормозив.

Башенный пулемет, поднятый на максимальный градус возвышения, легко сбил с крыш несколько подозрительный групп людей.

Честно говоря, я ожидал большего сопротивления от мятежников обложивших захваченную людьми второго квартирмейстера генштаба телефонную станцию с целью ее отбить обратно.

Бегущих по мосту инсургентов расстреливать в спины мы не стали. Лишнее это. Только мотивирует врага на ожесточенное сопротивление.

Зато расчистили весь квартал около 'Центральной' вплоть до набережной. И один мост у нас уже оказался под постоянным прицелом.

Подо мной уже пятая часть города. Если считать с внутренним замком, в который мы не входили по просьбе императора, то четвертая. Практически без потерь, что особо радует.

Запарковал БРЭМ у черного входа телефонной станции и хрустя битым стеклом просто переступил через низкий подоконник выбитого окна. Ягр прыгнул за мной, с пулеметом наперевес.

Оставив на пустом первом этаже пост, поднялся по лестнице в аппаратную.

За пультами телефонного соединения сидели и втыкали штекеры в гнезда молоденькие ефрейтора инженерной службы.

Телефонные барышни оказались вполне себе обыкновенными, даже симпатичными, скромно, но со вкусом одетыми, падающими в обморок при близких звуках выстрелов. Причем 'пробки' из них вышибало натурально, не для кокетства. Привыкли они тут к спокойной жизни и прилично оплачиваемой работе. Но теперь они толпились кучками у свободной стены, не понимая того что случилось. Мятежники их с рабочих мест не сгоняли, а просто оставили техника-унтера с двумя гвардейцами для надзора. А вот люди Моласа произвели форменную революцию.

Девушки дернулись было ко мне, наверное с жалобами, но увидев в распахнутом вороте моей кожаной куртки Рыцарский крест, смирили свой порыв и вернулись к стене.

Лейтенант Форш сидел в кабинете начальника станции, огороженном от операционного зала стеклянной стеной, в обычном полевом мундире с белой ленточкой, повязанной на левый бицепс. Никаких наград и отличий на его форме не было.

— …да, да… вы меня правильно поняли, — рокотал он в телефонную трубку. — Если не освободите от себя вокзал в течение часа, то туда подойдет Кровавый Кобчик со своими горцами-головорезами, и тогда я уже не смогу вам дать никаких гарантий. Так что думайте быстрее. Я вам перезвоню через полчаса.

Повесил трубку на рычаг и вытер рукавом покрывшийся испариной лоб.

— Это кого ты, лейтенант, моим именем пугаешь? — спросил я хохотнув.

Тот просто показал мне на кресло, предлагая садиться, и из тумбы письменного стола вынул бутылку старки и два стакана.

— Ничего, командор, что я так с вами фамильярно, — вроде как извинился он. — Не привык я как-то носить мундир. Служба моя больше предполагает ношение партикулярного платья. Но… обстоятельства вам известные привели к тому, что в эту мясорубку бросили всех. В том числе и тех, кого готовили к внешней разведке. Как меня к примеру. Чую не работать мне в будущем по специальности. Засветился.

Разлил по трети стаканов и извинился.

— А вот закуски нет, не додумались. А барышни свой обед съели прямо перед нашим приходом.

Выпили.

Лейтенант посмотрел на меня вопросительно, не увидел в моих глазах жажды продолжения банкета и убрал бутылку обратно в тумбу стола.

— Доложите обстановку, лейтенант, — приказал я, не заостряя внимания на его провокативное поведение. — Сверим наши карты. Кстати, у вас связь с тетей Моли есть?

— Есть, все у нас есть, — неожиданно ответил он мне по-рецки. Тут все-таки телефонная станция, а не водокачка. Неинтересно быть большим командиром. Прав был неистовый кавалерист граф Бьеркфорт когда заявлял что в чем выше поднимаешься по военной карьерной лестнице тем больше твоя работа напоминает канцелярскую. Отдал приказ и сиди, перекладывай бумажки с места на место, жди, когда сообщат о его выполнении… или не выполнении. Куда как интереснее самому выполнять боевые миссии. Но… но… командование приказало мне командовать, а не бегать по городу с автоматом. Может поэтому мне больше всего авиация нравится, что там даже генералы летают и ведут подчиненных за собой в сражение, а не посылают их в него. Даже в двадцать первом веке земной истории.

Распорядился о вооруженном сопровождении телефонных барышень, тем, кто жили недалеко от станции, чтобы проводили и оберегли их штурмовики по дороге. И распустил всех девиц с извинениями по домам. Тех, что квартировали в других концах города, подруги забрали с собой на временный постой. Враг и так знает что телефонная станция нами захвачена. Чего тогда баб тут у стенки на ногах держать часами? Уши греть им ненужной им информацией? Корми их еще, когда у самих питание, как следует, не налажено. Да и туалет тут не резиновый, никак не рассчитанный на два комплекта операторов. А первый этаж мятежники в мелкую крошку успели покоцать ручными гранатами…

К вечеру вся западная часть города до реки была в моих руках.

Потери при этом понесли невеликие. И мы, и мятежники. Тем стоило заслышать лязг гусениц по брусчатке, как они бросали свои спешно выстроенные из всякого мусора баррикады. Танкобоязнь развивалась по возрастающей экспоненте. Да и свои приданные солдаты их новых, присланных уже днем ко мне императором, старались держаться от бронеходов подальше, потому как по дороге в город от Охотничьего замка сами видели размазанный на ней 'гвардейский фарш'.

Да и не так много сил у мятежников было на этом берегу реки. Так… завеса. Основные силы Тортфорта были на востоке города. Фельдмаршала мятежный граф боялся больше чем меня со всей моей бронетехникой, чего не сказать о рядовых гвардейцах, среди которых 'солдатский телеграф' работал

быстрее, чем проводной. А у страха глаза велики.

Между нами легла двухсотметровая по ширине лента глубокой реки с тонким льдом и всего два моста. Все перевозчики еще осенью поставили свои ялики на прикол и попрятались по домам.

Обо всем этом я доложил по Моласу по полевому телефону. Предложил ночной штурм мостов с бронетехникой, но был остановлен.

— Не зарывайся, Савва. Не вражеский город берем на шпагу. Чем меньше в городе будет разрушений, тем лучше для нас.

— Теряем темп, экселенц, — возразил я.

— Этого не бойся. Территория мятежников и так усыхает как выкинутая на пляж медуза на солнце. Сама по себе. Завтра подойдет Бьеркфорт со своими передовыми полками и будет легче. Да и фельдмаршалу остался всего один дневной переход до вокзала. Если пешком идти будет. Ты мне лучше другое скажи… Ты молодой, глазастый. Не заметил ли чего странного?

— Заметил, экселенц. Очень много пулеметов системы 'лозе' у мятежников. Намного больше штатной численности. Это только те, что попали к нам трофеем. Тяжелые они, тикать с ними неудобно. Вот и бросают их инсургенты.

— Что ты хочешь этим сказать? Конкурента топишь?

— Ничего, экселенц. Просто констатирую факт. Как там Ремидий?

— Крепкий старик. Очнулся и первый его вопрос о тебе. Цени.

— Ценю. Его надо домой отвезти. Там климат для выздоравливающего лучше.

— Очистим столицу от мятежников тогда сам и увезешь. Устраивает тебя так?

— Лучше всего.

— Тогда оставайся на месте. Менять командование сейчас глупое дело. Выспись ночью, как следует, завтра тяжелый день будет.

Повесил трубку на рычаг и усмехнулся. Дело ясное, что дело темное…

Темнит что-то Молас.

Посмотрел на любопытствующие глаза лейтенанта Форша и сказал.

— Батареи в телефонах поменяйте, садятся. Будут меня искать я в своей городской резиденции. Координатором на хозяйстве остаетесь вы, лейтенант.

Вздохнул. Подумал немного и спросил.

— Что интересного записали ваши 'слухачи' из телефонных

разговоров?

* * *

Небо обложило тяжелыми облаками и снова сверху полетели 'белые мухи', и мне показалось, что это довольно странно, что раненая лопатка всегда у меня всегда болит перед дождем и никогда перед снегопадом, хотя если вдуматься, то это явления одного порядка. Осадки.

Расслабиться не давала фраза Моласа 'о странном'. Так что прежде чем попасть на место ночлега я объехал на БРЭМ посты по периметру и задал там всем караульным тот же вопрос. Никто ничего особо странного не узрел.

Полюбовался на речные мосты и гранитные набережные, покрытые свежим снегом. Прикинул, что именно ночью их вполне можно было взять с помощью бронетехники 'на рывок', так как пушек там у мятежников не стояло. Но у командования свои тараканы по извилинам бегают и расчеты у них не только боевые, но и политические, о которых я совсем не осведомлен.

В графском особняке меня ждал остывший ужин и хозяйка с претензиями.

Хозяйка… здравствуй хозяйка… Вот уж не ждал не гадал.

— Раз вас видеть, баронесса, — кивнул я. — Не разделите ли со мной вечернюю трапезу?

Баронесса Тортфорт в темно-вишневом панбархатном платье, блеснув при свете трех масляных рожков хрустальной люстры рубинами длинных серег, кивнул в согласии, и присела за стол напротив меня. Эта холеная женщина мало напоминала уставшую сестру милосердия из санитарного поезда с ее огрубевшими руками. Но была так же красива. И если красота моей жены была ясная, чарующая и веселая, то красота баронессы несла заряд будоражащий мужское половое чувство с некоторым трагизмом, заставляя оборачиваться на ходу и стоять соляным столбом.

— Вы разочаровали меня, барон, — сказала она, когда слуга налил ей в бокал рубинового вина, и она сделала первый микроскопический глоток.

— Чем же? — удивился я. — Вам нужен был герой. Разве имперский рыцарь не подходит под это определение?

Ответила она сразу.

— Я думала, что мешаю свою старую загнившую графскую кровь со свежим народным источником, а оказалось что с таким же бароном-вырожденцем, как и мой муж. Никакого обновления крови в моем сыне не произошло. Этим я и разочарована. Зачем

вы прикидывались человеком из народа? Там, в санитарном поезде?

— Я никогда никем не прикидывался, баронесса. Не имею такой привычки. Бароном я стал уже после нашего нежданного свидания на гинекологическом кресле, — усмехнулся я. — А так, по жизни, до армии я был всего лишь деревенский кузнец. Крестьянин, если хотите. Кстати не знал, что у меня есть еще один сын.

Действительно. Подозревал, но точно не знал. Плодись, Кобчик, и размножайся. Если только тебе эта баба не одевает один орган на уши.

— Сколько у вас сыновей? — спросила баронесса.

— Один родной и один на воспитании.

— Одно меня утешает, что вы сделали за то время что мы не виделись, великолепную карьеру, какой мой муж не мог добиться, несмотря на всю протекцию своей многочисленной родни. Были фельдфебель, а теперь полковник. Вы, наверное, не играете в карты?

— Нет. Не люблю азартных игр. А карьерой я обязан батальонному инженеру Вахрумке.

— Вы не смотрите на меня, полковник. Ешьте. Я вижу что вы голодный. А мы уже все поужинали.

— Спасибо, — я взялся за вилку. — Только я не полковник, а капитан-командор воздушного флота.

Приготовлено было действительно вкусно.

Баронесса смотрела, как я ем с выражением простой русской бабы, любующейся на то, как ее мужик вечеряет после работы.

— Мой дурак конфликтовал с Вахрумкой, а с ним надо было дружить.

— Я спас Вахрумку от плена. А он просто перевел меня в ольмюцкую армию. Кстати от преследований вашего мужа. Кто тогда знал, что простой инженер есть молочный брат ольмюцкого кронпринца. Ныне нашего императора.

— Вы имеете выходы в эти сферы?

— Вам чем-то надо помочь?

— Помогите своему сыну, не мне. С тех пор как мой муж пропал без вести на фронте, нам перестали перечислять часть его денежного содержания по аттестату. А пенсия положена по потере кормильца, только если доказано что офицер погиб. Тортфорты отказались мне в этом помогать. Мы вообще не любим друг друга.

— Ваш муж, баронесса, жив. Он в плену, — сообщил я ей.

— Какая жалость. Я так надеялась, что он наконец-то сломал себе шею.

— О какой сумме идет речь?

— Три — четыре, может пять золотых в месяц. Я понимаю, что деньги невеликие, но в нашем стесненном положении и они не лишние. Муж все промотал. И свое состояние и мое. Через несколько лет я смогу отдать сына в Пажеский корпус. Тогда можно будет продать этот дом, мой родовой дом как урожденной графини Зинзельфорт, и купить себе что-либо поскромнее в пригороде, а то и вообще в другом городе. Гоблинце к примеру. Или вообще уехать к теплым морям в отвоеванный у Винетии Риест. Я не люблю зиму. Мне постоянно хочется тепла.

— Вы покажете мне своего сына?

— Он сейчас спит. Но если вы не будете шуметь… Идемте. Его спаленка на третьем этаже, — она встала из-за стола.

Все такая же стройная, прямая, тонкая…

В маленькой комнате черноволосый ребенок спал, обняв большую мягкую игрушку. Лицом он был схож с матерью. Красавчик будет. Спал он на правом боку, мне не составило труда откинуть черную шелковистую прядь волос от левого уха и увидеть в тусклом свете ночника нашу родовую родинку. Мой сын.

— Убедился? — шепнула баронесса. — Пошли. А то разбудим.

Когда мы вышли из детской, то в коридоре женщина неожиданно, но вполне ожидаемо впилась в мои губы пиявочкой, одновременно подталкивая меня в свою временную спальню. Ее спальню на втором этаже, как оказалось, отвели для моих покоев.

— О, мой герой, — простонала она, захлопнув за нами дверь.

Накрылся отдых. Если женщина хочет — мужчина обязан.

* * *

Генерал-адъютант Молас ходил по кабинету из угла в угол рассерженным тигром. Наконец остановился передо мной, резко выдохнул и заявил.

— Я отстраняю тебя, Савва, от дальнейшего участия в операции.

— Операция по принуждению к миру уже закончилась, экселенц, — напомнил я. — Мои части соединились с войсками фельдмаршала на вокзале. Мятеж подавлен. Гвардия приведена в повиновение и сидит в казармах под охраной.

— Мятеж подавлен, — согласился со мной Молас, — а вот его корни ты сам обрубил. Какая была надобность расстреливать всех Тортфортов разом? Да еще у стены вокзала? Напоказ. Из пулемета!

— Чтобы больше бунтовать было некому, — огрызнулся я. — Я не только Тортфортов там пострелял, но всех мятежных офицеров, что не сложили оружие по моему приказу. Я их об этом предупреждал. А я слов на ветер не бросаю.

— Услужливый дурак опаснее врага, Савва, — глаза императорского генерал-адъютанта метали громы и молнии, но голос его был ровен и четок. — И как прикажешь теперь нам выходить из этого положения, как искать их затаившихся сообщников в имперском правительстве? В столичном обществе? При дворе? В генштабе?

— Это ваша епархия, экселенц. А я был в своем праве. Согласно императорскому рескрипту я наделен правом внесудебной расправы над мятежниками. А на ваш последний вопрос отвечу, что по опыту знаю, что слуги и денщики часто видят больше хозяев.

— Не учи отца! И баста! — повысил на меня голос главный разведчик империи, ударив кулаком по столешнице. Да так что подскочил тяжелый чернильный прибор.

— Если я вам с императором больше не нужен, экселенц, то прошу отпустить меня в Рецию. Все равно рано или поздно вы меня в нее опять загоните. Не в первый раз. Я поработал для вас 'Кровавым Кобчиком', теперь вы можете поработать добрым дядюшкой.

— И какую награду ты себе за это хочешь?

— В гражданской войне, экселенц, награды неуместны.

— Ты действительно так думаешь? — поднял генерал брови.

— Конечно. Мятежники не внешние враги, а такие же подданные императора и имперские граждане, как и мы с вами. Какие могут быть награды за братоубийственную бойню. Вы видели 'гвардейский фарш' на шоссе?

Молас резко кивнул, сжав губы. Но вслух ничего не сказал.

— Сколько там было истинно виновных? А сколько честно выполнявших устав и приказ? Как мы их в этом фарше рассортируем. Фарш невозможно прокрутить назад.

— Мда… — Молас обогнул стол и сел в рабочее кресло, поправив бронзовый чернильный прибор на столе. — Что еще я мог услышать от изобретателя мясорубки?

— Вы еще меня поясом для женских чулок попрекните, экселенц. Это модно.

Чувствовал я себя предельно уставшим. Ночь не спать. Причем не спать очень активно. С рассвета до обеда воевать в первых рядах. Причем воевать без приказа сверху. Не говорить же Моласу, что таким образом я обезопасил своего сына. Ну как мог. Мне бы еще барончика — мужа матери моего сына придушить, но

он далеко — в плену. Руки у меня пока коротки.

— Итак, констатируем, что клан Торфортов больше в империи не существует.

— Не совсем так, экселенц. Барон Тортфорт сдался в плен республиканцам, убив своего денщика, и тем чуть не сорвал нам решающее наступление по прорыву позиционного тупика на Западном фронте.

— Что ты на самом деле хочешь? Скажи честно, Савва.

— Работать хочу. Авиацию развивать. И не хочу участвовать в дворцовых интригах. Я устал от крови, экселенц.

— Иди пока, Савва. Твою судьбу решит император.

Я вышел из кабинета Моласа в Кордегардии и широко улыбнулся. У меня получилось.

— Вас произвели в генералы, командор? — угодливо спросил майор Сувалки.

— Должен вас огорчить, майор. Наград за подавления мятежа не будет. Мне так кажется.

И надев шинель, я вышел на улицу.

Снегопад закончился. И вздыхая свежий, слегка морозный воздух я направился в дом лесничего проведать герцога. Пора его везти домой.

Ремидий пребывал в легкой послеоперационной лихорадке. На лице выступали капельки пота, которые периодически промакивала тампонами сестра милосердия — суровая женщина в возрасте.

Увидев меня в дверях, герцог улыбнулся.

— Наслышан уже, — буркнул он и показа глазами на медичку.

Я забрал у женщины тампон и попросил ее выйти на время из палаты. Она попыталась возражать, но что я грозно цыкнул.

— Мне вас отсюда под конвоем вывести? Я могу.

— Он может, — подтвердил герцог. — Он императорский чрезвычайный комиссар.

Когда за сестрой милосердия закрылась дверь, я проверил, не стоит ли кто за ней. Приказал часовому никого к этой двери не подпускать и плотно закрыл ее за собой.

— Садись. Рассказывай, — приказал герцог. — А то я тут как в вакууме. Видите ли, меня нельзя беспокоить.

— А просьбу для начала можно озвучить, ваша светлость?

— Для тебя все что захочешь.

— Нужно имение на берегу моря у Риеста. Небольшое.

— Тебе?

— Нет. Моему сыну.

— Тебе Отрадного мало?

— Нет, это не Мите. Моему побочному сыну и его матери.

— Ну, ты кобель, — усмехнулся герцог. Но по-доброму так. — Увезешь меня домой?

— Обязательно, ваша светлость. Как только разрешат вас передвигать с места на место.

— Вот именно… передвигать, — сплюнул герцог на паркет. — Меня теперь два драбанта носить на руках будут. Думаешь, это приятно?

— Не будут, ваша светлость. Я вам кресло-коляску сделаю. Ее вы сами сможете двигать руками.

Ремидий улыбнулся ласково как добрый дедушка, пригладил усы.

— Ты хороший сын. Савва.

Я оторопел.

— Да, ты не ослышался. Ты мне сын по обычаю кровавой тризны и это я признаю. И в наследовании трона ты третий после детей Альты. А теперь рассказывай, как ты гвардию гусеницами давил.

— Я еще и всех Тортфортов расстрелял, ваша светлость.

— Да ну? — открыл от удивления рот Ремидий. — Рассказывай.

* * *

Предрассветный бросок через мосты удался нам даже не легко, а очень легко.

На первый мост пустили БРЭМ и две танкетки и на второй 'артштурм' и две танкетки, которые рывком на скорости пролетели на противоположный берег и смели охранение мятежников. Под прикрытием бронетехники бежали в атаку штрафники. За ними штурмовики. Третьей волной саперы и обычная пехота растеклись по городу с большим желанием набить кому-нибудь морду с особой жестокостью за такую раннюю побудку без завтрака.

Ударили всей наличной массой сжатой в два кулака. На западной стороне столицы я оставил только малый заслон следить за внутренним городом, чтобы оттуда никто не выходил. Сказал император 'не трогать' — мы не трогаем. Только пусть сидят на попе ровно.

Завесу у мостов с пулеметными гнездами на хилых баррикадах смяли с ходу отвалами бронемашин, и взяли гвардейцев в казармах как говориться со спущенными штанами, точнее вообще без штанов, спящими… Я охудеваю, дорогая

редакция, с таких инсургентов. У них и бунт идет по расписанию. Винтовки по уставу в оружейке под замком!

Люди Моласа очухались и подбежали к намеченным объектам, когда они были уже заняты нами.

Так что если не считать боя за вокзал, то это была моя самая бескровная операция. На все про все ушло полтора часа. И город наш. Больше беготни, чем дела. Ни одного убитого с обеих сторон. Так… несколько сломанных рук и челюстей.

Но на вокзале находился штаб мятежников. И там никто не спал. Солидная охрана — больше роты при шести пулеметах. Остальные действующие войска мятежной гвардии отражали части фельдмаршала на подступах к товарной станции. И пушки все были у них задействованы там. Канонада до вокзальной площади доносилась.

Совещались с командирами недолго. Прямо на улице. Разработали диспозицию, и я выдвинул мятежникам через медный рупор ультиматум. Кто из мятежников не сложит перед законным императором оружие в течение пятнадцати минут, будут расстреляны на месте без суда и следствия.

— …это гарантирую я — командор Кобчик, — завершил я короткую угрозу.

Не поверили.

МНЕ НЕ ПОВЕРИЛИ!

А я, наивный, думал, что у меня уже сложилась определенная репутация. Как все запущено…

С первыми же выстрелами противника в нас, мы пулеметными очередями выдвинутых на вокзальную площадь танкеток со звоном вышибли все сплошные зеркальные стекла в высоких стрельчатых окнах этого красивого здания, заставив мятежников попрятаться за толстые кирпичные стены. Под прикрытием шквального огня бронетехники перекатами подкрались к вокзалу штурмовые группы и полетели в оконные провалы экспериментальные светошумовые гранаты на основе магния и примитивных взрывпакетов. Молодец Помахас, гений, ловит идеи просто на лету, перед моим отъездом в столицу притащил он похвастаться передо мной новым изделием — три десятка в ящике. Мне было тогда некогда разбираться, и я чисто по хомячиной привычке забрал эти изделия с собой. Вот и пригодились. Испытали в боевой обстановке.

'Шок — это по-нашему'.

Потом резкий рывок в пустые глазницы вокзальных окон рецких штурмовиков, орудующих направо и налево прикладами. И вот уже штрафники, заскочившие в вокзал вслед за ними, вяжут одуревших, ослепших, мотающих головами пленных мятежников,

припасенными заранее обрезками веревок.

Несколько автоматных очередей за зданием, со стороны рельсовых путей. Несколько очередей во внутренних помещениях.

И все.

Потери единичные с обеих сторон.

Я спокойно, прикрываемый Ягром, вошел в зал ожидания, хрустя под каблуками битым стеклом на керамической плитке. Огляделся, скривив губу. У окошек касс стояла толпа связанных по рукам гвардейских офицеров. У другой стены толклись связанные унтера и рядовые. Молодцы ребята успели хоть как-то пленных рассортировать.

— Переписать их всех. Пофамильно. — приказал я. — Кто тут граф Тортфорт-старший?

Можно было и не вызвать. Гвардейский полковник был тут только один. Но он и не скрывался. Вышел вперед довольно нагло. Морда надменная. Подкладка распахнутой шинели красная, генеральская. Ну да, его чин равен генерал-лейтенанту. Он явно надеялся, что его не будут наказывать строго. Подумаешь, бунт не удался? Он же неприкасаемый. Фамилия происходит от первых графов империи. Столп империи. Герб не менялся семь столетий.

— Так вот ты какой, северный олень, — хмыкнул я. — Ничего особенного. Отделите Тортфортов от всех остальных.

— С кем имею честь? — вскинул граф подбородок.

— Нет у тебя никакой чести, подонок, — спокойно сказал я, глядя в его наглые карие глаза. — У гвардии честь — верность. А твоя честь закончилась, когда ты взрывал императора с электорами. Но не повезло тебе. Законный император и мой герцог выжили. А мое имя Кобчик. Савва Кобчик. Посмотри на меня внимательно, потому что я — смерть твоя. Этого к остальным Тортфортам отведите.

Когда это было сделано я дал новую вводную

— Отделите тех, кто отдавал приказы от тех, кто их выполнял. Тортфортов не трогать, — прикрикнул, видя поползновение штрафников выдернуть из их группы двух молоденьких юнкеров.

Через некоторое время принесли мне три списка. Тортфорты отдельно. Офицеры. И все остальные.

Бумагу со списком рядовых и унтеров я отдал Ягру.

Подозвал одного фельдюнкера запомнившегося мне своим зычным басом и подал ему свою раскрытую планшетку.

— Читай.

Тот с выражением прочитал императорский указ о создании ЧК и рескрипт о назначении меня чрезвычайным императорским

комиссаром с правами внесудебной расправы при подавлении бунта гвардии в столице. И вернул мне планшет. Хорошо декламирует, с чувством, ему бы в театре выступать, а не в гвардии служить.

— Выводите всех на площадь, — распорядился я. но увидев в дверях двух офицеров конторы Моласа, виденных мною в Кордегардии Охотничьего замка дал дополнительный приказ. — А здесь собрать все документы, до единого клочка бумаги. Пусть это будет даже старый железнодорожный билет.

* * *

Мне вот интересно как это городские обыватели четко распознают, когда надо прятаться, чтобы не попасть случаем под раздачу, а когда можно толпу создавать безнаказанно. Зевак набежало… А ведь и получаса не прошло со взятия вокзала. С товарной станции еще стрельба слышна. Там с двух сторон мои пехотные роты и гренадеры фельдмаршала Аршфорта зажали и додавливают остатки мятежников. Боюсь, что пленных там брать не будут. Уж очень ожесточенная доносится оттуда до нас перестрелка.

Выстроили Тортфортов в ряд у глухой вокзальной стены на позор и заставили ждать, пока писарь под мою диктовку писал приговоры комиссара ЧК, об увольнении их (список прилагается) с военной службы 'с позором за дискредитацию высокого звания императорского гвардейца'.

Когда с Тортфортов штрафники срывали 'с мясом' погоны и ордена по их строю пронесся едва уловимый вздох облегчения. Они решили, что это все.

Однако пока Тортфортов позорили, штурмовики по моему приказу прикатили на площадь старый гатлинг на высоких орудийных колесах. Не пригодился он инсургентам в обороне вокзала. Послужит нам…

После чего зачитали второй приговор. 'За мятеж против законной власти и покушение на священную особу монарха, за зверское убийство пяти из шести электоров империи, за то, что не сложили добровольно оружие перед законной властью'… далее следовал список двадцати трех представителей клана Тортфортов, графов, баронов, вицеграфов и бургграфов… 'придать сметной казни через повешение'.

— Вам понятно? — ехидно спросил я. — Понятно, что вас повесят высоко и коротко, и вы будете висеть, пока не умрете?

Тортфорты возмущенно вскинулись и из их ряда раздались

выкрики, что это не по закону — дворян вешать. Про честь после нашей беседы на вокзале с графом они больше не заикались.

Переждал пока они оторутся и махнул рукой глашатаю. Тот зычным басом продолжил зачитывать.

— Но учитывая, что все они до последнего момента находились на военной службе, то заменить им повешение расстрелом, — и, свернув приговор в трубочку, глашатай отдал его писарю.

Над площадью нависло молчание все еще не верящей во все происходящее толпы.

Я же снова взял слово.

— По-доброму, господа, надо бы провести над вами кровавую тризну, — положил я руку на кортик.

Стоящие в ряд у глухой вокзальной стены Тортфорты заметно дернулись, знают, знают, что такое кровавая тризна.

— Но мой большой вождь остался жив и потому много чести вам будет поганить о вас благородную сталь всего лишь за его ноги.

С этими словами я взялся левой рукой за скобу управления огнем, наведя пулемет на крайне правого в этой скорбной шеренге Тортфорта-старшего, стал крутить руку спуска плавно ведя гатлинг справа налево.

Потом еще раз слева направо.

А там и патроны в длинном магазине закончились, как, впрочем, и Тортфорты…

Остальных мятежных офицеров расстреливали уже штрафники. Заведенным обычаем 'в двенадцать ружей' в порядке общей очереди. Чтобы палачами побыли все их них. И такой льготы, как сообщения об одном холостом патроне я им не дал. Ибо не фиг… Крысиный король не должен знать сомнений, когда гоняет крыс.

Чувствовал ли я что-нибудь после этой экзекуции? Не знаю…

Я просто сдержал свое слово.

Как-то, еще на Земле, один летчик, когда его спросила очередная гламурная журнашлюшка, что он чувствует, когда сбрасывает бомбы на города с людьми? ответил ей: 'облегчение фюзеляжа'. Вот и я чувствовал только облегчение фюзеляжа. И больше ничего.

Разумом же я просто просек, что за меня никто здесь эту работу делать не сделает. Побрезгуют. И получат в будущем еще один путч, может быть даже успешный. И тогда уже к стенке будут ставить тех, кто мне дорог.

Так что или-или…

Или мы, или они.

Лучше мы их, чем они нас.

А так хоть имперская аристократия страх божий почувствует, несмотря на то что боги из этого мира ушли.

Вечером подошел ко мне фельдюнкер — командир штрафников и подал пачку прошений от своих подчиненных о переводе их из гвардии в армию, конкретно в штурмовые части. Штурмовиками поголовно захотели стать все бывшие офицеры-гвардейцы, перебежчики второго дня. Только два майора попросились в ведомство второго квартирмейстера.

— Ну а вы? — спросил я, когда пролистал всю пачку и не нашел в ней заявления от самого графа.

Мне нравился этот неунывающий граф. Нравилось, как он стойко перенес разжалование в штрафники. Как он воевал в эти дни. Умно, расчетливо, смело. Людей зря не клал. И вообще не дурак, хоть и аристократ.

— Что мне, генералу, делать на батальоне? Не поймут. Вы же сами знаете, дорогой барон, как в армии нервно и трепетно относятся к рангам. Решат что это вид опалы. Ссылка в наказание.

— А в авиацию не хотите?

— Летать?

— Может и летать, если научитесь. Но скорее всего, командовать наземной базой.

— Я подумаю, господин командор. Это же командный тупик для карьерного роста?

— Зримо да. Но кто знает? Кто знает? Вид войск молодой, перспективный… Может, через десяток лет появятся не только авиадивизии, но и авиационные армии.

— Вы так верите в свои аэропланы?

— Не верил бы, не занимался бы ими.

— Я так понимаю, вы предлагаете мне быть вашим помощником по всему наземному хозяйству?

— Правильно понимаете. Не только по хозяйству, хотя это и очень важно в техническом роде войск, но командовать еще охраной, полигонами, аэродромной службой. Есть чем навьючить, — улыбнулся я.

Граф ненадолго задумался, а потом выпалил как шапкой о земь.

— Я согласен. Но у вас нет генеральских чинов. Полковник максимум. Ну и демон с ними.

— Это только для летно-подъемного состава. И пока нас еще мало.

— Я с вами командор. С вами не скучно.

— Добро пожаловать на борт, дорогой граф.

104.

Как я не рвался домой, но задержаться в столице мне пришлось.

Во-первых, герцог еще не был транспортабелен. Культи еще сочились сукровицей сквозь бинты.

Во-вторых, император хоть и лучше себя чувствовал, но контузия на нем сказалась сурово. Его мучили головные боли, лицевые тики и непроизвольные жесты правой руки. И работать он мог строго ограниченное время. А с Моласом у меня как черная кошка между нами пробежала — зол он на меня.

Так что компанию вечерами мне составляли Аршфорт и Бьеркфорт, с которыми до хрипоты спорил о новой тактике, и отдавались осмыслению опыта прошедшей войны. Бьеркфорт развивал идею броне-кавалерии, а фельдмаршал настаивал на мощных танках сопровождения пехоты — тихоходных, чтобы не отрывали от пехотинца в атаке и с толстой броней, которую не брала бы даже трехдюймовая пушка. Идея просто самоходной артиллерии поддержки пехоты в бою ему почему-то не нравилась. Когда мне надоело спорить голословно, я нарисовал Аршфорту английский ромбик времен первой мировой войны и тот привел фельдмаршала в восторг.

— Вот-вот… главное такой монстр сможет переползать самые широкие траншеи, — поднял фельдмаршал вверх указательный палец.

Ладно. Сделаю я ему 'железный капут'. Ничего там особо сложного нет. Авось враги его уворуют и скопируют в огромных количествах. И разорятся на сухопутных броненосцах.

В третьих пришлось чинить паровоз и оба эшелона — мой и герцога — после боя на товарной станции. Покоцали их изрядно фельдмаршаловы гренадеры.

Рада была этому положению только баронесса, что в открытую отрывалась каждую ночь в моей спальне как в последний раз. Кстати только вчера узнал, как ее зовут — Илгэ. Вот так вот… общая постель еще не повод для знакомства.

Через неделю герцог мне выдал кожаный тубус, в котором находилась ввозная грамота барону Люку Тортфорту трех лет на мызу восточнее Риеста в условное владение. Господский дом, Рощи цитрусовых. Арбузные бахчи. Собственный морской причал. Две деревни арендаторов — садоводов и рыбаков. Опекуном до совершеннолетия владельца поместья назначалась его мать — баронесса Илгэ Тортфорт. На юного помещика накладывалось обязательство за это поместье служить в герцогской гвардии с шестнадцати лет.

— Старые хозяева претензий выдвигать не будут? — спросил

я.

— Нет их. В горах погибли еще в начале войны. Оба. Наследников нет. Отошло ко мне как выморочное имущество, — ответил герцог. — Ты уж меня, сынок, совсем за слабоумного не считай. Мне только ноги отдавило, а не голову. Кстати, когда коляску сделаешь? А то я себе уже все бока отлежал.

— Скоро уже, ваша светлость, — заверил его я.

Коляску для Ремидия мне действительно делают в здешних мастерских. Дольше всего пришлось материалы подбирать. Дефицитный дюраль из императора выбивать. Да еще в трубах. Запатентовал я ее конечно, но также как и с костылями отдал патент в дар армии для увечных воинов — инвалидов войны. Название ей острословы сразу приклеили 'тачанка Кобчика'.

— Подойди ближе, Савва, я тебе подзатыльник дам на правах отца. Сколько надо говорить…

— Прости, отец, но… трудно мне вот так сразу перестроиться.

— И от графского титула зря отказался, — брюзжал Ремидий. — Ох, как он тебе он будет нужен, когда придет время, тебе на мой трон садиться. Остальных баронов локтями расталкивать…

— Отец, ты же знаешь мою позицию. Я надеюсь не пережить твоих внуков и верно им служить. Желательно и твоим правнукам. На троне должна сидеть кровь Отона.

— Тогда что ты хочешь? Только сам. Честно. И за других даже не проси больше.

— Разве что пару нефтяных вышек. И место для небольшого нефтеперерабатывающего завода. Скоро мне потребуется много бензина, а его почти не делают.

— А у тебя губа не дура, — хмыкнул герцог. — Не дам.

Видно крайнее удивление было написано у меня на лице.

— Нефтяники в герцогстве это картель, Савва, — пояснил Ремидий. — Очень тесный картель. И ревнивый. Сожгут они твои вышки. И я не защищу. Сделаем по-другому. Есть земля. Голая земля. Но там есть нефть. Очень неглубоко. В десятиметровый колодец скапливается толстой пленкой на воду. Так что там никто никогда не селился. Какая жизнь без воды? Река относительно далеко. Но ты, же можешь водопровод провести как в Калуге.

Герцог мне задорно подмигнул.

— Или наоборот, — улыбнулся я в ответ, — протянуть нефтепровод к реке. Далеко там?

— Километров двадцать, — выдал Ремидий справку. — Я всегда верил в твой ум. В общем обставим все так что ты сам

нашел там нефть. А это урочище я тебе подарю с куском берега. Там у реки хорошо цитрус растет. Потянешь?

— Надо считать… — почесал я репу.

— Денег я дам, — улыбнулся герцог. — В могилу золото с собой не заберешь, а тут хоть на дело пойдет. И дорога вахрумкина там недалеко заворачивает по плану.

— Рано вам себя хоронить.

— Когда-нибудь все же придется.

— Лучше позже, отец. Ты еще Политехнический институт не открыл во Втуце.

— Да… Пора. Пора его открывать. А насчет твоего этого… ЦАГИ ##1 требуй денег у Бисера, он теперь адмирал неба. Ему это нужнее.

* * *

##1 ЦАГИ — Центральный аэрогидродинамический институт.

* * *

Все. Раздача пряников и печенюшек закончилась, — подумал я. — Как там, у Островского: 'С ума сойду, а из бюджета не выйду'.

Но я ошибся. Уже прощаясь, герцог поздравил меня подполковником своей гвардии — шефом бронекавалерийского полка.

Вот я и генерал.

Почему не рад?

Присутствовали на совещании в узком кругу 'сам три у постели' император, фельдмаршал, Молас и ваш покорный слуга. Пока в императорской госпитальной палате Охотничьего замка.

Вопрос шел о будущем военно-воздушных сил.

В связи с тем, что надо возвышать бывшего имперского принца, а ныне простого герцога Тона, изменялось все штатное расписание должностей и чинов.

Превышение на один ранг по отношению к военно-морскому флоту оставили.

Вернули чин фрегат-капитана.

Таким образом капитаны-командоры стали равны контр-адмиралам. На этом и хотели остановиться, но я предложил создать полный табель о рангах. Все же воздушный флот больше

не игрушка, а самостоятельный вид вооруженных сил.

— Вместо адмиралов надобно ввести чины маршалов авиации, государь.

— И как это будет звучать?

— Маршал авиации или маршал воздушного флота будет равен полному адмиралу или генералу рода войск, что логично. А вице-маршал авиации будет равен вице-адмиралу. У капитан-командоров изъять из названия чина слово 'капитан' и обозвать их просто командорами воздушного флота или командорами авиации. Чин адмирала неба таким образом становится традиционной императорской регалией. Чтобы не путать с морским флотом, присвоить летчикам и воздухоплавателям вместо черного темно-синий мундир цвета ультрамарин. Голубые выпушки и генеральским чинам голубой двойной лампас на штаны. Кроме того уже так сложилось, что есть в воздушном флоте летно-подъемный состав и наземный состав. Наземному составу воздушного флота предлагаю присвоить сухопутные чины. К примеру, полковник авиации, или генерал-майор воздухоплавания.

Я замолк, а Бисер склонил голову к левому плечу и ехидно спросил.

— И кого из генералов ты собираешься перетащить под свое командование?

— Из генералов никого, государь. Только одного гвардейского подполковника из штрафников.

— Что так мало?

— Остальные, государь, в штурмовики просятся. И я думаю, что генерал-адъютант от таких бойцов, готовых на все и которым нет пути назад в высшее общество, не откажется.

— Не откажусь, государь, — откликнулся Молас. — Люди в штрафниках проверенные, правильно мотивированные выгрызать крамолу среди аристократии. Прекрасно понимают, что в гвардии им больше не служить, но лично вам преданы. Зачем загонять такой прекрасный человеческий материал по дальним гарнизонам?

— Быть по сему, — согласился с нами уже уставший от этого совещания император. — Но что будем делать с Тоном?

— Произвести в командоры, надеть на него 'полосатые штаны', - хохотнул фельдмаршал. — Поставить начальником штаба воздушного флота. Кто-то же должен заниматься рутиной, разгружая от нее адмирала неба.

— Что ж… На том и порешим. Кобчик с тебя эскизы новой униформы. И смотри, чтобы я в ней выглядел нарядным, — слегка вымучено завершил император наши посиделки и

потянулся за коньяком, которым глушил головные боли. Выпил и констатировал. — И все командующие воздушными эскадрами, таким образом, остаются на своих местах. Прекрасно.

И монарх отпустил нас мановением кисти.

Куда только делать только его бешеная работоспособность, которой он отличался всю войну, вытягивая тылы Восточного фронта?

* * *

Парад победы провели в столице, совместив его с коронационным церемониальным маршем. В императорском указе звучало, что в связи 'с победой в Великой войне в параде будут принимать участие только фронтовики'. Посему парад оттянули на февраль и спешно сколачивали ротные коробочки из войск Аршфорта и Бьеркфорта. Частично из огемских полков. Но большинство огемцев бросили на охрану императора и его резиденций.

Дипломаты в Винетии еще тягомутно обсуждали условия и место проведения будущей мирной конференции, а империя уже ликовала. Все знали, что такие мирные конференции могут продолжаться месяцами. Перемирие же никем не нарушалось и победа империи никем не оспаривалась.

Царцы были счастливы выйти из войны с минимальными потерями.

Республика окунулась в пучину гражданской войны.

А Солёные острова не привыкли воевать одни. Им обязательно нужен был партнер по коалиции, который примет на себя основные людские жертвы в войне. И по своей шакальей привычке островитяне уже приготовились откусить кусок земли у бывшего союзника. Выступив адвокатом провинции Сабиния в которой стояли три островные дивизии на фронте, островитяне под предлогом отсутствия легитимного правительства в республике, предложили восстановить древнее королевство Сабиния. На том юридическом основании, что даже в Лютецком королевстве Сабиния имела статус автономного принципата. И того, что прямые потомки древних сабинских королей и последующих сабинских принцев полвека проживали на их островах с того самого момента когда спасая свою жизнь они бежали от вооруженной революционной толпы набегавшей из центральных областей республики.

И как водится, уже присмотрели себе там порт под военно-морскую базу, чтобы держать под своим полным контролем

главный пролив из северного моря в океан.

Ситуация осложнялась тем, что на переговорах в Винетии республиканские дипломаты не могли внятно сказать, кого именно они представляют потому, как столица республики была уже полностью в руках Лиги социальной справедливости, успевшей объявить эту страну 'депо мировой революции'. А уцелевшие в столичных беспорядках министры 'правительства национального спасения' собрались в южном ничем не примечательном горном городке Сожжет, наверное потому что он был самый близкий к границе со Швицем. Но тем не менее они активно возражали против того чтобы сабинцам даровать независимость от республики, потому как в этом случае республика теряла все северные морские порты.

Но я отвлекся от парада.

Провели торжественное действо на центральном проспекте Химери. Больше там просто негде. По старому принципу туда и обратно. В смысле покрасоваться до Старого города, а оттуда уже парадным расчетом мимо дворцовых гренадеров, которые стояли линейными вдоль проспекта с флажками на штыках. Ну и оцепление поставили из тех же оставшихся верными гвардейцев. А то народ от любопытства под гусеницы лез.

Так как Вальд умудрился подтянуться к шапочному разбору, то и его с бригадой втянули в парадное действо. А посему распределили технику на параде так.

Сначала прошла пехота.

За ней коротким галопчиком и на рысях кавалерия.

А потом уже и мы, лязгая траками по брусчатке.

Первой шла самая заслуженная в подавлении мятежа коробочка из четырех пулеметных танкеток под моим командованием на БРЭМ. Командиры машин торчали по пояс из башенных люков, отдавая воинскую честь трибуне с императорским окружением.

За нами шла новенькая БРЭМ без крана и отвала, переделанная в КШМ. ##1 Из нее торчал Вальд сверкая золотыми генеральскими погонами, нашитыми прямо на комбинезон. Из заднего люка торчал знаменосец бригады в развернутым флагом части.

Кстати по уму он машину перестроил. Вооружение снял совсем кроме люкового крупнокалиберного пулемета на турели. В бортах прорезали удобные дверцы. Внутри обеспечил комфорт мягкими сидениями, откидными столиками, кожаными карманами для карт и штабных журналов, выходными штекерами полевых телефонов на наружных бортах. Сами телефоны хранились под сидениями в рундуках и для них катушки

проводов закреплялись на крыше. Свет внутри от плоских карбидных ламп. Тепло давала очень дорогая калильная лампа с платиновой сеткой, зато пожаробезопасная. Этакий БТР ##2 рассчитанный на восемь человек. Чем-то эта переделанная эвакуационная машина стала напоминать мне 'маталыгу' ##3

* * *

* * *

##1 К Ш М — командно-штабная машина.
##2 Б Т Р — бронетранспортер.
##3 М а т а л ы г а (сленг) — бронированный тягач МТ-ЛБ

* * *

За Вальдовой машиной шли коробочки 'артштурма', 'коломбин' и 'элик'.

Замыкала колонну бронетехники оставшаяся БРЭМ.

И на закуску к восторгу публики в небе профланировали четыре дирижабля.

Командовал парадом генерал кавалерии граф Бьеркфорт.

Принимал парад генерал-фельдмаршал граф Аршфорт.

Обеспечивал начальник генерального штаба инженер-генерал Штур.

С последним я столкнулся, когда тот обходил строй нашей техники, приготовлявшейся к торжественному маршу.

— Кобчик, — сграбастал меня этот большой человек в свои лапы и сдавил так, что у меня чуть ребра не треснули, — Я всю жизнь буду гордиться, что именно я дал тебе путевку в жизнь.

Отставил меня на вытянутые руки, полюбовался.

— Красавец, бронемастер, подполковник уже, — кивнул он на мои погоны рецкой гвардии. — А был-то всего фельдфебель без школьного аттестата. Зато теперь я слышал уже академик. Это так?

— Так, — согласился я. — Прогнулись имперские академики перед императором после того как я клан Тортфортов на ноль помножил. Побоялись, что следующие они будут, — схохмил я. — Вот и дали взятку.

— Ну, показывай свои бронеходы. Знаешь, что меня больше всего интересует?

— Знаю, экселенц, способность их ликвидировать полевые

заграждения.

Не успел я показать Штуру БРЭМ и 'артштурм' как наткнулись на Вальда, который распекал за что-то ротного.

— Знакомьтесь, — представил я их друг другу. — Это герой Кардского прорыва бронемастер генерал-майор Вальд, командир отдельной 'Железной' бригады, а это начальник имперского генерального штаба инженер-генерал Штур. Я под его началом служил в штабе ольмюцкой армии начальником чертежного бюро. В самом начале войны.

Вальд сразу стал деревянным в присутствии столь большого начальства. Моментально принял фрунтовую стойку и по всем правилам доложился о состоянии бригады. Настроение при этом у Штура несколько поувяло. Выслушав доклад, инженер-генерал подал Вальду руку, сказал 'хвалю' и отпустил его. Вальд моментом испарился.

А Штур оттащил меня за рукав в сторонку от скопления военных и полушепотом спросил.

— У тебя действительно в Реции такая большая стройка как об этом сплетничают?

— Есть такое, экселенц. Целый город строю.

— В случае чего найдешь мне там теплое местечко? По старой дружбе?

— Не понял? Вы сейчас просто на вершине карьеры, экселенц.

— То-то и оно, — генерал вынул портсигар и закурил толстую папиросу, чиркнув спичкой о подошву сапога. — Боюсь что мне нацепили малиновые лампасы только для того чтобы я разогнал эту богадельню называемою имперский генштаб. А потом выпрут в отставку 'с почетом', повесят большой орден и дадут хорошую пенсию. А я еще не старый. Ты, Савва, лучше меня знаешь, как так бывает. А я поспособствую, чтобы твои проекты по бронетехнике имели высший приоритет пока я у власти.

— То есть, экселенц, вы желаете заранее иметь запасной аэродром?

— В точку. Хорошо сказано.

— Что ж… хорошим инженерам, а тем более хорошим организаторам я в Калуге всегда рад. Тем более вам. Но…

— Говори прямо.

— Вы тогда окажетесь у меня в подчинении…

— Делов-то куча. Я всю жизнь всегда у кого-нибудь да в подчинении. Почему не у тебя? В отличие от некоторых, ты не самодур какой. По рукам?

— По рукам, — мы скрепили ладони пожатием. — Только бронетехникой теперь будет Вальд заведовать. Меня император на авиацию кинул. Чему я откровенно рад. Но сами броневики

клепает мой собственный завод.

— Вальд… Не глянулся он мне. Может он и хороший генерал, но не орел, — выдал начальник генштаба свое заключение. — Слишком чинопочитателен. Ладно. Время. Я побежал. А вы тут чтобы в полной готовности.

Штур сел в коляску, около которой его ожидали адъютант с ординарцем, и покатил к коробочкам кавалерии.

Не успело затихнуть клацанье подков по брусчатке от генеральской пролетки, как рядом материализовался Вальд.

— Савва, я всегда знал, что ты настоящий друг. Такой подвод дорого стоит. Как он как начальник?

— Сложный, но работать с ним можно, — ответил я. — По крайней мере, не самодур. И новшества хорошо воспринимает. Инженер все же.

* * *

Прошла техника на параде хорошо. Не сказать что как на Красной площади 'по ниточке', но годно. Не зря я мехводов гонял как сидоровых коз.

Стоящие на временной, задрапированной тканью патриотических цветов трибуне гости императора впечатлились. Особые восторги раздавал окружающим дипломатический корпус. Но даже те из наших, кто увидел бронеходы вживую только сегодня и делали вид, что для них эта картинка привычная, — понты дороже денег — вид имели ошарашенный.

Я уже не говорю о простой публике — та просто ревела от восторга лицезрения имперской мощи. Больше нас восторгов досталось только дирижаблям.

Потом был званый пир во дворце Старого города, на который из танковых войск пригласили только меня и Вальда.

Попав в этот дворец, я понял, почему Бисер так заботился о сохранности этих интерьеров. Если что и может их переплюнуть, то дворцы старого Петербурга — Аничков, Зимний, дворец Юсуповых… И то не каждый зал.

Обеденный зал был огромен. Столы стояли в три ряда. Не ожидал я, что у императора будет такая куча нахлебников. В Будвице при дворе у ольмюцкого короля все было устроено намного скромнее, хотя интерьеры выглядели не хуже.

Прежде чем приступили к еде, огласили указ об учреждении памятной медали 'за победу в Великой войне'. Для фронтовиков в серебре. Для остальных военнослужащих в светлой бронзе. Но награждена будет ею вся имперская армия и гвардии электоров,

потому что победу ковали не только на фронте, но и в тылу. Поэтому такая же медаль в бронзе будет выдана всем железнодорожникам и фабрикантам, работавшим на армию. Только вот рисунок на них будет другой. На одной паровоз, на другой коптящие трубы заводов. Отдельная медаль будет для врачей и сестер госпиталей и санитарных поездов, но ротные санинструкторы и полковые фельдшеры получат армейские медали.

— А вот за победу над гвардейским мятежом наград не будет, — завершил император свою речь. — Ибо я одинаково скорблю обо всех павших в нем моих подданных, и верных мне, и заблуждавшихся. Все они наши люди. Мое царствование началось с крови, которой я не желал. В том числе и моей крови. Надеюсь, что больше таких трагических событий в империи не будет. А теперь выпьем за единство империи и всех народов ее населяющих. Вместе мы непобедимы! История это уже подтвердила.

Я все хорошо слышал, так как сидел почти рядом с Бисером среди остальных членов ЧК.

Вальда посадили в самом конце правого стола, с генералами, но после придворных. Тут в рассадке за столами давно уже устоявшаяся иерархия. В зависимости от близости к трону, а не от заслуг перед империей.

Ремидий сидел по правую руку от императора на инвалидной коляске, которую наконец-то для него сделали. С алюминием ничего не получилось… Точнее получилось, но выглядело непрезентабельно. Мастера по своей инициативе смастерили коляску из ценных пород дерева с инкрустацией позолоченной бронзой. Сидение и спинка коляски кожаные, набитые прочесанным конским волосом, а на колеса поставили латунные обода для рук. Герцог довольно быстро научился ею управлять. И был очень доволен своей хоть и ограниченной, но мобильностью.

Я подумал, что в загородном дворце Втуца придется пандусы строить. Проблема… как их вписать в законченный интерьер? Кому эту работу поручить?

Потом были тосты инициированные Бисером. За Аршфорта, за Бьеркфорта, За Дзиньфорта, за… кучу чем-либо отличившихся генералов. Меня поднимали дважды — вместе в Вальдом, и вместе с Плотто и Тоном. Длинно тостовали… Даже за отсутствующего Вахрумку был тост.

После тоста за здравие императора, Бисер покинул зал.

В голове шумело от великолепного вина императорских подвалов. Смотрел я на эту толпу, роящуюся у подножия трона, ловящую краткий миг милости монарха и тем сильнее мне

хотелось домой, в горы. Потому как за этот краткий миг милости это стадо бизонов затопчет любого у себя на пути и не заметит.

— У тебя тут есть, где нормально переночевать в городе? — подкатил ко мне на коляске Ремидий.

От неожиданности я даже дернулся.

— У меня тут дом в столице. Устрою вас в лучшем виде. — заверил я сюзерена и названного отца.

Естественно. Отдам герцогу большую спальню, а сам с баронессой высплюсь на третьем этаже. Там кровать не такая широкая, но нам места хватит.

— Тогда поехали отсюда, я что-то устал. — заявил Ремидий тоном не терпящим возражений…

Я встал из-за стола, бросил салфетку на приборы и покатил коляску с герцогом к выходу.

Вслед за нами вышли из зала Аршфорт, Штур и Бьеркфорт.

— Савва, ты сегодня принимаешь? — спросил Штур.

— Если герцог позволит, — ответил я.

— Позволю, обязательно позволю, — отозвался Ремидий. — Надоело мне в госпитальной палате. Хоть нормально с людьми пообщаюсь. А где Молас?

— Как всегда с Бисером, — пожал плечами Аршфорт.

— Ваша светлость, — вкрадчиво напомнил Штур, — а если вам потребуется медицинская помощь?

— На этот случай у меня дома есть обученная сестра милосердия с санитарного поезда, — заверил всех я.

И все ждал, когда выйдет Плотто присоединиться к нашей компании.

Не вышел.

21

Итак, расклад среди победителей уже вырисовывается. Самостоятельными силами имперского политикума следует признать армию, разведку, придворную камарилью и крупных фабрикантов. И каждая из них самостоятельно замыкается на императора. Еще воздухоплаватели, как непосредственные подчиненные монарха, не входящие в сферу генштаба. Каждая со своими чаяниями и интересами и аппетитом на имперскую казну.

Интересно только к кому отнести ГАУ к фабрикантам или к армейцам?

Морской флот как всегда был выше политики. Традиция такая. Вероятно, оттого что служили они всегда далеко от столицы с ее вечными интригами. Как только моряки получили манифест о том что император после покушения остался жив, так срочно командующие флотами прислали телеграммы с выражением верноподданичества.

Я же тут сижу в раскоряку на трех стульях. И фабрикант, и армеец, и воздухоплаватель. Каждая из этих группировок может записывать меня в свой актив. И чем дольше я буду находиться в столице, тем меньше у меня пространства для маневра.

Пора домой…

Кроме аэропланов и бронетехники там есть чем заняться. В том числе и реформированием рецкой армии в пользу ее большей мобильности, огневой мощи и управляемости. С Ремидием мы это уже неоднократно оговаривали, когда я его посещал в госпитальной палате.

Планы наши были весьма реальны еще тем, что не нужно было выходить на генштаб. Дивизионной структуры у горных войск не было и до войны. Корпуса сразу делились на отдельные бригады. Да и был-то до войны всего один горный корпус.

Война наглядно показала, что в горах одновременно больше батальона в боях не участвует.

Полковое звено из боевого расписания нами убиралось, батальоны, эскадроны и артиллерийские батареи усиления становились отдельными частями. Батальоны к тому же получали свою артиллерию — минометы и малокалиберные 37-мм пушки на собачьей тяге. Что-что, а крупных волкодавов в горах хватало.

Сами полки оставались на бумаге как административное и территориально-тыловое обеспечение входящих в них батальонов. Это чтобы не дразнить гусей в столице нашим самоуправством ликвидацией полков как таковых. Должность полковых командиров также объединяли с должностью военного комиссара

территории отвечающего за пополнение батальонов, учебу резервистов, мобилизацию и демобилизацию.

От бригады оставался один штаб, а насыщение ее батальонами могло быть самым разным исходя из поставленных задач на конкретном театре военных действий. От двух до десяти.

Специфические войска типа крупнокалиберной, горной и самоходной артиллерии, бронепоездов, саперов-штурмовиков и горных егерей ведущих полевую разведку аккумулировали в герцогской гвардии. Они являлись также резервом главного командования на случай войны.

Самым низшим подразделением в горно-стрелковых войсках стало звено из пяти человек формируемое вокруг ручного пулемета или снайперской винтовки. Командовал звеном ефрейтор. Два звена составляли отделение под командой старшего или штаб-ефрейтора. Три отделения — взвод под командой унтер-офицера. Ефрейтора и унтера вооружены пистолетами-пулеметами, так как их дело не самим стрелять, а подразделением командовать. А в обороне четыре ППГ ##1 дадут взводу дополнительную плотность огня при отражении противника. В помощь трем ручным пулеметам. Все остальные стрелки вооружены 6,5-мм роторными винтовками Шпрока рецкого производства.

* * *

* * *

##1 П П Г (сокр.) — пистолет-пулемет системы….. изготовляющийся на заводе 'Гочкиз' во Втуце. калибр 6,5 или 11 мм.

* * *

В роте четыре взвода. Три линейных и взвод тяжелого оружия — два 6,5-мм станковых 'гочкиза', одна 37-мм траншейная пушечка и два 70 мм миномета. Плюс отделение разведки и хозяйственное отделение ротного фельдфебеля.

Всего офицеров в горно-стрелковой роте один ротный капитан и при нем два-три субалтерна.

Батальон основанная тактическая и хозяйственная единица. Отдельная часть со знаменем. Командует отдельным батальоном полковник. Начальник штаба — майор. Несколько офицеров при

штабе.

В батальоне три линейных роты.

Взвод тяжелого оружия — два 11-мм станковых пулемета 'гочкиз', два 6,5-мм станковых 'гочкиза', две 37-мм траншейных пушки.

Взвод пешей и отделение конной разведки.

Взвод управления и связи.

Батарея из четырех коротких горных трехдюймовых орудий.

Батарея из четырех 70-мм минометов.

Перевязочный пункт с фельдшером.

Обоз.

Всего в батальоне стало около 700 человек. Таким образом, трехчленная структура части хоть сделала горно-стрелковые батальоны мельче по численности личного состава, чем по старой четырехчленной, но одновременно усилила их огневую мощь. А что касается штатной численности то из одного старого батальона можно сформировать два новых.

Мне эта реформа давала послабление не сокращать резко производство пулеметов в первый послевоенный год. Самый трудный для перестройки промышленности на мирные рельсы.

И еще попутно меня посетила одна идея, для которой пришлось провести сложную интригу в генштабе, подключив к ней не только Ремидия, но и Штура с Аршфортом. Последнего как лицо заинтересованное, а начальника генштаба потому как я его за язык не тянул насчет помощи мне в НИОКР. Вместе мы должны были в восемь рук обыграть хитрованов из ГАУ и стоящих за ними фабрикантов, которых они давно доят.

Задача стояла нетривиальная. Под видом создания новой малокалиберной горной артиллерии выдать на гора нормальные противотанковые пушки. Как задел на будущее. Ибо пятая точка чует, что своя бронетехника у вероятных противников появится уже через год-два. Опять-таки всласть поэкспериментировать с танковыми пушками противотанковых калибров во вращающихся башнях.

Из того что есть на складах и от чего по опыту войны отказываются моряки — это стволы калибров 37, 47, 50 и 57 миллиметров. Противоминная артиллерия показала себя в морских сражениях паршиво, а рогатые якорные мины намного лучше расстреливались из 11-мм пулемета. С миноносцами же лучше всего боролись длинные скорострелки калибром 76,2 и 88 миллиметров с унитарным патроном снаряженным тротилом или экразитом.

Морской флот требовал от промышленности крупнокалиберных пулеметов от 11 до 20 миллиметров

калибром. Причем у адмиралов губа не дура — они требовали от имперских инженеров универсальное оружие, способное стрелять как в горизонт, так и в зенит.

Да легко…

'Пом-пом' как мне помниться просто перекормленный пулемет 'максим' калибра 37 миллиметров. Возьмем и перекормим 'гоч-лозе'.

В универсальном тумбовом станке также не вижу ничего особенного. А калибр 88-мм — это же знаменитый 'ахт-ахт' времен второй мировой войны. Так что не будем изобретать велосипеда. Одновременно в этом же калибре сваяем легкую горную гаубицу.

Но сами снятые с кораблей стволы — это мало. Мне нужны еще деньги, материалы и точные станки. Станки первым делом. Ибо их распределяют только на надобности производства артиллерии и артиллерийских приборов. А выбить все это можно только из ГАУ, которое давно в имперском генштабе из отдела превратилось в государство в государстве.

Впрочем, и управление второго квартирмейстера в генштабе ведет себя также, прикрываясь секретностью своей работы.

* * *

Я поправил клетчатый плед на культях Ремидия и покатил его коляску вглубь парка по хорошо расчищенным от снега боковым дорожкам. Наша охрана плелась в отдалении, за пределами той дистанции, когда бы они могли подслушать разговор. Так что говорить мы могли совершенно свободно. Нет в этом мире пока шпионской электроники, и долго еще не будет.

— Ну и зачем нам такой геморрой? Скажи на милость, — Ремидий был очень серьезен. — Война кончилась, Савва. Все что надо нам поставят и так, только плати золотом. В мирное время много патронов на учебу егеря и не особо то и тратят. Наши горцы приходят в армию уже с хорошим умением стрелять. Охотники же…

Это я уговаривал герцога поставить в Калуге полноценный патронный завод. Мы приехали в охотничий замок императора забирать вещи герцога — он окончательно переезжал жить ко мне в город, в дом баронессы, которая взяла на себя труд по выхаживанию герцогских культей, которые очень трудно заживали. Возраст сказывался. Ну и под это дело удалось мне кое-какие казенные деньги за постой дать ей официально.

— Во-первых, отец, военная независимость нашей армии.

Мало ли что случится?… — представлял я свои аргументы. — Представь себе еще один переворот в империи. На этот раз удачный. Нас отрезают от Ольмюца. Легко! Прекращают поставки из коренной империи. Патроны и снаряды на складах не бесконечны. После чего нам можно диктовать любые условия. Это Отоний ратовал за равномерное экономическое развитие всей империи, а вот как поведет себя завтра Бисер с новой своей кочки трудно предугадать. Но с промышленностью Будвица он сросся давно и надежно. А с нами?… Что нам тогда остается? Заказывать патроны в Винетии и Швице и таскать их контрабандными тропами? Так железные дороги туда еще только в зародыше. Только-только Вахрумка рельсы подтянул к нашим нефтяным вышкам.

— Вот именно, Савва, за керосин они нам, что хочешь, поставят, — буркнул герцог. — Учитывай это.

— Керосин могут поставить и из колоний Соленых островов. Их купцы с большим удовольствием вломятся в имперский рынок. И не только нефтяной, но и продовольственный. А также паровозный.

— Это обойдется империи дороже, — констатировал герцог.

— Возможно. Но не сразу. На первое время, пока нас не задушили, они будут продавать керосин даже себе в убыток, пока нас не разорят. Прошли те времена, когда реции были непобедимы только с одной алебардой в руках и куском овечьего сыра в котомке. В наше время рулят пулеметы и минометы, бронеходы и самолеты. А паче того деньги и логистика ресурсов. И мы недолго будем впереди планеты всей, если станем почить на лаврах.

— Где брать рабочих? — спросил недовольным голосом Ремидий. — Опять тащить со всех концов по внешнему набору? Так мы скоро превратимся в собственной стране в национальное меньшинство. Не думал об этом? Мне и так уже постоянно шлют челобитные с просьбой оставить пленных в имениях. Этих ладно, переварим. А вот в городах?

— Есть два пути для преодоления такого тупика. Готовить своих специалистов или максимально механизировать производство, — настаивал я. — Тем более что нам либо придется резко сокращать производство пулеметов и прочей военной техники — война-то кончилась, либо гнать их на экспорт. А кто будет их покупать без патронов? Можно конечно делать пулеметы и в калибрах заказчика, это не так сложно как не выгодно, потому как более затратно. Выгоднее переводить всех на свои калибры.

— Порох все равно придется закупать, — хитро взглянул на

меня герцог, проверяя мое знание предмета.

— Не придется. У нас для этого есть великий химик Помахас. Я ему дом в Калуге подарил, что для себя строил. К свадьбе. Он на рецкой баронессе теперь женат. Вдовушке. А откроем Политехнический институт… и он полностью наш, с потрохами. Я ему уже пост декана Химического факультета пообещал. И в каждом производстве, которое поставили в Реции с его участием, у него есть пай. Куда он теперь денется от семьи, а тем более от таких денег. Но главное от свободы творчества и почета, которого ему так не хватало в Будвице. А здесь он советник по науке самого герцогского наместника. Считайте, ваша светлость, что пороховой завод у нас уже есть. Но…не мешало бы нам отметить Помахаса каким-нибудь орденом за заслуги перед отечеством. Нашим отечеством. Тем более что по-рецки он уже говорит уже лучше, чем на имперском, — усмехнулся я.

— Нет у нас таких орденов, — буркнул Ремидий. — Все наши ордена только для дворян.

— И? — удивился я. — Кто у нас тут герцог? Старые ордена были учреждены маркграфами, а от герцога Реции никаких почетных наград пока нет.

— Ты так думаешь?

— Уверен.

— Обязательно орден? — не нравилась Ремидию эта идея.

— Можно герцогскую премию. С особой медалью. Но это обойдется дороже по деньгам. Премия должна быть солидной, чтобы к ней стремились. И давать ее, к примеру, только раз в год. Но обязательно за научные или производственные достижения, совершенные на территории Реции.

— Ты, Кобчик, никак сам такую премию захотел? Поиздержался что ли? — захохотал Ремидий. — За что ее тебе дать? За 'рецкий бальзам' или за таблицу элементов?

— По мне так лучше получить патронный завод.

— И как мы это будем объяснять в ГАУ?

— Никак. Официально мы будем производить охотничьи боеприпасы. Есть же во Втуце производство охотничьих карабинов на базе винтовки Шпрока? Для нее, скажем так, не нужны военные патроны, — я задорно подмигнул, склонившись к названному отцу. — А то, что мы будем гнать на экспорт, ГАУ не волнует.

— Кати меня дальше, Я подумаю, — Ремидий откинулся на спинку кресла. — Скажи прямо, что задумал?

— А не отнимешь? Как йод.

— Какой ты злопамятный, Савва.

— Я не злопамятный, отец. Просто злой и память у меня

хорошая, — ответил я старой земной шуткой.

— Выкладывай, кого раздевать будем?

— Винетию.

— Винетию? — удивился герцог. — Почему не Республику?

— Именно Винетию. В Республике сейчас много чем можно поживиться, но слишком дорого обойдется вывоз и охрана добычи. Не стоит овчинка выделки. Понимаешь, отец, в Винетском герцогстве масса одаренных инженеров. И к войне они готовились серьезно. Поставили два патронных завода с роторными станками, работающими на совершенно новых принципах. Рабочих требуется намного меньше, а производительность вдвое выше. На пике производительности патроны можно выдавать миллионами штук. А учитывая то, что мы одни кто может выделывать патроны со стальной гильзой… Помахас постарался и создал-таки нудный мне лак.

— Так вот нам эти заводы они и отдали, — скепсис герцога был непробиваемый. — Я бы точно не отдал. Пусть зарастают паутиной до следующей войны. Мобилизационный ресурс склад не протирает.

— Именно так я поступлю с линией по производству ручных гранат. Законсервирую. А на его месте керогазы буду выпускать. Но вернемся к Винетии, отец. Государственный завод нам никто там не отдаст, а на него и не заглядываюсь. А вот частный… что строили в надежде на прибыли от войны и который уже второй год терпит одни убытки… — похлопал я ресницами как заправская кокетка и улыбнулся.

Герцог также понимающе осклабился.

— Подготовились винетцы к войне хорошо, — продолжил я, — только вот подвела их собственная армия. Не умеет еще воевать… Мало каши ели. Но, то не вина их инженеров и конструкторов. Они-то у них чудо как хороши.

— Что тебе надо от меня? — спросил герцог устав играть в намеки. — Конкретно. Ты же не просто так завел этот разговор?

— Начать переговоры с винетским послом графом Моска. Он тут видимо уже опух от безделья. Тебя, конечно, он будет склонять просто к покупкам готовых патронов. Но ты не соглашайся. Пообещай ему поставки пулеметов… — глядя в непонимающие глаза герцога, пояснил, — после подписания всеобщего мира. Мы им втюхаем старые модели 'гокизов' с кассетами. А сами перейдем на ленточное питание.

— Они будут просить ручники, — пожевал губами Ремидий. — Бисер будет этим недоволен.

— Дадим и ручники. Старой модели те, что по пятнадцать килограмм весят. Только стволы новые поставим и заново

завороним. Новую модель на втуцком 'Точкизе' довели до веса в десять килограмм без потерь боевых качеств. Так что в наши горные части пойдут новые облегченные на треть машинки, а из войск списанные мы им и продадим. Недорого. Торгуйся, отец, активнее — им деваться некуда, а у Моска, как я выяснил, в том заводе есть пай, — я озорно подмигнул правым глазом.

— Что еще мы можем вымутить из Винетии? — заинтересовался герцог.

— Медь. Цинк. Кристаллическая сера. Полировочные пасты. Обещай им поставки керосина, а то пролив в океан из Мидетеррании империя перекрыла для вражеских кораблей из колоний. После того как построим железную дорогу в Риест начнем поставки.

— Хочешь окончательно свести в моей стране светлый дуб?

— Нет. Ставим уже новый прокатный стан в Калуге. Плоский. Броню катать. Но можно на нем выделать и до миллиметра толщиной стальной лист. Вот из этого листа и будем делать керосиновые бочки. В отличие от дубовых эта тара оборотная. А по железной дороге можно будет гонять и цистерны на колесах. Десять, двадцать, тридцать тонн зараз в одном вагоне. По морю пустить керосиновый танкер. Вот железнодорожные цистерны и будут ходить по кругу от керосиновых заводов до порта и обратно. Гоняешь же ты в Будвиц керосиновые цистерны по железке. А можно и сырую нефть так гнать, нам отходов будет меньше… Все равно они только нашими поставками не ограничатся в мирное время. Но привязать соседей к нам экономически стоит попробовать. Как воевать с нами лишний раз подумают на будущее.

— Когда еще Вахрумка эту дорогу построит. Там тоннелей как я посмотрел по проекту не меньше десятка, — снова герцог включил скептическое брюзжание.

— Когда бы он ее не построил, но готовиться нам нужно уже сейчас чем ее заполнять. Кстати, а почему его на коронации молочного брата не было?

— Не знаю, — ответил герцог. — А лезть с такими вопросами к императору я посчитал не тактичным. Все, Савва. Вези меня обратно. Озяб я.

* * *

Дома не оказалось баронессы. Испуганные слуги сбиваясь и путаясь в поазаниях рассказали как пришли какие-то военные, показали бумаги из контрразведки, арестовали баронессу 'за

участие в заговоре против императора' и куда-то увезли на черной карете с зашторенными окнами. Куда везут, не сказали.

Караульный пост особняка в тот день была из вальдовых бронеходов нового набора и против суровых бумаг не возразила.

— Где мальчик? — только и спросил я, стараясь, чтобы на слуг не вылилось мое раздражение. Все же именно они тут ни в чем не виноваты.

— Дома. У себя в детской, — успокоила меня нянька юного барона. — Но он очень расстроен.

— Приведите его сюда. Герцог хочет с ним познакомиться, — отдал я распоряжение.

Ремидий поднял на меня вопрошающие глаза. Я просто кивнул ему с намеком. Герцог пожал плечами но ничего не сказал.

Привели зареванного пацанёнка. Представили герцогу.

Пока старый и малый говорили друг другу ритуальные фразы, я провел блиц-дознание и выяснил, что его просто грубо оторвали от матери, когда он, вцепившись в ее ногу, не хотел отпускать мать из дома с 'контриками'.

— Это и есть твой сын? Совсем не похож, — констатировал герцог, которому мальчишка понравился.

— Можете сравнить наши родинки за левым ухом, — пожал я плечами.

— Иди ко мне, дитя, — протянул герцог руки к мальчику.

И когда тот подошел, взъерошил ему волосы на голове. Потом Ремидий и мне попортил прическу, заставив меня наклониться. Таки не поленился герцог. Сравнил.

— Странно, Савва… твой рецкий сын белобрысый, а твой имперский сын черняв как ворон, — пожевал Ремидий усами.

— В матерей пошли, — ответил я. — Ваша светлость, я могу передать юного барона Тортфорта официально под вашу опёку?

— Такой маленький, а уже Тортфорт, — усмехнулся герцог. — Номинальный его отец, как ты говорил в плену?

— Так точно.

— Тогда мне ничего не остается, как действительно взять под опёку этого сиротку, который как я помню к тому же мой прямой вассал. Это моя обязанность как сюзерена.

* * *

Не ломай дрова…

Не ломай дрова…

Легко тебе, герцог, так меня напутствовать. Не помню уже,

кто сказал, что история повторяется дважды, первый раз как трагедия, второй раз как фарс. Но тут вполне может быть наоборот. Причем тут баронесса и мятеж? Тут под меня любимого копают из-под баронессы

— … а сопротивление законной власти знаешь, как нынче карается? — закончил я короткую требовательную речь у ворот столичной контрразведки.

— Знаю, ваша милость, но не велено мне кого-либо сюда пускать. Я подчинюсь приказам, — виновато бухтел кирасир-привратник в маленькое окошечко в воротной калитке. — Сами устав знаете.

— Тогда обойди, братец, в сторонку и ляжь на землю, чтобы тебя не зацепило ненароком. Понимаю, что служба, но командую сейчас здесь я а не твои офицеры-изменники.

По взмаху моей руки V-образный отвал 'артштурма' играючи распахнул внутрь двора деревянные створки ворот с первого же тычка. Что хотите? Дюжина тонн на острие треугольника!

В распахнутые ворота ворвались штурмовики с автоматами наперевес.

Что-то входит уже в дурную традицию у меня штурмовать с рецкими горцами имперскую контрразведку. Ежегодно. Как празднование Хэллоуина. Только на этот раз нет у меня тайной отмашки с самого верху, а только императорский рескрипт в планшетке, дающий мне чрезвычайные полномочия 'на время подавления мятежа'. Ну а коли в городе народ еще арестовывают за 'участие в мятеже' то знать мятеж еще не кончился. Слабая отмазка, но другой у меня нет.

Что на это раз? Зрада или перемога?

Может меня специально на такую реакцию и вызывали? Если это так, то держись…. кто бы ты ни был.

Течет у баронессы в дому, ох как течет. Пятой точкой чую. Найду крота, порву как Тузик грелку.

В этот наскок я специально отобрал только тех егерей, с которыми штурмовал когда-то контрразведку в Будвице. Просто потому, что они уже сами знают, что им делать и как на данном задании. Долго инструктировать их не нужно. Знакомую работу всегда делать легче и быстрей, чем в первый раз.

Охрану из кирасир споро разоружили и заперли. 'Контриков' тоже, только по отдельности чтобы сговориться не смогли. Мне их еще допрашивать.

Сам расселся в кабинете и приказал принести дела, заведенные на заключенных. Мать моя женщина… В большинстве своем бабы тут по камерам сидят. Сплошняком аристократки с фамилиями на '-форт'. Однако моей баронессы в этих бумагах не

было. Хотя фамилия Тортфорт встречалась, но… графиня, вице-графиня… Даже какая-то родственница расстрелянного нами в Будвице за дезертирство бургграфа Леппе-Тортфорта, но баронессы ни одной.

Привели ко мне младшего 'контрика'. Младшего я вызвал, потому что как разобрался уже в имперских порядках, где все бумаги сваливают на молодого. Начальство само пальцы в чернилах пачкать не любит вот и занимается дедовщиной.

— Где баронесса Илгэ Тортфорт? — спросил я.

— Разве всех тут упомнишь, господин полковник? — пожал плечами лейтенант.

— Командор, — поправил я его. — Командор воздушного флота барон Бадонверт. Чрезвычайный императорский комиссар.

Пришлось показать миниатюрный портрет, взятый мной из ее дома.

— Вроде видел, но точнее не скажу, — положил лейтенант портер на столешницу. — Из этих лиц за последние дни у меня в глазах просто калейдоскоп.

В зубы дать ему, что ли, для просветления памяти? Но пришло идея продуктивнее.

— Кто ездил сегодня на аресты в черной карете?

— Старший фельдфебель административной службы Ленжерфорт.

Фельдфебель портрет опознал. И даже показал укладку, где подшит на нее исполненный арестный лист со всеми 'сдал-принял'. И журнал дневального принес, где отмечено было время привода баронессы в контрразведку и время ее отбытия из нее. Надо же какие аккуратные бюрократы эти фельдфебели. Все у них тут под роспись и подпись.

— Куда она отбыла? Ее отпустили?

— Никак нет, господин командор, отметки об отпуске в журнале нет, — развел руками фельдфебель из аристократов.

— Так куда она делась?

— Ее переместили. Перевели в другое место.

— Куда!?

— Не могу знать. Это выше пределов моей компетенции.

— Кто знает? Кто отправлял? — повернулся к младшему 'контрику' и обличительно ткнул в него указательным пальцем. — Лейтенант, если не выложите сейчас же все как на духу, то через пять минут я вас лично расстреляю у ближайшей стенки без суда и следствия. Вам понятно? Мне не впервой стрелять Тортфортов и прочих изменников. У меня слова никогда не расходятся с делом. Пять минут. Время пошло.

— Ее, скорее всего, увезли в замок Ройн. По крайней мере,

раньше именно туда их отсюда увозили. — торопливо ответил контрразведчик.

— Где это?

— Цебс. Столичный округ. Недалеко. Сорок километров по шоссе на север, — доложил лейтенант. — Можно и на железной дороге добраться. Станция также называется Ройн.

Ройн? Где-то я уже слышал это название, а вот где не припомню. Ладно… Проснемся — разберемся. Сейчас надо ковать, пока горячо.

— Зачем вы арестовываете женщин?

— Что-то связанное с собственностью мятежных фамилий. Точнее я не знаю.

— От кого получаете такие приказы? Проскрипционные списки вам спускают сверху или вы уже сами на месте определяете, кого тащить в кутузку?

— Я получаю приказы от своего непосредственного начальника ротмистра Гаукфорта. От кого он их получает я не в курсе. Он со мной подобной информацией не делился.

— Откуда вы прибыли в столицу. Вас же здесь не было во время мятежа? Столичные офицеры контрразведки были арестованы при мне.

— Так точно не было. Меня вызвали из Гоблинца, а ротмистра из Тортуса заменить замаранных в мятеже офицеров имперской контрразведки.

— Кто отдал вам такой приказ?

— Приказ, точнее копия приказа, поступила к нам в управление из Дворца с фельдкурьером. Из собственной его императорского величества канцелярии, без подписи. Штамп 'с подлинным верно', печать подлинная красной мастики и припись к ним от дворцового делопроизводителя. Вот меня и командировали на усиление.

Тут дверь распахнулась, и на пороге возник Молас. Как писали в старых пьесах 'те же и он'.

— Савва… Я так и понял, что без тебя тут не обошлось, — констатировал генерал-адъютант императора деловым тоном. — Кто еще может броневиками ворота вышибать? Что случилось на этот раз?

— Да вот эти чудики похитили личную сестру милосердия моего герцога только на том основании, что у нее фамилия Тортфорт.

— Хозяйка дома, где вы квартируете? — уточнил генерал.

— Именно так, ваше превосходительство.

Молас взял стул от стены, подтащил его к столу, за которым я восседал. Сел, закинул ногу на ногу и попытался 'прочитать в

сердце' у лейтенанта.

Мда…

Умеет.

Даже со стороны стало заметно, как у лейтенанта душа ушла в пятки. Куда там моей реальной угрозе расстрелом. По сравнению с Саемом я еще мало каши ел. Первый раз я видел сына 'волкодава СМЕРШа' в этом качестве. Ну… прямо железный Феликс. из кино. Даже спрашивать не пришлось. Все что знал лейтенант, он четко по-военному доложил без запинки.

— Теперь многое стало понятно, — задумчиво проговорил Молас. И резко изменив тон, приказал. — Теперь все брысь отсюда.

Но когда я встал из-за стола, генерал задержал меня рукой.

— А ты, Савва, останься.

22

Гусеницы лязгали, взвихряя глубокий снег на неубранной дороге. За бронеходами на чалках тянули по двое саней наскоро соединенных бортами. На санях кутаясь от рукотворной метели, полулежали мои штурмовики и 'волкодавы' Моласа. Где-то около роты в общем составе. Все с автоматами разных конструкций. Еще три снайперских пары и саперное отделение.

Аэросани по второму разу объезжали по полю вдоль дороги всю растянувшуюся из-за саней колонну. По той же причине скорость колонны не превышала двенадцати километров в час. Но все равно высланные заранее вперед драгунские разъезды передового охранения мы довольно быстро догнали и они уже шли фланговых охранением.

В аэросанях только я с Моласом и наши денщики. Пилот и бортмеханик, он же башенный пулеметчик. Больше никого в эту относительно тесную кабину не впихнуть. Всех достоинств этой гондолы сплошное остекление, качественная заделка щелей и печка, отводящая горячий воздух от мотора. Сидения еще человеческие, можно сказать даже кресла, широкие и просторные. ВИП-салон, однозначно.

Мелькали по обочинам фольварки, кузни, постоялые дворы.

Шарахались от нас в стороны редкие встречные экипажи и сани, тут же попадавшие в цепкие руки 'птенцов гнезда Моласова' которые были приданы драгунским разъездам в качестве силы руководящей и направляющей.

Третий час уже длится этот снежный марафон.

Одно радует — никто нас обогнать по дороге не сможет. Скорости не те. Любые сани, вырвавшиеся вперед с вестью о нашем выходе из столицы, или верхового какого, драгуны давно бы уже догнали. А на железной дороге Молас любое движение остановил собственным приказом из-за 'угрозы подрыва полотна мятежниками'.

Да и на аэросанях, очень быстрых как оказалось, мы сами пару раз вырывались на десяток-полтора километров вперед с теми же целями. И убедились, ну… убедили себя, что никто не вырвался вперед предупредить о нашем налете.

А я все никак не мог вспомнить, откуда я знаю название этого замка мятежников — Ройн? И никак не мог вспомнить.

Говорить в кабине невозможно из-за шума двигателя и вибрации. Но главное было сказано еще в столице. С глазу на глаз. Хорошо так поговорили как его превосходительство с его превосходительством. Пальцы не гнули. Обиженку друг на друга

не грызли.

— Если бы ты не поторопился расстрелять всех Тортфортов, Савва, то я бы уже знал про этот замок. А так… и для меня это неожиданность, как и приказы из Дворца, о которых нет никаких следов в императорской канцелярии, — генерал вынул трубку и сал набивать ее табаком из замшевого кисета. — Уж эту кухню мы перетрясли первой. Но круг подозреваемых значительно сузился… Не так много в императорской канцелярии людей имеющих доступ к красной печати.

Молас взял трубку в зубы и, не зажигая ее, несколько раз втянул через нее в себя воздух. Курить хочет, но знает, что я этого не люблю вот и сдерживается.

— Кури, Саем, — разрешил я. — У тебя вроде как табак душистый. Только скажи, кто тебе стукнул, что я тут?

— Можно подумать, Савва, что ты сюда через дымоход камина пробрался, — хохотнул генерал-адъютант императора. — Полгорода видело, как твой бронеход здесь ворота ломал. А город, заметь, очень хорошо телефонизирован. Но ты мне лучше другое скажи: за каким хреном им потребовалось баб арестовывать?

— Так это не твои проделки? — поднял я правую бровь.

— Ни сном, ни духом как говорил мой отец, — ответил он, доставая спички.

— Тогда у меня всего одна версия. Кто-то, пользуясь тем, что я вывел в расход Тортфортов, отжимает у вдов их собственность, пользуясь революционным моментом. Только причем тут моя квартирная хозяйка? Ее-то муж в плену и если даже участвовал в заговоре, то в мятеже точно участия не принимал.

— А может хвосты подчищают? Чтобы концы в воду с гарантией?

— Может. Но это уже по твоей части. У меня в столице агентуры нет. А заговор именно ты проморгал.

— Знаешь, что я тебе скажу. Если заранее нет внедренного в руководство заговора агента. Именно в руководство, заметь. То заговор до той поры не виден, пока он не свершится. А потом уже поздно кому-то что-то доказывать потому, как императора уже убили. Поди, теперь узнай — коварных ли заговорщиков постреляли из пулемета у вокзальной стенки, то ли невинных истратили зря. Хотя есть способы теоретически прикинуть к носу — было он или не был и кому был выгоден. И по уровню подозрений до того как этот взрыв случился в охотничьем дворце у Тортфортов был номер шестой по подозрениям. Наше счастье, что Бисер остался жив, а то я за твою и свою жизнь ломаного кройцера бы не дал.

— А все-таки?

— Меня интересуют конкретные персоналии и фигуранты. И меньше всего интересуют группы подозреваемых. Могли, не могли… уже не понять… — генерал наконец-то решился и, чиркнув спичкой о столешницу, стал раскуривать свою трубку.

— Они у тебя прям как девицы наутро после приватного бала с обильной выпивкой, — засмеялся я.

Молас на меня вопросительно посмотрел.

А я разхулиганившись напел

— 'Дала, не дала?… Никак не понять… Брала, не брала… Млять или не млядь?'

* * *

* * *

##1 'Водка отдыха не портит'. Панк-группа 'Ленинград'.

* * *

Молас залихватски заржал а, отсмеявшись, вполне серьезно сказал.

— Торопыга ты, Савва. Не поспешил бы ты с расстрелом Тортфортов, я сейчас бы точно знал, причастны они к взрыву во дворце или только воспользовались случаем.

— Зато теперь, Саем, ты мной людей пугаешь как деток, которые не хотят вовремя ложиться спать, — хохотнул я невесело.

— Откуда знаешь? — ткнул он в мою сторону мундштуком трубки.

— Догадываюсь. Я бы сам так поступал на твоем месте. Игра в доброго и злого полицейского дает намного лучший результат, чем примитивные средневековые пытки, основанные на боли, — вот так вот. Я детективов на видаке насмотрелся, а ты нет, злорадно подумал я. — Так что я на тебя не в обиде. Зато все на континенте знают, что моему слову нужно верить сразу и не испытывать судьбу.

— Тортфорты всего лишь исполнители, Савва, — протянул Молас. — А вот кто-то действительно умный сейчас руки потирает от удовольствия, что мы ниточку к нему потеряли от Тортфортов. Эти тайные общества еще…

— А что с тайными обществами не так?

— Все не так. Тортфорты и другие гвардейцы, поднявшие

мятеж имели в их иерархии очень небольшой градус. Фактически подчиненный. А высшее руководство таким обществом сидит на островах. Доигрались аристократы в средневековые ритуалы и обряды.

— Я вижу только один выход. Все участники тайных обществ должны добровольно уйти в отставку с придворной, гражданской и военной службы.

— И куда их деть прикажешь?

— Да в имения сослать пожизненно. Легче будет приглядеть, кто к кому курьеров шлет.

— А если они не выполнят такой указ императора? Проигнорируют. Ты сам офицер Савва и прекрасно понимаешь, что приказ, который не выполнят отдавать ни в коем случае нельзя.

— Тогда по закону военного времени, — резанул я ребром ладони по горлу. — А тайные общества публично признать работающими на врага и запретить их деятельность на территории империи. Объявить вне закона.

— Что ж под этим соусом можно будет провести самое сложное — чистку придворного штата, — задумался генерал, выпуская клубы ароматного дыма из трубки. — Я поговорю с Бисером. Заодно эту опереточную имперскую контрразведку как ты говоришь пора 'унасекомить'. Только вот беда, людей верных и проверенных у меня на все направления не хватает.

— Я занят авиацией, — торопливо заметил я, а то, чем черт не шутит, кинут меня этой имперской контрразведкой руководить. Оно мне надо? — Кинь туда своих шпионов — школяров.

— Каких школяров?

— Да тех, к примеру, что на станции телефонной сидели и жаловались, что их морды засвечены и для закордонной нелегальной работы они уже не годятся.

— Агентурная разведка силами нелегалов и работа контрразведчика это разные вещи, Савва.

— Ой, Саем, я тебя умоляю. Одна и та же поросль кустов по разные стороны железнодорожного полотна. Думаю, что твои 'птенчики' будут намного эффективнее случайных аристократов.

— Я подумаю. А пока собирай всех своих головорезов, поедем твою милую выручать. Чую там без силовой операции не обойдется.

Аэросани остановились. Я оторвался от внутреннего анализа нашего разговора в контрразведке и вышел на свежий воздух вслед за Моласом, который вынимал из кармана кисет. Все же в салоне сильно пованивало нефтепродуктами. Хреновая изоляция

моторного отделения…

— Саем? — позвал я глядя, как головная машина колонны приближается к нам по дороге.

— Что тебе? — переспросил генерал, прикуривая уже от третьей спички, ветер порывистый все их гасил.

— Я никак не могу вспомнить, где я слышал про этот замок… Роен?

— Ройн, — поправил меня генерал. — А если голову включить?

Наконец-то ему удалось раскочегарить свой курительный прибор.

Молас выпустил три затяжки в морозный воздух, убедился, что табак в трубке равномерно тлеет и задал очередную загадку.

— Кто у нас барон Ройнверт?

— Не помню.

— Он еще откликается на фамилию Гоч — дал генерал подсказку.

— Не верю, — вырвалось у меня непроизвольно. Этому рыку позавидовал бы сам купец Алексеев, больше известный как Станиславский.

— Верить или не верить, Савва, это из области мистики, — лицо генерала окуталось дымом как пушечная батарея после залпа. — Я всегда оперирую только фактами и версиями. Я вот в ушедших и пришедших богов не верю. Это все равно, что считать себя самого полубогом. Пока на руках мы имеем только тот факт, что инсургенты используют замок Гоча в своих целях. Это факт. Один факт. А одного факта всегда мало, чтобы выстроить рабочую версию. На месте разберемся, — Молас стал вытряхивать свою трубку, стуча ей об каблук. — Может совсем и не при делах тут наш компаньон. Он же из Будвица не вызалает и ничем кроме своих железок не интересуется.

Войсковая колонна уже пролязгала мимо нас и мы снова залезли в аэросани ее догонять.

* * *

Унтер-офицер штурмовиков вошел в кабинет, аккуратно закрыв за собой резную дверь, снял пояс с кинжалом и повесил себе его на шею. Встал на одно колено и, склонив голову, повинным голосом сказал.

— Нет мне прощения, вождь. Я случайно убил твою женщину. Вручаю свою жизнь в твои руки.

Я отвлекся от бумаг, поднял на него глаза.

— Веди меня к ней.

Илгэ лежала на большом обеденном столе вся перебинтованная поверх платья. Она была еще в сознании и стонала от боли.

Фельдшер отошел к окну, пропуская меня к ней.

Я обошел так и не убранный труп гвардейского кирасира в луже крови и схватил руку женщины в свою ладонь.

Красивое ее лицо исказила гримаса, и она сказала деревянным голосом.

— Я знала… Я знала что все так кончиться… Но я ни о чем не жалею, мой герой… Ты все же пришел меня спасти, — попробовала она улыбнуться. — Молчи. Не трать драгоценного времени. В моей комнате на третьем этаже малахитовая шкатулка на комоде… ты теперь опекун моего сына. Вырасти его достойным человеком, не Тортофортом. Но пусть он носит эту фамилию.

— Обещаю, — сказал я.

— Молчи, — приказала баронесса. — В винном подвале третья от двери слева бочка. Она двойная. В отделении у стены найдешь архив тайного общества, в которое входил мой муж. Ты найдешь, как с пользой употребить эти бумаги… Прощай, мой герой. Я любила тебя… С первого взгляда в санитарном поезде.

Женщина закрыла глаза. Вздохнула со стоном. Потом резко распахнула ресницы во всю ширь и сказала с резкой злобой.

— Убей моего мужа. Отомсти за меня.

Тело баронессы дернулось, из угла губ потекла тонкая струйка ярко алой крови и глаза ее — прекрасные карие глаза — остекленели, слегка прикрывшись пушистыми ресницами.

Фельдшер подошел неслышно, приложил два пальца к ее шее и тихо сказал, закрывая ей глаза своими грубыми пальцами.

— Отпустите ее руку, командир, а то она так и закостенеет. Отошла… Теперь она на пути ушедших богов.

— Как это случилось? — спросил я унтера, с трудом заставив себя отцепиться от ее ладони.

— Мы дверь открыли, а этот, — пнул он сапогом труп кирасира, — стал стрелять из револьвера. Я как положено по инструкции кинул гранату. Ну и…

— Не вижу я твоей вины, — торопливо сказал я ему, а то он снова начнет себя душить своим же ремнем. — Уберите отсюда это стерво, — кивнул я на труп кирасира, — и оставьте меня тут одного ненадолго.

Пошло оно все верхним концом вниз. Я горевать буду. Взяли мы этот замок Ройн просто на шарап. Даже бронетехника оказалась лишней. Достаточно было нашим драгунам помахать

перед носом старшего караульного в воротах кирасирского портупей-юнкера пакетом, опечатанным пятью печатями столичной контрразведки и властным голосом приказать позвать 'главного'. А там и ворота отчего-то вдруг оказались в наших руках, как и прибежавший разбираться с гостями 'главный'. Кирасиры отчего-то враз без оружия и связанные в караулке.

Дальше все пошло как на полигоне. Четко. Слаженно. И практически без потерь.

Мне просто не повезло, что баронессу допрашивал борзый такой баннерет. И четкая инструкция по зачисткам зданий и сооружений. Сам ее такую писал, чтобы в рядах штурмовиков стало меньше потерь.

Замок Ройн в плане был почти пятиугольник. Каждое прясло длиной примерно семьдесят метров и в высоту восемь. Стены монументальные. На углах толстые круглые башни. Даже проездная башня располагалась в одном из углов крепости, но была двойной. Снаружи стен никаких призамковых поселений. Внутри квадратный донжон с площадкой на крыше и голубятней, три жилых двухэтажных корпуса с маленькими окошечками, образующих внутренний двор и различные службы — конюшня, сеновал, кладовые, каретный сарай… эти во внешнем дворе. Все строения капитальные из дикого камня под позеленевшей медной кровлей. Лишь крыши башен и крытая галерея по стенам из дерева.

Все решал первый сбросок и порыв, иначе забаррикадировавшихся в таких капитальных домах мятежников будет практически не выкурить даже с артиллерией.

На наше счастье нас тут не ждали и службу войск, как то из устава следует, не несли.

Женщин тут содержали хоть и в тюремном режиме, но относительно комфортабельном.

В первом же корпусе обнаружилась длинная комната — возможно бывшая трапезная, плотно заставленная стеллажами с папками и укладками.

Пожилого канцеляриста в гражданском мундире, который этим архивом заведовал 'волкодав Моласа' заскочив сюда, сразу заколол штыком, чем вызвал у меня крайнее раздражение. Я уже понимал, что такие вот 'муравьи' в основании бюрократической пирамиды знают намного больше своих 'благородных' начальников.

Вошел Молас, сразу отправил своего подчиненного дальше с наказом 'брать только живьем', а мне приказал.

— Савва, разберись тут с бумагами в первом приближении.

— А?…

— Найдем твою милую и без тебя. А то ты в запале можешь и сам дел натворить и погибнуть по глупости, — припечатал генерал. — Помни о главном.

Оставил мне Ягра в помощь и поставил пост с наружи дверей пост из своих ребят. Предварительно они вынесли наружу труп канцеляриста.

Как я и ожидал, большинство бумаг было дарственными и купчими. С ландкартами и описаниями городской и сельской недвижимости. Даже представить себе было трудно с каким широким размахом готовился это рейдерских захват феодальной собственности в центральных районах империи.

Показалось даже, что создателей этой преступной схемы устраивал любой исход гвардейского мятежа. Впервые я четко подумал, что возможно, к взрыву в охотничьем замке гвардия никакого отношения и не имеет. Что Тортфорты тут такой же памперс как я. Даже закралась в голову шальная мысль, что расстрел мною мятежных Тортфортов тоже был просчитан заранее неведомыми кукловодами. И на этом умозаключении я успокоился — никто не будет здесь этих женщин убивать. И раздевать до белья не будут. Не черные риэлторы средней полосы России в стачке с участковыми тут орудуют, а аристократия, повязанная еще некоторыми условностями. Вынимая у вас кошелек, они будут предельно вежливо вас титуловать, как положено.

А потом в архив ввалился этот унтер с повинной…

В подвале донжона, в старинной темнице, обнаружили генерал-адъютанта покойного императора Отония. Как его там… Вейфорта. Тут даже у Моласа глаза на лоб полезли.

* * *

Вот и все.

Забавно, но в подвале донжона, в старинной темнице, обнаружили генерал-адъютанта покойного императора Отония. Как его там… Вейфорта. Тут даже у Моласа, которого сложно чем-либо удивить, глаза на лоб полезли.

Молас с удивлением смотрел на человека, чье место в дворцовой иерархии он занял, потом спросил, каким образом его сиятельство оказалось в столь атмосферном узилище. Да еще в одиночестве.

— Привезли. Заперли. Ничего не сказали. Последний день даже не кормили. Третий день я уже тут.

— То есть вы хотите сказать, ваше сиятельство, что ничего не

знаете? — Молас был само радушие.

— Нет. Не знаю. Но догадываюсь, генерал.

Ключа от решетка так и не нашли. Принесли ножовку и два 'волкодава' быстро выпилили два толстых прута. Железо было старое, сыродутное и с визгом быстро поддавалось мелким зубьям закаленного полотна.

— Вы свободны. ваше сиятельство, — Молас сделал рукой приглашающий жест. — Ах, да… Вас же не кормили сегодня еще. Не разделите ли со мной ранний ужин?

— С удовольствием, — расшаркался бывший узник.

Взаимные расшаркивания закончились и оба императорских генерал-адъютанта — бывший и нынешний — стали подниматься по старой каменной лестнице, стремясь попасть под лучи закатного солнышка.

За ними собрались и 'волкодавы'.

— Капитан, останьтесь, — попросил я офицера из ведомства второго квартирмейстера генштаба, который собственно и нашел тут Вейфорта.

— На предмет?

— Проверить одну гипотезу. Но для этого мне нужен независимый свидетель.

— Ефрейтор ко мне, — крикнул офицер в лестничный пролет.

— Зачем нам еще и ваш ефрейтор? — спросил я.

— Независимых свидетелей должно быть два. Да и протокол кто-то же должен составлять, — просветили меня.

Когда ефрейтор разведки ссыпался в подвал, я приказал Ягру.

— Ищи в камере ключ от этого замка — похлопал я по железным прутьям самой камеры.

— Почему вы так решили, господин командор? — спросил меня капитан.

— А вы воздух понюхайте, — предложил я.

— Затхло, как и в любом старом помещении, которое долго не проветривали. Но ничего особенного.

— А ничего особенного и быть не должно. Нет естественных запахов. Ефрейтор, откройте крышку параши.

Тот подчинился и ответил.

— Чистая. Даже вымытая.

Я поднял палец вверх и заявил авторитетно.

— А генерал утверждает, что просидел тут трое суток.

Через полчаса поисков ключ нашелся, под этой самой тяжелой дубовой парашей. В месте, где его бы никто и подумал искать. А если бы и подумал, то побрезговал. А если бы и подумал, то побрезговал бы с точки зрения императорского генерал-адъютанта.

* * *

Мы терпеливо дождались в коридоре, пока Молас закончит под светскую беседу трапезничать с Вейхфортом и на выходе предъявили последнему ордер на арест от имени императорской чрезвычайной комиссии. И надели на него наручники.

Молас сделал вид, что он к ЧК не имеет никакого отношения и только буркнул.

— Надеюсь, командор, вы знаете что делаете? Но заявляю сразу, я вынужден буду об этом доложить его величеству, — склонил он лоб в сторону бывшего генерал-адъютанта.

— Буду вам за это признателен, ваше превосходительство, — рассыпался в любезностях Вейхфорт, пока Молас пожимал плечами, живописной мимикой делая вид, что он против ЧК не властен.

Отвели бывшего императорского адъютанта в архив. Усадили за стол. Сам сел напротив него и внимательно посмотрел ему в переносицу. С армии знаю, что пристальный взгляд вроде как в глаза, но не уловимый взглядом раздражает, а некоторых людей даже пугает.

— Что вы от меня хотите? — наконец не выдержал играть в молчанку и гляделки Вейхфорт.

— Чтобы вы мне объяснили, что все это значит? — обвел я руками шкафы с документами.

— А я знаю? — настолько натурально удивился он, что я даже на секунду поверил ему. Крепкий орешек.

Пришел писарь, устроился сбоку с канцелярскими принадлежностями.

— Итак, ваше имя, фамилия, звание и должность, — начал я допрос по всей форме.

Сам одно время удивлялся, для чего всегда допрос начинается с повторения паспортной части, которая и так прекрасно известна следователю. Но просветили как-то. Во-первых, допрашиваемый всегда сам подписывается под протоколом, в том числе и под своими данными. Во-вторых, создается рабочий настрой, по которому допрашиваемый уже начал отвечать, даже если до того думал играть в молчанку.

— А теперь расскажите подробно, ваше сиятельство, где вы были с момента взрыва в охотничьем дворце императора.

— Насколько подробно? — переспросил меня Вейхфорт.

— Насколько сможете.

— А иначе? — тон бывшего императорского адъютанта несколько понаглел.

— А иначе, — ответил ему я скучным голосом, — я вас

просто отведу к ближайшей стенке, а их тут в этом замке пять штук только внешних, и шлепну как врага народа и императора.

— Как Тортфортов? Из пулемета?

— Думаю, пулемет в данном случае избыточен. Достаточно будет одной пули из пистолета в затылок.

— А как же суд?

— Как чрезвычайный императорский комиссар я имею право внесудебной расправы с врагами императора. Положение в империи чрезвычайное. Потому и меры чрезвычайные. У вас есть полчаса стать мне интересным, потом я буду занят похоронами.

Я не конкретизировал, что буду занят похоронами баронессы, но Вейхфорт правильно меня понял.

— Спрашивайте, командор.

— Хорошо. Итак… Зачем вы посоветовали императору Отонию подарить именно этот замок инженеру Гочу?

* * *

В красивом парке, что располагался между замком и рекой, стояла выстроенная из резного белого камня старинная часовня посвященная ушедшим богам. В часовне весь пол покрыт истертыми могильными плитами рода баронов Ройнфортов. На всех их даже не хватило места внутри задания. Последние могилы устраивали уже на свежем воздухе. Судя по надписям на плитах самый крайний барон, на котором пресекся этот древний род, был убит на западном фронте в самом начале войны. Я не стал ломать устоявшиеся традиции, и могилку баронессе местные арендаторы выкопали с краю этого скорбного ряда.

Это хорошо, что замок формально принадлежит Гочу. О сохранности последнего места упокоения Илгэ позаботятся. Обиходят.

Жаль такую красивую женщину в самом расцвете молодости. Я, конечно же, собирался с ней расстаться — не ломать же мне семью? Но не столь трагично. И пока непонятно каким крылом Морены ее прихватило. То ли потому что она принадлежит к проклятому роду Тортфортов, то ли потому что связалась со мной?

В любом случае я не буду плакать. Я буду мстить. Мститель с чрезвычайными полномочиями это страшно.

Подошел Молас, протянул мне уже открытую серебряную фляжку.

Я выпил глоток холодного коньяка. Несколько капель брызнул на свежий могильный холмик.

— Будь спокойна душа твоя, раз не может быть благословенным твое чрево, — прошептал при этом беззвучно.

— Ваша милость, что писать на камне будем? — староста деревни, который организовывал похороны, ломал шапку в руках, перетаптываясь на месте.

— Пиши, — сказал я, увидев за его спиной парня с карандашом и тетрадкой. — 'Баронесса Илгэ Тортфорт, урожденная графиня Зинзельфорт двадцати восьми лет. Лейб — сестра милосердия рецкого герцога. Погибла за императора во время мятежа гвардии'.

— Может написать что-нибудь более обтекаемое, — посоветовал Молас, принимая из моих рук свою фляжку и прикладываясь к ней.

— А ты думаешь, Саем, это просто так ее взяли именно в тот день, когда она должна была приступить к обязанностям лейб — сестры милосердия при Ремидии?

— Хорошо, — не стал спорить со мной генерал. — Твоему сыну так будет лучше.

— Есть что-нибудь на свете, Саем, чего ты не знаешь? — мне почему-то стало неприятно, что тайна моего отцовства младшего Тортфорта так широко известна вдруг.

Молас подождал пока крестьяне, осыпавшие свежую могилу зерном, отойдут подальше и попросил.

— Слуги, Савва, слуги знают все про своих хозяев. Хороших слуг надо ценить, тогда они будут преданы. Но я не об этом… Савва, душевно тебя прошу, не расстреливай никого без согласования. Они нам не просто враги. Они еще и ценные источники информации, которой нам так не хватает.

— Хорошо. Расстреливать не буду, — пообещал я и сделал из его фляжки еще один глоток коньяка, самовольно взяв ее из генеральской ладони.

— И не вешай, — добавил генерал.

Голые ветви окрестных деревьев в парке быстро обсадили красногрудые птицы величиной с кулак. Они хором печально щелкали клювами реквием, терпеливо ожидая, когда мы им оставим поминальную тризну на могильном холме.

— Домой хочу… — вырвалось у меня при взгляде на заснеженный парк. — В предгорья. Чтоб зелень в глаза.

— Хорошо тебе, Савва, — вздохнул генерал. — У тебя дом хоть есть. Есть куда возвращаться. А не как я… Перекати-поле.

— А семья? — спросил я.

— Семья у меня давно приучена, по сигналу трубы скатывать ковры и паковать самовар. Жена даже не спрашивает, куда мы двинемся в очередной раз. Куда иголка, туда и нитка. Повезло

мне с женой.

Генерал протянул мне флягу, но я молча отказался и он, закрутив крышку, засунул ее в карман шинели.

Красное зимнее солнце опустилось к кромке дальнего леса за рекой, окрасив поля мимолетным бледным багрянцем.

— Пойдем, Савва, а то и охрана наша замерзла и птиц не след томить с тризной. Ишь как клювами-то стучат… — потянул меня Молас за рукав.